

Хөгөр Трэм

«Золотой плен» — один из лучших исторических романов известной американской писательницы Хезер Грэм. Принц Норвежский Олаф — Повелитель Волков, золотой викинг, прибывает на своем корабле в Ирландию, чтобы основать великое королевство на изумрудном острове. Он заключает мирный договор с Верховным королем Ирландии Аэдом Финнлайтом и берет в жены его любимую дочь — принцессу Эрин, которая ненавидит Олафа и считает своим врагом.

Хизер Грэм

Золотой плен

*МОЕЙ МАТЕРИ ВИОЛЕТТЕ И. ГРЭМ; она родилась в Дублине
передала мне очарование этого города.*

*МОИМ КУЗИНАМ КАТИ ДЕ ВУОНО и ПЕГГИ ЛАССИЛА; они
познакомили меня с далеким прошлым нашей страны.*

*БАБУЛЕ и ТЕТЕ ЭМИ; они уже умерли, но они помогли мне
поверить в духов и эльфов; они дали мне понять и истину — и
волшебство.*

*СИНДИ КЕЙ с большой признательностью; она всегда
поддерживала меня.*

*И ЛИДИИ Е. ПАГЛИО, моему редактору, руководителке
наставнику и другу; без нее этой книги никогда бы не было.*

Моя глубочайшая благодарность.

*От ярости Норвежца
Избави нас, Господи!*

Молитва, VIII в.

Свирепые захватчики, разрушающие варвары, сильные и быстрые, преуспевающие в искусстве грабежа и резни — все это можно сказать о викингах. Но также правда и то, что они часто были строителями, поселенцами и мечтателями, которые отдавали больше землям, кои они усыновляли, чем брали. Их династии простираются во времени далеко вперед.

Белый Олаф взял Дублин в свое время, как и было предначертано, относительный мир установился на пять декад на острове, хотя время от времени предпринимались отдельные набеги. Ирландия не освободится от ярма викингов в течение полутора веков со дня свадьбы Норвежского Волка и дочери Аэда Финнлайта, когда Брайан Бору победит Ситригга Шелковую Бороду в апреле 1014 года, в битве у Клоннтайрта.

Но даже победа Брайана, которой он не смог насладиться, не могла избавить землю от влияния викингов, так как и после сражения Ситригг управлял Дублином. Слишком много захватчиков, таких как Олаф, соединились с землей, оставив свой след на Эйре [\[1\]](#). Потомки Олафа живут сегодня по всей этой земле. Его ирландское имя Амхлаобх превратилось в Мак-Аулифф.

И все же он, возможно, осуществил все свои мечты.

Ирландия, 848 г. н.э.

С севера, из холодных и враждебных туманов, пришли его гладкие черные дракары, его «драконовы корабли», с широкими красными и белыми парусами, словно разбушевавшиеся морские змеи, скользя по волнам в поисках изумрудного берега Эйре.

Его люди были отважны, беспощадны, дики. Словно огромные звери, они с воем бросились с кораблей на берег, размахивая мечами, топорами, копьями. Они не чтити христианского Бога, попирали мораль и не испытывали угрызений совести. Но не таков был человек, который вел их, Белый Олаф, норвежский принц, известный повсюду как Повелитель Волков.

Он выделялся из всех: златокудрый, выше своих соплеменников, стройный и мускулистый, он заставлял уважать себя и восхищенно повиноваться. Воспитанный варваром, он сумел подняться выше: он пришел не разрушать эту землю, а создать свое королевство.

С той минуты, как драконов корабль доставил его на ирландский берег, он стал внимательно осматривать землю с ее первозданной красотой. Он уже знал, что пришел, чтобы здесь остаться.

Легенды, которые он ребенком слышал в доме отца, глубоко запали ему в душу. И когда его холодный и упрямый взгляд устремился на раскинувшийся пейзаж, он уже знал, что должен взять эту землю и взрастить ее, как малое дитя. Он не станет осквернять аббатства и монастыри, не заставит монахов быть его учителями, чтобы попытаться как можно лучше понять ирландские писания и ирландскую историю, так трепетно и с таким искусством оберегаемую ими. Он хотел познать этот народ, культуру этих упрямых ирландцев, которых можно захватывать снова и снова, покорять, но никогда нельзя победить. Да, он пришел понять их и, возможно, превзойти других завоевателей.

Он думал обо всем этом, пока изучал берег, твердо стоя на земле. Ирландия должна ему покориться или он будет покорен ею. Он ощущал это всем своим естеством, и это чувство было сладким, как мед. «Я оставлю свой след на этой земле», — решил он, откинув голову с роскошной гривой солнечно-золотистых волос и улыбаясь ясному утреннему небу, тронувшему лазурью его внимательно устремленные ввысь глаза.

Ирландия, да, здесь ждала его судьба. Он жаждал этой земли, мысль об обладании ею вызывала в нем лихорадочное возбуждение, завораживала его, как страстная, соблазнительная женщина.

Его прекрасное лицо оставалось холодным, когда он повернулся к своим людям, широко улыбаясь:

— Вперед! — крикнул он, перекрывая ветер, подняв меч к небу. — Мы пришли как викинги, а теперь-по коням! На этом богатом зеленом острове мы пустим глубокие корни. Здесь нас ждет королевство.

Последовавшие возгласы были подхвачены ветром.

Так Повелитель Волков пришел в Ирландию.

852 г. н. э.

Из окна Грианана ^[2], женского солнечного дворца, Эрин Мак-Аэд пристально смотрела на изящные деревянные постройки и живописные склоны Тары-старинного поместья Ард-Рига — Верховного короля ирландцев. Не так давно закончилось собрание в большой зале, и ее мать вызвал из Грианана отец. С этой минуты Эрин дежурила у окна, она хотела поскорее увидеть родителей. За окном был прекрасный пейзаж. Нежная зеленая трава под лучами солнца становилась похожей на россыпь блестящих изумрудов, немного поодаль маленький серовато-коричневый ручеек принимал темно-синий оттенок, напоминающий сапфиры. Вдоль ручейка прохаживались гуси, на склоне паслись коровы и лошади.

Она нервно закусилась нижней губой. Даже до нынешнего дня Эрин не могла любоваться этой красотой спокойно. Ее мучали воспоминания. Прошое отчетливо вставало перед глазами, и как она ни старалась отрешиться от него, закрывая глаза, оставались огонь и кровь, топот коней, похожий на грозные раскаты.

Туман грозился испортить яркий солнечный день. Эрин помнила все очень ясно, несмотря на то, что прошло уже два года. Она сидела со своей тетей Бриджит Клоннтайрт в саду. Бриджит, милая, добрая Бриджит так весело смеялась. Но потом подняли тревогу, и Бриджит заставила Эрин бежать. Эрин обернулась как раз в тот момент, когда Бриджит глубоко вонзила маленький, с усыпанной жемчугом рукояткой кинжал себе в сердце в страхе перед норвежцами. Потом раздались пронзительные вопли, которые, становясь все сильнее, заглушали жуткий топот норвежских коней, устремленных к их королевству.

Даже сейчас Эрин явственно слышала воинственные крики норвежцев, от которых стыла кровь в жилах, и отчаянный плач обреченных ирландцев. Она помнила дым пожарищ, помнила, как содрогалась земля.

Эрин зажмурилась и заставила себя вернуться к реальности. Она тяжело дышала, все тело дрожало. Ее возбуждение усилилось, когда она вдруг увидела родителей, выходящих из рошницы около ручья. С тех пор как вызвали ее мать Маэве, она сидела, не моргая, глядя на деревья, а ее пальцы теребили нитки, которыми она шила. Через два года после тех страшных событий она старалась вернуться к спокойной размеренной жизни. Она пыталась осознать, что все-таки является принцессой Тары, надеясь убедить родителей, что не вспоминает того ужаса. Но на самом деле ей этого не забыть никогда, никогда!

Она знала, что сегодня короли и принцессы Эйре собрались, чтобы обсудить свою позицию в предстоящем сражении между датчанами и норвежцами. И хотя она ненавидела датчан, она презирала и норвежцев, в особенности одного из них — Белого Олафа. От одной мысли о нем становились влажными ладони, и она вся содрогалась от ярости и отвращения.

Эрин страшно хотелось узнать, какую сторону решили принять ирландские предводители, и она молила Бога, чтобы они сочли датчан меньшим из двух зол.

— Если ты хочешь сделать свою работу хорошо, сестра, — сказала кисло Гвинн, прерывая ее размышления, — стежки должны быть маленькими и аккуратными. Тебе бы следовало оторваться от окна. Принцессе не подобает глазеть в окна с плохо скрываемым любопытством, как какой-нибудь простушке.

Эрин покорно повернулась и, посмотрев на старшую сестру, вздохнула. Гвинн пилила ее целый день, но Эрин не держала на нее зла. Она понимала, что Гвинн глубоко несчастна.

Ее замужество было традиционным для их династии. Руки Гвинн добивался молодой король из Антримы еще задолго до венчания. Гейт был красив, обходителен и приятен в общении, и теперь, когда его жена была на пятом месяце и проживала в отцовском доме, он настойчиво ухаживал за другими женщинами. Галантности принцу хватило лишь только до свадьбы. Гвинн не решалась говорить об этом отцу: Аэд мог бы отругать ее за ревность или, что того хуже, обратить свой ужасный гнев на ее мужа.

— Ты права, — сказала мягко Эрин, — за работой мне надо быть более сосредоточенной. — Она улыбнулась, чувствуя глубину страданий, которые превратили Гвинн из веселой девушки в замкнутую женщину. — Но видишь ли, Гвинн, ты всегда была способнее меня. Мама, бывало, часто расстраивалась от наших работ, но всегда хвалила тебя.

Гвинн чуть улыбнулась в ответ, понимая, что не заслужила добрых слов от сестры, которую целый день донимала упреками.

— Прости, Эрин, честно говоря, я тебе много досаждала сегодня.

Эрин подошла к сестре, присела, положив голову на ее колени, и посмотрела ей в глаза.

— Я не виню тебя. Я ведь знаю, что малыш причиняет тебе неудобство.

— Милая Эрин, — шепнула Гвинн. В ее глазах, так похожих на глаза сестры, стояли слезы. Несмотря на беременность, Гвинн оставалась милой молодой женщиной. Ее красота не была так совершенна, как красота сестры, но ее благосклонности добивались многие. Эти воспоминания делали ее существование еще более горьким. Она улыбнулась при мысли о том, что Эрин всегда была ее любимицей, и сознание вины перед ней мучило ее.

— Встань, Эрин! Я веду себя как старая ведьма, а ты потакаешь мне. Мы обе понимаем что ребенок тут ни при чем, все дело в моем никудышном муже.

— Гвинн! — сказала резко Брайд, старшая из сестер, замужняя женщина тридцати пяти лет, мать подрастающих сыновей. — Ты не должна говорить так о своем муже. Он твой Бог, и ты должна почитать его.

Гвинн презрительно фыркнула:

— Почитать? Если бы у меня было побольше здравого смысла, я бы посоветовалась с Брегоном ^[3] и потребовала развода. Закон гласит, что я сохраню свое имущество, что, безусловно, расстроит моего благородного супруга. Он потеряет половину средств для забав.

— Гвинн, — послышался мягкий спокойный голос. Это была Беде, в ее устах даже простое имя сестры звучало мелодично. Ее нельзя было назвать красивой: волосы пепельного цвета с русым оттенком, лицо худое. Единственным несомненным богатством были большие изумрудные глаза, такие же, как и у сестер.

Беде всегда была самой счастливой в их семье, способной находить приятное даже в самых незначительных вещах. Она была обещана Богу с рождения, и это сделало ее счастливой в полной мере. Двенадцати лет ее отдали в монастырь, и она приходила домой только по большим праздникам. Сегодня она дома, потому что отец захотел собрать всю семью, а слово Ард-Рига было законом.

— Я не думаю, что ты будешь счастлива, если разведешься с мужем, — сказала Беде, — ведь ты все еще любишь его. Может быть, после рождения ребенка все станет на свои места. Помни о гордости, сестра, и помни также, что за это время может что-нибудь измениться. Когда минуют черные дни, ты останешься женой и матерью его наследников.

Голова Эрин все еще покоилась на коленях Гвинн, и она внимательно смотрела на милое лицо Беде. Интуиция Беде зачастую поражала: будучи монахиней, она была далека от наивности или высокомерия. Она здраво смотрела на мир.

Гвинн вздохнула.

— Ты права, сестра, Я не буду этого делать. Я действительно настолько глупа, что продолжаю любить его. Я страстно желала замужества. Я приняла крупицы его любви за сильное чувство и горько плакала, когда увидела, что он увлекается другими. Но... я все еще люблю его. И надеюсь, как и Беде, что смогу завоевать его сердце снова. Когда родится ребенок... — Ее ресницы опустились, она вздохнула и еще раз посмотрела на Эрин.

— Прости меня, сестричка! Я стала такой злокой. Я пыталась выместить на тебе обиду. Ты умна Эрин, и в своей ревности мне завидно, что ты не замужем. Никогда не делай этого! И никогда не будь такой глупой, не влюбляйся! Отдай свое сердце Богу, как это сделала Беде, если захочешь, но никогда не позволяй попасться в сети смертного мужчины.

— Какой ерундой ты ее пичкаешь! — вмешалась с презрением Брайд. — И так уже благоприятное время для ее замужества прошло, а ты хочешь, чтобы она всю молодость провела в воинских забавах с нашими братьями. Она дочь Аэда Финнлайта! Ее долг — выйти замуж, как и наш, сестра, расширять связи и беречь короны отца и братьев. Беде, спокойная и печальная в своем длинном черном одеянии, вдруг нетерпеливо сказала:

— Брайд, оставь девочку...

— Ни за что! — фыркнула Брайд. — Отец дрожит над ней. как выживший из ума старик! Нет уж, Клоннтайрт остался в прошлом, и Эрин придется смириться.

Как только было произнесено «Клоннтайрт», Эрин вспомнила, как терпеливо она высматривала, не возвращаются ли родители. Если она не поспешит, то упустит отца: он прикажет слугам приготовить все для мытья. Тогда, возможно, ей не удастся поговорить с ним до поздней ночи.

Она вскочила, прекрасно сознавая, что ее столь явная поспешность побудит Брайд броситься к Маэве и наболтать о всяких ужасах. Но Брайд не останется надолго в Таре. Когда собрание закончится, я вожди разойдутся, Брайд вернется в свою область с мужем и сыновьями.

— Простите меня, сестры, — промолвила Эрин. Потом она быстро прошла мимо них по Грианану, приветливо улыбаясь женщинам, занимавшимся рукоделием.

Когда Эрин вышла наружу, она услышала разговор отца с матерью; они обсуждали блюда, которые будут поданы сегодня вечером. Эрин не хотела видеть мать, Маэве не была и наполовину так сурова, как Брайд, но она обычно смотрела на Эрин с такой печалью, что девушка ощущала себя странно виноватой. Эрин не верила, что когда-нибудь она будет относиться к людям подобно. Маэве, доброжелательно и приветливо.

Она позволила себе улыбнуться. Эрин действительно гордилась своими родителями. Аэд Финнлайт был Верховным королем Эйре и правил младшими королями, постоянно ссорившимися друг с другом, Блистательный воин, он сумел сплотить ирландцев так, как никому еще не удавалось. Кроме того, он был нежным, любящим отцом и мужем. Когда его сердце и душу охватывала тревога, он разыскивал Маэве, и она облегчала его страдания нежным смехом, шуткой или забавными историями, происходящими в стенах Грианана.

Чтобы избежать встречи с обоими родителями, Эрин проскользнула вдоль заднего двора Грианана и остановилась у большого раскидистого дерева. Отец непременно пройдет мимо нее по пути к их красивому дому. Ожидая, она нервно покусывала губу. Ей придется следить за каждым своим словом. Она бы не хотела, чтобы отец подумал, что ее побуждениями руководит жажда мести.

По шороху бархатистой травы она почувствовала, что отец приближается. Эрин подняла

глаза, заранее улыбаясь.

— Отец!

Аэд повернул рыжую с проседью голову и ласково улыбнулся.

— Дочка! Как мило, что ты пришла порадовать уставшего старика. Ты — как дыхание весны, моя Эрин. Эрин приблизилась к нему, и он обнял ее.

— Что ты делаешь здесь? Эрин пожала плечами.

— Я пришла погулять с тобой немного. Аэд остановился и посмотрел ей в лицо.

— Пришла погулять со мной, правда, шалунья? И о чем-то меня попросить? Эрин состроила гримасу.

— Ну, мне хотелось бы узнать решение совета.

Аэд посмотрел на нее пристально и напряженно. Эрин, последняя из десяти детей, была необыкновенно красива. Казалось в ее глазах отражалась вся зелень их чудесной страны. Ее хорошо сложенное тело было так же сильно и крепко, как дух ирландцев. Под солнцем ее эбеновые волосы, обрамлявшие прекрасное умное лицо, не нуждающееся в гриме, восхитительно блестели. Кожа была словно лепестки розы, нежная, с естественным румянцем. Аэд испытывал чувство гордости, Она понимала политику до тонкостей, она читала так вдумчиво, что превосходила любого из своих братьев, и у нее был превосходный почерк. Ее голос, как и голос Беде, был очень мелодичен, она умела играть на арфе лучше своих сестер. И она хорошо умела сражаться. Хотя сыновья возражали, Аэд не отказывал дочери в обучении борьбе. Он тайно радовался, что Эрин превосходила братьев, и не обращал внимания на их недовольное ворчание, напоминая, что они должны лучше тренироваться. Если сестра может победить их, то что говорить о норвежцах?

Но сейчас Аэд нахмурился, услышав ее вопрос, Он внимательно наблюдал за ней с того дня, как она добралась до дома, пройдя всю страну с кузеном Грегори, который едва не тронулся рассудком после нашествия викингов на Клоннтайрт.

Клоннтайрт разрушен. Его постройки сровняли с землей, а людей угнали в рабство норвежцы. Пробираясь через развалины и старинные туннели, Эрин и Грегори спаслись. Аэду пришлось отослать Грегори в Арм к монахам, которые окружили его заботой. А Эрин нашла силы, чтобы сохранить рассудок и остаться дома, однако все ее существо переполняла ненависть.

Аэд был мудрым человеком и понимал, что ненависть может привести к необдуманным поступкам. Возможно, это чувство не следовало бы подавлять совсем, но подпитывать его тоже опасно. Действовать в порыве страсти — безрассудство, Это могло слишком быстро привести к краху.

Он старался втолковать это дочери. Несмотря на веселость, кажущееся спокойствие, женское лукавство, Аэд знал, что Эрин все еще таит в себе чувство страшной ненависти. Эта ненависть, казалось, распространялась главным образом на одного человека, и это удивляло и смущало Аэда. Бриджит наложила на себя руки сама, Брайэн, ее муж, погиб в сражении. На них напали войска под предводительством Белого Олафа, оказавшегося наиболее милосердным из всех. Он запретил убивать женщин и детей или совершать бессмысленные убийства воинов. То, что побежденные становились рабами, было своего рода традицией, но с его рабами не обходились жестоко. Говорили, что вассалы Норвежского Волка питаются не хуже принца, а зимой носят шерстяные одежды.

Аэд задержал взгляд на Эрин еще мгновение, затем, пожав плечами, произнес:

— Они решили поддержать датских принцев, так как датчане поклялись молиться

Святому Патрику и принести большую жертву, чтобы он помог им в сражении. И... — Аэд замаялся, но кое-что он мог бы скрыть от проницательной Эрин, — я рад этому, потому что уверен, что датчане победят. Они сильнее сейчас, они сплотились.

Эрин опустила ресницы и улыбнулась, но отец успел заметить, как в ее глазах блеснул восторг.

— Не придавай этому слишком большое значение, дочь, — предупредил он. — Я думаю, что это решение гораздо менее важно, чем время, которое мы потеряли на его принятие. Мы берем в руки оружие не для датчан. Они такие же жестокие варвары, какие бы маски не надевали. О, ирландские племена будут сражаться! Но я ручаюсь, несмотря на принятое сегодня решение, некоторые из них будут сражаться на стороне норвежцев. Я говорю тебе, дочка: я буду рад, если норвежцы проиграют сражение, но в итоге попросту один хищник заменит другого. Викинги продолжают оставаться здесь, и мне нет дела до того, какого они племени. В наше время мы должны быть осторожнее с людьми и оценивать по достоинству своих врагов.

Эрин кивнула, хотя ее сейчас не особенно интересовали мудрые рассуждения отца. Она по-прежнему смотрела вниз, так как боялась, что он прочтает ее мысли. Она слишком хорошо помнила кровавую резню в Клоннтайрте, слишком хорошо запомнила Волка...

Сражение закончилось, и они с Грегори спаслись во мраке, окутавшем город. Она подавила крик, сжав зубами запястье, когда, обернувшись, увидела леди Мойру, жену одного из воинов ее дяди, которую насильовали один за другим норвежцы. Потом подъехал он — подобно солнечному Богу на полночном скакуне. Возвышаясь над своими подчиненными, он остановил их коротким окриком, выговаривая за надругательство над женщиной. Какая польза, спрашивал он, от полумертвых рабов? Боже мой, как она ненавидела его!

Эрин понимала доводы и суждения отца. Да, конечно, Норвежский Волк не убивал ее тетю, он не насильовал бедную Мойру. Но Клоннтайрт захвачен его войском, и жители стали рабами. Рабами! Ирландцы созданы не для того, чтобы служить рабами язычникам, вторгшимся с севера.

В тот день Эрин торжественно поклялась отомстить за тетю, дядю и Мойру, и ей становилось приятнее при мысли о том, что, возможно, смерть настигнет Норвежского Волка, а его волчица станет рабыней. Эта женщина, такая же светловолосая, как и он, скакала рядом и сражалась наравне с ним. Несмотря на свою красоту, она в совершенстве владела мечом, оставляя за собой кровавые моря. Когда Волк смотрел на нее, он улыбался, и его гранитное лицо и холодные синие глаза казались почти человеческими. Человеческими! Норвежский Волк! Эрин чуть не стошнило. Белый Олаф, норвежский принц, был животным чудовищем!

Но теперь все решено. Ирландцы и датчане будут сражаться вместе против норвежцев, и, вероятно, очень вероятно, он умрет.

Она пыталась следить за своей интонацией.

— Феннен Мак-Кормак сказал мне; что войска соберутся на Карлингфордском озере. Еще он сказал, что ты собираешься поехать туда, чтобы наблюдать за сражением. Я поеду с тобой, отец.

— Что? Почему, дочь? Подобное кровопролитие-не слишком привлекательное зрелище даже для Бога, не говоря уже о человеке. Я отправлю тебя к Беде, тебе бы лучше подумать об очищении души.

— Отец! — возразила Эрин. — Ты ведь ненавидишь этих язычников! Я хочу видеть

блеск твоих глаз, хочу слышать твои проклятия, и... Она закусила губу, но потом продолжила:

— И я часто задаю себе вопрос: неужели твоей ненависти недостаточно, чтобы возвыситься до немедленной неизбежной ме...

— Довольно, дочь! — приказал Аэд. — Я Ард-Риг, и я не могу вести себя недостойно, подобно несмышленому мальчишке. Да, я ненавижу. Мысленно я уничтожал многих. Но я Верховный король, Эрин, и стою над многими королями. Моя власть не так уж велика, и это к лучшему. Я не могу послать людей на бессмысленную резню из-за собственной ненависти и утрат. Смерть твоего дяди и сейчас отзывается болью в моем сердце, Эрин, так что я буду рад увидеть поверженных норвежцев. Но необходимо терпение и разум, дочка. Датчане сделают то, что не могу сделать я. — Он замолчал, мрачно глядя на нее. — Даже ради тебя, дочь, я не могу забыть, что я Ард-Риг. Все решения, которые я принимаю — ради нашей страны.

Эрин опустила голову. Она уважала отца и хорошо понимала, насколько он мудр. И кроме того, что он был ее отцом, он был ее королем. Без его благословения она не смогла бы ничего сделать, поэтому она продолжала стоять с опущенной головой, чтобы он не заметил лукавые искорки в ее глазах.

— Я тебя понимаю, отец, — сказала она торжественно. — Но я хочу поехать с тобой не поэтому.

— Да? — Аэд поднял густые брови. — И что же это за причина?

Эрин не любила лгать отцу, но она никогда не смогла бы передать на словах весь ужас от увиденного в Клоннтайрте. Если верить Святому Патрику, «месть — это мое дело», — сказал Бог, но сердце Эрин требовало мести. Ее отцу многие вещи казались недостойными, но они касались политики. Она не могла не вспоминать, как превосходно осуществлено взятие Клоннтайрта, не могла не думать о хладнокровии Белого Олафа. Она видела только Бриджит в луже крови и Мойру, истерзанную и стонущую. Она закрывала глаза и чувствовала запах пожарищ...

Эрин посмотрела на отца и улыбнулась.

— Это не из-за мести, отец, это... — Она замолкла, зардевшись румянцем:

— Это из-за Феннена Мак-Кормака. Мне кажется, я ему нравлюсь, отец, а я пока не знаю, что и думать. Если бы я могла быть рядом с ним, тогда...

Кустистые брови Аэда в изумлении поднялись.

— Феннен Мак-Кормака? Ну что ж, он приятный молодой человек. Он хорошо сражается и думает, прежде чем размахивать кулаками. Я рад, дочка.

— Тогда ты позволишь мне поехать с тобой?

— Не знаю, Эрин. Они — язычники и могут быть опасны. Мы должны послать кого-нибудь узнать, кто победил, а тем временем люди будут в безопасности.

— Отец, — перебила Эрин. Она уже не сдерживала возбуждение, так как Аэд Финнлайт, похоже, доволен, что она проявляет интерес к молодому королю Феннену. — У старого друида Мергвина есть хижина недалеко от озера, помнишь? Я там в безопасности, пока ты будешь встречаться с датчанами, и в то же время рядом.

Аэд нахмурился. Он был христианский король, но не питал злобы к отдельным друидам, которые все еще сохранили свою старую веру. Ему нравился старик Мергвин. По правде говоря, он доверял ему Эрин много раз. И Эрин была права. Никакая опасность не грозила ей в хижине, запрятанной глубоко в лесу. Но Аэд не собирался уступать дочери немедленно. Он

хотел, чтобы она как следует подумала об обязанностях, послушании и милосердии, необходимых для принцессы и жены.

— Я обсужу это с твоей матерью, и мы поговорим утром, дочь, — сказал он твердо. — А вечером, ладно уж, ты можешь поужинать вместе с молодым королем, который завоевал твои симпатии, а потом пойдешь к Беде и поучишься у нее смирению.

Эрин благодарно опустила голову и тихо произнесла:

— Да, отец. — Он поцеловал ее в лоб и пошел к дому. Эрин дождалась, пока смолкнут его шаги.

Потом она подняла голову, на ее лице светилась озорная улыбка. Она хорошо знала отца и поняла, что победила. Завтра она будет среди посланников.

Друид Мергвин являл собой зрелище, на которое стоило посмотреть: в длинной белой робе, с горящим взором, с длинными растрепанными волосами, переходящими в густую седую бороду, спадавшую ниже колен.

Ходили слухи, что он был сыном жрицы друидов и викинга, знатока рунического письма, который пришел с первой волной завоевателей в Ирландию в начале века. Мергвин никогда не упоминал об этом; все же считали его настоящим колдуном, благословленным двумя богами, из-за неясного происхождения. Но каковы бы ни были загадки его прошлого или характер его способностей, Мергвин определенно что-то знал, и этого никто не мог отрицать.

В стенах его хижины горел окруженный земляным кольцом костер с голубым отблеском, и в котелке, висевшем над ним, как всегда, готовился какой-то отвар. Любая девушка вполне могла, преклонив колени и прочитав воскресную молитву в церкви, побежать к Мергвину и попросить какого-нибудь зелья, чтобы завоевать расположение того или иного воина.

Одни люди крестились и молились деве Марии, проходя мимо этого дома считая Мергвина сумасшедшим. Другие посылали ему проклятья, говоря, что времена волхвов прошли и что Мергвин — ничтожный колдун, к которому нужно отнестись со всей строгостью. Но даже те, кто хулил его, замолкали, встретясь с его умным взглядом, таким же глубоким, как и бездна времени. А Мергвин продолжал жить в своей хижине, радушно принимая и привечая всех, кто приходил к нему.

Мергвин любил дитя Аэда Финнлайта, как любил и уважал самого Аэда. Ард-Риг Тарь казался Мергвину необыкновенно справедливым человеком, предпочитавшим мирные переговоры с постоянно ссорившимися предводителями побоищ, которые могли легко возникнуть в ходе даже незначительной распри. Аэд был беспристрастен, даже когда дела касались его собственных сыновей.

Он выслушивал человека, закрывал глаза, и когда открывал их снова, они становились непроницаемыми, и по ним нельзя было понять, что он чувствует.

Его великодушие и мудрость простирались далеко. Когда его дочь была маленькой, Аэд приводил ее к Мергвину. Священники и монахи могли рассказать ей только о жизни Христа, а Мергвин поведал ей о душе и о мире, который окружал ее.

Мергвин считал, что принцесса Эрин могла бы стать прекрасной жрицей друидов. Но, по молчаливому соглашению с Аэдом, Мергвин воспринимал ее только как любимую ученицу и воспитанницу и не помышлял ничего иного. Он учил ее бережно относиться ко всему живому любить и почитать родную землю. Он учил ее предсказывать погоду: когда будет солнечно, а когда гроза; объяснял, какие травы целебны и могут успокоить боль. Он наблюдал, как она обращается с лесными обитателями, умиляясь каждый раз, когда она заботливо лечила крыло крошечной малиновки или приносила диких зайцев, чтобы покормить и приласкать их.

Сегодня она прискакала к нему в сопровождении молодого короля Коннахта, Феннена Мак-Кормака. Что-то встревожило Мергвина, когда он вышел встретить ее, Как будто тень упала на солнце. Он нахмурился, когда увидел что молодой король помогает принцессе сойти с лошади. Тревога исходила от этого человека. Глаза Эрин были смеющимися и

радостными, она, казалось, была довольна своим спутником. «Глупый я старик», — упрекнул себя Мергвин мысленно. Феннен Мак-Кормак был уважаемым и прозорливым королем. Говорили, что он очень умен и милосерден. Для дочери Аэда Финнлайта, Ард-Рига Тары, он был подходящей партией. «Я должен еще раз прочитать знаки», — подумал про себя Мергвин.

— Эрин Мак-Аэд! — воскликнул Мергвин, выйдя вперед. Он поклонился сначала ей, а затем уже молодому королю. — И Феннен Мак-Кормак! Добро пожаловать. Что привело вас ко мне?

Он уже знал причину. Все знали, что викинги собираются сразиться около Карлингфордского озера. Мергвин уже чувствовал сотрясение земли, а ветер прошептал ему, что схватка будет такой ужасной, что кровь обильно пропитает почву.

— Предстоящая резня, — ответил молодой Мак-Кормак, бросив взгляд на Мергвина. Он, заметил Мергвин, просто пожирал глазами принцессу. Наконец Феннен опять взглянул на друида. — Это справедливо, старик, тебе не кажется? Я еду вместе с Ард-Ригом как доверенное лицо. Мы будем наблюдать за бойней и заберем золото и серебро, обещанное Святому Патрику датчанами.

Мергвин кивнул властному молодому господину. Датчане, так же как и норвежцы, разрушали их землю и сделают это снова. Ирландцам повезет, если они останутся в живых.

— Аэд финнлайт, Маэлсечлайнн и я будем охранять сокровища, а потом вернемся за моей леди Эрин. Береги ее, старик.

Мергвин напрягся. Он не нуждался в подобных напоминаниях. Он будет служить Эрин верой и правдой, так как хочет этого сам и ради ее отца, но не по указке выскочки, не знающего своего места.

— Дочь Аэда Финнлайта здесь всегда в надежных руках, король Коннахта, — сурово сказал Мергвин.

Феннен, казалось, не обратил внимания на интонацию старика. Он не отрываясь смотрел на Эрин. Прошлым вечером в трапезном зале ему не удалось поговорить с ней. И он раздражался проклятиями, видя ее смеющиеся глаза, когда она изображала образцовую принцессу и образцовую хозяйку перед своим отцом, танцуя со всеми королями, очаровывая всех — и престарелых, и молодых.

— Слушай, друид, — грубо сказал Феннен, — оставь нас ненадолго, а потом я передам ее под твою ответственность.

Мергвин сжал челюсти и зашагал прочь от молодой пары.

Феннен протянул руку Эрин, не обратив внимания на суровое, подобно отцовскому, выражение лица друида.

— Эрин, давай пройдемся немного по лесу.

Эрин усмехнулась, взглянув на Мергвина. Хитрые искорки в изумрудных глазах принцессы рассмешили его. Он так хорошо знал ее. Ей нравился Феннен Мак-Кормак — почему бы и нет? Молодой король Коннахта был красив, хорошо сложен и силен — просто идеал мужчины. Но Эрин была девушкой строгих правил. Она могла гулять по лесу с мужчиной, который ухаживал за ней, очаровывать его и ослеплять своим блеском. Но Мергвин готов был поспорить, что она не обещала Феннену ровным счетом ничего. Друид улыбнулся, смотря на удаляющуюся пару.

Феннен тоже улыбался, когда брел с Эрин по тропинке к укромной рощице, в душе проклиная Ард-Рига. Эрин было около двадцати лет, и Феннен был влюблен в нее уже

давно. Ее сестры венчались, будучи шестнадцати лет от роду. Ээд не был против ухаживаний Феннена, но избегал разговора о его намерениях, замечая, что не отдаст свою младшую дочь замуж, пока не поймет, что у нее на сердце.

Но Эрин околдовала Феннена. Король Коннахта, вокруг которого увивались многие женщины, жаждал только ее, хотя она держалась неприступно.

Она была взбалмошной девицей, и ей следовало бы поучиться смирению, прежде чем стать женой, особенно если она так долго была любимицей отца. Но Феннен готов был укротить ее своей любовью. И, став мужем Эрин, он наконец займет выгодное положение в стране.

Эрин тоже думала об этом, пока они гуляли. Ее улыбка была слегка натянутой, особенно когда она замечала, что красивые темные глаза Феннена устремлены на нее. Он очень ей нравился! Но после Клоннтайрта она больше всего ценила свою свободу.

Она вздохнула. Когда-нибудь она должна будет выйти замуж, но сейчас она страстно желала только одного; увидеть норвежцев поверженными.

— О, Эрин! Неужели ты получаешь удовольствие, мучая меня?

Эрин изумленно взглянула на Мак-Кормака. Она видела любовь в его глазах и чувствовала себя виноватой.

— Феннен... Я... я не хотела расстроить тебя, — сказала она честно.

— Тогда обещай стать моей женой, и мы поговорим с твоим отцом...

— Феннен! Пожалуйста, пойми, что ты мне очень нравишься, но не будь так настойчив! Когда... — Эрин вдруг заколебалась, сознавая, что ее будущее висит на волоске. Она понимала, что отец, в конце концов прикажет ей выйти замуж, и выберет для этой цели Феннена. Таким образом, она хотела только потянуть время и остаться свободной, сколько будет возможно, — не теряя жениха, который явится надежным прикрытием и не позволит, чтобы отец распорядился ее судьбой. — Феннен, дай мне узнать тебя получше, чтобы... я смогла полюбить тебя: Пройдет время, и чем лучше мы узнаем о характере друг друга, тем крепче будет наш союз, ты согласен?

Феннен сжал губы, так как хорошо понял, что она имела в виду. Она снизойдет до него, но тогда, когда ей это будет удобно. А пока он будет ждать, глядя на ее гибкий стан и представляя красоту, которую скрывают королевские одежды, его сердце будет страдать. Он будет мечтать о ней ночами, о ее упругой груди, о тонкой талии. Он будет ждать, но не собирается отказывать себе в некоторых вещах. Феннен привлек ее к себе.

— Один поцелуй, моя красавица. Подари мне поцелуй, и я буду ждать вечно.

— Хорошо, — согласилась Эрин, очарованная и польщенная такой просьбой.

Он осторожно прикоснулся к ее губам, поглаживая талию одной рукой и теребя волосы на затылке другой. Его сердце бешено колотилось, и ощущать силу его рук было приятно. Нельзя сказать, что Эрин испытала возбуждение, но ей это нравилось.

Кончик его языка проник через ее сомкнутые губы, двигаясь так мягко, что они сами раскрылись. С любопытством следя за его действиями, Эрин позволила и это. Его язык проникал все глубже и глубже, и вновь ощущение было приятным. Но она подумала, что из этих забав ничего хорошего не выйдет, и ее руки скользнули с плеч Феннена на его грудь, пытаясь оттолкнуть его. Но он крепко сжал ее, и вдруг Эрин охватила тревога. Воспоминание того, как насильовали леди-Мойру норвежцы, пронзило ее сознание. Она вновь услышала дикий крик...

Негодование поднималось в ней, готовое выплеснуться, и Эрин ударила своего жениха

по щеке.

— Ты сказал-один поцелуй, король Коннахта! Ты воспользовался моим разрешением, в то время как отец вверил тебе мое благополучие.

Феннен разгневался сперва, потирая свою Щеку, но потом понял, что действительно зашел слишком далеко. Это так легко, когда она была в его объятиях.

— Прошу прощения, моя леди, — сказал он притворно смиренным голосом. Придет день и он не станет извиняться в таких случаях. Он усмирит ее и научит всем прелестям, ради которых стоит любить. В ее поцелуе он почувствовал затаившуюся страсть, о которой даже она не догадывалась. Феннен успокаивал себя, надеясь, что его терпение вознаградится. Когда-нибудь он возьмет ее навсегда, смеющуюся, трогательную, восхищавшую его, его одного, и он будет любить ее.

— О, Феннен! Ты тоже прости меня! — прошептала Эрин, снова испытывая угрызения совести. Она хорошо нему относилась, ей нравились его прикосновения, пока... пока она не вспоминала о норвежцах. Но Феннен улыбнулся ей, и ее взгляд снова стал озорным, она любовалась силой, которую чувствовала в этом красивом, обожающем ее ирландском воине и короле.

— Пойдем обратно к Мергвину, Феннен, — сказала она ласково, — ты должен вернуться и посмотреть, какая судьба постигла викингов. О, Феннен, отец верит, что норвежцы проиграют-и все будут убиты!

Феннен кивнул. Он держал ее почтительно за руку, пока провожал до хижины Мергвина.

— Датчане сильны, их много, и они сплотились. К тому же они обещали нам большие богатства! — сказал, улыбаясь, он.

Мергвин все еще стоял перед хижиной.

— Быстро время летит, король Коннахта, — проговорил он многозначительно.

Феннен проигнорировал сердитый тон друида. Он повернулся к Эрин.

— Будь осторожна, моя принцесса. Скоро увидимся.

— Счастливого пути, мой дорогой король Феннен, — сказала нежно Эрин, приседая в глубоком реверансе. Мергвин увидел, как она мягко отстранилась, когда Феннен целовал ее, но он также заметил блеснувший огонек в ее глазах под опущенными ресницами.

Мергвин едва не рассмеялся.» Не думай, что сокровища принцессы в твоих руках, дорогой мой, — подумал он про себя. — Я уверен, что у нее есть свое мнение на этот счет «.

Феннен Мак-Кормак протянул друиду красивый вышитый шарф — подарок леди Маэве и Аэда — и легко вскочил на коня.

Эрин махала ему рукой, пока он не скрылся за деревьями, и потом с улыбкой повернулась к Мергвину.

— Что ты думаешь, друид? — спросила она нетерпеливо, искры в ее изумрудных глазах стали еще ярче. — Не правда ли, Феннен похож на чванливую рыбку-иглобрюха? Как и все мужчины:

Мергвин поднял брови и поджал губы, в то время как Эрин продолжала улыбаться.

— Что это, Эрин? Ты насмехаешься над королем Коннахта? Я думал, что вы помолвлены.

Эрин пожала плечами, опустив глаза, и проскользнула мимо друида в хижину. Она вздохнула, когда он последовал за ней.

— Нет, Мергвин, я не хочу обручаться с Фенненом. Он хороший человек, хороший

правитель. Я... я просто не знаю, Мергвин. Вот я какая! Я расстраиваю своего отца, свою замечательную мать, раздражаю сестер. Но у меня нет абсолютно никакого желания выходить замуж.

— Может быть, — предположил Мергвин, — тебе стоит посвятить себя Богу, как сделала твоя сестра Беде.

— О нет! — засмеялась Эрин. — Беде создана для монастыря. Думаю, я не так милосердна, как она, и не смогу так безрассудно любить Бога...

— Или очистить свое сердце от ненависти, — спокойно перебил Мергвин.

Эрин пожалала плечами, повернулась и шагнула к огню, чтобы погреть руки.

— Я видела, как разрушали город, Мергвин. Мой кузен был ранен, тронулся рассудком и его отослали в монастырь. Тетя и дядя послужили пищей для канюков, и все они остались неотомщенными. Неужели тебе не ясно, почему ненависть переполняет мое сердце?

Мергвин сел за стол и принялся растирать в порошок корни.

— Твой отец не смог отомстить за Клоннтайрт, Эрин, Ирландские короли препирались друг с другом. В таких условиях сила норвежцев была несокрушима, похоже, так будет и теперь. Действия Аэда прежде всего направлены на защиту Тары я законов Брегона. Он не мог оставить трон незащищенным и начать атаку, И подумай: у Аэда были все основания начать мстить. Его брат убит датчанами; его отец погиб от руки ирландского короля. Скажи, Эрин, с чего должен начать твой отец, с окончательного разрушения того слабого порядка?

Эрин была умной девушкой, и Мергвин знал, что она все хорошо понимает. Но он в то же время ясно чувствовал, что ни один довод не сможет облегчить боль, переполнявшую ее душу.

— Что же мне делать, Мергвин? — спросила она. — Выйти замуж за Феннена Мах-Кормака, стать послушной женой и не обращать внимания на то, что мою страну уничтожают?

« Ты не выйдешь замуж за сына Кормака », — подумал про себя Мергвин, но не высказал своих мыслей вслух и снова занялся корешками.

— Иначе ты можешь сделать хуже.

— А... ты думаешь, я смогла бы сделать лучше?

Ему следовало предупредить ее; он должен рассказать, какая темная аура окружает этого молодого короля. Это означает страдания и боль — но для кого? Для него самого или для принцессы, которую он хочет взять в жены?

Мергвин не ответил, и Эрин взорвалась:

— Я не могу выйти замуж, воспитывать детей, видеть, как ежедневно муж занимается своими делами и дожидаться, пока придут захватчики и разрушат мой дом!

Мергвин поднял голову и встретился взглядом с горящими изумрудными глазами Эрин.

— Они все равно придут, что бы ты ни делала. Они придут через поколение или еще позже...

— А мы будем сидеть покорно, как жертвенные ягнята! — взорвалась Эрин. — И великие короли, подобно Феннену, будут взывать к ирландцам, а сами примкнут к варварам...

— Страна не будет уничтожена, — произнес бесстрастно Мергвин. — И окончательного триумфа захватчикам не дождаться.

Эрин часто дышала. На столе лежал красивый замшевый мешочек, внутри которого были руны Мергвина — исключительной красоты камешки с высеченными знаками. Она

схватила мешочек и бросила его Мергвину.

— Скажи, что меня ждет, предскажи судьбу. Погадай на своих рунах для меня, — умоляла она.

— Нет! — отказался наотрез Мергвин.

Эрин опустилась на колени около него, но в этом движении не было и тени покорности. Она гордо подняла подбородок и упрямо посмотрела на Мергвина.

— Тогда я скажу тебе, Мергвин. Прошлым вечером за трапезой новый придворный поэт моего отца рассказал о дочери Маэлсечлайнна — как она и пятнадцать других девушек обманули норвежца Тургейса. Она прикончила его — женщина избавила народ от язычника Тургейса. А когда викинги напали на Клоннтайрт, я видела женщину-воина. Она сражалась наравне с мужчинами. Вот что, мой дорогой друид, я намереваюсь сделать. Может быть, захватчики все равно разрушат нашу страну позже, но я не собираюсь сидеть, сложа руки. Может, я и умру, но викинги умрут вместе со мной! Вот какая судьба меня ждет, Друид!

— Глупая! — Мергвин поднялся из-за стола. Глаза его сверкали. — Она умрет! Неужели ты хочешь разбить сердце своего отца? Или чтобы твоя мать захлебнулась в слезах?

— Много людей умирают в сражениях. А я сражаюсь лучше, чем другие воины! Мои братья все время сердятся, потому что я побеждаю их...

— Хватит! — Мергвин взмахнул руками. Он свирепо взглянул на нее, в хижине воцарилось молчание. Потом он пронесся подобно гигантской птице к огню, чтобы взглянуть на варево, и опять обратил свой взор на Эрин.

— Я погадаю на рунах для тебя, и ты увидишь, что подобные мысли не более чем глупые фантазии.

Она мило улыбнулась, в ее глазах мелькнуло возбуждение.

— Спасибо, Мергвин! — воскликнула она, продолжая улыбаться. Хотя у нее тяжелый характер, она взбалмошная и упрямая, Мергвин невольно улыбнулся в ответ, ведь она к тому же еще и женщина. Эрин была против замужества, но ее глаза так блестели, и в ее красивом теле угадывалось столько чувственности, что говорило о скрытой страсти.» Она будет любить, — думал Мергвин, — так же горячо, как сейчас жаждет мести «.

Вскоре они сели за стол друг против друга. Тьма быстро обволакивала рожицу, свет исходил только от костра и одной свечи. Мергвин постелил полотняную скатерть и рассыпал камешки иероглифами вниз.

— Возьми любые три, — велел он.

Эрин сделала это быстро и решительно. Мергвин перевернул первый камень. Турисаз. Камень с воротами. Эрин следовало бы успокоиться и оглядеться вокруг себя, а не принимать поспешных решений.

Молча перевернул он второй камень. Хегалез. Камень, предвещающий большие несчастья и повороты в судьбе, камень богов. Случится что-то, чего никто не сможет предотвратить, подобно огромной океанской волне... подобно неостановимому потоку захватчиков.

Продолжая хранить молчание, Мергвин перевернул третий камень. Эта руна была гладкая, без иероглифов.

Эрин, заметив, как глаза старого друида сужаются и омрачаются, почувствовала, как мурашки пробежали по телу, и резко толкнула его.

— Мергвин! Скажи мне! Скажи мне, что ты увидел!

Но он совсем не хотел рассказывать о том, что увидел. Пустая руна означала

неизвестность. Для викингов это была руна Одина. Это могло означать смерть. Это могло быть началом чего-то, перерождением. Учитывая значение Хегалеца, камень мог означать многочисленные опасные препятствия. Эрин должна принять эти перемены. Если она сделает это, то продлит себе жизнь и в свое время, вероятно, найдет свое счастье. Но дорога к этому счастью сопряжена с опасностью.

Он закрыл глаза, глубоко задумавшись, его пальцы поглаживали холодные камни и ощупывали изображенные на них знаки. Старик увидел ее, грозную, одетую в кольчугу, чувствовал страшное наказание, которое ждет из-за этого. Причиной страданий будет мужчина, но это не Феннен Мак-Кормак. Это златокудрый мужчина, вокруг которого распространялось сияние. Он могуч и опасен. Его аура не была злой, но была определенно сильной. Казалось, руны шептали, что он принадлежит этой земле и что его судьба тесно переплетется с судьбой Эрин Мак-Аэд.

Мергвин услышал вой волка. Но звук был выше обычного, похожий... на сигнал викингов. Мергвина начало трясти. Это не просто гадание. Он коснулся судьбы их страны.

— Мергвин! — взмолилась Эрин. Он открыл глаза.

— Тихо, Эрин Мак-Аэд! — произнес он с раздражением. В его глазах появился блеск. — Я точно знаю, что ждет дочь Аэда. Ты повзрослеешь, воспитаешь много детей, твои сыновья станут достойными мужчинами.

— Ты лжешь, друид! — заявила Эрин. Мергвин поднялся из-за стола, его роба развевалась. Он оставил руны с притворным безразличием.

— Я не лгу, дочь Аэда. Я усталый и голодный старик и хочу поужинать и лечь спать.

Раздраженный, он повернулся к столу и собрал камешки в замшевый мешочек.

Эрин поколебалась минуту и затем улыбнулась. Мергвин иногда становился упрямым, но она горячо его любила. Она встала, поправила его одежду и последовала за ним. Подойдя к Мергвину на цыпочках, она начала массировать его плечи, как часто делала своему отцу.

— Усталый старик, да? — переспросила она, посмеиваясь. — Ты никогда не состаришься, Мергвин, ведь ты пережил все деревья в лесу. Но послушай, мясо, которое ты тушил целый день, пахнет очень вкусно! Мы поедим, и я расскажу тебе все слухи, которые ходят в Таре, а ты расскажешь мне свои легенды, а потом мы уснем.

Эрин сняла крышку с котелка и осторожно положила две порции в миски.

— В моей седельной сумке есть вино из Эльзаса. — Я сама купила его у разносчика, привезшего шелка моей матери. Мы попробуем немного за разговором, Мергвин.

Мергвин перенес деревянную миску с мясом на стол и взглянул устало на свою воспитанницу.

— Я не буду пить, Эрин, чтобы не наговорить лишнего, хотя ты этого очень хочешь.

Ее глаза помрачнели на мгновение. Но когда Эрин гордо подняла голову, она была уже спокойной.

— Я не собираюсь потакать тебе, друид, — произнесла она с достоинством.

Эрин поставила свою еду на стол напротив Мергвина и направилась к двери, чтобы принести вино от коновязи. Она остановилась, затем повернулась к нему и проговорила тихо, но пылко:

— Понимаешь, друид, мне все равно, что говорят твои камни. Я буду сама ковать свою судьбу.

Он стоял около искривленного ясеня, уперев руки в бока, и на фоне заката представлял собой устрашающее зрелище. Красный плащ с изображением волчьей головы развевался за его величественной фигурой, завитки волос спадали на лоб.

Его глаза принимали оттенок индиго, когда он смотрел вниз, на Карлингфордское озеро. На том берегу были видны лагерь датчан. Тысячи воинов собрались этой ночью, чтобы сразиться на рассвете.

Олаф встряхнулся. Датчане были искусными мастерами и умными людьми. Кольчуги, которые носил он и некоторые ирландские вожди, были изобретены ими, и с таким умелым и опасным врагом ему предстояло сразиться утром. Олаф ждал от этого сражения гораздо большего, чем норвежцы или датчане могли предположить. Он, норвежский принц, ожидал не просто битвы и грабежа. Еще ребенком, просиживая холодными ночами у ног сказителя, он мечтал об Эйре. Будучи младшим сыном, он не наследовал королевства отца. Его будущее — в его собственных руках. Он подумал о своем дяде Тургейсе, который одно время властвовал над большей частью изумрудного острова. От берегов Лиффея до Дублина Тургейс простер свои руки. Олафу казалось, что он знал слабое место дяди.

Тургейс хотел основать языческую империю — но ирландцы вовсе не желали предавать своего Бога.

« Я завоюю их, а потом приучу жить вместе », — думал Олаф. Его не заботило то, какому Богу он поклонялся. В его сознании возникла идея о новой великой расе, которая соединила бы жестокость, силу, строительные навыки викингов с порядочностью и образованностью ирландцев — и эта новая раса будет непобедимой.

Глупо размышлять так, когда предчувствуешь что-то страшное. Пока он не владел ничем. Он был просто воин и принц, как и многие другие вожди, которые поведут норвежцев в бой на рассвете. Да, сейчас его мысли казались глупыми. Он захватил много городов, обогатился сам и щедро одарил своих воинов. Но Эйре по-прежнему была полем брани, и он подсознательно чувствовал, что никогда пришедшие из-за моря не смогут покорить ирландцев. Жить вместе...» Норвежец выживет, если станет ирландцем «, — нашло на него странное озарение. Он передернул плечами, взволнованный своими мыслями. Он сын короля, только без королевства, а ему страшно хотелось быть королем.

Кто-то коснулся его плеча. Он не вздрогнул и не схватился за меч. Он узнал это прикосновение и, положив сверху свою руку, нежно притянул к себе, желая взглянуть в лицо. Его милая Гренилде! Она была так высока, что их глаза встретились на одном уровне, так смела, что носила такую же эмблему, что и мужчины, и так необыкновенно красива, что сумела завоевать его сердце.

Сейчас она подняла золотистые брови и улыбнулась:

— Ты не будешь спать, мой Волк? Я бы не хотела видеть тебя завтра еле держащимся в седле от усталости.

Он засмеялся и крепко прижал ее, передразнивая:

— Ты хочешь, чтобы я лег спать, мой варвар? Или у тебя что-то другое на уме.

Раздавшийся вместо ответа смех был похож на журчание реки. Олафа поражало, как много она умела. Он встретил ее во время одного из набегов, она руководила группой викингов. Когда деревня была захвачена, они столкнулись неожиданно. Готовые к

нападению, они пристально посмотрели друг другу в глаза и уронили свои мечи со смехом. С тех пор они были вместе, влюбленные искатели приключений. Она знала и других мужчин, она была не королевской крови, и если другие женились на принцессах и держали их дома, как добычу, Олаф сделал ее хранительницей очага, и теперь другие женщины померкли в сравнении с ее красотой и храбростью.

Она заставила его отказаться от намерения лишать невинности своих пленниц. Кричащая женщина больше не соблазняла его, когда это божественное создание радовало, получая удовольствие от его прикосновений. Он не мог запретить мужчинам насладиться женщинами, которые были частью их добычи, но в сражении установил строгие правила — и благодаря им их тела были разгоряченные и возбужденные, и они горели желанием. Некоторые воины полюбили ирландских девушек, сделав их женами, а не рабынями.

Он нежно поцеловал Гренилде. Ее рот в наслаждении приоткрылся, и их языки сплелись в мягкой борьбе, желание в нем росло. Он опрокинул ее, придавив ее нежную оголившуюся грудь своей кольчугой так сильно, что оставил след.

— Пойдем, — прошептал он.

Оставшись наедине, в палатке, она начала снимать с него плащ, кольчугу, пояс, затем рубаху и краги из грубой кожи. Она получала от этого огромное удовольствие, а он возбуждался так сильно, что страсть трудно было сдерживать.

Когда он встал перед ней обнаженный, она отступила, как делала много раз, ее взгляд ласкал его могучее тело. Она облизывала нижнюю губу, дыхание стало прерывистым. Затем подошла, коснулась губами шрама, пересекавшего его бронзовую с золотистыми волосками грудь, пробежалась языком по упругим соскам. Он грубо схватил ее, тонкая рубаха разорвалась на части. Он прижал ее на мгновение к сердцу, потом опрокинул, не в силах больше терпеть. Олаф жадно смотрел на нее, впивался взглядом в голубые вены, пролежавшие среди молочной белизны груди, в ее напряженные соски, которые вздымались, жаждая его ласковых прикосновений. Он опять встретился с Гренилде взглядом. Ее рот был приоткрыт, язык скользил по губам, высохшим от учащенного прерывистого дыхания. Олаф и Гренилде снова слились в жадном поцелуе, и рожденный страстный порыв заставил их страстно обнимать и целовать друг друга. Он пожирал глазами ее тело от головы до ног; вихрь, закружившийся в его голове, становился все сильнее, когда он добрался до ее потайных мест, и с ее губ сорвался крик, умоляющий взять ее.

В ее столах, приглушенных его телом, было обещание наслаждения, которое она даст ему, и сладостной муки, которую она претерпит вместе с ним. Ее золотистые волосы окутали: его. Она целовала его, и он зарылся лицом в эти прелестные волосы. Она была сильная, возлюбленная викинга. Настоящая женщина. Бесстрашная, несдержанная, страстная, она все же уступала его превосходящей силе, а он терял над собой власть, когда был с ней. Он положил на нее руку и раздвинул ее бедра, нашептывая ласковые слова.

Она изогнулась навстречу его пальцам в пылу возбуждения, которое так и звало его. Ее длинные ноги окружили его тело, и он поднялся, чтобы отдаться ей, как она того хотела. Нежные и дикие, они слились в едином порыве страсти.

Когда они утомились, он лег и стал ласкать ее блестящее тело. Как он любил ее! Она была так совершенна — такая же бронзовая, как и он, такая же крепкая и стройная, с прекрасной фигурой. Она была его единственным другом, ненасытной любовницей, бесстрашным бойцом, ей можно было поведать о своих грезх.

Опутанный ее золотистыми волосами, Олаф заснул.

Во тьме сна он увидел, как за ним приходят змеи. Подняв свой головы, они ползли, извиваясь, одна за другой, и яд стекал с их зубов. Он пытался убить их мечом, но их становилось все больше и больше. Их отвратительные жала не могли достать его, но они впивались в других, и вокруг раздавались ужасающие крики.

Он очнулся в поту и на мгновение застыл, охваченный тревогой. Его трясло, зубы стучали. Но в палатке все было тихо. Около него лежала его женщина, биения их сердец! сливались.

Олаф сильно зажмурился. Когда он вновь открыл глаза, Гренилде стояла над ним.

— Что с тобой, любимый? — спросила она, нахмурившись, пытаясь понять, в чем дело. — Волк, который не дрогнул никогда в бою, дрожит во сне? Расскажи мне, любимый, и я развею страхи.

Он взглянул в ее сапфировые глаза, такие прекрасные в лунном свете, и его снова охватила тревога.

— Я не хочу, чтобы ты принимала участие в завтрашнем сражении.

Она помрачнела. Ее золотые волосы спускались на грудь.

— Я сражаюсь лучше, чем многие твои люди, — фыркнула она презрительно. — И я сама собой распоряжусь. Я буду сражаться с врагами, как решила.

— Нет, ты не будешь сама решать! — крикнул он взволнованно. — Я твой господин. Да, ты почти что не уступаешь мне в ловкости, но ты-моя женщина. Ты будешь делать так, как я скажу.

Гренилде поколебалась, с удивлением заметив гневный блеск его глаз. Она могла бы поспорить с ним, напомнить, что, даже будучи женщиной, она завоевала уважение и преданность своих воинов, но она любила его. Он был ее господином, поэтому она должна обещать ему повиноваться, поступая в то же время как сама сочтет нужным.

Гренилде обернулась.

— Как скажешь, мой господин, — прошептала она, — как скажешь. — Она протянула к нему руку, стараясь успокоить его.

Гренилде лежала без сна, когда усталость взяла верх. Она как бы хранила его покой от демонов ночи и молилась богу Тьюру, чтобы тот оставил Олафа в живых.

Битва у Карлингфордского озера была самой кровопролитной из всех, что знали изумрудные поля. К середине дня Олаф уже понял, что сражение проиграно. Повсюду лежали тела убитых, нельзя было сделать и шага, чтобы не оказаться в море крови.

Он тоже был весь в крови; смешавшаяся на лице с потом, она затекала в глаза, мешая смотреть. Он спасся от неминуемой смерти только потому, что нападавший выдал себя ужасным криком.

Его руки, привыкшие к могучему мечу, ослабли, и разум, привыкший к победам, протестовал. Запах смерти, распространившийся вокруг, был ужасен. Да, они проиграли. Короли и принцы викингов лежали мертвые по всему полю. Олаф еще не осознал, что он один из немногих вождей королевской крови остался в живых. Он понимал только, что если кто-то из норвежцев уцелел, самое время отступить. Конечно, отступление будет беспорядочным. Выжившие просочатся в глубь страны и поищут убежища, пока не соберутся с силами для возобновления борьбы. Подняв руки над головой, Олаф посылал сигнал к отступлению тем викингам, которые могли его видеть. Когда он устало опустил руки, то понял, что датчане сейчас берут Дублин. Но он и его люди поднимутся снова из своих

укрытый и отомстят. Отомстят за этот день. Его решимость усилилась. Олаф уклонился от удара боевого топора датчанина, и тяжелое оружие врезалось в землю. Олаф воспользовался моментом и мгновенно сразил мечом врага. Затем, посмотрев вокруг, он увидел остатки своего войска; воины пытались скрыться в лесах Эйре. Теперь он мог уходить сам. Он зашагал по полю, глядя вперед на свод толстых стволов и могучие кроны деревьев.

Но вдруг он увидел Гренилде. Она была все еще в самом пекле битвы. Ее грациозность создавала впечатление танца среди врагов, стремящихся убить ее. Олаф был взбешен: она не послушалась его строгого наказа. Страх опять сковал его. Это был страх из его сна, теперь он понял, что змеями были датчане.

Он окликнул ее. Сапфировые глаза устремились на него через все поле. И она бросилась к нему, останавливаясь, чтобы расправиться с нападавшими сзади, опять бежала, то и дело взмахивая могучим мечом.

Но было слишком много датчан, и все они — с боевыми топорами, копьями, цепями и мечами. Олаф выбежал навстречу, крича Гренилде, чтобы она следовала за ним. Они вдвоем были против десяти, но тела врагов все равно падали под ударами их мечей.

— Идем! — крикнул Олаф. Он вышел навстречу последнему сопернику, едва сознавая, что ранен в руку и кровь капает на кольчугу. Ноги подкашивались от глубокой открытой раны в бедре, но он не хотел сдаться из-за усталости и боли. Он должен сражаться как демон, забыв обо всем, кроме того, что необходимо выжить.

Бой не утихал, пока не пал последний противник. Олаф бросился в лес, ища Гренилде среди деревьев; наконец она откликнулась. Идя на голос, он нашел ее, лежащую на листьях. Сейчас она была прекраснее, чем когда-либо. Он не замечал ни пота, ни грязи, ни крови. За этим ужасным гримом, покрывавшим ее лицо, он видел только глаза, прекрасные глаза цвета сапфира. Они смотрели на него с любовью, а потом начали тускнеть. Она закричала в предсмертной агонии.

Олаф упал на колени.

— Нет! — вопил он, поворачивая ее тело, чтобы найти раны. Обнимая ее, он весь испачкался в ее крови. Рана была на спине. Он откинул свою крупную золотистую голову и застонал. Жизнь начала покидать ее. Руки, протянутые ему, были холодны и слишком слабы, чтобы ухватиться за него.

— Мой любимый, — шептала она.

Поглаживая спутанные волосы, он наклонился и поцеловал ее в губы, не обращая внимания на ужасный запах смерти в воздухе.

— Я буду любить тебя вечно, — клялся он. Их дыхания смешались. — Ты не должна покидать меня.

Он пытался улыбнуться ей. Грудь Гренилде напряглась, и из нее вырвался с шумом воздух, она забилась в приступе кашля. Кровь тонкой струйкой стекала с ее губ, а он целовал их снова.

— Не умирай, — умолял он, — пожалуйста, не умирай.

С трудом шевеля пересохшими потрескавшимися губами, она прошептала:

— Возьми меня, любимый... Твое тепло убьет холод смерти. О, возьми меня... мой господин... возьми меня... мне холодно... так холодно... как в ледяной шторм у нас на родине.

Ее шепот стих.

Он схватил ее и начал трясти, потом сел и, прижимая мертвое тело к своей груди,

убаюкивал ее, как ребенка, нашептывая ласковые слова.

Когда Олаф наконец опустил тело на землю, солнце уже зашло. Он стоял, дрожа; горечь утраты и боль становились невыносимы для него, слабого и уставшего. Запрокинув свою золотистую голову, Олаф стонал, скорбя от безысходности, взывая к небесам. Он говорил богам о своих неудачах, о своих муках и потерях... Даже датчане, самые жестокосердые варвары, трепетали перед своими богами и молились им. Это был страшный вой Волка, разносивший вокруг холод ужаса и смерти.

С высокого холма Аэд Финнлайт оглядывал озеро. Он видел вокруг кровавое месиво. Посреди поля стояли датчане. Было ли дело в превосходящей силе, хорошей организации, или Святой Патрик услышал их языческие молитвы, никто не знает, но они победили. Дублин, бывший норвежским городом на протяжении многих лет, теперь перешел победившим датчанам.

Опустившись на одно колено, Аэд сомкнул глаза и молился. Тела, которыми было усеяно поле, были вражескими, но он не ощущал удовольствия при виде ужасной дани смерти. «Пусть этот кошмар закончится, — молился он про себя, — пусть датчане уходят в свой Дублин и строят там крепости. Пусть они прекратят свои бесчисленные набеги. Дай нам пожить мирно...»

Аэд не чувствовал облегчения от своей молитвы. Он понимал, что происходит внутри него, и это все объясняло. Было странное предчувствие: то, чему он был свидетелем сегодня, только начало чего-то более ужасного. «На все воля Божья», — прошептал он сквозь накатившую волну боли.

— Отец!

Кто-то тронул его за плечо. Аэд повернулся к своему сыну Ниаллу из Улстера. Ниалл был могучим мужчиной тридцати лет, красивым молодым великаном, мудрым, как и его отец, с пронизательными угрюмыми зелеными глазами.

— Фенвен и Маэлсечлайнн ждут нас, отец. Мы дола поехать получить дань с датчан для Святого Патрика.

Аэд кивнул и поднялся на ноги, его кости хрустнули и он поморщился. Он совершенно не беспокоился о своем здоровье. У его сына не было никакого желания завладеть короной при жизни отца. А вообще, Аэд иногда сомневался в том, что Ниалл займет когда-нибудь место Ард-Рига. Этот титул не обязательно передавался по наследству; он оспаривался несколькими сильными королевскими родами. Ниалл был обременен своими собственными заботами в Улстере, к тому же с севера постоянно исходила опасность нападения викингов.

Всегда найдутся люди, готовые свергнуть неосторожного короля, и человек на месте Аэда не мог позволить себе выказывать слабости. Он взял поводья и вскочил на лошадь с такой ловкостью, что никто другой бы и не подумал, что у него больные кости.

— Едем к датчанам, — сказал он сыну.

Заиграли трубы, и ирландцы тронулись в путь.

Когда они добрались до места, наступили сумерки. Отец с сыном все же продолжали свой путь, пробираясь сквозь тела убитых, к палатке Фриггида Кривоногого, предводителя датчан. В поспешно устанавливаемом лагере горели костры. Датчане прекратили ставить палатки и таскать добычу, увидев ирландцев. На их лицах сверкали улыбки победителей, их коварные взгляды холодили сердце и как будто предупреждали, что обещанное перемирие продлится недолго.

Но все-таки Аэд без страха взирал на Фриггида, несмотря на отвратительный нрав дикого рыжего датчанина.

Действительно, Фриггид находил удовлетворение в приступе ярости, исказившей черты его лица, когда закричал своим людям:

— Найдите его! Волк должен умереть!

Фриггид смягчился, лишь обращаясь к Аэду.

— Смерть, Ард-Риг.

Аэд счел нужным мрачно улыбнуться. Этот наводящий ужас датчанин боялся, боялся, что один норвежец останется в живых... Волк.

Олаф находился с Гренилде всю ночь. Утром он был уже совсем другим человеком, спокойным и даже более решительным. Рана на его ноге гноилась, но он не думал об этом. Он взял Гренилде на руки и бродил в поисках воды. Солнце обжигало, но его поступь была ровной. К середине дня он нашел ручей и нежно обмыл ее, касаясь тела с благоговением, лаская шелк волос, атласную бронзовую кожу.

Остаток дня он провел, сооружая могилу. Когда ложе было готово, он положил туда Гренилде, вложив ей в руки меч. Затем сложил большой костер, так как хотел, чтобы ее путешествие в Вальхаллу было недолгим. Она полетит вместе с ветром, рядом с богом войны Водяном и, вероятно, станет принцессой там, на небе, если не смогла стать ею на земле.

Когда все было готово, он поцеловал ее холодные губы. Оглядевшись, нашел кусочек кремня, высек огонь и с помощью факела поджег могилу. Огонь быстро разгорелся. Стоя на берегу ручья, Олаф смотрел на пламя, похожее на еще один закат. Его взгляд был устремлен вдаль. Он не оплакивал больше своего горя. Оно стало частью его, вошло в сердце.

Утром Олаф с трудом поднялся. Раны причиняли ему невыносимые страдания. Он нагнулся над ручьем и жадно пил, потом решил промыть раны. Бедро горело так же сильно, как огонь на могиле Гренилде.

Он начал промывать рану, но слабость лишила его последних сил. Он упал в ручей, лицом в грязь, его золотистые волосы теперь стали серыми и путанными. Волк потерял сознание, но мог дышать.

Осторожно передвигаясь по хижине, Эрин тихо оделась в короткую шерстяную рубашу, тяжелые кожаные краги и затянулась ремнем с золотой инкрустацией. Возможно, ей придется долго скакать верхом, обычная женская одежда будет стеснять ее. Сняв свой зеленый, как листва, плащ с крюка у двери, она набросила его, закрепив брошью на шею. Только она дотронулась до тяжелой деревянной задвижки, как храп Мергвина смолк.

— Куда это ты собралась, Эрин?

— К ручью, Мергвин, куда же еще? — сказала она невинным голосом.

— Тебе не следует выезжать сегодня, Эрин. Кругом полно опасностей.

— Я возьму свой меч, дружище, — ответила Эрин, добавив с озорной улыбкой на лице:

— В конце концов, Мергвин, что может со мной случиться? Ты же сам сказал, что я состарюсь и буду иметь кучу детей!

Она быстро закрыла за собой дверь, прислушиваясь к ворчанию друида. Он не очень беспокоится, Эрин была уверена в этом. Мергвин знал, что девушка едина с этим лесом: она будет остерегаться уцелевших воинов, будет прислушиваться к ветру и земле, как он учил ее. Но она хотела добраться до поля сражения. Она должна видеть...

Эрин в точности не знала, что руководило ею. То, что она ненавидела норвежцев, было, несомненно, нелепо, так как она знала, что датчане гораздо более опасны. Но ее отец все взвесил с точки зрения логики и политики, ведь он был королем. Она же прислушивалась только к тому, что подсказывало ей ее страдающее сердце, а страдания эти причиняли норвежцы — норвежцы, которых вел Волк, Белый Олаф.

Она часто останавливалась, направляя свою лошадь по заросшей тропинке, по холмам к зарослям над озером, помня наставления Мергвина быть настороже. Она не намеревалась делать глупости. Все, что она хотела-это увидеть землю, обогренную кровью викингов. Ничто, казалось, не угрожало ей. Небо было цвета сапфира, с призрачными ватными облачками. Высокая зеленая трава сверкала, покрытая утренней росой, как миллион блестящих изумрудов. Заросли вереска покрывали поля, добавляя оттенок аметиста к прекрасной картине природы. Эрин ехала около часа, затем спешила и быстро побежала сквозь густые заросли над Карлингфордским озером. Колючки шиповника и ветки запутались в ее волосах и разорвали плащ, но она не замечала ничего, так ей хотелось поскорее добраться до места.

Но когда она подбежала к обрыву, откуда открывался вид на простирившееся внизу необъятное поле, она, в ужасе зажмурилась. У нее закружилась голова; Эрин ухватилась за ветку, чтобы не упасть, ее затошнило. Она вынуждена была наклониться к земле, чтобы облегчить боль.

В глазах потемнело только на минуту, потом она взяла себя в руки. «Ты пришла увидеть, — убеждала она себя, — увидеть трупы норвежцев».

Но никогда в своей жизни не доводилось ей видеть такой ужасной картины, даже Клоннтайт померк на ее фоне. Хищные птицы среди истерзанных, изуродованных тел. «Сколько человек погибли и теперь гниют здесь?» — подумала Эрин. Тысячи, буквально тысячи. Она забилась в истерическом припадке, и это возобновило приступ рвоты. За один день, кровавый день, викинги уничтожили больше людей, чем ирландцы на протяжении многих лет.

О Господи, ужасалась Эрин снова и снова. Она закрыла глаза, пытаясь отрешиться от увиденного. О Господи!..

Если уж она набралась смелости прийти сюда, то теперь ей надо было взять себя в руки и отправляться обратно.

Казалось, весь воздух был насыщен запахом смерти и разлагающихся тел. Ничего не сознавая, рыдая от ужаса, она стремглав неслась сквозь заросли к своей лошади. Ее тело было ободрано, ежевика поранила щеку. Она дотронулась до лица и почувствовала, как слезы перемешались с кровью. Девушка перевела дух, и когда занесла ногу и вскочила на лошадь, ее пронзила мысль, что, обезумев от страха, она не заметила, чьи тела покрывали поле, датские или норвежские. Она так и не узнала, кто победил.

Судя по числу убитых, победили датчане. Она судорожно сглотнула, ощущая желчь во рту. Было бы просто нелепостью, если бы Волк спасся. Если же справедливость торжествовала, и все эти люди оставлены на поживу стервятников, Белый Олаф должен быть среди них.

«Пусть это будет так, Господи, — молилась она, — тогда смогу забыть все. Пусть он умрет, и я попытаюсь стать такой же щедрой, как отец, прощать все, как моя сестра Беде... Воистину, Господи, то, что я увидела, это ужасно. Мне противна эта бойня, противна, противна...»

Эрин задрожала, и тошнота снова подступила к горлу. вокруг все пропахло смертью. Этот запах забивался в рот и в нос. Она хотела ополоснуть лицо холодной водой и выбросить из сознания увиденное.

Эрин проехала немного, затем спешила и снова пробралась сквозь заросли деревьев к ручью. Даже теперь она сохраняла бдительность и была настороже. Перед тем как привязать свою кобылу, она постояла немного, прислушиваясь и всматриваясь вокруг. Лес был спокойным и умиротворенным; она была одна. Все же Эрин взяла свой тяжелый стальной меч, когда отважилась подойти к воде.

При виде кристально чистого ручья, сверкавшего под солнечными лучами, Эрин забыла про осторожность и вбежала в него. Упав на колени, она вымыла лицо, потом погрузилась в чистую холодную воду, намочив одежду в надежде смыть с себя страх. Когда Эрин подняла голову, ее дыхание стало более ровным, потом она снова наклонилась, чтобы прополоскать рот и попить. Она глубоко дышала и зажмурилась, когда ее глаз коснулись мокрые локоны. Она заморгала, пытаясь стряхнуть воду с ресниц, и вдруг застыла: взгляд ее упал на тело, лежавшее в воде в пятидесяти шагах от нее.

Эрин стояла на коленях в течение нескольких секунд, затаив дыхание, потом осторожно поднялась на ноги, не сводя глаз с тела, пока ее пальцы не нащупали холодную сталь меча. Она встала, подняв высоко меч, но по-прежнему не отрываясь смотрела на лежащего человека.

То, что этот человек-один из воинов, было очевидно. Наполовину погруженное в воду его массивное тело скрывала окровавленная кольчуга. На нем не было шлема, но было трудно определить цвет волос, так как они потемнели от грязи. Лица не было видно. Осторожно, держа меч наготове, она двинулась к нему. В ручье плеснулась рыба, и этот звук испугал ее. Но человек не шевельнулся, и она заставила себя подойти ближе. Остановившись около него, она сперва подумала, что он мертв, но потом заметила, как поднимаются и опускаются его могучие плечи.

Эрин застыла, готовая к бою, но страшное зрелище, свидетелем которого она была

только что, не оставляло ее. Она оказалась неспособна убить еле живого человека. Она заметила кровь, запекающуюся на его виске и окрасившую волосы. Сквозь кромку воды было видно изогнутое бедро. Глубокая рана зияла над разорвавшимися крагами.

На мгновение человек застонал, и Эрин от испуга чуть не отпрыгнула к деревьям. Но потом он смолк. В ней проснулась жалость, как она ни пыталась подавить ее. Этот человек был тяжело ранен.

Эрин оказалась в затруднении. Она не могла убить, но и позволить ему спастись было бы глупостью. Он все равно обречен на смерть, как и другие викинги. Она ведь мечтала, чтобы все викинги погибли. Эта мысль не давала ей покоя в Таре долгое время, но что-то дрогнуло в ней при виде груды сломанных костей, разбитых черепов, искалеченной плоти. И она услышала стон своего сердца... Боже милостивый, почему она так слаба?

Ей пришло в голову, что, может быть, благодаря этому викингу ей удастся отличиться; это будет достойный пленник. Действительно, на ее стороне было преимущество. Она могла оставить его в живых и в то же время доказать отцу, что она такая же отважная, как и ее братья.

Но как это сделать? Она должна переместить его, беспомощного, прежде чем попытается привести его в чувство и заставить двигаться, угрожая мечом. Она хорошо владела оружием, но тут надо было действовать умом, а не только силой и ловкостью. Человек, лежавший у ее ног, был невероятно высок и тяжел.

Эрин задумалась на мгновение, затем поспешила к своей лошади и начала рыться в чересседельной сумке. В ней не было ничего подходящего. Вдруг ее осенило, что кожаные ремни на сумке довольно крепкие и гибкие, и ими можно связать руки мужчине. Она вымочит их, и когда они высохнут, то станут тугими и жесткими, так что он никогда не сможет освободиться.

Одержимая идеей, но все же соблюдая осторожность, Эрин вернулась к викингу. Она встала на колени и, не выпуская меч из рук, приподняла немного сначала одну руку, а затем другую. Вес неподвижных рук был таков, что она пошатнулась под их тяжестью и тут же подумала, как ей повезло, что он едва жив. Если бы этот человек был добром здравии, сомнительно, что она, даже с ее ловкостью, в сражении с ним имела бы хоть какую-то надежду победу.

Она не могла подавить жалость, которая снова нарастала внутри нее при виде могучих рук, которые, будучи связанными, выглядели мягкими и слабыми. Золотистые волоски покрывали его пальцы и тыльную сторону руки. Эрин счистила засохшую грязь, которая налипла на его волосы. После этого к мужчине вернулся человеческий облик. «Я сошла с ума», — подумала она. Его руки были такими сильными из-за привычки к оружию, а это оружие направлено против ирландцев.

Он снова застонал, и она сжала зубы. В ее сознании происходила невидимая борьба; с одной стороны, он был диким животным и заслужил смерть, с другой, невозможно было смотреть на его страдания. Она пожалала плечами. Это был ее пленник, и если он попытается сопротивляться, она поцелует его горло кончиком меча.

Ей надо сдвинуть его, по крайней мере перевернуть, если она собирается вымыть ему лицо, посмотреть, насколько опасны раны, чтобы заставить его двигаться самостоятельно. Добравшись до хижины Мергвина, она попросит его дать «пленнику снотворного зелья: когда этот викинг-гигант придет в себя, он будет очень опасен.

Эрин сперва попыталась перевернуть его, упираясь в одетую в кольчугу грудь, но

быстро осознала, что ее попытки тщетны. Что она должна сделать, так это использовать локоть гиганта в качестве рычага, и — если он вообще жив — он обретет равновесие. Она потянула изо всех сил, и тело шевельнулось. Движение сопровождалось протяжным мучительным стоном. Она положила большую мокрую голову себе на колени и начала приглаживать его волосы. Затем ласково произнесла:

— Ш-ш... Все в порядке, я промою твои раны.

Она внезапно замолкла, когда мужчина открыл глаза, такие же холодные и синие, как морозное утро, и настороженно посмотрел на нее. Эрин уставилась на него, и ее глаза в ужасе сузились. Теперь не было никаких сомнений в том, кому принадлежало это грубое, с резкими чертами лицо, как будто высеченное из камня. Даже кровь, грязь и слипшаяся борода не могли скрыть неизменно упрямого выражения на его лице.

Ее интонация мгновенно изменилась, и она пронзительно закричала:

— Ты?!

Его лицо было слишком знакомым. Это его она часто видела в своих кошмарах.

— Ты?!

Ее крики перешли в визг. Олаф мгновенно насторожился, в нем сработал инстинкт воина. Голова звенела, тело ломило от боли, он не знал, где он и что творится вокруг.

Он осознавал только, что лицо, нависшее над ним, искажено ужасом и ненавистью.

— Ты! Волчий выродок с севера...

Он попытался шевельнуться, схватить эту вопящую гарпию, которая издевалась над ним, и обнаружил, что не может этого сделать, так как его руки крепко связаны. К нему вернулись воспоминания прошедшего дня. Сражения... Гренилде... Его глаза снова закрылись.

Когда он опять очнулся и посмотрел на свою мучительницу, его взгляд был пустым, лишенным страха, гнева или чего-либо еще, таким, как если бы он был победителем, а не она, и почти рассеянным, как будто она ничего для него не значила.

Эрин отпрянула назад, и его голова упала на землю с глухим стуком. Он вздрогнул, и его глаза сузились и смотрели теперь гневно. Она отскочила, чтобы взять меч.

— Вставай, Белый Олаф! Норвежский пес!

Он не повиновался. Эрин сжала губы и приставила меч к яремной вене на его шее, получая большое удовольствие, глядя в его изумленные глаза.

Он все еще не шевелился. Эрин улыбнулась. Она была бы поражена, если бы могла видеть искры жестокости в своих собственных глазах.

Она ткнула его мечом, задев кольчугу. Меч скользнул чуть ниже его бедер.

— Ну, вставай же, собака. Ты насильник, вор и убийца, сучий выродок! Я хочу продлить твои муки. О, викинг, что я с тобой сделаю! Ты будешь заложником у моего отца. Так пойдем же к нему. Но я предупреждаю тебя, проклятое отродье севера, одно лишнее движение, и я отрублю тебе то, что делает тебя мужчиной, и поджарю это на твоих же глазах.

И в гневе она сильно ударила его. В его глазах вспыхнул синий огонь, он сжал зубы, но, как ему ни было больно, попытался подняться. Покачиваясь, он встал перед ней. Эрин машинально отступила назад. Она была довольно высокой для женщины, но этот человек возвышался над ней. Все его могучие мускулы напряглись, так как он с трудом удерживался на ногах. Она видела, как под его грязной бородой сжались зубы, когда он с усилием перенес вес на раненую ногу.

— Не вздумай чего-нибудь выкинуть, викинг! прошипела она. — Не то я тебя приласкаю своим мечом. Я не убью тебя сразу. Датчане были бы более милосердными.

Он повернулся. Эрин ткнула мечом в его спину.

— Иди, викинг, и лучше не оборачивайся.

Он зашагал, прихрамывая. Затем споткнулся и упал вновь. Эрин охватило сильное чувство жалости, но она закрыла глаза и вспомнила Клоннтайрт, запах пожарищ, женские крики. Она снова ткнула его мечом.

— У тебя пять секунд, чтобы встать, викинг.

Пленник с трудом поднялся. Они опять двинулись вперед, к деревьям, где ждала их лошадь Эрин. Не спуская с него глаз, девушка взяла поводья. Он был полуживой, изможденный, покрытый коркой крови и грязи. Должно быть, ему сильно мешала кольчуга. Она закусил губу, когда поняла, что не продвинется с ним далеко. Но снова горькие воспоминания вытеснили жалость. Он будет идти, пока не упадет.

Осторожно, не переставая следить за своим едва живым пленником, она срезала левую узду, чтобы использовать ее в качестве веревки. Узда не была особенно крепкой, но, если уж на то пошло, Волк тоже слаб.

— Протяни руки, — потребовала она.

Он отказался повиноваться, пока она, угрожая, не приставила меч к его шее. Олаф зажмурился, но мрачный арктический лед все равно угадывался в его глазах. Он поднял руки.

Было неудобно держать меч одной рукой и привязывать веревку к ремням, стягивающим его руки, другой, ведь, несмотря на его состояние, надо быть настороже и не терять бдительности. Еще труднее взобраться на лошадь, держа и пленника, и меч, но она не осмеливалась что-либо отпустить. Спасибо, что кобыла вела себя смирно, и хотя частенько показывала норов, сейчас стояла кротко, как овечка, пока Эрин не устроилась в седле. Она ударила ногами в бока кобылы и пустила ее рысью.

Сидя на лошади, Эрин наблюдала за пленным. Снова нахлынуло невольное сострадание и восхищение. Он был бледный, как облако, его лицо исказила гримаса боли, и все же он бежал.» Клоннтайрт!» — напомнила она себе и быстро закрыла глаза, восстанавливая в памяти картину пережитого кошмара. Испытывать жалость по отношению к этому опасному зверю — значило предать память тех, кого она любила.

Эрин открыла глаза и столкнулась с синим холодом его глаз. Они были странные, лишённые жизни, и, казалось, смеялись над ней. Его суровое лицо было по-особому красиво и надменно даже теперь. Он тяжело бежал, поглядывая на нее, и веявший от него холод заставлял ее дрожать. В нем было что-то пугающее. Казалось, он не простой человек. Раненый, оборванный, грязный, связанный и погоняемый, он все-таки двигался и продолжал смотреть на нее с презрением и высокомерием своими холодными и... безжизненными глазами. Она вздрогнула, взглянув на него снова. Он был поистине силач:

— мускулистый, высокий, золотистая грива была на одном уровне с ее талией — а она ведь сидела на лошади.» Если бы он не был так слаб, — снова думала она, — я бы сейчас не конвоировала его «. Он бы напал на нее, стащил с лошади, разорвав путы... Она держала меч на уровне его глаз.

— Предупреждаю тебя, викинг, одно движение, и тебе придется плохо.

Он все смотрел на нее, даже когда упал на колени, но подняться не смог и повалился на землю.

Эрин спрыгнула с лошади, опасаясь, не было ли это уловкой. Но когда она осторожно обошла его и ткнула мечом в позвоночник, он не шевельнулся. Она растерялась, браня себя за то, что не подумала о серьезности его ран. Возможно, она убила его. Она передернула плечами. Но ведь она хотела, чтобы этот викинг умер?

— О Господи... — шептала она громко. Она желала ему таких же страданий, какие он принес ирландцам. Между жизнью и смертью лишь тонкая хрупкая ниточка, и хотя она не разобралась в своих чувствах до конца, но знала, что не хочет нести ответственность за убийство, за то, что оборвала хрупкую ниточку жизни, не хочет брать греха на душу. Такое право принадлежит ее отцу, ее братьям, воинам, которые сражаются с врагами.

Эрин вздохнула, наклоняясь, чтобы дотронуться до его широкой спины. Он еще дышал. Она поднялась и осмотрелась. Они ушли недалеко, и она видела след, тянувшийся от ручья. Как бы там ни было, она должна принести его обратно к воде. Еще раз вздохнув, она опустилась на колени и перевернула воина на спину. У нее опять заныл желудок, когда она стала рассматривать его лицо. Неудивительно, что и викинги, и ирландцы были уверены, что его охраняют древние скандинавские боги. Даже еле живой, пленный, он, казалось, излучал золотую энергию, как если бы был одним из тех златокудых голубоглазых богов. Нет! Он не был Богом. Он был ее пленником. И он никогда не будет обладать божественной властью, потому что, если даже и не будет казнен, его заключат под стражу те самые ирландцы, которых он намеревался завоевать и подчинить.

— Я победила, викинг! — шептала она. — Ты побежден... ты мой пленник...

Стиснув зубы, она встала, схватила его связанные руки и застонала от напряжения, пытаясь сдвинуть его. Он был такой громадный по сравнению с ней. Она кряхтела и задыхалась, но все-таки оттащила его на двадцать шагов, назад к ручью.

Переведя дух и собравшись с силами, Эрин подтащила его к дубу и привязала к стволу остатками узды. Еще раз убедившись в том, что узлы надежны, она привязала кобылу и поспешила к ручью напиться. Затем взглянула опять на своего пленника. Ему тоже нужна была вода.

Эрин вернулась к своей лошади и достала маленькую серебряную кружку, которую всегда носила с собой, наполнила ее водой и подошла к викингу. Полные губы, окруженные золотой щетиной, совсем пересохли. Его глаза были по-прежнему закрыты, но когда она поднесла кружку к его рту, пролив немного на бороду, они дрогнули, и губы зашевелились. Она снова прижала к ним кружку, и он инстинктивно начал пить.

— Медленнее! — приказала она строго, когда он начал жадно глотать, сквозь щелки своих ледяных глаз наблюдая за ней.

Послушавшись ее справедливого приказа, он остановился, глубоко вздохнув и закрыв глаза, прежде чем глотнуть снова. Попытавшись шевельнуться, он понял, что привязан к дереву.

Одна из его дугообразных бровей поднялась, и он вяло улыбнулся, скривив губы.

— Спасибо, — пробормотал он по-норвежски.

Эрин отошла от него. Когда он приходил в сознание, то пугал ее, даже когда был связан. Она прекрасно видела его широкую грудь, его стальные мышцы.

— Не благодари меня, викинг, — огрызнулась она, — я оставила тебя в живых, чтобы ты страдал еще больше. Быстрая смерть-слишком большой подарок для тебя, норвежский пес.

Чтобы показать ему свое преимущество, Эрин переступила через его раскинутые ноги

пренебрежительно и поспешила к лошади. Из своей чересседельной сумки она вытащила кусок хлеба, собираясь дать его викингу, но заколебалась. Он все же викинг, а викинги известны своей жестокостью, Он вполне мог укунить ее за пальцы.

Угрюмо улыбаясь, Эрин наколола кусок хлеба на кончик меча и поднесла к его рту.

— Твоя еда, викинг, — сказала она надменно. — Все, что ты добыл на моей земле, досталось тебе посредством меча.

И я не буду делать исключения. Будь осторожнее, викинг, если не хочешь проглотить лезвие, или чтобы я пощекотала тебе горло.

Она была довольна, что Аэд заставил ее выучить язык захватчиков еще в детстве. Она хорошо знала, что Волк понимает каждое ее слово. В его глазах теперь было не безразличие, а неподдельная ненависть и жажда отмщения, но, бросив взгляд на хлеб, он начал осторожно есть. Эрин почувствовала легкую дрожь, когда смотрела, как он кусает хлеб, и ей вспомнился день, когда он весело смеялся как победитель со своей светловолосой волчицей в Клоннтайрте.

Эрин резко отдернула меч, хотя хлеб еще оставался, и Олаф быстро пригнулся, чтобы не поранить себе рот. Ее глаза в наступивших сумерках были похожи на два изумрудных кинжала. Она широко зевнула.

— Прошу прощения, господин Норвежский пес. Я слишком утомлена, чтобы продолжать тебя кормить.

Она отошла на десять шагов от него и улеглась на берегу, положив меч под руку.

— Хорошего сна, викинг, — прошипела она. — Завтра ты побежишь рядом с моей лошадью и вскоре узнаешь, каков мой отец, ирландский король, в ярости!

Эрин, вздрогнув, внезапно проснулась, влажная от сырости, дрожащая, жалкая. Раскрыв глаза она увидела, что рассвет уже наступил. Она вспомнила, где находится, но не поняла, что ее разбудило. Потом все стало ясно: Волк пристально смотрел на нее. Под его ледяным взглядом ей стало жарко, и она еще сильнее почувствовала, что он пронзил ее до мозга костей.

Эрин встала и подошла к ручью умыться и попить, потом вернулась к своему пленнику.

— Сегодня ты пойдешь, викинг, или умрешь на месте, — сказала она грубо и занесла над ним меч, улыбаясь так, будто и впрямь собиралась ударить. Потом аккуратно перерезала кожаные ремни, которые привязывали его к дереву. Руки его упали, он сел и несколько секунд приходил в себя. Эрин приставила меч к его шее.

— Вставай, — сказала она. — Иди к ручью. Ты можешь умыться и напиться, но без фокусов. Как я уже говорила, я хорошо владею мечом. Дай мне только ничтожный повод, и ты лишишься своих конечностей.

Он пошатнулся при попытке встать, но Эрин успела заметить, что за ночь он набрался сил. На всякий случай она держала меч около его позвоночника, пока они шли к ручью. Она позволила ему только наполнить рот водой и ткнула мечом в ребра.

— Достаточно. Поднимайся. Он встал, все еще шатаясь.

— Иди к моей лошади и не поворачивай головы. Запомни, ты мой пленник. А теперь — вперед!

Его повинование вызвало в ней приятное чувство победы. Но когда они приблизились к привязанному животному, Эрин почувствовала, что не должна терять бдительность ни на секунду.

Эрин подошла к своей кобыле, отвязала поводья от дерева и спугнула птицу, которая с криком улетела прочь. Кобыла в страхе пустилась вскачь, становясь на дыбы с диким ржанием, и Эрин была вынуждена положить меч и изо всех сил ухватиться за поводья, чтобы удержать ее.

Это был ее промах. Через секунду сильные руки, будучи все еще связанными в запястьях, обхватили ее за талию и крепко сжали.

— Твой пленник, говоришь, — усмехнулся Волк. — Я так не думаю, ирландская сучка.

Она едва дышала, парализованная страхом, но все же сознавая, что как-то должна освободиться. Сначала она замерла — во власти мужского тела, ощущая его запах, тяжелое дыхание, удушающую силу.

Его борода касалась ее щеки, когда он наклонял голову и шептал холодящие кровь приказания ей в ухо.

— Теперь я тебе приказываю идти.

Эрин повернула голову, чтобы вонзить зубы в его плечо, и одновременно в бешенстве ударила ногой, метя в раненое бедро. Его дикий стон дал ей понять, что удар пришелся в цель, но связанные руки все еще крепко обхватывали ее. Пошатнувшись от боли, он увлек ее за собой, и они повалились на землю.

Он придавил ее своим телом так, что она едва могла дышать. Несколько секунд никто из них не двигался, пытаясь отдышаться и собраться с силами. Затем он извернулся, не

обращая внимания на боль в руках. Свирепые синие, и прекрасные изумрудные глаза встретились. И в тех и в других было заметно недоумение по поводу такого неприятного поворота событий.

Олаф был ранен и слаб, Эрин-беспомощна, придавленная его телом. Как противники в состязании, смотрели они друг на друга, тяжело дыша. Только Эрин попыталась пошевелиться, как Олаф тряхнул головой, чтобы смахнуть пелену; застилавшую его глаза. Когда его веки опустились снова, она отчаянно дернулась, пытаясь освободиться из его рук.

Ей почти удалось это, но он издал резкий крик и вцепился ей в волосы, как будто рана на руке больше не причиняла ему боли. Эрин завопила и опять упала, вонзившись ногтями ему в лицо. Он разразился проклятиями и ударил локтем ей в ребра. Эрин заскрежетала зубами от боли и в отчаянии набросилась на него и начала бить руками и ногами. Он резко поднял свои связанные руки, отпуская ее, и сильно ударил кулаками по лицу.

Удар был страшен. Ее голова покачнулась от резкой боли, она снова повалилась, веки сомкнулись, чтобы скрыть слезы, и она ждала-ждала смертельного удара или страшной мести, которую он изберет для нее.

Но ничего не последовало. Медленно она приоткрыла глаза. Он лежал в шаге от нее, глядя устало, и еле дышал. На какое-то время их взгляды встретились.

Эрин завизжала от ужаса, когда он начал подползать к ней снова. Ошеломленная и парализованная страхом, она не могла заставить свое тело повиноваться. И он снова обхватил ее связанными руками. Она начала драться, он пытался удавить ее, но не мог. Тогда он придавил ее телом и, тяжело дыша, продолжал усмирять ее. Ужас опять охватил ее, когда она почувствовала его стальную грудь, жар его мускулистых ног, железную хватку. Даже простое прикосновение его бороды к лицу Эрин было ужасным и угрожающим. Он не причинял ей особого вреда, но это было бы даже лучше, чем испытывать такой страх. Она ощущала золотистую ауру, окружавшую его, и была во власти беспощадной энергии беспощадного мужчины. Никогда прежде она не была так близко с мужчиной. Никогда не была она такой беспомощной и никогда с такой силой не ощущала слабость своего пола.

Он с трудом ловил ртом воздух, и ее била дрожь. Ее страх все более и более нарастал. Вероятно, он убьет ее. Может, сначала изнасилует. Будет пытаться. Предчувствуя ужасное, она чуть не закричала. Наконец он снова отпустил ее и отвернулся. До ее сознания дошло, что он уже не держит ее, собираясь с силами. Она судорожно сглотнула. Сейчас он разорвет ее на куски.

Олаф все время нервно наблюдал за ней, но ничего не предпринимал. Он с трудом поднялся и пошел к журчащей холодной воде, где лег, чтобы как следует напиться и смыть грязь с лица и волос, что было нелегко сделать связанными руками.

Эрин попыталась подняться, но вдруг у нее в глазах потемнело, и она упала снова, едва не потеряв сознание. Спустя некоторое время она пришла в себя; Олаф стоял над ней, вода с его бороды капала ей на лицо.

— У тебя есть еще еда? — спросил он.

Она продолжала смотреть на него, но он ткнул ее в ребра ногой, и она сморщилась от боли. Ее удивило, что он говорит на ее языке, а она насмеялась над ним по-норвежски. С закрытыми глазами, она начала подниматься на ноги.

— В моей чересседельной сумке, — сказала она равнодушно.

Он схватил ее за волосы и потащил к тому месту, где теперь мирно паслась кобыла. Когда они приблизились, он грубо толкнул ее. Не оборачиваясь, Эрин полезла в кожаную

сумку дрожащими руками.

Когда она обернулась, чтобы дать ему хлеб и сушеное мясо, ее глаза расширились от изумления, и она уронила еду на землю. Он стоял с закрытыми глазами, лицо исказилось от большого напряжения, руки он держал перед собой. Его скулы резко выдавались, вены поголубели от усилий, он сжал кулаки и дернул. Кожаные ремни, стягивавшие его руки, затрещали и упали на землю.

Он открыл глаза, посмотрел на Эрин, затем на еду, лежащую на земле.

— Подними, — приказал он ей опять на ее родном языке.

Дрожь пронзила ее, и она наклонилась. Он не сводил с нее глаз и не сходил с места, пока ел сначала хлеб, потом мясо. Эрин тоже смотрела на него, но не сделала ни одного движения.

Потом его свободная рука резко схватила ее запястье, и в панике она ударила его коленом, слегка коснувшись раны и попав в пах. Он громко вскрикнул от боли, его глаза сузились, и зубы закрипели так, что она отчетливо услышала это. Но он не отпустил ее, а сильно дернул за руку и потянул за собой назад к воде. Там он присел, усадил ее рядом, и она увидела, как он разрывает ткань вокруг раны на бедре.

Это была большая глубокая рана. Эрин видела, как играют его желваки. Ему было очень больно, и она отвела взгляд.

Он взял ее рукой за подбородок и резко толкнул.

— Промой, — приказал он. Голос был по-прежнему бесстрастный, но дребезжащий и неприятный.

— Нет, — прошептала она, чувствуя себя плохо. Его пальцы сжали подбородок.

— Ты сделаешь это.

Эрин вздохнула, оторвала край своей рубахи и смочила ткань холодной водой, затем остановилась.

Его глаза были похожи на сверкающие большие сапфиры, а челюсти опять сомкнулись.

— Давай, — повторил он.

Она опустила глаза и осторожно коснулась его раненого тела. Потом, тоже сжав зубы, начала промывать рану.

Только один стон, быстро подавленный, вырвался из его груди. Его лицо побелело, но он старался не выказывать тех мук, которые ему приходилось терпеть.

Эрин закусил губу и задрожала. Прикасаясь к нему, она чувствовала теплоту его тела, ощущала золотистые волоски на ноге, большую силу мускулистых конечностей, тяжелое дыхание мужчины, боровшегося с невыносимой болью. Она пошатнулась, стиснув зубы, и взглянула ему в лицо. Еще мгновение его глаза оставались закрытыми, потом они открылись, и их сапфировая пугающая синева ничего не выражала.

— Рану надо прижечь и перевязать, — сказала неожиданно для себя Эрин. Слова вырвались сами собой.

Он кивнул и снова закрыл глаза. Она подумала, что он не обращает на нее внимания, но он поднялся и стал что-то искать на земле.

Эрин опять подумала о побеге. Но его глаза устремились на нее, как только она напрягла мышцы, чтобы сделать отчаянный рывок. Этот взгляд был ненавистен ей. Хромая, он подошел к ней быстро, причиняя себе страшную боль. И, снова подумав о побеге, Эрин растянулась в воде.

Неожиданно он оставил ее, так как его внимание привлек камень. С трудом он

подобрал его, осторожно развел огонь на берегу, затем перешел на ту сторону за мечом Эрин.

Только потом подошел он к ней, сильно прихрамывая, и вытащил ее из воды. Сжимая ее запястье, он прокалил меч над огнем. Затем вложил меч ей в руки и отпустил их.

— Давай! — прошипел он.

Ее рука тряслась. Он сжал ее запястье сильнее.

— Давай, только смотри, не вытвори чего-нибудь, — предупредил он.

Она поднесла раскаленный металл к его бедру, чувствуя, что теряет сознание от запаха паленой кожи. И тут он издал страшный вопль, отпустил ее и повалился на землю, сжав кулаки.

Эрин замерла на какое-то время, ей невыносимо больно было видеть его страдания. Но потом снова насторожилась. Он был ее врагом, и она уже допустила глупость, не убив его сразу. Она отпрыгнула назад, обогнула его распростертое тело и побежала. Ей нужно было добежать до лошади.

Вдруг он перевернулся и схватил ее за ногу, его лицо исказилось от боли, которую причиняла попытка удержать ее, но он был тверд. Он дернул ее резко за ногу, и она упала.

Страшная паника охватила Эрин. Изо всех сил она ударила его локтем по ране. Он откинулся назад, но его хватка не ослабла.

Она видела, что его глаза закрылись от боли, дернула свою ногу, но безуспешно. Мужчина повернулся к ней и открыл глаза, сжав ее запястья так сильно, что она закричала, и ее кости затрещали. Но он звал, когда надо остановиться. Он знал, как сделать больно, не причинив при этом серьезного вреда, Он посмотрел на нее и хрипло выдавил:

— Ирландская сука! Я должен отплатить тебе за все. Твоя мстительность может обратиться против тебя. Теперь ты моя пленница. И вся в моей власти.

Как мог он выносить адскую боль и при этом не терять сознание, да еще и разговаривать? Эрин не могла понять. Она причинила ему столько страданий, что вызвала страшный гнев, и уже была уверена, что он либо убьет ее, либо будет мучить.

У нее не было выхода, но это, как ни странно, придавало ей храбрости.

— Никогда, викинг. Я никогда не буду в твоей власти, прошипела она, — ирландцы найдут тебя, мой отец найдет нас... и ты станешь добычей для крыс...

Она снова закричала от боли в запястье.

— Заткнись! — приказал он неистово, наваливаясь на нее и тяжело дыша от непрекращающейся боли. Его лицо было напряжено и бесчувственно, он схватил ее за голову. Она почувствовала, как слезы катятся у нее по щекам оттого, что он сильно сдавил ее череп, нежные кости skulls. Взгляд его синих глаз буквально парализовал ее.

— Заткнись, — прорычал он опять. — Теперь, сука, тебе нечего надеяться на покровительство Богов!

Охваченная все возрастающим ужасом, Эрин смолкла. Она выдерживала его пронзительный взгляд, пока была в состоянии, а потом, так как не хотела выказывать страха, закрыла глаза, осознав свое бессилие.

Олаф медленно ослабил хватку. Некоторое время Эрин не открывала глаз, дрожа от страха. Но ничего не последовало, ни удара, ни какого-либо другого проявления мести. Олаф только переместился, чтобы она совсем не могла пошевелиться.

Шло время. Не в силах больше выносить неопределенности, Эрин осторожно приоткрыла глаза и поняла, почему до сих пор жива. Волк был отнюдь не железный. Боль в

ране наконец сломила его, он потерял сознание и упал на нее.

Несколько секунд она едва дышала, но его голова оставалась неподвижной. Его руки обхватывали ее, тело вытянулось вдоль ее тела, ноги прижимали ее ноги — таким образом, она была крепко придавлена и должна была сначала сдвинуть его, чтобы освободиться.

Хотя ей не хотелось и секунды оставаться в таком положении, Эрин все же заставила себя подождать. Золотистые волосы щекотали ей подбородок, тяжесть его груди давила на сердце, он лежал так, что создавалось впечатление любовной сцены. Если бы он хотел ее изнасиловать, его поза была бы именно такой.

Эта мысль ужаснула ее, и она решила, что ждала достаточно долго. Осторожно пытаясь выбраться из-под него, приподняла его правую руку. Мускулы начали напрягаться при ее прикосновении, и она затаила дыхание; затем, еще более осторожно, вытащила ногу. Медленно втягивая живот, она поняла, что может более легким способом выбраться.

Эрин уже освободилась наполовину, когда заметила шевеление. Она быстро повернулась и посмотрела на лицо своего врага. Громкий крик вырвался у нее, когда она увидела, что его лицо повернуто к ней, глаза открыты и рука сжимает ее запястье и поясницу. Крик перешел в захлебывающийся визг от боли и унижения, когда его рука переместилась мягко, но властно ниже, на подушечки ягодич. Слезы помимо ее воли заволкли глаза. Лучше бы она получила еще один удар, чем терпеть такое унижение. Он обращался с ней, как с беспокойным ребенком.

Ее разум протестовал против такого поворота, но Олаф остановился. Она обнаружила, что снова придавлена его телом, и взглянула на него с грозным выражением на лице и дрожащими помимо воли губами.

Он устало заговорил:

— Слушай, ты, у меня нет еще сил идти. Если ты повторишь то, что сделала, я просто сломаю тебе ногу. Твои кости легко поддадутся. Я смогу это сделать одной рукой, не очень напрягаясь.

Он смотрел на нее долго, прежде чем вернулся в прежнее положение и опустил голову на ее плечи и грудь.

Слезы катились по ее щекам, и она заметила грустно, что рассвет еще не наступил. Она лежала неподвижно, молча страдая пока усталость не сломила ее, и она забылась в освободительном мраке беспокойного сна.

Олаф видел великолепное здание. Это была главная зала Вальхаллы, окутанная дымкой, как и полагается зале, где собираются боги. Она была сверкающей, как и подобает такому месту. Сверкающие чаши были инкрустированы драгоценными камнями, воины и их дамы одеты в шелка, они смеялись и пировали, и мужчины подносили большие рога с вином к своим губам. Но Олаф не остановился выпить со своими сородичами. Он заспешил через залу, пытаясь сквозь дымку, которой был окутан, отыскать открытую дверь. Гренилде... Она должна ожидать его. И она была там, со сверкающими глазами цвета неба. Ее руки, устремленные навстречу, обняли его.

Он взял ее со страстью, которую она пробуждала в нем, вспоминая чудесное время на земле. Это была не дикая красота телесной любви, а покой и нежность душ. Только объятия... касания...

В туманных сумерках между сном и явью царил покой. Он улыбнулся, касаясь ее, легко двигаясь, чувствуя ее волосы, ласкающие его щеку, теплоту ее гибкого извивающегося тела.

Провел пальцами по ее щеке, достиг мягкой колонны ее шеи, сладостно ощутил упругость и тяжесть ее груди своими ладонями. Она зашевелилась и, слегка постанывая и вздыхая, придвинулась поближе к нему.

Его глаза открылись, и боль пронзила их от ослепительного света яркого солнца. Невыносимая мука ворвалась в его душу, когда он очнулся ото сна. Олаф взглянул, стиснув зубы, на женщину, которую держал, на волосы, которые щекотали его подбородок — они были не золотистыми, как солнце, а черными, как ночь. Длинные гибкие конечности, оплетавшие его тело, были не такими, как у Гренилде, другим было и утонченное лицо, казавшееся нежным и невинным во сне. Он проучил эту ирландскую сучку, которая так мечтала отрезать его гениталии и разорвать их на куски.

Девушка сладко вздохнула, как будто ей было удобно и крепче прижалась к нему, ее грудь уперлась ему в ладони. Она прижалась к его плечу, как ласковая кошечка, и он понял, горько усмехнувшись, что ей снилось что-то свое.

Эрин снилось не то, что Олафу. Она возвращалась из приятных сумерек сна, медленно пробуждаясь. Это был инстинкт, которому она подчинялась. Она прильнула к теплому, упругому, сильному телу, ей просто было так надежнее и удобнее. Его тело согрело ее оочеченвшие конечности лучше, чем лучи солнца, и все, что она чувствовала-это легкость, удовольствие и волнение, пока не очнулась и с мгновенно появившейся тревогой уставилась в ледяные глаза Волка.

Глаза Олафа сузились, когда он увидел волну ужаса, поднимавшуюся на ее матовом лице. Потом она оглядела себя. Ее рубаха была задрана, стройные ноги переплелись с его, ее тело изогнулось в неприличной позе, его руки...

Эрин хотела закричать, но застыла, встретившись с его презрительным взглядом. Она лежала так, словно была его любовницей, с удовольствием ощущала его прикосновения, и даже сейчас ее грудь покалывало от касания его ладони.

Вдруг он засмеялся, и этот смех был глухой, как шорох сухих листьев. Пустой, далекий, такой далекий...

Чувство униженности и отвращения вернулось к ней. Забыв о предупреждении не шевелиться, об угрозе, в исполнении которой сомневаться не приходилось, она начала бить его ногами и руками, застав врасплох и причиняя боль его ране.

Улыбка исчезла с его лица, и ее сменил так хорошо знакомый гнев. Волк широко расставил ей ноги, схватил запястья и поднял ее руки высоко над головой. Он снова обрел силу, с горечью отметила она, ее гнев утих, и сожаление по поводу ее глупой выходки перешло снова в чувство страха.

— Тебе, сучка, надо преподать урок, — рявкнул он раздраженно. — Благодарю своего Бога, что мои мозги заняты, а тело ранено, и ему нужны твои нежные прикосновения, — добавил он с сарказмом.

Он отпустил ее запястья, его брови поднялись вопросительно и с насмешкой, когда он заставлял ее двигаться под ним снова. Прикоснулся слегка пальцами к ее щекам, мрачно улыбаясь ее жалким попыткам оставаться невозмутимой, слегка обнял ее, и на его глаза упала тень.

— Будь довольна, что ты мне необходима, — сказал он почти спокойно, — и что датчане повредили мою ногу. Но я ничего не забываю, и ты, ирландская сучка, опять и опять вызываешь мое негодование.

Он отпустил ее, с трудом поднялся и, нагнувшись, поставил ее на ноги.

— — Помоги мне добраться до воды, — приказал он. У кромки воды он толкнул ее вниз, прежде чем, шатаясь, опустился сам, сделал глоток и уперся сзади руками.

— Промой рану снова! — потребовал он. — И хорошенько, она все еще болит от прижигания. Вода облегчит боль.

Дрожащими руками Эрин начала промывать рану свежей водой. Она нервно оглядывалась на него и видела, что его голова откинута назад, а глаза закрыты. Но щелки его глаз сверкали предостерегающе, и она снова принялась за работу.

« Он сейчас погружен в свои мысли », — думала она. Но он запомнил все, что она ему сделала. Что будет с ней, когда сдерживающая его отстраненность покинет его?

— На этом берегу есть особая глина, — сказала Эрин, запинаясь, — теперь, когда рана промыта, самое лучшее — обложить ее глиной и речной травой, жар спадет и...

— И я сгнию от яда? — осведомился он.

— Нет, — прошептала Эрин, — я говорю правду.

— Тогда действуй, только осторожно.

Дрожа, Эрин разорвала ткань вокруг раны, и затем оторвала кусок своей одежды, чтобы сделать новую повязку.

Она постоянно ощущала его. Она чувствовала его дыхание около своей шеи, когда перевязывала бедро, силу его мускулистых рук. Даже не глядя на него, чувствовала его взгляд, ясно представляла его полные, красивые губы, скрытые в бороде, которые искривлялись от раздражения и смеха.

Каждое прикосновение к его телу, любая мысль о нем заставляли ее трепетать от страха. Она должна спастись, но если она снова попытается, причинить ему боль, ей надо будет действовать быстрее.

Как будто прочитав ее мысли, он заговорил:

— Говорят, что вкус мести самый сладкий из всех...

— Да, — подхватила Эрин, — месть сладка, викинг.

Она проверила повязку, встала, пытаясь размять мышцы; ее тело свело за время перевязки. Как она и думала, он склонил свою золотистую голову над раной, чтобы посмотреть на ее работу.

« Он слаб, — говорила себе Эрин. — Он почти не ел, и никакой отдых не мог восстановить силы истощенного раненого ».

Несмотря на природную мощь его тела, Олаф был страшно утомлен. Его вымотала боль. Он не держал Эрин, и он был не в состоянии бежать. Если она не спасется, он выдумает ей наказание в отместку, которая, как он предупредил, будет сладостной для него.

Эрин шагнула осторожно к лежащей у воды сухой палке, молясь, чтобы он не услышал. Он заметил это, но секундой позже. Его синие глаза устремились на нее как раз в ту минуту, когда она нанесла палкой удар по голове. Его глаза сомкнулись, но она успела прочитать в них, что он никогда не забудет того, что она сделала. И если когда-нибудь она попадется ему снова, месть будет ужасающей.

Он упал на берегу, но Эрин знала, что ее удар не был смертельным. Она заколебалась, не следует ли ей убить его, пока он без сознания, и таким образом отплатить за все. Но она не стала над этим долго размышлять и бросилась прочь, забыв о лошади и о своей абсурдной мысли, которую когда-то лелеяла-сделать его своим пленником.

Плохо соображая, она ныряла в зарослях ежевики петляла между деревьями, думая только о том, чтобы убежать подальше от этого страшного человека, существа невероятной

силы, убежать от Волка.

853 г. н.э.

Эрин устало прислонилась к мощному стволу ясеня, закрыв глаза и тяжело дыша.

Пришла весна и вместе с ней затяжные дожди. Почва под ее ногами была мягкой, и в лесу пахло землей и свежей зеленью. Воздух был влажен и тяжел. Скоро опять пойдет дождь, и под ногами будет сплошная грязь и слякоть.

Эрин встала поудобнее, слегка вздрагивая, и схватилась за плечо. Ее рука дотронулась до чего-то липкого, и она удивленно посмотрела на свои пальцы. Кровь. Странно, она не чувствовала боли.

Эрин надвинула позолоченный шлем и опустила забрало, чтобы скрыть лицо, затем присела около дерева. Где-то неподалеку ее воины крушили датский лагерь около моря. Она не слышала криков — приучила себя не слышать, так же как научилась не думать о резне.

Хрустнула ветка, ее глаза открылись, и она схватилась за могучий меч, стараясь успокоиться. Она удивилась, увидев Мергвина, стоящего перед ней. Но ее удивление прошло вместе с настороженностью. Старый друид имел обыкновение появляться там, где его никто не ожидал увидеть.

Эрин встретила с его строгим взглядом, ожидая, что он скажет.

— Женщины, — сказал он спокойно, — освобождены от ношения оружия, моя леди Эрин, как ты знаешь, с 697 года, когда мать Святого Адамнана узрела двух прекрасных леди в сражении. Эти нежные создания на глазах у Ронайт поражали друг друга железными серпами с таким неистовством и жестокостью, что Святой Адамнан издал в Таре в тот год закон, который известен нам, как Каин Адамнана. Знаешь ли ты этот закон, Эрин?

Она не смела посмотреть друиду в глаза, а лишь опустила их, устало вздохнув.

— Я не участвую в битвах, Мергвин.

— Нет, ты ведешь людей, заставляешь их сражаться в лесах, нападать с тех пор как заманила викингов в ловушку.

Краска бросилась ей в лицо, и она почувствовала себя несчастной.

— Что ты делаешь здесь, Мергвин? — спросила она обиженно. Ее рука начала болеть, и золоченая кольчуга казалась невероятно тяжелой. Эрин чувствовала, что вся пропиталась кровью и очень устала. Она ощущала нечто большее, чем просто обычную грязь. Почему Мергвин на нее так подействовал? Она была победительницей и сегодня, и много раз с тех пор, как возглавила войска. Но эта победа почему-то не принесла ей радости. Она хотела оказаться дома, рядом с матерью, причесывать волосы и выбирать шелка для новых платьев...

— Ох! — Мергвин пожал плечами в ответ на ее вопрос, о котором она уже забыла. — Я подумал, что смогу найти тебя здесь, дочь Аэда.

Он сел около нее и расстегнул цепочку на ее руке, что-то бормоча при виде раны.

— Я перевяжу рану с припаркой, — сказал он, — а ты будь осторожнее и держи ее в чистоте, иначе карьера Золотой Амазонки закончится бесславно — не великим подвигом, а заражением крови, понимаешь?

Эрин молча кивнула.

— Я понимаю, — продолжал Мергвин, его голос становился сердитым, — что ни Аэд, ни лорд Феннен из Коннахта не знают, что они жили рядом с девушкой, которая сумеет

хитростью разбить викингов.

Эрин покачала головой, не глядя на Мергвина.

— Нет, — прошептала она, нервно сглотнув. Было непонятно, как она могла так бесстрашно встречаться с целой ордой наступающих воинов, в то время как встреча с Мергвином делала ее похожей на беспомощного ребенка. Но она не была Золотой Амазонкой для Мергвина, она это хорошо знала. Она была молодой женщиной, боявшейся того, что ее возьмут в плен или раскроют ее тайну.

Наконец она взглянула на своего старого учителя.

— Мергвин, отец не должен знать, что я руковожу этими набегами. Он запретит мне, Мергвин, и заставит выйти замуж за Феннена.

— Я расскажу все твоему отцу, — мрачно пробормотал Мергвин, и Эрин тяжело вздохнула, когда он завязал крепко повязку, сделанную из его робы, на ее ране. — Тебе следует выйти за Феннена и жить в его королевской резиденции, отказавшись от кровопролитий и других глупостей.

Эрин задрожала, почувствовав больший страх, чем во время первого похода. Все это время она не разрешала себе задумываться. С того дня, как она натолкнулась в лесу на Норвежского Волка и оказалась в плену, она забыла все свои мечты о сражении. Она поняла, что слаба перед ним и не желает умирать или быть раненой.

В это же время ее кузен Грегори вернулся домой выздоровевшим. Его мечты о мести снова воспламенили ее. Только она и Грегори были в Клоннтайрте, только они помнили тот ужас. Так или иначе, они вместе строили планы, вместе фантазировали, и в этих фантазиях они побеждали, а викинги, разрушившие Клоннтайрт, погибали один за другим. Эрин рассказала Грегори о дочерях Маэлсечлайнна, которые убили Тургейса, и о женщине, воевавшей вместе с викингами, потрясшей ее воображение. Эрин обнаружила, что ее кузен не только набрался сил и здоровья, но и кое-чему научился в монастыре.

Но как только Эрин начала рассказывать все это Грегори, она ясно вспомнила страшную картину поля боя у Карлингфордского озера и вновь почувствовала пронзительный взгляд Норвежского Волка.

Хотелось думать, что победа датчан у Карлингфордского озера принесет мир. Но этот мир не продержался и дня. Датчане не были цивилизованными людьми. Их банды нападали на маленькие прибрежные деревеньки даже после того, как ирландские короли встретились с Фриггидом Кривоногим. Сраженные норвежцы возрождались, подобно сорной траве. Их набеги становились все более опасными, и, стремясь отомстить, они сражались с большей жестокостью с датчанами, чем когда бы то ни было.

Грегори мало заботило, кто были захватчики-норвежцы или датчане. Он жаждал разгромить всех чужеземцев. И даже более того, он хотел воздать должное тем предателям-ирландцам, которые примкнули к викингам, чтоб! сражаться против своих сородичей.

Во время своего пребывания в Арме Грегори изучил приемы ведения боя. Он соединил все, что почерпнул из рассказов Эрин о женщинах-воинах, и родилась Золотая Амазонка.

Поговорив с кузеном, Эрин почувствовала себя настоящей трусихой. Она рассказала ему о встрече с викингом после великой битвы, и как ее победа быстро обернулась поражением из-за неосторожности. Грегори был поражен и восхищен Эрин. Он уверил ее в том, что ее действия достойны похвалы и, очевидно, она была спасена духами леса. Ей была уготована героическая судьба.

Эрин не была убеждена, что создана для подвигов, но Грегори все же смастерил ей

красивый позолоченный шлем и кольчугу, и, не успев до конца разобраться в своих мыслях, Эрин была вынуждена принять его дерзкий замысел и превратилась в Золотую Амазонку, которую воспевали поэты, которой восторгались короли и страшились викинги.

Сначала к ним примыкала лишь горстка молодых мужчин. Это были просто юнцы, обезумевшие от вида первой крови. Но цель вдохновила их, и спустя недолгое время они превратились в грозную силу благодаря молниеносным, хитро задуманным набегам. Все больше и больше ирландских принцев и воинов присоединялось к тайному войску.

Грегори и Эрин встречались нечасто. Им приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы уйти из дома. Позже у них появилось больше времени: Аэд был обеспокоен возрождающейся с невероятной быстротой мощью норвежцев и ездил по стране, пытаясь сплотить королей, так как организованная защита была первостепенным делом, если они хотели выжить. Маэве предоставляла младшей дочери полную свободу и вряд ли подозревала Эрин во лжи, когда та рассказывала о паломничествах, предпринимаемых со своим кузеном.

Эрин встречалась со своим войском, будучи в золотом облачении, со шлемом на голове. Она боялась сначала, что ее выдаст голос, но искусно изготовленное забрало рождало эхо, которое делало голос неузнаваемым. Войска Эрин были ей преданы, признавая и уважая ее желание остаться неизвестной, Всякий, кто не мог справиться с любопытством, забыв про честь, обнаруживал меч около своего горла.

— Мергвин, — сказала мягко Эрин, — пожалуйста, не говори сейчас ни о чем ни моему отцу, ни Феннену. Я не могу выйти замуж. Мы нанесли сильный урон викингам и спасли много ирландских деревень, много людей.

Она дотронулась до покрытых щетиной щек Мергвина прошептала:

— Пожалуйста, Мергвин. Я клянусь тебе, я ношу меч только на случай защиты, если...

— Если Золотая Амазонка не сможет быстро скрыться, После того как заманит людей в смертельную ловушку.

Эрин вышла из себя. Она была утомлена, и у нее болела рука, а Мергвин говорит так, будто викинги — пострадавшая сторона.

— Мергвин, — сказала она холодно. — Эти люди, которых я» заманиваю в смертельную ловушку «, насильники, убийцы и грабители. Убийцы, разрушающие чужую страну. Кажется, я не переплывала море, чтобы навредить им. Это они пришли сюда, Мергвин, в мою страну. И если эти звери, жадные до крови, хотят спасти свои, шкуры, им следует убраться. Мы нападаем на их лагерь, зная, что они собираются уничтожить наши деревни.

Она стояла, расправив плечи и выпрямив спину. Мергвин мог наблюдать, как она собирала всякий сброд и делала из этих людей отважных воинов. Ее глаза светились гордостью и достоинством. В их изумрудных глубинах каждый мог увидеть землю зеленой Ирландии во всей ее красе. Он не мог с ней спорить. Не во имя справедливости боролся он с ней с тех пор, как ее тайные подвиги хорошо помогли ее отцу в сплочении королей Эйре. Он просто боялся за нее, и страх этот глубоко засел в нем. Он знал об опасности, которая исходит от златокудрого великана, но и понимал, что не сможет направить Эрин туда, куда считает нужным.

Имея дело со своенравной дочерью Аэда, надо было использовать все свое умение, чтобы повлиять на нее.

— Иди и распусти войска, — сказал он резко. — Я пришел, чтобы увести тебя обратно в

Тару. Твой отец созывает совет и обязательно заметит твое отсутствие.

Эрин посмотрела на раздраженного друида, слыша тяжелые удары своего сердца. Он не собирался выдавать ее отцу; он пришел, только чтобы предупредить ее.

— Хорошо, Мергвин, — сказала она спокойно.

Он указал ей на золотой шлем, и она надела его, приладив забрало.

Эрин Мак-Аэд, милой энергичной красавицы Тары, больше не существовало. Забрало скрыло лицо умной девушки, которую он знал, девушки, которая лечила крылья малиновке и проливали слезы над пострадавшими братьями меньшими. Теперь она с достоинством носила свое золотое облачение.

Эрин шла быстро и спокойно через лес, возвращаясь к тому месту, где была устроена засада для викингов. Она привыкла видеть смерть. Как и многие смелые люди, она просто приучила себя не обращать внимания на убитых.

Как всегда, она принялась горячо молиться, чтобы среди убитых не оказалось Грегори.

Лес молчал, и она прислушалась, как учил ее Мергвин. Сначала она услышала только легкое колыхание листьев под ветерком, потом ветер донес до нее отдаленные голоса мужчин. Она пошла на звуки, понимая, что ее войско; в двадцать с лишним человек продолжает разрушать лагерь викингов...

Осторожно ступая, она наткнулась на поляну с палатками викингов и потухшими кострами.

Ком подкатил к ее горлу при виде того, что сделали ее воины, и у нее неожиданно навернулись слезы.» Это датчане «, — говорила она себе, но иногда при виде разрухи и трупов ей становилось больно. Тело окровавленного старика лежало около костра, женщина, сопровождавшая лагерь, валялась мертвая у своей палатки с пронзенным сердцем.

Эрин задрожала от ужаса.» Я теряю контроль над собой, — думала она с болью, — они же убийцы, варвары. А мы образованные... христиане, наконец «.

Она ступила на поляну, и ее голос разнесся по всему лагерю. Из палаток стали выходить мужчины с награбленным добром в руках. Но когда она пристыдила их за языческие повадки, они смутились.

Из толпы вышел человек, он преклонил перед Эрин колени.

— Приносим наши извинения, леди. Женщину убили в припадке ярости. Когда она появилась, мы не разобрали, кто перед нами, и метнули копья и пики.

Человек поднял голову, и мурашки пробежали по телу Эрин. Воин, стоявший перед ней на коленях, был не кто иной, как Феннен Мак-Кормак.» О Господи! О» узнает меня «, — подумала она, но тут же убедила себя, что это невозможно. Через забрало можно было видеть только ее глаза.» Перестань дрожать и соберись! — строго приказала она себе. — Следи за каждым своим словом, или ты потеряешь свое славное войско. Забудь, что перед тобой Феннен «.

— Поднимись, пожалуйста, — громко сказала она, — я молюсь, чтобы, освобождая страну от язычников, мы сами не стали язычниками.

Большинство воинов стояли перед ней с боевыми трофеями в руках. Эрин не обращала внимания на то, что они грабили лагерь. Все, что есть у викингов, по праву принадлежит ирландцам. Она подняла руки в позолоченных перчатках.

— Мои друзья, мы расходимся. Вас известят, когда и где мы снова встретимся.

Войско растворилось в лесу. Она поспешно оглядела лица, затем с благодарностью взглянула на кузена, шепча про себя молитву.

Глаза Эрин и Грегори встретились. Он изогнул губы в незаметной улыбке, показывая, что с ним все в порядке. Он понял: Эрин встревожена из-за Феннена. Она повернулась, посмотрела вслед удалившемуся Феннену и пошла в противоположную сторону.

Они встретились с Грегори в условленном месте. Бросившись в его объятия, она наконец позволила себе расслабиться.

— Феннен! — прошептала Эрин. — Грегори, он мог узнать меня. Почему я не знала, что он с нами? Ты должен был предупредить меня!

— Я не мог, Эрин, он присоединился к нам слишком поздно. Все, что я смог сделать, это принять его милостиво, как мы принимаем всех ирландцев, которые желают сражаться вместе с нами. Я не мог отвлекать тебя перед битвой.

Он молчал, прижимая ее к себе, потом снова заговорил:

— Почему ты всех распустила, Эрин?

— О, Грегори, мой отец созвал совет в Таре, и мы должны вернуться домой! К тому же теперь Феннен знает, что ты среди воинов, которые так успешно побеждают викингов! А мать уверена, что мы с тобой поехали в церковь...

Грегори покачал головой.

— Феннен ничего не расскажет, я ручаюсь. Твоему отцу не понравятся подвиги Золотой Амазонки и ее войска, потому что мы действуем незаконно, как нам заблагорассудится. Феннен — король Коннахта. Полагают, он поддерживает тех королей, которые справедливо считают, что ничего не выйдет, пока в стране не будет хоть какого-то порядка и организованных действий. Он не раскроет своего участия, пока этого не сделаю я.

Эрин пожала плечами.

— Надеюсь, что ты прав, Грегори, — прошептала она, — приведи-ка лучше лошадей, нам еще надо снять кольчуги. Грегори нахмурился.

— А как ты узнала, что отец созывает совет?

— Я встретила Мергвина.

— Мергвина?!

Эрин кивнула и криво улыбнулась.

— Старый друид знает больше, чем мы.

Что-то бормоча, Грегори отправился за лошадьми. Эрин продолжала размышлять о Феннене. Он внушал ей симпатию своими сегодняшними действиями.

Спустя некоторое время Грегори появился снова, она сняла шлем, подняла забрало и попыталась снять кольчугу. Он молча помог ей.

— Эрин, — обратился к ней Грегори нерешительно.

— Что, Грегори?

Он стоял спиной к ней, тщательно связывая их боевое снаряжение, чтобы уложить его в чересседельные сумки и спрятать перед возвращением в Тару.

— Как Мергвин нашел нас? Как он узнал?

Она пожала плечами.

— Мергвин... ну, понимаешь, он иногда знает больше, чем все думают. Поехали, Грегори. Мы должны встретиться с ним снова, перед тем как отправиться домой. Это удача, что он нашел нас. Мой отец поверит, что мы были с ним.

Им не пришлось искать Мергвина. Он спешил к ним на своем гнедом мерине, его накидка и борода развевались на ветру.

— Ну? — спросил он раздраженно. — Мы можем ехать?

Эрин и Грегори молча сели на лошадей и последовали за ним. Они проехали порядочное расстояние, прежде чем Эрин решилась спросить. Она прищипорила лошадь и подъехала к Мергвину.

— Мергвин, зачем мой отец созывает совет? Что-нибудь случилось?

Задумчивые глаза устремились на нее, будто бы заметили что-то странное в ее лице. Но он отвел взгляд, пожав плечами.

— Да, моя дорогая Эрин, кое-что случилось. Белый Олаф выгнал датчан из Лиффея и взял Дублин. Повелитель Волков вернулся.

Приступ холодящего сердце страха, которого Эрин никогда не испытывала, накатил на нее. Он вернулся. О Господи, он вернулся!

Мергвин снова взглянул на нее. Его бездонные глаза были мрачны, когда он заговорил бесстрастно и настораживающе:

— Говорят, что он не будет довольствоваться Дублином. Он пойдет дальше, в Ирландию. Он пойдет в Тару.

— Ты не будешь покидать Тару, пока меня нет, дочь моя. Я молчал, слушая сказки о ваших с Грегори молебнах в святых местах, но теперь ты будешь здесь, пока мы сражаемся. Ты поняла меня?

Эрин ощутила комок в горле, на глаза навернулись слезы. Отец, братья, Грегори — все едут сразиться с Волком, который, как говорят, надвигается с тысячами воинов. В долинах Тары царил полный беспорядок, с тех пор как ирландские короли объединились, наконец, во главе с Ард-Ригом, чтобы побороть общего врага.

— Да, отец, — сказала она смиренно. Он дотронулся слегка до ее подбородка.

— Знай, Эрин, в этом старом сердце всегда найдется уголок для тебя. — Потом его голос стал жестче. — Но помни, девочка, мои слова. Ты заплатишься, если нарушишь мой наказ, пока я сражаюсь с Волком.

Эрин снова кивнула. Отец вскочил на лошадь, и она поспешила вместе с матерью, чтобы поцеловать братьев. Эрин едва успела поправить пряжку на плаще Ниалла.

— Будь осторожен, Ниалл, — прошептала она, улыбаясь ему.

— Не унывай, сестричка. Мы скоро вернемся.

Она ослепительно улыбнулась. Он выступил вперед, чтобы попрощаться со своей женой, а Эрин подошла к Грегори.

— Кажется, Золотая Амазонка должна исчезнуть на время, — шепнул он. — Но я рад, Эрин. По крайней мере, ты будешь в безопасности.

— Грегори, это гораздо хуже. Я так боюсь за тебя и отца.

— Я вернусь, Эрин. И отец, и братья тоже.

— Я верю в это, Грегори. Я верю всем сердцем. Кто-то похлопал ее по плечу, и это отвлекло ее. Перед ней стоял Феннен. Он обнял ее и поцеловал нежно в губы.

— Я вернусь, Эрин, и тогда мы не будем больше ждать. Мы поговорим с твоим отцом о нашей женитьбе.

Она открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Возможно, когда они вернутся, Волк уже будет мертв, и викинги не будут больше угрожать им.

— Будь осторожен, Феннен Мак-Кормак, — сказала она нежно.

Он снова поцеловал ее.

— Мы не задержимся долго, изумрудная красавица — прошептал он, затем с показной ловкостью вскочил на лошадь и поскакал к своим людям из Коннахта.

Эрин повернулась опять к Грегори, но его уже не было. Она увидела мать, пристально смотрящую вслед отцу, но Аэд тоже скакал легким галопом, чтобы успеть примкнуть к началу процессии.

Маэве обняла Эрин. Они вместе смотрели вслед воинам, пока последний всадник не скрылся в блеске полуденного солнца.

Дни в Таре текли медленно. Повседневная работа становилась все более скучной. Эрин была обязана ухаживать за овцами и, не позволяя себе думать о кровопролитиях, она лежала на траве, где паслись овцы, и просто мечтала, чтобы ирландцы вернулись с победой, чтобы Норвежский Волк был сражен, и она была освобождена от преследующих ее воспоминаний... Феннен бросится к стопам Аэда, прося руки его дочери, и он, восторгаясь смелостью и подвигами Феннена, согласится, что когда его дочь удастся убедить...

Эти мечты вызывали легкую дрожь в позвоночнике, и она представила себе с острым мучительно-сладостным чувством, что ей предстоит любить мужчину всей душой и телом.

Так она размышляла в тот день. Уже минула пятая неделя с тех пор, как войска покинули Тару. Вдруг ее испугал конский топот. Звук становился все громче, и она припала к земле, стук ее сердца смешался с приближающимся топотом. Как далеко она зашла со стадом? Должно быть, это не опасно. Вероятно, стража увидит незваного гостя.

Сердце ее успокоилось, когда она, к своей радости, увидела, что всадник, теперь перешедший в легкий галоп, был ее кузеном Грегори. Она поднялась в выношенной полотняной робе и позвала его радостно, устремившись навстречу с распростертыми руками. Грегори спешился.

— Грегори! Ты! Все в порядке? Отец — как он? Грегори, с ним все хорошо? Ниалл, мой...

— Ш-ш... — прошептал Грегори, отойдя немного, чтобы ласково улыбнуться, глядя в ее тревожные глаза. — С твоим отцом и братьями было все хорошо два дня назад, когда я покинул их. Он увидел облегчение в глазах Эрин. Грегори был очарован ее красотой. Даже в старой бесцветной рабочей одежде Эрин была восхитительна. Ее глаза, такие блестящие, зеленели на нежном точеном лице цвета слоновой кости, темные как ночь волосы в сочетании с белой кожей, с легким румянцем создавали удивительный контраст, прекрасные брови вопросительно поднялись.

Он снова обнял ее, прошептал:

— О, Эрин, ты прекрасна. Просто великолепно после того, что я видел.

Она отстранилась от него в тревоге.

— Грегори, что-то случилось? Почему ты здесь?

— Нет, — быстро сказал он, — все хорошо. Твой отец послал меня в Тару, чтобы передать новости.

Он замолчал, размышляя, говорить ли о настоящей причине возвращения или дать ей сначала наглядеться на него, такого живого и здорового. Он выбрал последнее.

— Странно, Эрин, но Волк — хитрый воин. Мы участвовали только в нескольких сражениях. Они были жестоки и ужа... — он замолчал; ему не следовало описывать увиденное. — Олаф захватывает деревни, но он убивает только тех, кто восстает против него. Он брал совсем немного из того, что находил, лишь пополняя запасы продовольствия, ничего не сжигал и уходил.

Грегори нахмурился.

— Знаешь, Эрин, я не верю, что Олаф решится пойти на Тару. Я не думаю, что он когда-нибудь сделает это. Мы были уверены, что он поведет себя так, как и все викинги до него, а он учел это и готовит нам ловушку.

Эрин взяла своего кузена за руку и повела его в то укромное местечко, где она недавно мечтала о мирных днях. Теперь она забыла все эти глупости. Она кормила его свежим хлебом и сыром и, нахмурившись, обдумывала его слова.

— Я не понимаю, Грегори, — сказала она, пока он жадно ел, — почему этот коварный норвежец хочет захватить всю Ирландию. Если бы он никогда не угрожал Таре, его бы, возможно, оставили в покое. Дублин принадлежит викингам уже несколько десятков лет. Пусть они там и остаются, и мы не тронем их.

Грегори покачал головой и взял сосуд со свежей родниковой водой. Он долго пил, вода стекала по его подбородку, он вытер его рукавом, вздохнул и опять покачал головой.

— Я не знаю, Эрин, но это волнует меня. Никто точно не знает, что он собирается предпринять. Мы отбросили его назад сегодня, вскоре мы заставим его отступить к Дублину, но я все же не уверен, что мы окончательно усмирим его. Я просто не знаю...

— А я знаю! — зло перебила его Эрин. — Мой отец превзошел этого Волка, этого Норвежского пса. Мы победим!

Грегори чувствовал, что что-то скрывалось за ее словами. Она так ненавидит его... Конечно, Клоннтайрт. Его семья погибла от рук воинов Белого Олафа, но он не сосредоточивал свою ненависть на одном человеке. Он боролся со всеми викингами, как только мог; это он организовал войско Золотой Амазонки, а безграничная смелость и выносливость Эрин принесла успех этому рискованному предприятию, но все же он вдохновил ее мыслью о мести. Он научился логически мыслить, научился тактике и политике у своего дяди, и он видел, что расчетливость Аэда спасала, тогда как опрометчивое действие было бы самоубийством.

Он сражался теперь с Норвежским Волком, и это доставляло ему удовольствие. Но война не могла обернуться против одного человека. Грегори почувствовал, к своему удивлению, что он не винит лично Олафа в смерти родителей. Грегори покинул поле сражения, где имел все шансы встретиться с норвежцами лицом к лицу. Возможно, это и к лучшему, так как он уже видел златокудрого гиганта в бою. Казалось, на свете не существует более сильного человека. Он был как ураган, сносивший все на своем пути.

Грегори повернулся к Эрин, пытаясь угадать, о чем она думает. Она была сильнее его в Клоннтайрте, но это было три года назад. Несмотря на отвагу, которую только он мог оценить, она была женщиной, а, следовательно, более эмоциональной, чем мужчина. Ему никогда не приходило в голову, что викинг, с которым она столкнулась около Карлингфордского озера, был Норвежский Волк.

— Скажи мне, Грегори, — прошептала Эрин, глядя на овец, — ты видел Белого Олафа?

— Да.

— Он жив? Он не ранен?

— Без единой царапины. Многие верят, что он под защитой норвежских богов.

Ему не понравился ее взгляд, и он решил, что пора все рассказать.

— Эрин, я упробил твоего отца послать меня с известиями домой. И я сам отобрал тех, кто поехал со мной.

Она не отвечала, продолжая наблюдать за овцами. Он собирался говорить дальше, когда она, наконец, прошептала:

— Я рада, что ты смог выбраться домой, Грегори. Мне дорога твоя жизнь, как и любого из моих братьев. Он сжал ее руку.

— Мы всегда будем братом и сестрой, — сказал он. На мгновение воцарилось молчание, но потом Грегори заговорил снова:

— Я счастлив быть дома, но я здесь не только потому, что на меня возложена эта обязанность.

Она, наконец, повернулась к нему; вид у нее был озадаченный.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Ты мне нужна, Эрин. Она нахмурилась.

— Я все еще не понимаю, кузен. Он задержал на мгновение дыхание.

— Золотая Амазонка должна снова появиться.

— Что? Грегори, ты с ума сошел? Уж лучше встретиться с однорукими датчанами, чем

предположить, что отец все узнает.

Грегори покачал головой.

— Мы не будем показываться на глаза твоему отцу. Алтрип едет впереди в качестве разведчика. Волк не угрожает Таре, но опасность представляет группа ирландских предателей и датчан. Алтрип обнаружил лагерь по пути отсюда. Он считает, что они нападут, так как Тара осталась почти незащищенной. Здесь остались жены благородных воинов, обреченные на поругание или рабство.

Эрин задумалась, потом заговорила.

— Грегори, я не знаю, как мне это сделать. Я дала отцу слово, что не уеду никуда, а мать целый час каждое утро составляет задания, которые я должна выполнить в Таре.

— Эрин, Тары не будет, если мы не решимся.

— Я не могу поверить, что отец не пошлет войска.

— Это мы — войска. Больше войск нет. С тех пор как мы добрались до Дублина, положение с каждым днем становилось все серьезнее. Я привел всех, кто был свободен. Твой отец верит, что мы победим, Эрин, и я тоже, что мы должны действовать неожиданно.

— Грегори, стража...

— Ее недостаточно. Что бы ты ни говорила, мы должны действовать.

Он увидел, как по ее лицу промелькнула гримаса боли, но он не знал точно, что тревожило ее больше — облачение в кольчугу и встреча с варварами или нарушение запрета отца.

Она вздрогнула, и ее прекрасное лицо оживилось.

— Я знаю, что мы скажем, — заявила она твердо. — Ты должен сказать моей матери, что Мергвин заболел. И что ты будешь сопровождать меня к нему. Людям скажут то же самое, и тогда им не покажется странным, что их золотая леди встречается с ними на том же месте.

— Хорошо придумано, кузина, — шепнул Грегори.

Эрин встала, стряхнув землю и траву со своей робы. Она смотрела вперед на прекрасные постройки, видневшиеся в отдалении. Тара блистала под солнцем. Она вспомнила о давно ушедших днях, когда в хижине Мергвина она мечтала стать героиней. Она стала ею. А теперь ей хотелось быть кем угодно, только не героиней.

— Пошли, — сказала Эрин, подавая руку кузену. — Моя мать будет счастлива увидеть тебя и услышать хорошие новости об отце и братьях. Гвинн безжалостно будет выпытывать у тебя все. А потом... потом ты поговоришь с жена-ми, которые не увидят больше своих мужей и сыновей.

Грегори положил руку ей на плечо. Они пошли к его лошади, и Грегори взял в руки поводья. Эрин громко свистнула собакам, и те привели овец в движение. Скромная, молчаливая и мрачная процессия побрела домой.

Белый Олаф, казалось, играл в кошки-мышки. Он нападал на маленькие деревеньки, исчезая снова, как молния, и как раз перед приходом ирландцев всегда отступал к Дублину.

Но сегодня он остановился перед укреплениями Дублина, чтобы дать бой. Используя лесную тактику, которую — о чем не знал Аэд — использовала и его дочь, викинг заманил ирландцев в засаду. Сражение продолжалось все утро, весь день и даже сейчас, когда наступили сумерки.

Находясь в самом пекле, Аэд сожалел о своих годах. Поначалу казалось, ирландцы долго удерживали позиции на поле боя. Теперь он понял, что это была иллюзия. Сначала он

сражался рядом со своими воинами, но стоило ему однажды потерять бдительность, как он оказался окруженным со всех сторон норвежцами.

« Я стар, — подумал он, — я прожил свою жизнь ».

Но никакого человека не убедит такой аргумент, когда он стоит перед лицом смерти. Он думал о Маэве, о детях, об Ирландии, за которую сражался и, несмотря на неравные силы, он поднял свой меч.

Он обнаружил, что окружен, что нигде не видно своих. Все отступили. В голове раздавался страшный звон, в глазах потемнело. Он зажмурился, и когда открыл снова глаза, увидел перед собой Белого Олафа.

Действительно казалось, что свечение исходит от этого человека. Даже для викинга он был слишком высок и в своей кольчуге с символом на груди казался массой солнечной энергии. Когда он выступил вперед, в воздухе почувствовалось напряжение.

« Я не хочу умирать! » Дрожь пронзила Аэда, когда он взглянул в холодные синие глаза норвежца, но на его лице не дрогнул ни один мускул. « О Боже, я старый человек, который боится смерти, — думал он, молясь. — Да, тем не менее, я уже почти в долине теней... » Аэд поднял свой тяжелый боевой меч высоко, и молитва исчезла из его сознания. Он ударил первым. Удар за ударом. Это казалось, был стремительный танец, а не пляска смерти. Мечи визжали, когда сталь ударялась о сталь.

Руки Аэда сотрясались от каждого удара врага. Аэд и Белый Олаф сражались один на один. По крайней мере, в этом состояло преимущество: не надо было опасаться нападения сзади. Аэд был человеком, который вышел из первого своего поединка победителем и с тех пор никогда не проигрывал даже более сильным и умным соперникам. На этот раз утешало только одно: он продержался довольно долго и теперь мог гордо принять смерть, смерть воина, смерть короля.

Удар меча викинга заставил его упасть на колени. Он попытался подняться снова, но поскользнулся в кровавом месиве, не в силах справиться с мечом. Аэд закрыл глаза и подумал о зеленой траве, о запахе земли после дождя, об улыбке Маэве и голубых облаках. Он пытался подбодрить себя, сдерживая дрожь, когда меч викинга прикоснулся к морщинистому горлу.

Внезапно викинг отнял меч, и Аэд открыл глаза, удивляясь, почему король викингов не сразил его. Он не мог поверить, что этот необыкновенный человек, известный своим странным милосердием, воздал должное Ард-Ригу Ирландии, человеку, яростно сражавшемуся с ним.

К удивлению Аэда, рука, затянута в кожаную перчатку, протянулась к нему. В глазах Олафа отразилась усмешка.

— Поднимайся, Верховный король Тары. — Протяжный и на редкость приятный голос произнес это на его языке. Озадаченный Аэд ухватился за руку. — Будет ли у меня столько силы и отваги, когда я доживу до твоих лет? — продолжал спокойно златокудрый гигант.

Аэд встал, моля Бога, чтобы не пошатнуться.

— Если ты собираешься убить меня, Норвежский Волк, — сказал Аэд по-норвежски, — окажи такую милость, не откладывай.

Викинг рассмеялся.

— Уважая вашу христианскую веру, Аэд Финнлайт, Ард-Риг Тары, я не отниму у тебя жизни. Только ваш Бог знает, что никто еще не мог достичь тех высот, которых достиг ты. Я ценю умных людей. Возвращайся к своим войскам, Верховный король. Тебе не причинят

вреда. Ты человек чести и смелый воин.

Не веря своим глазам, Аэд увидел, как толпа могучих гигантов расступилась, чтобы дать ему дорогу. Он посмотрел на суровое красивое лицо своего врага, затем повернулся и заставил себя высоко поднять голову.

« В любой момент топоры могут обрушиться на меня сзади », — думал он, пока медленно шел. Но, как и было обещано, никто его не тронул. Он прошел сквозь строй викингов. Поле битвы было спокойно. На сегодня сражение закончилось. Заиграла труба, и норвежцы растворились в лесу.

Когда Аэд воздал благодарность Богу за то, что по непонятной причуде Норвежского Волка он остался жив, он подумал о результатах дня. Его жизнь спасена, но он не знал, кто все же победил сегодня.

За сорок миль от того места, где ее отцу суждено было остаться в живых, дочь Аэда покидала свое поле битвы. Тара спасена благодаря Грегори и войскам Золотой Амазонки, но Эрин не ликовала по этому поводу, когда ехала через лес. Грегори был ранен, и она мечтала поскорее доехать до Мергвина, чтобы тот смог залечить рану. Ее кузен, который некогда боялся друида, теперь страстно желал его магического исцеления.

Они молча ехали, и Грегори все время смотрел на Эрин. Он улыбался, но она видела боль в его глазах.

— Мергвин знает, что мы едем, — заверила его Эрин. — Твоя боль скоро утихнет.

Грегори пожал плечами.

— Я беспокоюсь о тебе, Эрин.

Эрин промолчала. Ее чуть не убили сегодня. Она была вовлечена в рукопашную схватку с могучими датчанами. Она уклонилась от страшного удара, но не смогла заставить себя нанести ответный смертельный удар. Подоспел Грегори и спас ее. Она все еще пыталась внушить себе, что могла бы убить, хотя бы ради спасения своей жизни. Но у нее не было достаточно мужества для этого. Она понимала беспокойство Грегори: если подобное повторится, нерешительность может погубить ее.

— Грегори, — сказала она, наконец, — пожалуйста, не волнуйся за меня. Если я окажусь в подобной ситуации одна и помощи ждать будет неоткуда, я смогу постоять за себя.

Грегори попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой.

— Я молню, кузина, чтобы ты больше никогда не надевала свое золотое облачение.

На протяжении остального пути они молчали. Как Эрин и предчувствовала, Мергвин ждал их. Он позаботился о Грегори, накормил их и дал отдохнуть. Он не выказывал им свое неудовольствие. Он просто поглаживал длинную бороду, и его глаза ничего не выражали.

Они провели ночь в лесной хижине. Эрин спала так сладко, как спят только очень маленькие дети. Она была почти что веселой утром, когда проснулась, как будто снова стала девочкой, которую Мергвин учил слушать ветер и которая восхищалась при виде радуги. В хижине Мергвина царил дух доброты и спокойствия, в ней было безопасно. Эрин шутила со стариком, пока тот готовил копченую рыбу на завтрак. Но даже ее кокетство не могло отвлечь его от своих мыслей.

Они с Грегори уехали после завтрака. Эрин с улыбкой обернулась, чтобы помахать рукой, и вдруг ее лицо омрачилось от неожиданности. Она чуть было не попросила Грегори обернуться тоже и посмотреть на друида, но ее кузен буквально падал с лошади, и его лицо было усталым и раздраженным.

Она вдруг задрожала, не в силах забыть взгляд Мергвина. Его глаза смотрели на нее так печально, в них было столько жалости! На нее никто никогда так не смотрел. Они добрались до Тары без приключений. Грегори остался еще на один день, а затем вернулся обратно на поле сражения. Эрин принялась опять за свои домашние обязанности. Вечера она проводила с сестрами, и хотя даже Брайд была радостной с тех пор как узнала, что ирландцы оттеснили норвежцев к Дублину, Эрин быстро обнаружила, что ее опять затягивает водоворот мрачных размышлений и воспоминаний. Она предавалась мечтам лишь вдали от дома, когда пасла гусей или овец.

К счастью, она не знала, что ее мечтам, отраде ее существования, не суждено сбыться и что все обернется совсем иначе.

Аэд Финнлайт стоял усталый у высокого дерева и смотрел на укрепления Дублина, сделанные из камня и извести. Его вожди похвалялись успехами дня. Он слышал их гордые голоса у костра.

Аэд не считал этот день победным. Зеленые холмы Ирландии обильно пропитались кровью ее сыновей. Люди, с которыми он ужинал накануне вечером, были изувечены до неузнаваемости. Даже ночное небо, казалось, отражало мрачную картину смерти, сменив свой цвет на зловеще-малиновый.

Он закрыл глаза, почувствовав боль. Ему хотелось рыдать от осознания бессмысленности человеческой жизни, и ирландской, и норвежской. Большинство убитых — молодые люди, красивые, юные, смелые, здоровые — гордость отцов, отрада и надежда матерей.

«Бог одурачил нас всех!» — зло подумал он. И в порыве злости он ругал своих воинов, забыв о том, какого труда ему стоило сплотить их. Они росли во времена постоянной угрозы нападения со стороны викингов, они привыкли к сражениям. Сегодня они встретились с норвежцами и, хотя называли себя порядочными христианами, все же оказались кровожадными убийцами. Интересно, как скоро короли снова начнут воевать между собой после отражения викингов?

«Может, мы стоим друг друга, — прошептал он громко. — И, возможно, нам никогда не удастся освободиться от викингов, — думал он, упав духом. — Олаф так ловко провел нас».

Белый Олаф. Аэд видел его снова сегодня, впереди своего войска, с высоко поднятым тяжелым мечом, на великолепном черном жеребце. Он издавал страшный боевой клич, такой жуткий, какого Аэд никогда не слышал, и, восседая на коне, представлял такое потрясающее зрелище, как ни один викинг до него.

Он был не такой, как все. Это подтвердили вчерашние события. Да, Олаф был другой-молодой, сильный, крепкий, как могучий дуб, и такой же высокий и властный. Одного появления над холмом его золотистой головы было достаточно, чтобы вселить ужас в сердца многих смельчаков. Он сражался только с воинами и не трогал женщин и детей. Он был воином, страшным в битве, но не палачом.

Небо потихоньку теряло малиновую окраску, но это не делало картину дня менее мрачной. Костры разгорались под порывами ночного ветра, и, казалось, огонь о чем-то предупреждал.

Раздраженно Аэд отбросил шлем в сторону и пытался освободиться от сковывающей его кольчуги. Многие ирландские воины сражались в одних лишь кожаных рубахах и пали, сраженные сталью.

Он сел на бревно и внезапно почувствовал себя очень старым, слишком старым, чтобы жить. Его седеющие волосы и борода были лишь внешним признаком старости: старость вкралась в его кости и в его сознание.

Ирландцы хотят, чтобы он попытался взять город. Возможно, он и сделает это. Почему он не должен этого делать? Да потому что не сможет победить. Он понимал, что Олаф ждет этой атаки и наблюдает за действиями Аэда с любопытством. И еще потому, что если была хоть какая-то надежда на сохранение жизни и мира — оправдается она или нет, зависело

только от Волка. Он был другой. Дикий варвар с севера, да. Но какой-то цивилизованный. В противоположность Фриггиду Кривоногому, Олаф был более утонченным человеком. Ходили слухи, что он перенял многие ирландские обычаи, включая ежедневное мытье. Он был созидатель и мечтатель. Он уже возвел себе каменный замок внутри стен, и Аэд слышал, что в Дублине вода подавалась прямо в дома по трубам.

Ужасный крик смертельно раненого воина чуть не разорвал барабанные перепонки Аэда, подобно сильно брошенному копьё. Он стиснул зубы и зажал уши кулаками, чтобы не слышать пронзительных воплей умирающего. И тут Аэд Финнлайт, Верховный король Тары, человек, который собрал все силы страны для борьбы с общим врагом, зарыдал. Слезы не касались его обветрившегося лица уже сорок лет, и теперь они омывали его бронзовые щетинистые щеки. На мгновение у него защемило сердце. Он оплакивал прекрасных сыновей земли, превратившихся в груды искалеченных тел.

Аэд пошатнулся. Он не притронулся ни к своей кольчуге, ни к мечу с запекшейся кровью. Зашагал, ступая старыми, но все еще сильными ногами к костру, где предводители и короли ожидали его в надежде, что он прикажет им атаковать Дублин утром.

Мужчины с любопытством посмотрели на Аэда, их глаза блестели, жажда власти и победы.» Глупцы, — подумал Аэд, — вы смотрите на меня, сплотившего вас, и верите, что этот день был ваш «. Аэд поморщился при виде их лиц. Они были христианами, но смотрели как плотоядные и кровожадные звери.» О Боже, — вопрошал Аэд, — неужели мы, люди, верящие в тебя, не лучше этих тварей, пришедших с севера?» Короли, которые вынесли недели сражений и сегодняшний кошмар, не будучи ранеными, продолжали похваляться у огня своими подвигами. Аэд погрел свои грубые пальцы над огнем, не говоря ни слова. Он ждал, пока они замолчат. Потом сурово поднял глаза, покрытые дымкой.

— Все кончено, — просто сказал он. — Утром мы пошлем к Олафу своих гонцов, чтобы предложить переговоры.

Потрескивание костра было единственным ответом на неожиданные слова Аэда. Выражение лиц мужчин, собравшихся вокруг огня, было различным; на одних заметно облегчение, другие недовольны. Наконец заговорил Феннен Мак-Кормак, прерывая тягостное молчание:

— Посмотри сюда, Аэд, — сказал он, — ты собрал нас вместе. Ты потребовал окончательного разгрома викингов. Теперь ты предлагаешь отступить, когда мы близки к победе.

Аэд терпеливо смотрел на Феннена, потом спокойно заговорил:

— Правда, что я собрал вас. Олаф угрожал всей Ирландии. Но, честно говоря, я понял что мы никогда не ложем от него отделаться. Он сражается по-своему, он не простой враг-не такой, как другие викинги — датчане, норвежцы, шведы. Он хитрит даже сам с собой. И, как мы успели заметить, Олаф — не тот противник, к которому мы привыкли. Подумайте над этим. Казалось бы, мы выиграли сегодня. Норвежцы скрылись в убежище за стенами. Но можем ли мы верить в эту победу? Возможно, нас собрали здесь нарочно. Мы можем напасть завтра утром и обнаружить, что тысячи воинов Олафа поджидают нас.

Или мы можем начать переговоры. Он сильнее других» викингов. Люди повинуются ему безрассудно. Союз с ним поможет нам в борьбе против разбойничьих нападений на береговой линии, медленно разрушающих Ирландию. Он доказал, что благороднее любого датчанина. Мы видели его в бою, мы видели его благородство. Он разрешил нам забирать раненых. Он не совершал бессмысленных убийств в деревнях, которые завоевывал.

Это, лорды, мое мнение. Обдумайте это, и на рассвете мы примем решение. Но я уверен, что Олаф хитростью заманил нас сюда. Ему не надо ничего, кроме Дублина, но он хочет от нас признания, что город его. Я думаю, нам следует отдать ему город; он всегда был норвежским. В противном случае ирландские короли будут разгромлены. Над этим стоит подумать. Мы отвоевали землю сегодня, но мы не победили Олафа. И если мы не разгромим его, он поднимет свой меч снова и снова и, возможно, в конце концов истребит ирландские королевства.

Вокруг огня воцарилось молчание. Аэд смотрел на королей, но он не ожидал ответа. «Пусть немного подумают», — решил он, оставляя их. Он очень устал, он хотел оказаться дома, услышать приятный смех Маэве, жаждал ее успокаивающего прикосновения. «Возможно, я стар, — думал он, — и пыл, и страсти молодых во мне уже не возродятся, но я по-прежнему люблю свою жену, и она мой лучший друг».

Он не успел дойти до своей палатки, как его задержал Ниалл.

— Отец!

Поднятые брови Аэда говорили о его изнеможении.

Ниалл быстро заговорил:

— Я думаю, короли встанут на твою сторону. Некоторые все еще бредят победой. — Ниалл переминался с ноги на ногу. — Но многие считают, что на стороне Олафа Боги, поэтому его нельзя побороть. Их беспокоит только одно — как закрепить мир, как получить уверенность, что он не пойдет на нас снова.

Аэд улыбнулся и положил руки сыну на плечи.

— Спасибо за такие слова, Ниалл. — Он знал, что Ниалла уважают и ему доверяют младшие короли. — Сейчас я отдохну, а потом обдумаю, как следует, как решить эту проблему. — Он замолчал. — А ты что думаешь, Ниалл?

Ниалл поколебался и прокашлялся.

— Я думаю, как и ты, отец, что Волк коварен и оставил тебя в живых, потому что уважает тебя и верит, что ты попросишь мира, а не заставишь его продолжить бессмысленную резню. — Ниалл опять замолчал, потом заговорил хриплым голосом:

— Посмотри на эти стены, отец. Один Бог знает, что ждет нас за ними.

Аэд кивнул в ответ. Он вошел в свою палатку и обнаружил там юную блудницу, следовавшую с лагерем. Он мрачно улыбнулся, думая о том, что девушку придется разочаровать. Он был верным супругом, и, кроме того, он очень стар, чтобы быть в один день и воином, и любовником.

— Уходи, девочка, — мягко проговорил он, — я не нуждаюсь в твоих услугах.

Она была молода и мила, слишком молода и мила, чтобы вести подобный образ жизни. Ее лицо вспыхнуло от услышанных слов, вероятно, она подумала, что он счел ее неподходящей. Аэд смягчился:

— Если ты принесешь мне воды смыть запах крови с моих рук, я получу от этого истинное удовольствие. Девушка кивнула, мягко улыбнувшись.

— Я схожу за водой, мой лорд, — прошептала она застенчиво. — Я могу помассировать твои плечи, чтобы снять усталость.

— Отлично, — согласился Аэд. Умываясь, он еще раз взглянул на девушку, она немного напоминала ему Эрин. У нее были не такие роскошные волосы, не такое гибкое тело, но ей столько же лет, сколько его дочери.

Девушка начала массировать его шею и плечи. Аэд улыбнулся и закрыл глаза, все еще

думая об Эрин. Как хорошо было бы оказаться дома.

Он должен прекратить думать о доме. Он должен думать только о Белом Олафе и о заключении мирного договора, но сейчас он слишком утомлен. Усилием воли Аэд заставлял себя возвращаться мыслью к викингу. Массаж действовал на него благотворно. Прикосновения девушки были такими же нежными, как и прикосновения его любимой дочери.

Аэд расслабился, но внезапно его тело онемело. Думы о Волке и о дочери слились воедино. Как отец, он съезжился от боли. Как Ард-Риг, точно знал, что должен делать: он должен предложить перемирие, только такой союз будет прочным.

Аэд провел беспокойную ночь, на заре гонцы были посланы к стенам Дублина. Волк согласился встретиться с Аэдом, и вскоре Ниалл был послан в Тару, чтобы привезти Эрин к отцу. Ард-Риг заключил договор.

Эрин пустила в ход все женские хитрости: от лести и выманивания до мольбы и упрасиваний. Когда ничего не подействовало, она принялась плакать, но даже этим не могла вытянуть объяснений от Ниалла.

Ей приказали ехать, как подобает принцессе, и процессия, которая двинулась к Дублину, была впечатляющей. Прекрасные шелка и отделанные мехами атласы украшали и мужчин, и женщин, даже лошади были облачены в парадные шелковые попоны с серебряными и золотыми орнаментами. Роскошный плащ ярко-голубого цвета лежал на плечах Эрин, его мягкие складки спадали на круп лошади. Ее шея была укутана белоснежным мехом серебристой лисицы, а волосы цвета вороного крыла каскадами спадали на спину. Эрин была испугана, но несмотря на свой страх держала голову высоко.

Видя ее румяные от ветра щеки и глаза, блестящие величественно и предостерегающе, Ниалл думал, что никогда Эрин не казалась ему такой красивой. Он чувствовал себя предателем, но только потому, что был верен своему отцу и верил в справедливость его решения, он заставил себя держать все в секрете, Он ни минуты не сомневался, что Эрин попытается бежать, если только заподозрит, что за судьба ей уготована.

— Ниалл! — Ее голос прервал его размышления, и он взял себя в руки. Голос был вкрадчивый и нежный, и он понял, что допрос возобновился.

— Да, Эрин.

— Пожалуйста, Ниалл, я в такой тревоге за отца, и я буду чувствовать себя намного лучше, если узнаю, зачем я ему нужна! О, Ниалл...

— Эрин, — опять начал лгать Ниалл, — я только посланник. Я действительно ничего не знаю. Сожалею, Эрин.

«Более чем когда бы то ни было, сестричка, — грустно продолжал он про себя. — Если бы только опять мы стали детьми и тебе наказали присматривать за гусями...»

Они были в дороге несколько дней, отдыхая у гостеприимных жителей ирландских деревушек, признававших законы гостеприимства Брегона. Эрин всегда предоставляли лучшую комнату на постоялом дворе или в доме деревенского старейшины. Их хорошо принимали и угощали даже в самых бедных селениях.

Когда они приблизились к ирландскому лагерю около Дублина, Эрин почувствовала, что дрожь, которая ее охватывала порою уже несколько дней, возрастает, и что она не в силах с ней справиться. Она пыталась успокоиться, уверяя себя, что отец очень любит ее, и если он узнал о ее тайной жизни, то строго ее не накажет. Но она боялась неизвестности: то, что она сделала, не было ужасно, а наоборот, было справедливо, и это она объяснит отцу,

слезно умоляя его понять ее и простить. Он может пригрозить отправкой в женский монастырь или омерзительным замужеством, но он никогда не приведет в исполнение такие угрозы. В конце концов, это Золотая Амазонка помогла защитить Тару, когда войска отца сражались с норвежцами.

Она побледнела при мысли, что Аэд, должно быть, очень разъярен, если вызвал ее в такое трудное для себя время. Она испытывала не поддающийся контролю страх; Ниалл говорил что-то о перемирии, заключенном перед теми самыми стенами, где засел Норвежский пес. Она пугалась уже всех своих мыслей. Вскоре они достигли вершины холма, за которым показался город. Ирландские палатки на поле перед стенами, казалось, расположились навечно. Но одно потрясло ее. Дублин был громадным, гораздо больше, чем бесконечное поле палаток. С высоты Эрин могла видеть прочные постройки за стенами, сочетавшие прекрасно обработанное дерево и камень.

— Отец хочет видеть тебя немедленно, — сказал Ниалл, подталкивая лошадь вперед. Кобыла Эрин последовала за всадником. Они прошли палатки знати и их слуг, Эрин поклонилась в ответ мужчинам, которые смотрели на нее уважительно, приветствуя громкими криками Ниалла из Мютера и дочь Аэда. Эрин пыталась улыбнуться, но вдруг ей захотелось повернуть лошадь, пробраться сквозь сопровождающих ее воинов и найти свою сестру Беде, признаться ей во всем и умолять, чтобы та попросила Бога взять их обоих.

Палатка ее отца была разбита в стороне от других. Она поняла, когда они подъехали, что, кроме Ниалла, рядом никого нет. Он подвел свою лошадь к коновязи и спешил, затем помог Эрин.

Их взгляды встретились, и жалость, которую она прочитала в его глазах, снова насторожила ее. «Отец все узнал, он должен знать, что же еще?» — думала она. Она нарушила его наказ...

Потом ей пришло в голову, что они находятся слишком близко от ее злейшего врага. «Меня предали, — подумала она. — Армия моего отца стоит в боевой готовности у ног Волка, и они не делают ничего, чтобы выгнать его и его войска из страны».

Она закрыла глаза и моментально ей вспомнился день у ручья. Если бы она тогда перерезала ему глотку... Новая волна страха накатила на нее, когда она подумала, увидит ли Волка снова. Вспомнит ли он ее? Возможно. Она забросала его оскорблениями и угрозами, когда он страдал от раны, и его ненависть усилилась, когда она бежала от него.

Эрин с трудом сглотнула и поправила свой красивый плащ. Нет, она не должна увидеть Волка. Даже если установлено перемирие, Аэд не воспользуется гостеприимством этого зверя. И как бы он ни был сердит, он не позволит ей прислуживать варварам.

— Входи, — мягко сказал Ниалл.

— А ты не пойдешь со мной, Ниалл? — резко спросила она.

— Отец хочет видеть тебя одну.

С этими словами Ниалл снова вскочил на лошадь. Эрин тяжело дышала, отчаянно думая, как ей поступить. Должна ли она быть смиренной, или ей надо показать, что она рассержена из-за того, что отец вызвал ее из дома, оторвав от матери, чтобы она предстала перед укреплениями викингов?

Она отогнула полог и вошла внутрь палатки, потом остановилась. В первый момент отец показался ей таким же, каким его видели остальные. Он сидел на стуле за импровизированным столом и рассматривал пергамент. Его темно-фиолетовый плащ висел на стуле. Лицо становилось свирепым, когда он бросал взгляд на пергамент. Руки, лежавшие

на коленях, были большие и сильные, и она отметила, что никогда прежде черты ее отца не были такими суровыми.

— Эрин, — сказал он спокойно. «Он никогда на меня так не смотрел», — подумалось ей, и она почувствовала, как замерло сердце. Что-то случилось, случилось что-то ужасное. Аэд был ее отцом. Он не посмотрит на то, какую пользу принесла Золотая Амазонка, главное, что она не повиновалась ему и закону, Каину Адамнана.

Если бы она не дрожала, если бы они были в Таре, а не около викингов, она бы бросилась к нему, крепко обняла, расцеловала и попыталась бы как-то оправдаться. Нет, пожалуй, и в Таре ее бы ничего не спасло, слишком большое напряжение угадывалось во взгляде отца. Она опустила ресницы. Ее сердце билось часто и громко. Эрин смиренно поклонилась, почтительно опустив голову.

— Я приношу глубочайшие извинения, мой отец.

— За что? — Его глаза, такие холодные, сверкнули от удивления.

«Он ничего не знает», — подумала Эрин, чувствуя, что чуть не теряет сознание. Не остается ни одного объяснения ее поспешного вызова. Она стояла с опущенными ресницами.

— За все, чем я обидела тебя, — сказала она скромно. Он удобнее устроился на стуле и отвел взгляд, рассеянно глядя на пергамент.

— Ты ничем не обидела меня, — сказал Аэд тихо. — Я вызвал тебя, потому что заключил соглашение о твоём замужестве.

Эрин нахмурилась. Если она ни в чем не виновата, она имеет право возмутиться.

— Но отец...

— Никаких «но», дорогая, — неожиданно прогремел Аэд. — Я был долгое время великодушен и снисходителен к тебе, дочь;

Она могла бы поспорить с ним, если, конечно, его избранник не придется ей по душе. Феннен? Конечно! У нее в голове зашумело, пока она стояла перед Аэдом, и она почти улыбнулась, когда вспомнила о своих раздумьях на холме. Возможно, наконец, наступит мир, время, когда можно поразмышлять над чувствами, которые она испытывала к Феннену. «Да, — решила она, — я выйду замуж, но только за Феннена». Вдруг мороз пробежал по ее коже. Аэд имеет в виду другого человека. Иначе зачем бы ему понадобилось вызывать ее на поле сражения — неужели, чтобы обвенчать с мужчиной, которого она давно знала? Она подняла глаза и смело глянула на Аэда.

— Я знаю свой долг принцессы, отец, и, если ты настаиваешь, я выйду замуж. Но я должна тебе сказать, отец, что выйду за того, кого сама выберу. Если ты решил, что я должна обвенчаться с Фенненом...

Аэд взмахнул раздраженно рукой и перебил ее:

— Это не Феннен Мак-Кормак. Я заключил соглашение с Белым Олафом, и завтра перед наступлением сумерек вы будете обвенчаны.

— Что?!

Кровь схлынула с ее лица, у Эрин было ощущение, как будто огромная ледяная волна обрушилась на нее.

— Ты слышала-прорычал Аэд Финнлайт, так как не мог выдержать обвинения в предательстве, написанного на ее лице. — Завтра ты обвенчаешься с Олафом. Соглашение подписано. Все улажено.

— Отец! Нет! Ты не можешь! Ты знаешь, как я ненавижу викингов, как мне отвратителен Белый Олаф! — Эрин трясло. Она попыталась убедить себя, что ослышалась.

что этого не может быть, но, к сожалению, это правда, она видела по глазам отца:

— Я не сделаю этого! — сказала она твердо, стараясь унять дрожь.

— Сделаешь. — Аэд был непреклонен. Она бросилась к его ногам, ища его руки, и ползала на коленях перед его столом.

— Отец, пожалуйста, не надо. Он варвар! Ты не можешь отдать твою дочь, кровь и плоть твою, северному чудовищу. Норвежский Волк! Норвежский пес! Ты не можешь, отец! Я выйду за Феннена, за кого угодно, я уйду в монастырь, но я не могу выйти за норвежца, который убил наших родственников! Отец, мы ирландцы. Законы Брегона-наши справедливые законы — защищают женщин.

— И они также гласят, что дочь должна чтить отца своего. — Он даже не взглянул на нее, стоял совершенно равнодушный, его глаза приклеились к пергаменту.

— Отец! — завизжала она. — Неужели ты не понимаешь? Я не могу сделать этого, я лучше умру. Я не скажу тех слов, которые должна сказать при венчании. — Он по-прежнему не смотрел на нее. Она разрыдалась. — О, пожалуйста, отец, пожалуйста.

Она упала на колени в истерике. «Он не выносил моих слез раньше, — с горечью думала она, — но сейчас он холоден, как сталь».

— Ты не понимаешь, — шептала она, задыхаясь, новая волна ужаса накатила на нее при мысли о том, что она снова встретится с Белым Олафом. Возможно, он убьет ее или найдет способ сделать ее жизнь вечной мукой.

Вдруг она увидела, что в палатку вошли два огромных воина, которых она не знала, и остановились. Отец слегка поднял руку, и они приблизились.

— Следите за ней, — сказал Аэд тихо.

Воины подошли к ней, и Эрин в страхе пошатнулась, но удержалась и подняла голову. Это не шутка, не сон. Отец, которого она почитала всю свою жизнь, предавал ее в руки врага. Она никогда не думала, что Аэд сможет отдать викингам даже последнюю ирландскую шляху, а он поступил так с собственной дочерью. И она не могла докричаться до его сердца. Между ними встала глухая стена.

— Не прикасайтесь ко мне, — сказала Эрин своим конвоирам, перебрасывая шлейф плаща через руку, — я в состоянии идти сама. — Она прошествовала мимо мужчин с гордо поднятой головой и остановилась у выхода.

— Ты высказал мне все, что хотел, отец, и я тоже тебе скажу. Я не выйду замуж за викинга. Любая попытка принудить меня обернется такой сценой, что даже самый сильный из воинов побледнеет.

Аэд по-прежнему не смотрел на нее.

— Я Ард-Риг, — ответил он спокойно, смотря прямо перед собой, — я твой отец и всегда баловал тебя. Причинить тебе страдания-невыносимо больно для меня, но я должен это сделать. Для Ирландии, для нашей земли. Это более важно, чем твое или мое благополучие, Эрин. И ради нашей земли, ради наших потомков тебе придется стать женой Норвежского Волка.

У Эрин закружилась голова, она пыталась не дрожать и не разрыдаться на виду у мужчин. Она по-королевски прошла между ними от палатки отца к рошице, где была установлена другая палатка.

Вокруг нее толпилось много воинов. Она не приняла руки мужчины, который хотел помочь ей войти в палатку, и опустила полог перед ними. Только тогда она позволила себе разрыдаться.

— Эрин!

В палатке ее ожидала Беде, ее нежные глаза смотрели с тревогой. Рыдая, Эрин упала в объятия сестры.

— О, Беде, — всхлипывала она жалобно, отец... он... Олаф...

— Я знаю, — старалась успокоить ее Беде, поглаживая роскошные волосы. — Ш-ш, Эрин...

Эрин продолжала рыдать, и сердце Беде дрогнуло. И даже когда сестра перестала плакать, у нее внутри все содрогалось.

С ледяным спокойствием, с лихорадочно сверкающими огромными глазами, похожими сейчас на померкшие драгоценные камни, Эрин прошептала:

— Я не сделаю этого, Беде, я не выйду за него замуж, и никто не сможет заставить меня. Даже если приставят нож к моему горлу, я не сделаю этого. — Эрин встала. — Я найму Брегона для защиты.

Беде знала, что Эрин говорит серьезно, и внутри у нее все дрожало. При виде лица сестры у нее холодела душа.

— Эрин, — мягко перебила она, — ты никогда не заставишь Брегона выступить против Ард-Рига. И я слышала, что Волк — свирепый воин, но мягкий человек. Ниалл рассказывал что его резиденция просто великолепна. Олаф поклялся отцу в том, что тебе воздадут почести, подобающие принцессе Тары. По правде, Эрин, это не так ужасно. Я останусь с тобой на время, у тебя будет прислуга. И многие ирландские семьи будут за стенами. Наши строители будут учиться у норвежцев. Говорят, он красивый мужчина. У него прекрасные зубы, ни одной щербинки. Он будет вежлив с тобой, Эрин...

Эрин засмеялась, и это ужаснуло Беде. Вежлив! С ней! Этот человек никогда, никогда, даже через тысячу лет, не будет вежлив с ней. Потому что она будет ненавидеть его до гробовой доски.

«Я должна убить его, как только представится случай», — подумала она в ярости.

Потом ее осенила другая мысль. Может быть, если она расскажет отцу о той встрече в лесу, Аэд поймет, что отдает ее на растерзание дикому зверю. Нет, даже если она расскажет ему, это только более укрепит отца в его решении. Его сердце ожесточилось, и он думает только о своей любимой стране.

— Ты должна прилечь и отдохнуть, Эрин, — прошептала Беде, прерывая мучившие Эрин размышления. Эрин посмотрела на сестру.

— Я не собираюсь выходить за него, Беде. Я убегу ночью. Я достаточно сделала для народа и земли, — сказала она отчаянно, и Беде нахмурилась.

— Как ты это сделаешь? Палатка охраняется...

— Мне помогут, — сказала Эрин, — когда стемнеет, я убегу. У меня есть меч, и я знаю, как его использовать.

Беде была потрясена, ее тревожили намерения Эрин и то, какие последствия это может повлечь.

— Хорошо, сестра, — громко сказала она, — если ты намерена сбежать, ты должна подкрепиться. Я приготовлю хороший сытный обед.

Эрин подняла голову, и глаза ее сверкнули.

— Ты права, Беде, мне нужно набраться сил! Посмотри также, не найдется ли у нас в запасе хлеба и мяса. Я не знаю, сколько мне придется скакать.

Беде почувствовала себя страшно виноватой, но лишь кивнула.

— Хорошо. Я скоро вернусь.

Она оставила Эрин и пошла к палатке отца. Он разговаривал с Ниаллом и группой младших королей Улстера, но когда увидел ее тревожное лицо, попросил оставить их наедине.

— Отец, — сказала озабоченно Беде, — я беспокоюсь за Эрин, очень беспокоюсь. Она сказала, что не обвенчается с викингом; она попытается бежать этой ночью. Конечно, ей это не удастся, отец, но это пугает меня еще больше. Мне кажется, она готова убить себя-даже в алтаре — чтобы освободиться от викинга.

Мука, блеснувшая в глазах Аэда, заставила Беде затаить дыхание. Она обняла отца, понимая его страдания.

— Когда-нибудь она простит тебя, отец.

— Простит ли? — Он сжал ее руку, потом покачал головой. — Если только поймет меня... — Он в безысходности поднял брови. — Знаешь, что странно, Беде? Я доверяю ему гораздо больше, чем моим собственным вождям: Он человек чести.

Беде стояла молча.

Аэд устало вздохнул.

— Как бы то ни было, она должна выйти замуж за Олафа. — Он погрузился в мысли на мгновение. — Оставайся здесь. Где-то в лесу Мергвин. Я вернусь.

— Я сказала Эрин, что принесу Что-нибудь поесть в дорогу, — нервничала Беде.

Аэд кивнул, позвал стража и велел ему принести еду. Беде не хотела обманывать Эрин, доставлять ей страдания. Но, как и отец, она была способна забыть о личных чувствах ради блага многих. Переговоры между ирландцами и викингами в Дублине были настоящим чудом. Может быть, это чудо скоро закончится. В стране много разбойничьих банд датчан, норвежских и шведских захватчиков, которые лучше умрут, чем сойдут со своего пути. Но в то же время бесчисленное множество людей будет спасено, потому что силы Олафа и отца будут объединены.

Аэд тихо вошел. Он передал Беде маленький сосуд с порошком.

— Дай ей половину, и Эрин будет спать всю ночь. Проснется она смиренной. Утром дай ей половину оставшегося, а остальное — вечером. Поняла?

Беде вздрогнула, но не посмела послушаться отца.

«Я проснулась», — думала Эрин. Но на самом деле она крепко спала. Свет промелькнул в палатке, но в действительности было темно. И она должна спать, так как Беде разбудила бы ее, если бы наступило утро.

Да, это сон, потому что все вокруг было подернуто дымкой. Она попыталась сесть, это ей удалось, но туман не исчез. Ей снилась Беде. Она стояла перед ней. «Я принесла тебе завтрак, Эрин. Ты должна поесть». Эрин повиновалась. Это был сон, и, что бы ни было сказано, она подчинялась. Это был поистине прекрасный сон. Она не чувствовала усталости, она была невесомой. «Выпей меда, Эрин. Ты должна выпить мед», — говорила Беде, и Эрин выпила мед.

Вокруг нее, кроме Беде, были и другие женщины. Она улыбнулась, они все были такими красивыми. Одна начала расчесывать волосы Эрин, и ее касания были нежными и приятными. Она не должна была делать ничего, кроме как наслаждаться восхитительными чувствами. Женщины умыли ее, одели в шелка, которые приятно ласкали кожу.

В палатку вошел отец, и на минуту Эрин нахмурилась. Она была зла на отца. Он не должен присутствовать в ее прекрасном сне. Потом ее злоба улетучилась. Она любила отца и

не могла по-настоящему разгневаться на него, а он смотрел на нее с такой тревогой.

Она улыбнулась и протянула ему руку. Он взял ее, и они пошли вместе.

— Она сможет ехать верхом? — казалось, прошептал он.

— Да, мы поедem за ней.

«Странно, что они сомневаются в моей способности ездить верхом», — думала Эрин, слыша разговор отца и сестры.

— Конечно, я могу ехать верхом, — заверила она их с улыбкой.

Ее голос звучал странно, и она едва ощущала под собой лошадь. Ей казалось, будто она плыла.

Потом она отметила, что ее сон становится все более удивительным. Она очутилась в великолепной зале, каменные стены которой украшены резьбой. Там были люди, много людей. Это пиршество, прекрасное пиршество. Все были так счастливы.

Они провели Эрин в начало залы. Рука отца выскользнула, но это не расстроило ее, так как другая рука, сильная и властная, подхватила ее. И Беде была по-прежнему с ней. Смешной маленький мужчина, похожий на монаха, говорил что-то, и Беде шептала, что Эрин должна повторять. Эрин еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться, потому что ей казалось ужасно забавным, что Беде шутит со священником.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но Эрин, должно быть, правильно повторила, потому что все люди обрадовались. Она весело улыбалась, доставляя им удовольствие. Потом она бросила взгляд на руку, которая держала ее, и подумала отрешенно, что это очень красивая рука, сильная и аккуратная, с чистыми подстриженными ногтями на длинных пальцах, покрытых крошечными волосками, похожими на золотистые нити. Она подняла голову, и ее улыбка испарилась.

В ее сон вторгся Белый Олаф, высокий, златокудрый, устрашающий и великолепно одетый. Его королевский плащ ярко-пурпурного цвета, был скреплен на широких плечах золотой брошью. Он смотрел на Эрин с величайшим удивлением. Затем удивление перешло в гнев. Гнев, который выжигает его глаза до яростных блестящих камушков. Вдруг он рассмеялся, оскалившись, и в его глазах блеснул синий огонь. Огонь? Глаза были ледяные, и это был ледяной огонь. Он выглядел как волк, который одолел соперника в схватке и теперь выжидал, наслаждаясь добычей.

Эрин похолодела от ужаса, но потом рассмеялась. Это было так забавно. Волк думал, что отомстил. Он не знал, что это только сон...

Он наклонился и поцеловал ее. Его губы едва коснулись ее, но прикосновение было теплым и уверенным, и она почувствовала, будто в безумстве плывет по небу. Потом началось пиршество со вкусным угощением, с трюкачами и танцорами, с прекрасными заморскими винами с материка...

Олаф был ошеломлен. Сначала ему не терпелось удушить ту, что была рядом. Но потом он осознал справедливость ситуации и рассмеялся от удовольствия. Казалось невероятным, что ему вручили именно эту ирландскую девушку. Может быть, это не она? Тогда, в лесу, она заявила, что он предстанет перед ее отцом. Кто же она, как не ирландская принцесса? И он радовался гневу, который она вызывала в нем, пробуждению к ней интереса. Это отрывало его от тягостных раздумий, которые так часто мучили его. Когда он смотрел на нее, кровь в его жилах разогревалась и бурлила, в ту минуту он вспоминал о боли, которую Эрин причинила ему точным ударом ноги в рану. И теперь маленькая сучка в его руках...

Настал час расплаты. Он поклялся всеми богами, расплата неминуема. Но она будет

быстрой, только чтобы положить конец недоразумениям. Он не хотел больше воевать с ирландцами, даже с этой презирающей его сучкой, которая теперь стала его женой. Было облегчением забыть на время боль утрат. Но равнодушие, с которым он смирился, завладело им снова. Он сделает все, что необходимо, чтобы превратить ее в хозяйку, в которой он нуждался, но не больше. Она будет жить одна и получать все, что он обещал ее отцу. Пусть она предастся ненависти, сколько захочет, если научится держать это чувство в себе, как он держит в себе свои печали. Она будет его женой, но если бы он когда-нибудь заставил ее осознать, что не забыл все то, что она ему сделала, он был бы счастлив.

Эрин его немного заинтересовала. «Все-таки ее отец, — рассуждал он, — не лгал». Она, наверное, одна из самых красивых женщин, которых Волк когда-либо видел. Она темноволосая, в то время как его возлюбленная была белокурой, ее эбеновые волосы отливали голубым. Глаза с бахромой ровных блестящих ресниц ослепительно красивы. Прекрасное лицо было так искусно создано, как будто выточено по особому королевскому заказу. Бледно-фиолетовый шелк ее платья облегал стройную фигуру, как перчатка, и Олаф точно знал, что Аэд действительно хочет мира, если он отдал ему свою дочь, предоставил ему это совершенство, гибкую красавицу с очаровательными округлыми формами.

Его губы улыбались, когда он смотрел на Эрин. Может быть, он и Норвежский Волк, но Аэд определенно Ирландская Лиса. Эрин презирала его — это Олаф хорошо знал. Посмотрев на нее недоверчиво, он задумался: как ирландскому королю удалось заставить дочь выйти за него замуж? Вряд ли Аэд Финнлайт знал, что он встречался прежде с его дочерью; очевидно, что девушка должна была наотрез отказаться от такой партии. По-видимому, она так и сделала, значит, ей дали какого-то снадобья, и оно хорошо подействовало. Она казалась совсем здоровой. Но, внимательно посмотрев на ее изумрудные глаза, он понял причину такого поведения. Кроме того, действие зелья заканчивалось, и это хорошо. Он хочет, чтобы она все осознала, прежде чем они поговорят.

Олаф отодвинул свой стул с эмблемой волка. В дальнем углу он увидел ее сестру, монахиню, девушку с пронизательными умными глазами. Он подал ей знак, и она кивнула. Через секунду Беде подошла к Эрин.

Эрин посмотрела на сестру, потом на Олафа, и в этот момент Олаф понял, что она всем догадалась. Она была все еще под действием снадобья и не могла бороться, но она все уже поняла.

Она выходила из своего состояния достаточно долго и смотрела на него негодуя. Огоньки ее изумрудных глаз буквально испепеляли его.

— Норвежский пес, — прошипела она, — я презираю тебя. Ты настоящий варвар, плотоядное животное...

Олаф сжал зубы, и его глаза сделались ледяными. Скоро придет время, когда она ответит за все.

Его невесту усмирили и увели. Он смотрел ей вслед, внутри него разгорался гнев, он поднял свой кубок и осушил его. Олаф жаждал сломить ее, отплатить ей, подавить ненависть в ее глазах. Он был властелином Дублина, он долго боролся за этот титул, и он будет хорошим хозяином.

Но потом гнев угас. Равнодушие, сопутствующее ему, снова вернулось. Гренилде... Ее имя отзывалось криком в его сердце.

Олаф вздохнул, и ярость снова начала овладевать им. Его ирландская жена была маленькой сумасбродной сучкой, и все же ему предстоит с ней как-то жить. Она должна

понять, что он не тот мужчина, которого можно оскорблять. Она уже однажды одурачила его.

Его злость усиливалась, и, подобно его глазам, это была холодная злость. Расчетливая и контролируемая. Он оглядел толпу. Пора, действие снадобья, вероятно, уже закончилось.

Опочивальня новобрачных казалась странно мрачной. Эрин выкупали в розовой воде, вымыли ее прелестные черные волосы, спадавшие локонами, затем одели в платье из прозрачного шелка и оставили. Даже Беде не пыталась заговорить с ней. Ни одна из ирландских женщин, прислуживавших ей, не улыбнулась во время мрачной процедуры и не позволила себе непристойных шуток.

Эрин была спокойна и покладиста, пока ее готовили, ее глаза были неподвижны, широко раскрыты, они горели каким-то особенным блеском. Но сейчас действие макового семени, заставившее ее сказать «да», прошло. Беде начала молиться, чтобы король-завоеватель пришел к своей невесте до того, как она придет в себя.

Беде подошла и быстро поцеловала сестру.

— Пусть святая Бригита поможет тебе этой ночью, — шепнула она быстро и отошла, собираясь покинуть опочивальню. Широко открытые изумрудные глаза, возвращающиеся к жизни на бледном лице сестры, страшно поразили ее. Почувствовав жалость, Беде схватилась за позолоченный дверной косяк. Викинг был великолепным мужчиной, да, но он тот самый викинг, которого Эрин ненавидела больше всех. Беде поморщилась, презирая себя за участие в обмане. Бедная Эрин!

«Она сдерет кожу с меня и отца заживо». Беде задрожала, потом вздохнула. Судьба ее сестры не казалась ей странной. Это жребий женщины, жребий принцессы. Не оборачиваясь, Беде закрыла за собой дверь.

От негромкого стука двери Эрин очнулась. Впервые за последние часы она осознала ясно, что с ней произошло, и, взглянув на свое белое платье, гневно прошептала: «Нет!»

Эрин закрыла лицо руками и задрожала. Ош сделали это. Они дали ей зелья, обманом заставили ее сделать то, что она поклялась не делать. Волк, этот зверь, теперь ее муж. Вскоре он придет в ее — нет, нет, в его — опочивальню, и она должна будет принять его.

«Я убью его!» — подумала она и вздрогнула, вспомнив, что он тоже жаждет отомстить ей за тот день в лесу. «Я расскажу отцу», — прошептала она. Дрожащий голос звучал жалобно. Эрин закрыла глаза, не представляя, что он с ней сделает. Он будет унижать ее, мучить...

— Нет! — закричала Эрин, спрыгивая с ледяного ложа. Она стремглав побежала к сундуку с приданым и судорожно начала в нем рыться, пока не нашла маленькие ножницы. «Это подходит», — подумала она, ножницы напоминали ей тот кинжал, которым Бриджит убила себя. Ножницами она прикончит захватчика. Эрин была сильной, она долго училась искусству убивать вместе с братьями. Он будет думать, что его ожидает покорная невеста с затуманенным рассудком, которая ужаснется его появления. Ее преимущество — в неожиданности, и она убьет его или попытается убить себя, потому что не позволит, чтобы к ней прикасались грязные руки Волка.

Она побледнела, подумав, что все собравшиеся вскоре начнут шептаться в залах, посмеиваясь над тем, что происходит в спальнях покоях.

— Никогда! — прошептала она, и забралась в кровать. Держа ножницы крепко около своей груди, натянула покрывало. Ее сердце глухо стучало, отдаваясь болью, но она понимала, что ожидание придаст ей испуганный и невинный вид.

Дверь открылась, и сердце ее застучало, причиняя такую боль, что она едва могла

дышать. Она устала на Олафа, но когда встретила с его тяжелыми глазами цвета индиго, опустила голову.

— Итак, ирландка, — прошептал он с усмешкой, — мы встретились снова.

Она не ответила. Даже не глядя на него, она ощущала на себе его взгляд, когда он прошелся по комнате, сбрасывая свой венчальный наряд. Он снял башмаки, потом положил пояс на деревянный сундук. Он казался безупречно чистым. Повесил вышитый плащ на стул, сложив свои краги и рубаху.

Смущение смешалось с негодованием. Норвежцев все считали свиньями, грязными и неряшливыми. Даже когда он медленно двигался, она почувствовала, что аромат сандалового дерева смешался с мужским запахом, который совсем не был неприятным, а был похож на запах земли и чистоты. «Он — враг, — подумала Эрин сквозь смущение, — и не важно, чистый он или грязный».

Его движения для его роста были легки, и она испугалась, когда поняла, что он обнаженный стоит перед ней. Ее сердце билось так часто, что, казалось, он слышит этот стук и что-то подозревает. Он смотрел на нее спокойно; она чувствовала это, но не отваживалась поднять глаза. Она довольно хорошо видела сквозь опущенные ресницы его широкую грудь, тонкую талию, необыкновенно плоский, но мускулистый живот. Его бока были массивными и крутыми. Прекрасные волосы, покрывавшие его грудь, здесь заканчивались и начинались снова ниже, образуя удобное гнездо для мужского орудия, которое было расслаблено, но все равно потрясло.

«Он умрет», — подумала она. Она проткнет его сердце, выпустит его кровь, и тогда все эти мощные мускулы и сила ничего не будут значить, и он захлебнется в своей крови.

Если бы у нее не было намерения убить его, она не смогла бы вынести этого напряженного ожидания. Возможно, он намеревался отомстить. Он думал, что она в его власти, и он использует эту власть. Он будет бить ее, насмехаться над ней, заставит ее заплатить страшную дань, помня о том дне в лесу.

— Посмотри на меня, — рявкнул он.

Она заставила себя поднять глаза. Он смотрел на нее какое-то время с суровым и скучающим выражением лица. Потом на его лице появилась мрачная улыбка, которая не коснулась, однако, холодных безжалостных глаз.

Этот взгляд привел ее в содрогание. Его глаза ничего не выражали. Он не испытывал к ней никаких чувств. В крайнем случае нашел бы ее неопытной и смешной. Казалось, он сможет разгадать ее планы.

«Нет, — думала она, — ему кажется, что я съезжилась от страха. Он не подозревает, что сам заплатит за все этой ночью».

Эрин продолжала дрожать, так как была вынуждена ждать, и ей не нравился этот страшный презрительный блеск его глаз. Всем своим телом он навис над ней. Она, не отрываясь, смотрела на него дерзко, с ненавистью, когда он встал на коленях над ней, взял ее пальцами за подбородок и, сдерживая себя, смотрел на нее. «Теперь, мой лорд викинг, — думала она, — еще три дюйма, и ты почувствуешь, как я проткну твое сердце».

Олаф продолжал криво улыбаться, тяжело глядя на нее и нагибаясь все ниже. «Пора», — сказала себе Эрин, но стук сердца вызывал дрожь. Она чувствовала его тяжесть, чувствовала как бьется его сердце, которое она собиралась поразить, и вдруг ощутила гладкие, выпуклые бицепсы, коснувшиеся ее головы. Она потеряла контроль над собой. Пальцы свело от напряжения, они вспотели, и ножницы выскользнули из ее крепких рук.

И тут Волк набросился на нее. Он сильно ударил ее по рукам, скрытым под покрывалом. Она ловила ртом воздух, покрывало слетело-и ножницы упали на холодный каменный пол.

— Если бы ты не потеряла самообладания, ирландка, — сказал он холодно, — супружеское ложе обагрилось бы кровью из твоего горла.

Не смелость заставила ее хранить молчание. В ту минуту Эрин была просто слишком ошеломлена, чтобы что-то произнести. Она продолжала смотреть на мужа, в ее глазах сверкала ненависть, мысль об обмане оставила ее.

Она с ужасом представила, что он может сделать с ней, обладая столь быстрой реакцией. Совершенно голый, спрыгнувший с кровати, чтобы сорвать с нее покрывало, он казался ей еще более ужасным, чем одетый в кольчугу. Каждое движение его мышц было хорошо видно; бронзовое тело излучало такую колоссальную энергию, что у Эрин перехватило дыхание. Вид голого мужчины привел ее в замешательство, она ослабела.

— А... — прошептал он, уперев руки в бока, и проговорил мертвенно-спокойным голосом, оглядывая ее:

— Блеск в глазах убийцы превращается в мольбу о пощаде! Какая сладкая невинность. Ирландская сука! — Его рука обхватила ее запястье.

О Боже, нет, она не просила пощады, но когда он сдернул ее с кровати, она не могла сдержать крика от страха и боли.

— Я все равно убью тебя, ублюдок, — прошептала она, пытаясь вырваться.

Она бы предпочла, чтобы он ударил ее, но вместо этого он рассмеялся. Прежде чем она заговорила снова, он одним легким движением сорвал с нее белое платье. Потом отпустил ее, отступил и, издеваясь, низко поклонился.

— Прежде чем ты уйдешь-сказал он насмешливо, — я полюбуюсь тем богатством, которое прислал мне твой отец, я не люблю, когда меня дурачат.

Эрин почувствовала себя униженной, но продолжала стоять перед ним, подняв голову, ее взгляд стал злобным. Она прикусила губу, когда он медленно, нагло, оценивающе осматривал ее. Его сапфировый взгляд сначала скользнул по ее груди, потом по талии, потом ниже, на укромный треугольничек между ног и, наконец, по ее ногам. Затем его глаза встретились с ее глазами. О! Эта страшная, издевательская улыбка!

Его глаза по-прежнему оставались холодны. Обезумев, она: чуть было не спросила его, как он ее находит. Он продолжал молчать, подняв густые дугообразные брови в насмешке, и она решила заговорить первой. Ее голос звучал презрительно.

— Я надеюсь, господин морской пират, что ты заключил выгодную сделку. Ирландцы держат слово. Мой отец не нарушит клятвы.

Он снова засмеялся, потом замолчал, его улыбка исчезла. Она заметила боль в его глазах, но через мгновение и ее не стало. Он стоял, суровый и беспощадный, стиснув зубы, оскалившись, как волк.

Независимо от того, что произойдет, она была готова поклясться, что не обнаружит перед ним своего страха — и не закричит. Но когда он решительно шагнул к ней, она ощущала только его ужасающую огромную мужскую силу и обезумела.

В эту минуту вся ее храбрость и гордость улетучились. Она думала инстинктивно только о спасении и рванулась с криком, не зная, куда бежать.

Она не слышала его, не почувствовала его движения, но вдруг его пальцы больно обхватили ее руку. Он перевернул ее, навалившись всем своим телом. Их тела тесно соприкасались, но она продолжала бороться. Даже когда он приподнял ее, Эрин с ужасом

обнаружила, что это только дает ей возможность лучше ощущать его своим животом, его завитые золотые волоски на теле, которые обжигали ей грудь.

Он схватил ее за плечи и запустил пальцы в мягкие локоны. Затем грубо повернул ее голову, их глаза встретились.

— Итак, ты все же боишься своего завоевателя, ирландская сука, — тихо выдавил он. Ее ослабевшее от ужаса тело содрогнулось. — Это хорошо, что ты боишься, жена, так как я заверяю тебя, что мои копыта крепки, точны и беспощадны.

Вдруг он отбросил ее так сильно, что она повалилась на кровать.

— Но ужас насилия, дорогая жена, — рявкнул он, возвышая над ней свое крепкое тело, которое сотрясалось от непонятного ей чувства, — ты не испытаеть сегодня. Неужели ты думаешь, я настолько сумасшедший, чтобы желать твое драгоценное невинное тело. Нет, жена, я не вижу ничего желанного в твоей холодности и жестокости. Я ничего от тебя не жду.

Он отвернулся от нее. Ошеломленная, Эрин в замешательстве тупо смотрела на его широкую спину несколько секунд, чувствуя головокружение, как если бы ее ударили. Его взгляд был обращен на огонь. Наконец Эрин взяла себя в руки, отползла осторожно в дальний угол кровати, и укрылась покрывалом.

Когда Олаф повернулся к ней, на его губах мелькнула жестокая улыбка.

— Теперь, моя леди, ты будешь испытывать не просто страх перед насилием. Должно быть, тебя интересует, почему я не намереваюсь мстить. Чем ты мне угрожала в тот день?

Эрин пыталась сосредоточиться на молитве, чтобы не закричать от ужаса, когда он дотронулся до нее — слегка, одним пальцем, проведя линию от горла, между холмами ее груди и ниже, по ее животу, и эта линия обжигала. Она стиснула зубы, когда бронзовый палец задержался на нежной белой коже выше ее бедра.

— Мне кажется, ты собиралась поджарить мои мужские органы на моих глазах? — спросил он почти вежливо, с любопытством, и это делало его еще страшнее. Она с трудом заставляла себя выдерживать его взгляд, ей страшно хотелось прижать колени к груди, чтобы избавиться от обжигающего следа его пальца.

— Что ж, жена, — сказал он, — это-то я едва ли смогу сделать, даже если бы у меня было такое желание.

Он быстро отступил, презрительно набросил на нее покрывало и отошел на несколько шагов. Все это время она смотрела на него, обезумев и дрожа от страха, черный вихрь кружился у нее в голове. Но когда он повернулся к ней снова, от прежних его чувств не осталось и следа. Он выглядел усталым и едва замечал ее.

— Я не держу на тебя зла, — сказал он утомленно, поправляя сбившиеся золотые волосы на висках. — Я не хочу мстить за то, что случилось у ручья. Если ты не будешь беспокоить меня, жена, твое существование будет вполне сносным. Я властелин моего дворца — дворца викингов, если хочешь — и если ты будешь досаждать мне, с тобой будут обращаться по-иному. Я не выношу неповиновения. Тебе понятно?

Эрин долго смотрела на него, потом слабо кивнула. Она знала твердо только одно. «Ты никогда не будешь моим властелином, викинг», — подумала она и не потрудилась выказать смирение.

Он отвернулся от нее, как будто бы она его больше не интересовала, или, точнее, забыв о ней. Потушил масляные лампы, подошел к постели и забрался туда, повернувшись к ней спиной.

Пораженная поворотом событий, Эрин осталась сидеть в своем углу. Он не был бесчувственным, ему просто не хотелось насиловать ее. Если бы она не питала к нему такой ненависти, то была бы оскорблена; но вдруг она поняла, что несмотря ни на что, она действительно оскорблена, он сравнил ее со своей бывшей любовницей и нашел ее непривлекательной. Отлично! Слава Богу! Она не будет удовлетворять его животные желания. Странно, но его слова обидели и унизили ее. Они мучили ее не меньше, чем ненависть.

Эрин продолжала сидеть в полутемной комнате, едва освещенной маленькими огнями.

Она слышала, как Олаф дышит во сне. Ее разумом опять завладели темные мысли, когда она вспомнила, как он сдернул ее с кровати, разорвал платье и, насмехаясь, отшвырнул ее с силой, как будто бы она была ненужной вещью. Она стиснула зубы, чтобы не расплакаться от обиды: она не могла вынести этого, это было сверх ее сил. Он ожидал, что она уснет рядом с ним, будет выполнять его приказы, прислуживать, как собака-подлиза. Как отец мог сделать такое?

Эрин взглянула на лежавшего рядом мужчину. Он крепко спал, в то время как она претерпевала невыносимые страдания. Прикусив губы, чтобы подавить слезы, она отвернулась. Взгляд упал на жемчужные кольца ее ножниц, блестевшие при слабом свете огня.

Эрин закрыла лицо руками. Она не могла убить даже викинга ударом в спину, но она хотела, чтобы ножницы были рядом с ней. Если он опять коснется ее, будет унижать, пользуясь своей силой, она станет защищаться. В следующий раз она будет более решительной.

Она посмотрела на широкие бронзовые плечи ненавистного мужчины. Они спокойно поднимались и опускались. Очень осторожно Эрин двинулась, сползая с кровати, на цыпочках прошла по холодному каменному полу и взяла ножницы.

Его голос прозвучал как удар хлыста над ее плечом, и его пальцы вцепились ей в волосы.

— Да будут прокляты все боги, но ты и впрямь глупа!

Слезы навернулись у нее на глазах, когда он приподнял ее за волосы. Боль была настолько нестерпимой, что Эрин собиралась просить пощады, но не смогла. Она с трудом дышала и сглатывала слезы, стараясь добраться до его лица. Он поймал ее руку и заломил за спину, и как Эрин ни старалась сдержаться, она вскрикнула. Потом он бросил ее на кровать.

— Еще одна подобная выходка, ирландская сука, — предупредил он — его синие глаза блестели в темноте, — и ты узнаешь, что викинги охотно бьют своих жен — даже в первую брачную ночь.

Потирая голову, Эрин подумала, что он, наверное, выдернул половину ее волос. Она поднялась, попятилась ползком к изголовью кровати и посмотрела на Олафа с опаской. Ей, конечно, не следовало так поступать, он был уверен, что она хотела ударить его в спину.

Учитывая происшедшее, его презрение к ней было довольно сдержанным. Когда она, нервничая, осознала, что они все еще голые, и попыталась натянуть на себя одежду, она взмолилась, чтобы он расценил ее молчание как смирение и лег в постель.

Она видела его силуэт, передвигающийся по комнате, и слышала возню в сундуке. Через минуту он вернулся к ней.

— Протяни руки, — потребовал он. Она поняла, что он собирается связать ее, и запротестовала.

— Нет! — закричала она невольно.

В раздражении он подошел к ней. Инстинкт сработал быстрее разума и заставил ее защищаться. Эрин ударила мужа ногой, забарабанила кулаками, готовая ногтями проткнуть ему глаз.

Он разразился проклятиями, но защищался очень слабо. Придавил Эрин своим телом и умело связал ее запястья одной рукой. Они оба устали от борьбы. Какое-то время Олаф лежал на ней, его тело прижимало ее к кровати. Эрин повернула голову, заскрежетав зубами. Его борода скользила по ее подбородку и уху, и она ощущала его влажное дыхание. Его бедра лежали поверх ее бедер, и ее нежному телу было больно от его тяжести.

Вдруг он передвинулся.

— Тебе следует успокоиться и прекратить борьбу, ирландская жена. А то мои физические потребности могут перевесить отвращение к холодной девственнице. У меня сейчас нет женщины, но я имел возможность оценить способности хорошей блудницы. У меня есть соблазн рассматривать тебя в этом качестве. В конце концов, много людей ожидают наследника, который объединит силы земли.

Эрин закрыла глаза, чтобы не видеть его, но она не могла не ощущать его власть над собой. Она чувствовала его прикосновения, и это ее смущало.

Ее руки, напрягшиеся под его хваткой, стали мягкими. Она совершенно успокоилась и услышала опять его сухой холодный смех.

Он широко расставил ноги около ее бедер, связал ее запястья поясом, затянув его покрепче. Наклонившись, поднял высоко ее руки и прикрепил их к изголовью роскошной кровати. Его живот и бедра нависли над ее лицом, когда он привязывал ее, и она сглотнула тяжело воздух и захотела закрыть глаза, но поняла, что не сможет сделать этого из-за сильного волнения. Мягкие золотые волосы ниже пупка щекотали ее нос, и она почувствовала неостановимую дрожь от бешенства и унижения. Она чуть не потеряла сознание от накатившейся жаркой волны гнева и оскорбления, от того, что принуждена ощущать его так близко.

Он передвинулся еще и, ворча, закрепил узел. Его мужской ствол колыхался в ложбинке между ее грудями, и она покраснела.

Казалось, будто она превратилась в раскаленную сталь, а весь мир — в вертящийся черный туннель. «Сейчас я потеряю сознание», — думала она в отчаянье. В ней кипели ярость, и ее мучило чувство униженности и страха. У нее закружилась голова, и перехватило дыхание. Она с трудом дышала.

Олаф закончил свою работу, не глядя на нее, затем снова повернулся спиной и лег спать.

Эрин не могла больше сдерживать слез, дрожа от сознания своей слабости, жалкого положения и унижения. Слезы капали на ее щеки. Он усмирил ее, и теперь отдыхал.

Но он не спал. Ее удивила мягкая интонация его голоса:

— Я сожалею, что пришлось поступить с тобой так. Может, это и справедливо, но я бы не хотел этого. Просто я не хочу всю ночь беспокоиться из-за того, что ты можешь проткнуть мне спину.

Эрин подумала: не рассказать ли ему, что она не собиралась на него нападать, а только хотела защитить себя в случае его нападения? Но если она заговорит, он поймет, что она плачет. Кроме того, она могла просить до хрипоты, от него не дождешься снисхождения. Он предупредил ее.

В воздухе чувствовалось напряжение, так как он ждал ответа. Но она не отвечала. Она слышала едва различимое раздраженное ворчание; потом он переместился, дыхание стало ровнее, он заснул.

Но Эрин лежала без сна долго, молча глотая слезы. Она была невестой Волка, самого свирепого короля викингов, и, к ее удивлению, она все еще оставалась невинной, прикованная к брачному ложу. То, что произошло между ними, дало ей понять, что ее муж считает себя бесспорным властелином и хозяином. Она осталась девственницей только из-за его каприза и будет вынуждена исполнять его приказания. Она дала клятву быть его женой.

Женой самого ненавистного своего врага.

Когда Эрин проснулась, она почувствовала себя несчастной. Ее руки сводило судорогами, все тело ныло. Не способная двинуться, она не могла больше заснуть и временами готова была расплакаться. Ближе к утру она все же зарыдала.

Ей понадобилось меньше секунды, чтобы вспомнить, где она находится и при каких обстоятельствах сюда попала. Трудно было поверить, что все это правда. Что ей теперь делать? Куда идти?

Она закрыла глаза, но вскоре снова открыла их, осознав, что ей очень неудобно из-за связанных рук.

Белый Олаф все еще сладко спал, Макушка его головы касалась ее ребер, его рука случайно упала чуть ниже ее живота.

Она осмотрелась, размышляя, сможет ли отклониться, чтобы избежать его прикосновений. Смотрела на его широкие руки с длинными пальцами, свисавшие над ее бедром. Может быть, ей удастся сдвинуться...

Она ощутила слабое покалывание в затылке, когда перевела взгляд на златокудрую голову, и волна ужаса накатила на нее. Он больше не спал, а смотрел на нее, его синие глаза смеялись, он понимал причину ее растерянности. Она быстро отвела взгляд от него, так неприятно смеющегося, и уставилась на красивую льняную простыню, которая покрывала деревянную кровать.

— Прощу прощения, — прошептал он с издевкой, — моя поза неудобна для тебя? Тогда я сменю ее.

Он моментально переместил руку с ее бедра, рисуя огрубелыми пальцами круги на ее животе. Эрин втянула воздух и задержала дыхание, не желая, чтобы он видел дрожь, разрастающуюся внутри нее от его прикосновений. Она следила за его рукой, стараясь не вздрагивать, пока его пальцы продолжали свой гипнотический путь к ее пупку, к левой груди. Он обнял ладонью холмик, слегка коснувшись соска грубой кожей большого пальца. От ощущений, которые Эрин раньше не испытывала, ей вдруг стало жарко, содрогаясь, она почувствовала, как горячая жидкость разлилась из какого-то невидимого места глубоко внутри ее живота к конечностям, делая их слабыми и беспомощными. К своему ужасу, она заметила, что ее сосок затвердел и напрягся под его пальцами. Она больше не могла сдерживать трепет, а ощущение жара усиливалось и пугало ее. От всего этого у нее закружилась голова, и ей показалось, что сейчас ее конечности парализует, и она потеряет способность соображать. Прежде чем она что-нибудь поняла, у нее вырвалась отчаянная мольба, еще более берущая за душу из-за прерывистого шепота:

— Пожалуйста...

К ее огромному удивлению и облегчению, он прекратил пытку немедленно. Она приоткрыла глаза и увидела, что он лежит, облокотившись, его губы искривились в легкой усмешке, глаза изучали ее.

— Итак, жена, — прошептал он, — ты умоляешь меня. Это хорошо. Есть надежда, что мы сможем жить в мире.

Эрин опять закрыла глаза, не обращая на него внимания. Она чувствовала на себе его взгляд и, не открывая глаз, спокойно спросила:

— Теперь ты можешь меня развязать?

Олаф поднялся, чтобы освободить ее, а она все еще не открывала глаз. Она не хотела смотреть на его тело, тугой живот с золотистыми волосками внизу. Она затаила дыхание, чтобы не чувствовать запаха его чистого мужского тела.

Руки упали на постель, когда Волк отвязал запястья. Он отодвинулся, и Эрин, наконец, открыла глаза. Нордическая синева, казалось, пронизывала ее, она посмотрела на свои запястья и потеряла их.

— Почему ты так сильно ненавидишь меня? — спросил он строго.

— Ты — викинг, — сказала она коротко, но вдруг вспомнила, что сидит голая, и попыталась как бы случайно натянуть на себя одежду. По его смешку она поняла, что ее движение замечено, но он не остановил ее.

— Но это ведь не все, — сказал он.

Эрин пожала плечами, все еще не глядя в его сторону.

— Мы встретились однажды, Повелитель Волков, и это была отнюдь не встреча друзей. У меня сложилось о тебе определенное представление.

— Нет, ты собиралась помочь одному из ненавистных тебе викингов у ручья, пока не поняла, что это я. Я повторяю, почему ты ненавидишь меня!

— Потому что ты убил мою тетю! — взорвалась Эрин, посмотрев на него гневно.

— Я никогда не убивал женщин, — сказал он твердо. Эрин почувствовала, что готова разрыдаться, но не могла позволить, чтобы он увидел ее плачущей.

— Клоннтайрт, — сказала она грубо и горько, — король Клоннтайрта был моим дядей. Бриджит была королевой. Он поднялся с постели.

— Я не убивал твою тетю. Я никогда не убивал женщин и не позволял этого своим людям.

— Да, — сказала Эрин резко, — твои люди не перерезали их глоток. Они просто напали на них, и им не оставалось ничего более, как предпочесть смерть.

— Ты заблуждаешься, маленькая дрянь, — сказал он бесстрастно.

— Заблуждаюсь! — В порыве отчаяния и ярости, которые кипели в ней, она забыла про свое положение, вскочила и гневно посмотрела на него через кровать.

— Я видела, что ты сделал, Олаф...

С поразительной быстротой и проворством он перешагнул через кровать и, схватив за запястья, швырнул ее, прежде чем она закончила фразу. Придавленная его телом, ощущая обжигающий лед его взгляда, она могла только отодвинуться и молиться Богу, которому поклонялась Беде, чтобы не расплакаться.

— Пожалуйста, — приказал он, — продолжай.

Она закрыла глаза и сглотнула, мечтая о том, чтобы он оставил ее в покое. Она чувствовала тяжесть его бедер, его член обжигал мягкую кожу на внутренней поверхности бедер.

— Я была там, — прошептала она, — я была в Клоннтайрте.

Казалось, его голос смягчился:

— Я не убивал твою тетку, — повторил он. Эрин снова сглотнула.

— Она зарезала себя, потому что ты пришел... и... я видела...

— Что? — Голос его звучал тихо, но властно, и ему нельзя было не повиноваться.

— Мойра... женщина, которую я хорошо знала. Ее изнасиловали.

— Как, ты сказала, ее звали?

— Мойра.

Он помолчал мгновение, не ослабляя хватки, потом холодно произнес:

— Я уверяю тебя, что не трогал этой ирландской женщины. Если ты была там, то должна знать это. — «Взять женщину, испуганную, кричащую женщину, когда Гренилде была еще жива? Нет», — подумал Олаф гневно. — Я говорил тебе, что не соблазнюсь холодными девственницами.

Эрин опять взглянула на него, стараясь не моргать. В его голосе и глазах чувствовалось презрение. Она молилась, чтобы слезы не выдали ее слабости. Может быть, какое-то время он и не соблазнится ею. Его хватка и его близость рождали дикий пронзительный звук внутри нее, давивший на уши. Этот звук чуть не лишал ее сил, перед глазами заметались черные тени. Она все еще пыталась остановить дрожь, металась по кровати, заставляя себя говорить, так как чувствовала, что скоро онемееет язык.

— Возможно, Норвежский Волк, ты не был среди нападавших собак. Но Клоннтайрт был взят по твоему приказу, это твои люди обесчестили бедную Мойру.

— Король Клоннтайрта мог бы и сдаться, — прервал Олаф, — всех бы их пощадили. Когда происходят сражения, людям обычно делают больно, а иногда еще и убивают. К несчастью, иногда затрагивается и чья-либо невинность.

— Сдаться! — завопила Эрин. — Клоннтайрт принадлежит моему дяде...

— Весь мир воюет, — огрызнулся Олаф раздраженно. — Тот, кто сильнее, завоевывает других.

Негодование бурлило в Эрин вместе с непрекращающейся дрожью. Эрин повернулась к мужу, чтобы ударить, но остановилась в ужасе, так как увидела, что его лицо расплывается в улыбке. Он был абсолютно уверен в своем превосходстве, и все, что она могла сделать, — это еще более сблизить их тела, яснее ощущать его плоть.

Эрин сомкнула челюсти, посмотрев на него так обжигающе своими изумрудными глазами, что могла бы превзойти солнце.

— Тогда скажи мне, Повелитель Волков, — язвительно холодно проговорила она, — что происходит, когда встречаются враги равной силы?

— Тогда, — быстро ответил Олаф, — люди приходят к компромиссу. Например, как я и твой отец.

— Запомни свои собственные слова, викинг, — прошипела она, — ты пришел к компромиссу с моим отцом, но не со мной. — Эрин замолчала, испуганная стуком в дверь.

Нахмурившись и смутившись, Олаф произнес:

— Войдите.

Эрин в ужасе широко раскрыла глаза. Они опять умоляли его. Униженность в ее глазах напомнила ему, что его ирландская жена обнажена. Он освободил ее и резко скомандовал:

— Ждите.

Эрин зарылась в меха. Олаф сорвал льняную простынь с кровати, обернулся ею и пошел открывать дверь. Маленький человек, низкорослый для норвежца, подошел к Олафу и посмотрел через его плечо на Эрин, по-детски оскалившись.

— Ваша ванна, лорд Олаф, — сказал гномоподобный человечек.

— Принеси, — приказал Олаф.

Гном отступил. Двое слуг вошли с тяжелым металлическим чаном, за ними следовали зардевшиеся девушки, которые наполнили его горячей водой. Войдя в покои, они не посмотрели ни на Олафа, ни на Эрин. Маленький мужчина остановился сзади, расставляя стеклянные бутылочки на большом деревянном сундуке около двери.

— Мне помочь вам, мой лорд?

— Нет, — сказал Олаф, оборачиваясь к Эрин. — Эрин, это Риг. Риг, моя жена Эрин. Риг выполнит все, что ты захочешь.

Маленький человек подошел к ней со своей заразительной улыбкой, и Эрин заметила, что она улыбается в ответ.

— Да, моя леди, если тебе что-нибудь понадобится, я к твоим услугам.

— Спасибо, — прошептала Эрин, прижимая одежду к груди.

Олаф, будто бы забыв про нее, сбросил простыню и опустился в горячую воду со вздохом, его глаза закрылись. Эрин, нервничая, смотрела на него, затем осторожно сползла с кровати, бросилась к сундуку, где лежало ее белье, и начала копаться в нем. Она была уверена, что свободна, но вдруг ощутила затылком, что муж смотрит на нее. Она быстро обернулась и заметила его взгляд.

— Подойди, — приказал он, — я хочу, чтобы ты потеряла мне спину.

— Ни за что! — ответила она резко.

И вскоре пожалела об этих словах, потому что он выбрался из чана, намочив пол, и приблизился к ней. Она попятилась, но убежать было некуда. Он схватил ее за плечи.

— Леди, ты искушаешь судьбу. Когда я был тяжело ранен, ты издевалась надо мной, и ты еще меня называешь варваром. Мне кажется, я слишком снисходителен к тебе, принцесса Тары. Таким образом, я считаю необходимым кое о чем договориться, или мне придется отказаться от намерения быть сдержанным с ирландцами. Я взял тебя в жены только по политическим соображениям. Если ты будешь хорошо себя вести, тебя оставят в покое. Мы говорили о компромиссе. Принцесса, ты явилась предметом соглашения, однако это обстоятельство тебя страшно огорчило. Но если ты останешься такой же злобной сучкой, ты будешь проводить дни и ночи как пленница, связанная. Тебе понятно? Я, кажется, хорошо изъясняюсь по-ирландски.

Эрин была потрясена, ее платье намокло от соприкосновения с его телом, но она довольно долго выдерживала его взгляд. Как ей больно было уступать ему, ощущать его превосходство и свою беспомощность! Несмотря на то, что она была сильной женщиной, ее сила по сравнению с ним была как нежное дуновение ветра против арктического урагана.

— Я понимаю, что ты говоришь, — сказала она, заскрежетав зубами.

Их глаза встретились — норвежский лед и пламень изумрудной Ирландии. Потом его пальцы крепко сжали ее плечи, и она пробормотала гневно:

— Я помою твою чертову спину.

Его лицо расплылось в улыбке, глаза подобрели.

— Сначала мне необходим массаж.

— Массаж, — повторила она рассеянно, нахмурившись, и мороз пробежал у нее по спине. Интересно, какие новые унижительные приказы он ей готовит?

— Массаж, — повторил он медленно, улыбаясь и вытираясь полотенцем. Он отпустил ее, уверенный, что какое-то время она будет безропотно выполнять его приказания.

— Крайний сосуд на сундуке... принеси его.

Эрин выпрямилась, прошла через всю комнату и глубоко вздохнула, словно имела дело с капризным ребенком. Вернувшись, она протянула пузырек, стараясь находиться как можно дальше.

Олаф покачал головой.

— Он понадобится тебе, — сказал он нежно, его глаза под опущенными ресницами

продолжали обжигать ее холодом. Она понимала, что он наблюдает за ней, и постаралась скрыть возмущение и остаться спокойной и бесстрашной.

— Там находится специальное масло, добытое моими братьями — «варварами» на юге континента. У него приятный запах, и оно оказывает расслабляющее действие на мышцы, если втирается нежными пальцами. Я весь напряжен. Трудно заснуть рядом с женщиной, которая мечтает тебя поскорее прикончить.

— Ты спал очень хорошо! — огрызнулась Эрин.

— Неужели? Все же мои мышцы ноют. Он повернулся к ней спиной и растянулся на кровати. Эрин растерянно посмотрела на него.

— Ну?

Эрин приблизилась к нему и осторожно присела на кровать. Она вынула пробку, налила немного масла ему на спину и, чуть-чуть поколебавшись, начала размазывать масло по его спине, невольно восхищаясь сильным бронзовым телом и упругими мускулами. От тонкого запаха масла у Эрин закружилась голова, но она старалась не показывать своих чувств.

Она натерла его плечи, впадину между лопаток, слегка поеживаясь, когда его мышцы задвигались под ее рукой, потом перевела руки ниже, туда, где его тело суживалось, к тонкой талии. Затем она убрала руки и собралась встать.

— Я помассажировала твою спину.

Он дрогнул, его глаза широко раскрылись, и он схватил ее за запястье, прежде чем она успела встать. Он улыбнулся. Это была язвительная улыбка, не коснувшаяся его глаз.

— Ты отлично это делаешь, — прошептал он вежливо, растягивая слова, его речь становилась похожа на предостерегающее мурлыканье. — Мне так понравилось, что я хочу, чтобы ты продолжила.

Эрин вспыхнула, не в силах подавить свое возмущение.

— Будь счастлива, — предупредил он мягко, — что это все, о чем я тебя прошу.

Эрин так крепко сжала зубы, что ей стало больно, но она все же вылила еще масла на его ноги с выступающими тонкими венами, стараясь не смотреть на его ягодицы. Она растерла его икры, заметив, что они такие же сильные и крепкие, как и другие части тела.

Ее пальцы двигались решительно, слегка подрагивая, когда она пыталась заставить себя тереть нежно, и вот она добралась до колен. Там она остановилась, думая закончить, и не заметила, как Олаф приподнялся на локте и обернулся.

Она почувствовала его взгляд и посмотрела на него. Он язвительно улыбался.

— Пожалуйста... продолжай.

Чтобы он не заметил ее дрожи, она приняла суровый вид. «О Боже, как ты допустил это?» Сделав над собой усилие, она коснулась его тела снова, тела, которое она ненавидела всем своим сердцем и которое, несмотря ни на что, было красивое, крепкое и завораживающее.

— Там... — Она снова поднялась, но он быстро схватил ее за руку.

— Еще не все.

Эрин злобно посмотрела на него.

— Дальше я не буду, викинг.

— Ты будешь делать так, как я скажу, принцесса. Она стояла молча, но упрямо не слушаясь его, не думая о том, чем может для нее обернуться ее непослушание.. На этот раз он не сделал ничего. Он опять улыбался.

— Запомни, жена, все происходит так, как я говорю.

Эрин тяжело вздохнула и села снова, желая только, чтобы он не был привередливым и изощренным, хотя, наверное, все викинги были такими. Она закрыла глаза, когда дотронулась до его ягодич и почувствовала, какие они крепкие и сильные. Вдруг он перевернулся, внезапно переместив ее пальцы на свой член. Казалось тот жил своей собственной жизнью. Он пульсировал и становился горячим и громадным при ее легких касаниях. Она знала, что покраснела, но не хотела, чтобы он получал удовлетворение от ее реакции.

Олаф разразился смехом.

Ее одолевало искушение: хотелось бить его, причинять ему боль, какую он причинял ей, унижая. Ее руки, казалось, наливались силой, и она опустила ресницы, переместив руки опять вниз. Но прежде, чем она подавила бешеный и неразумный порыв злости, он резко сказал, предупреждая:

— Смотри у меня, ирландка, Я требую от тебя только то, что ты сможешь сделать.

Эрин напряглась и постаралась взять себя в руки, вонзая ногти в ладони, ненавидя и его, и себя. Если бы у нее был хоть один шанс на победу...

— Будь очень осторожна, милая сучка, — мягко перебил он ее размышления, — теперь ты в моих руках, и я отнюдь не слаб и не ранен, и не обезумел от сражений и боли. Если ты причинишь мне боль, я отвечу.

Она сделала усилие, чтобы не броситься на него с кулаками, но разжала пальцы и принялась массировать ему грудь, ощущая золотистые волоски под кончиками своих пальцев. Она перевела руки на бедра и судорожно сглотнула, когда почувствовала шрам от раны, длинный белый рубец. Она не могла заставить себя прикоснуться к нему, так как ей больно было вспоминать его страдания и свою жестокость. Он выздоровел чудесным образом, но в этом есть и ее заслуга. Она промыла и перевязала рану с целебными травами и глиной. Она доставила ему мучения, да, но она и помогла ему.

И тогда, в течение того нескончаемого дня у ручья, она чувствовала его, как мужчину, и это пугало ее. И когда ей удалось убежать, она не могла подумать, что когда-нибудь, хоть через тысячу лет, она будет касаться его тела снова, замирая от страха, ощущать его плоть, и уж совсем не могла предположить, что окажется обнаженной рядом с ним, в таком зависимом от него положении.

Она отдернула руки снова, положила их на колени и застыла. Она больше не прикасалась к нему, но продолжала ощущать его, и то, что ощущала, было похоже на сталь. Он был силач... победитель. Все это он ей как нельзя лучше доказал.

— Спасибо, — прошептал он тихо, с заметными нотками издевки.

Эрин быстро встала и отошла от кровати к закрытому ставнями окну. На этот раз Олаф не остановил ее.

Она стояла к нему спиной и слышала его тихие шаги по комнате: он начал одеваться. Но она была уверена, что он не сводит с нее глаз.

Нежный запах сандалового дерева стоял в опочивальне, приятный мужской запах-запах, который всегда будет напоминать ей о нем.

Он снова тихо заговорил:

— Я действительно не хочу, чтобы ты страдала, просто я хочу, чтобы ты меня поняла, я не желаю, чтобы моя жизнь была испорчена ненавидящей и злобной женщиной. У меня нет времени уделять внимание твоим мелочным мечтам о мести. Мне жаль, что твоя тетя умерла. Но я не должен извиняться за то, что я викинг. Я решил теперь быть созидателем, а

не разрушителем. Жаль, что судьба нас теперь соединила. Знай, все, чего я желаю-чтобы ты стала разумной королевой. Судьба распорядилась так, и по ее воле ты сейчас находишься здесь. Примирись с тем, что ты моя жена — моя собственность, и ты заживешь мирно, без тревог.

— Я была воспитана ирландской женщиной. Законы Брегона не предписывают мне быть собственностью мужчины. Как я могу примириться с этим?

Ее голос звучал спокойно и тихо, и в нем слышались печаль, отчаяние и гордость.

Олаф почувствовал одновременно и жалость, и восхищение.

— Потому что ты должна. Законы Брегона ничего не значат для меня. Я — мой единственный закон. Но все же мне не хочется причинять тебе боль.

— Если ты желаешь мирного сосуществования, почему ты так унижаешь меня? — спросила она тихо.

— Странно, — произнес он, — что ты меня об этом спрашиваешь. Было время, ирландка, когда ты обошла со мной гораздо хуже... И ты продолжаешь вынашивать планы, как бы прикончить меня. Пусть это только мечты. Но я не собираюсь мстить тебе, я верю, что будет лучше для тебя, если ты побыстрее поймешь, что все равно не сможешь обхитрить и победить меня. У меня нет времени на шутки. Есть люди, которым не по душе наш союз. Дублин и ирландские города будут подвергаться набегам тех, чья вера не такая, как у твоего отца, и не такая, как у меня. Будет много боев, потом придется восстанавливать города. Ты должна понять, что, если будешь перечить мне, с тобой будет другой разговор. — Он замолк на минуту, но она не отвечала. — Я прикажу слугам приготовить ванну для тебя.

— Моя сестра... — начала Эрин.

— Ты увидишь свою сестру позже, — перебил он:

— Я пришлю к тебе девушку, которая, я уверен, тебе понравится.

Эрин слышала, как закрылась за ним дверь, но продолжала смотреть отсутствующим взглядом в окно, чувствуя попеременно то отчаяние, которое грозило задушить ее, то ярость, вызванную бессилием перед врагом, преследовавшим ее насмешками, желающим показать, кто здесь хозяин. И она хотела, чтобы он не казался ей одновременно таким умным, ловким, властным и красивым. Было бы легче ненавидеть его, если бы он не был так уверен, что не убил ни одной женщины.

Раздался стук в дверь.

Эрин рассеянно произнесла:

— Войдите.

Она размышляла, как сложится ее жизнь и чем она будет заниматься в этом норвежском замке.

Эрин залилась румянцем, когда вспомнила, что ее платье мало что прикрывает, но Риг занялся своими обязанностями, наблюдая за вносом чана для нее. Когда комната опустела, Риг, улыбаясь и покачиваясь, мягко сказал:

— Если тебе что-нибудь понадобится, моя леди, позови меня. Хорошо?

— Хорошо, Риг, — сказала мягко Эрин. — Спасибо.

Она улыбалась маленькому человечку, не сознавая еще, что приобрела первого верного друга в Дублине. Он заглянул в ее прекрасные глаза, заметил страдальческую добрую улыбку. Он был очарован ею. «Олаф — счастливчик, — подумал Риг. — Он женился по договору, но неожиданно получил прекрасную жемчужину».

— Твоя служанка идет, — прошептал Риг, внезапно покраснев от удовольствия при виде

ее улыбки. Раскланявшись, он закрыл за собой дверь.

Эрин вдруг почувствовала, что у нее раскалывается от боли голова. Слишком много событий за такое короткое время.

Она осталась одна, смутно надеясь, что когда-нибудь она победит того самого мужчину, во власти которого теперь находится. Мужчину, которого она не слишком интересуется, но который желает поставить ее на место.

Слава Богу, что это единственное его желание. Жар распространился по всему ее телу. В конце концов, ее не заставляли удовлетворять его. Это бы полностью выбило ее из колеи.

Если бы она не пренебрегла безрассудно тем шансом! Она бы вышла замуж за Феннена. И в этом случае она наслаждалась бы запахом его плоти, ощущением его крепкого сильного мужского тела.

Эрин закрыла глаза, мучительно сознавая, что Феннен никогда не заставлял ее дрожать, как этот человек. Поцелуй ее ирландского жениха оставлял в ней слабое любопытство, а не трепет, как это случалось от приближения золотого викинга.

«Это потому, что я так ненавижу его, поэтому я и становлюсь такой беспомощной, когда он рядом, — думала она в безысходности. — Он вызывает дрожь внутри меня, я дрожу от страха и ужаса».

Но было много того, что она отказывалась понимать. Даже несмотря на ее ненависть и нежелание выполнять его приказы, ее пальцы жаждали прикосновения к его прекрасной бронзовой коже.

Она изумлялась, глядя на мужчину, который предпочел оставить ее одну. Конечно, он не испытывает к ней любви, но ей думалось, что он захочет удовлетворить потребность, которая, как она знала, время от времени дает себя знать в каждом мужчине.

Эрин закрыла лицо руками. Конечно, это очевидно; Действительно, она не могла совсем не вызывать в нем желания — и он знал к тому же, что ирландский король предоставил ему чистую и неискушенную в делах любви девушку. Должно быть, где-то здесь есть женщина, возможно, в его резиденции, которая не такая бесталанная, не считает его врагом и удовлетворяет великого Повелителя Волков. «Отлично! — сказала она себе. — Пусть он развлекается со своей шлюхой или шлюхами, а меня оставит в покое». Сейчас она ненавидела его больше, чем когда-либо. Возможно, ей удастся найти способ убежать.

Эрин разрыдалась. Убежать... Куда? Она не могла пойти домой. Отец сам отдал ее в руки Волка... ее отец, которого она почитала всю жизнь. Она была очень зла на него, но боль перевешивала гнев. Она хотела снова увидеть его. Они так мрачно расстались. Она хотела жить в доме отца, как ребенок. Закрыв глаза, Эрин подумала о матери. Вероятно, Маэве ничего не знала. Если бы она могла увидеть мать, ощутить ее нежную ласку.

Когда Эрин подумала о Беде, она глубоко вздохнула. Ей захотелось удушить сестру, которая предала ее.

Головная боль усилилась. Теперь она королева Дублина, очевидно, от нее ждут исполнения каких-то обязанностей. Будут ли норвежцы уважать ирландскую королеву? Или все узнают, что она просто была предметом договора, игрушкой для короля, если ему захочется поиздеваться?

Она легла в воду, завязала волосы узлом на затылке и закрыла глаза. «Примиришься с обстоятельствами, — говорил ей внутренний голос. — Заставь себя не думать об этом, иначе сойдешь с ума».

Послышался стук. Эрин услышала скрип двери и открыла глаза. Взглянула на милое,

улыбающееся лицо женщины, которая вошла в комнату, и ее глаза в изумлении раскрылись. Вошедшая женщина доброжелательно улыбалась. Она выглядела здоровой, отдохнувшей и счастливой. Очень счастливой. Эрин выдавила удивленно:

— Мойра?!

— Я рада, что ты помнишь меня, Эрин.

— Помню ли я?.. — Сколько раз, закрывая глаза, Эрин слышала крики Мойры, но она не стала говорить об этом.

— Конечно, я помню тебя, Мойра!

Улыбка Мойры стала еще добрее.

— Сначала было не слишком хорошо, но теперь, как ты видишь, все в порядке, — сказала она спокойно.

Эрин хотела о многом рассказать, но не могла открыть рта. Она не могла справиться с шоком.

— Я была очень больна, — продолжала Мойра, подойдя к красивому сундуку у кровати, — но обо мне позаботилась сама Гренилде.

— Гренилде?

Мойра поколебалась, ее милые серые глаза вспыхнули на мгновение.

— Леди моего лорда Олафа, — сказала она тихо. — Она уже умерла... — Мойра передернула плечами и принялась что-то разыскивать в сундуке. — С тех пор я живу с Сигурдом, главным советником лорда Олафа, и я нахожу свою жизнь замечательной.

Она выбрала платье и положила его на кровать, потом принесла Эрин полотенце.

— Тебе понравится в Дублине, Эрин. Здесь всегда такое оживление! Школяры, аптекари, коробейники, монахи — все они приходят в Дублин.

Мойра подала полотенце. Эрин, все еще потрясенная, машинально приняла его.

— Замечательно, что король Дублина женился на ирландке, — сказала Мойра. — Всех здешних ирландцев это еще больше свяжет с норвежцами... Мы здесь совсем не страдаем, — добавила она быстро. — Олаф — очень справедливый человек. Но иногда его суждения странны. Мудрость, но не от сердца. Ты можешь стать его сердцем, Эрин.

Эрин опустила глаза. Его сердцем! Она не хотела разочаровывать Мойру, но глубоко сомневалась, что когда-нибудь тронет сердце Волка.

Она все еще не могла говорить. Мойра продолжала болтать, и это постепенно вернуло Эрин равновесие.

— Я выбрала светло-лиловое белье. Тебе подойдет?

Эрин кивнула. Она стояла неподвижно, ошеломленная, пока Мойра помогала ей одеваться.

— У тебя такие красивые волосы. Мне нравится помогать тебе одеваться.

— Мойра, — оправилась наконец от шока Эрин, — тебе не надо прислуживать мне, я сама могу позаботиться о себе...

Мойра засмеялась, и ее смех был похож на журчание ручейка. Эрин не могла поверить, что Мойра так счастлива.

— Я рада, что помогаю тебе, Эрин! Как будто у меня появилась маленькая сестренка. Садись, я расчешу тебе волосы.

Эрин покорно села, задумалась на некоторое время, потом обернулась.

— Мойра! Как ты можешь быть такой веселой... такой... как ты смогла забыть... простить?..

Вновь Мойра легко улыбнулась.

— Сначала я просто хотела выжить, и я выжила. Потом меня хорошо лечили. Я живу среди этих людей уже три года. У меня есть хорошая еда, хорошая одежда. И я... благодарна лорду Олафу, я полюбила многих здешних жителей. Эрин, есть вещи, которые нельзя изменить. Олаф взял Дублин, и он останется здесь. Как рожь в поле гнется под ветром, так и мы должны смириться, когда ничего не можем изменить.

Эрин отвернулась от Мойры.

Мойра снова нерешительно заговорила.

— Пожалуйста, Эрин, прими все как есть. Если ты попытаешься убежать от законного мужа, ты нарушишь договор отца. Викинги будут унижены, потребуют возмездия, снова начнутся войны.

Мойра замолчала.

Эрин закрыла глаза, борясь со слезами. Мойра была права, она не могла убежать.

Это было так больно сознавать. Сама жизнь насмеялась над ней. Казалось, что все вокруг померкло, так велико было ее отчаяние. Она открыла глаза.

— Не беспокойся, Мойра, — сказала она тихо. — Я не убегу.

Движения гребня по волосам были приятны.

— Ты увидишь, что жизнь здесь очень похожа на жизнь в Таре. Большинство норвежских женщин добры. Мы занимаемся рукоделием в прелестных, залитых солнцем комнатах, как и в Грианане. Тебе найдется дело, Эрин. На ночь надо готовить много еды, и всех едоков обносить строго по чину, а скоро еще придут ирландские лорды.

Эрин потерла лоб. Если она не сможет избежать унижений, которые последовали после женитьбы, она должна, как и Мойра, принять все как есть, стараясь быть выше. Она приложит все усилия, чтобы быть не только безупречной королевой. Она будет находить отраду, помогая своему народу, и станет держаться в стороне от мужа. Он заявил, что не хочет, чтобы она страдала. Он обещал оставить ее в покое, если она не будет так досаждать. Эрин увернулась от рук Мойры и подняла голову.

— Ты должна помочь мне, Мойра. Этот союз заключили мужчины, и я сомневаюсь, что женщины смогут принять его.

— Все не так плохо, — убеждала Мойра. — Многие уже взяли в жены ирландок. Не двигайся, я закреплю твои волосы. Мы поищем твою сестру, а потом пойдем в солнечные покои.

Эрин все еще хотела задушить Беде или, по крайней мере, задать ей взбучку — так, чтобы зубы у нее застучали. Но когда она увидела напряженное лицо сестры и ужас в ее глазах, когда та вошла в покои, то решила сдержаться. Беде никогда не обижала ее, пока она, как и Аэд, не уверилась, что необходимо принести жертву во имя Ирландии, и на то есть воля Божья.

Беде подошла к Эрин и обняла ее со слезами.

— Сестра, прости меня...

Простить... «О, Беде, — думала Эрин, — ты не сознаешь и половины того, что ты сделала! Но я все же люблю тебя, и ни ты, ни я ничего не можем изменить. И вряд ли будет хорошо для новой ирландской королевы душить ирландскую монахиню».

Она отстранилась и поморщилась.

— Пойдем, Беде, Мойра собирается научить нас, как жить среди волков.

В солнечных покоях было несколько женщин, из них только две ирландки. Эрин никогда прежде не встречалась с норвежскими женщинами и была очарована их одеждой.

Они носили длинные светлые платья с разными типами рукавов, а не обычные цельнокроенные ирландские робы под тяжелыми шерстяными туниками. Ирландцы очень гордились своими брошами на плащах, норвежские женщины использовали подобные броши, чтобы держать свои туники высоко на плечах. Руки их украшало множество золотых колец и браслетов. Они любили ожерелья из стекла и камней. Эрин поняла, что изобилие дорогих украшений свидетельствовало о принадлежности женщин к благородному сословию.

Она никогда не носила много украшений, хотя и была любимицей отца. У Мойры были золотые гребни в волосах, и одета она была в простое льняное платье. Интересно, одеваются ли норвежские женщины в шелка, или эта прекрасная ткань имелась только у нее, так как ирландские купцы установили торговые связи с испанскими и итальянскими католиками?

Эрин замерла на пороге комнаты, где занимались рукоделием. Она была чужая здесь, хотя и выше всех по положению. Но Беде, всегда уверенная, что ее направляет Бог, смело вошла внутрь, Мойра представила женщинам Беде как христианку и принцессу Тары, а Эрин как королеву Дублина.

Эрин чуть не рассмеялась. Олаф не стал ее мужем. Она не могла думать о нем как о муже, а значит, она не являлась и королевой. Она была игрушкой в руках ее отца и Волка.

Женщины не пригласили сразу Эрин в свой круг, но Беде, посмотрев на Эрин, поняла, что ее сестра произвела наилучшее впечатление. Неприятие постепенно исчезло из глаз женщин, когда Эрин спокойно заговорила и попросила их совета и помощи.

Она провела с женщинами три часа, выслушивая предложения, от которых у нее закружилась голова. Мойра, которая находилась сзади, наконец, прервала их и сказала, что Эрин должна встретиться с кухаркой. Эрин взглядом попросила Беде сопровождать ее, но Беде покачала в ответ головой. Понимая, что сестра надеется узнать побольше для нее, или, может быть, попытаться обратить женщин в свою веру, Эрин кивнула и вышла.

— Мойра, — спросила Эрин, ее глаза приковывала красивая резная лестница, которая вела со второго этажа в огромную трапезную залу, пустующую сейчас, исключая нескольких старожил, которые строгаи что-то у огня и улыбнулись, завидя их, — почему ты не присоединилась к разговору? Мне кажется, что ты знаешь гораздо больше...

Ее перебил смех Мойры с нотками горечи.

— Эти женщины — жены викингов-героев, а я только любовница Сигурда.

— Но они не должны иметь больше прав, чем ты, — сказала Эрин. ~

— Оставь, Эрин, я вполне счастлива, но это не меняет того обстоятельства, что я захвачена во время сражения.

Эрин не успела ничего ответить. Они миновали одно крыло U-образного здания и вышли в маленький садик. Она была поражена, увидев мужчин, тренирующихся в битве на мечах и топорах в отдалении на холме.

Мойра уловила ее взгляд.

— Они делятся опытом в боевом искусстве, — сказала Мойра, — мне кажется, некоторые твои братья и кузен Грегори сейчас там.

— А мой отец? — Голос Эрин прозвучал хрипло.

— Твой отец вернулся в Тару.

Эрин с трудом сглотнула. Он покинул ее, и то же самое вскоре сделает Беде. Она останется одна в осином гнезде, если не считать Мойры, которая стала послушной служанкой.

Мойра повела Эрин во второй коридор U-образного здания. Здесь были многочисленные рабочие комнаты: кухня, кузница, прачечная, хранилище продуктов и помещения для животных. Кухня оказалась большой комнатой с огромным глиняным камином посередине, где на тяжелых цепях были подвешены вертела. Глиняные печи для выпечки хлеба выстроились по одной стороне длинной стены; утварь была разложена на деревянных полках. Эрин изумилась, увидев, как течет вода из деревянных труб. при повороте рукоятки в огромные чаны. И женщины, и мужчины-по большей части ирландцы — надевали мясо на вертела, помешивали варево в котлах, замешивали тесто на огромных досках. Молодая девушка сидела в дальнем углу и ошпыливала птицу; другая снимала сливки со свежего коровьего молока для крема. Ароматы на кухне царили божественные.

— Познакомься с Фрейдой, — сказала Мойра, — она здесь главная. Если тебе что-нибудь не понравится, скажешь ей.

Мойра тревожно оглядела этот рабочий люд, ее взгляд задержался на пышной женщине с длинными растрепанными волосами и в короткой робе, отдававшей приказы суетливому маленькому мужчине, который поворачивал вертел с мясом. Они разговаривали на ирландском, что не удивительно, потому что женщина была темноволосой, не похожей на норвежку.

— Мойра, что это?

— Ничего. Пошли к Фрейде.

Фрейда оказалась приятной, чуть полноватой женщиной, с прекрасными веселыми глазами. Она приветливо улыбнулась Мойре, потом взглянула на Эрин.

— Ты просто замечательная девушка, — сказала она, — красавица для нашего славного короля Олафа.

Эрин слегка зарделась, когда женщина без тени смущения коснулась ее бедер, определяя их размер.

— Ты худая, но где надо — ничего. Я прослежу, чтобы ты как следует ела, и у нашего короля будет куча сынишек. Эрин смущенно опустила глаза, а Фрейда засмеялась.

— Мы каждое утро будем обговаривать блюда для вечерней трапезы. Сегодня я уже выбрала еду, но ты можешь что-нибудь изменить.

— Нет, — быстро ответила Эрин, — я доверяю тебе в данном вопросе. Я скоро изучу вкусы воинов.

Эрин почувствовала вдруг, что пышная женщина, распекавшая кухарку, смотрит на нее. Она обернулась, с удивлением отмечая, что невзлюбила свою соотечественницу. Та смотрела на Эрин насмешливо, вызываяюще, потом повернулась и ушла из кухни, виляя бедрами.

Разговор с Фрейдой закончился, и Эрин вдруг вспомнила, что ничего не ела за целый день.

— Мойра, можем мы поесть чего-нибудь...

Глаза Мойры расширились в ужасе.

— Прости, я забыла. Мы в основном едим вечером, когда собираются все. Отныне я буду приносить тебе еду утром. Прости.

— Мойра, пожалуйста, не извиняйся. — Эрин чувствовала себя неловко, потому что Мойра прислуживала ей, хотя Эрин и нравилось ее общество. — Давай поищем что-нибудь поесть.

Они получили огромные куски сочной говядины, которой Эрин наслаждалась, пока не

вспомнила, что скот был гоже военной добычей Олафа. «Я ем ирландскую еду, — думала она, смакуя вкусную пищу, — а Мойра прислуживает свиньям на своей собственной земле».

Потом она вспомнила о других ирландках, в частности о той, что так дерзко смотрела на нее.

— Мойра, — спросила она, — кто та женщина, которая смотрела на нас?

Мойра облизала пальцы.

— Это... это Мэгин.

— Она тоже захвачена в бою?

— Да. Датчанами, я думаю. Она уже жила в Дублине, когда сюда пришел Олаф.

— Она так смотрела, как будто имела власть здесь. Она разве не служанка?

Мойра опять заколебалась, и Эрин заметила это.

— Мэгин... да... Полагаю, она служанка. Пойдем, я еще многое хочу тебе показать.

Эрин провела остаток дня, изучая все, что касается ее нового дома. Она встречалась с портными, прачками и другими слугами. Узнала, что у нее будет особая зала для встреч с теми, кто желает наняться на службу, и от нее также требовалось разрешать мелкие споры между женщинами.

Но кроме того, она узнала, что норвежцы — любопытный народ и очень умелый, к ее удивлению. Кроме боевого искусства, они также хорошо умели вести дом. Она обнаружила, что норвежцы могли бы ей понравиться, как понравились Риг и Фрейда.

Когда сумерки перешли во тьму, Эрин вернулась в свои покои подготовиться к вечерней трапезе. Она делала это наскоро, не желая, чтобы Олаф застал ее за этим занятием. Когда Эрин нервно вытирала руки и лицо, она думала о странной женщине в кухне, Мэгин, которая смотрела на нее с таким высокомерием. Мэгин — с пышными формами, качающимися бедрами и страстными глазами. Эрин вдруг поняла, что существует только одно объяснение. Мэгин была любовницей Олафа. Горячая волна боли захлестнула ее.

«Почему это меня заботит?» — спросила она себя. Она не собиралась оспаривать свои права в этом вопросе. Так еще лучше. Но на что она могла надеяться в этом сумасшедшем мире? Она не хотела бы снова испытать такое же унижение, как этим утром или прошлым вечером и намеревалась держаться подальше от Олафа. Она вынуждена принять все как есть и не будет больше предпринимать глупых попыток сопротивляться.

Несмотря на внешнее спокойствие, внутри у нее все дрожало. Очевидно, все знали о Мэгин. Не в силах больше думать о ней, Эрин выбежала из комнаты, возвратилась по ступеням в трапезную залу, и вдруг у нее схватило желудок от нервного возбуждения. Она должна будет сидеть за трапезой около своего мужа как королева. Увидев Ниалла и Беде, стоящих около камина, который обогревал большую залу, она почувствовала облегчение и подошла к ним.

— Ниалл!

Глаза ее брата были усталыми и задумчивыми, но когда он посмотрел на нее, они приобрели трагический оттенок.

— Эрин!

— Ты здесь останешься?

— Ненадолго. Потом я должен вернуться в Улстер.

Она захотела обнять его, сказать ему, что он ни в не виноват, но если она так сделает, то непременно расплачется. Беде наконец нарушила тягостное молчание.

— Здесь останутся многие ирландские женщины, Эрин. Ты не будешь одинока. Ты

знаешь, что Олаф смирился и поощряет изучение христианства? Скоро ты почувствуешь себя здесь как дома, Эрин.

Нет, дом остался в Таре. Здесь все чужое. «Я окружена врагами», — подумала она горько, но ничего не сказала.

— Брайс и Лейт останутся на несколько месяцев, предположил Ниалл, имея в виду двух младших братьев. А Грегори — как ты того пожелаешь.

Грегори. Слава Богу, что хоть Грегори. «Я не буду одинока», — подумала Эрин с облегчением.

В зале, постепенно заполняющейся людьми, вдруг установилась тишина. Эрин обернулась и увидела Олафа, как бы окруженного сиянием. Плащ развевался за его высокой золотистой фигурой. Он был подобен богу.

Быстрым взором он окинул залу, заметил Эрин и протянул ей руку.

Эрин подошла к нему с гордо поднятой головой, помня наставления матери.

Она чувствовала тепло его руки, когда он молча вел ее к красивым резным стульям во главе стола. Как только она села, он отпустил ее руку, как будто прикасался к чему-то грязному.

«Это проверка», — подумала Эрин, молча негодуя на судьбу, которая предназначала ей жить в унижении, ей хотелось убежать, разрыдаться, забиться в ярости. Это была проверка, собирается ли она быть послушной женой, как он хотел, или нет.

Норвежцы и ирландцы направились к своим стульям. Беседа в зале возобновилась, когда новоявленные союзники устало оглядели друг друга. Слуги вносили блюдо за блюдом.

— Итак, как ты сегодня ела?

Эрин всегда ощущала его взгляд. Она уставилась в свою тарелку, где аккуратно резала ножом кусок мяса.

— Хорошо, — ответила она сдержанно и почувствовала, как поднялись его золотые брови, как сжались его пальцы вокруг кубка.

— Я надеюсь, ты изучила круг своих обязанностей?

— Я выросла в Таре, Норвежский Повелитель. Я уверена, что ни одна задача не покажется мне слишком труд-Ной... здесь. — Она говорила тихо, ее сарказм походил на обоюдоострый нож. Возможно, она смирилась с некоторыми вещами, но не примирилась с этим мужчиной, сидящим рядом с ней. Каждый нерв ее трепетал, когда он был рядом, и она подумала, что если уж она здесь, то не позволит унижать свое достоинство. Победитель или нет, он не будет помыкать ею, если только не застанет ее врасплох. Олаф, не ответил и повернулся к мужчине, сидящему рядом. Эрин осмотрела залу. Очевидно, что для прочного мира между норвежцами и ирландцами потребуются время. Норвежцев было значительно больше, чем ирландцев, и некоторые из них считали, что у Олафа помрачился рассудок, если он ужинает с врагами.

— Ты думаешь, начнутся волнения?

Эрин испугалась, заметив, что муж снова смотрит на нее, но лишь пожала плечами.

— Нет, мой господин. Я так поражена увиденным, что ни о чем подобном не думаю. Мне следовало, однако, молить у Бога мира, ведь твои воины имеют преимущество перед настоящими наследниками земли.

Он наклонился к ней. Она ощутила его дыхание на своих щеках, когда он медленно заговорил.

— А, так если бы ирландцы перевесили норвежцев, ты была бы счастлива видеть, как

проливается кровь? Моя, в частности?

Эрин обернулась к нему, улыбка искривила ее губы, в ее глазах стоял лед.

— Олаф, я никогда не мечтала ни о чем другом.

Как и раньше, ее речь была спокойна. Он улыбнулся в ответ, его рука легла ей на плечо, как если бы они были влюбленными, ласково перешептывающимися друг с другом.

— Ты все еще думаешь убить меня и сбежать?

Этот вопрос был задан спокойным тоном, как если бы речь шла о цвете неба.

Его прикосновение породило легкую дрожь в позвоночнике. Она презрительно посмотрела поверх его сильной большой руки, свисавшей с ее плеча, и опять перевела взгляд на него.

— Нет, мой господин, я не хочу беды моему народу. Я подожду, придет время, и датчане раскроют тебе череп.

Она была удивлена, что он нашел подобное заявление забавным, засмеялся, и его смех был теплым и хриплым. Опасный смех. Слабая дрожь пробежала по ее телу, и она перевела взгляд на фокусников. Олаф опять слушал своего соседа справа. Эрин посмотрела на викинга, сидевшего на почетном месте. Он был высокий, но не такой как Олаф, и с более короткими огненными волосами. Его глаза были серо-голубыми. Он взглянул на нее, но не сказал ничего, только фыркнул, из чего Эрин заключила, что он не очень-то любит ирландцев, но как женщину он ее оценил. Интересно, это и есть Сигурд, про которого говорила Мойра. Возможно. Бедная Мойра.

С ней никто не заговаривал. Викинг справа от нее был поглощен беседой с ирландцем, сидящим рядом.

Она молилась, чтобы трапеза поскорее закончилась. Беде и Ниалл сидели далеко, по ту сторону стола, а Грегори и вовсе не было видно.

К своему ужасу, она узнала, что корабли викингов только что вернулись из путешествия в Испанию. А трапеза продолжится, о чем свидетельствовали свежие фрукты, разложенные на огромных блюдах.

Она съела половину апельсина, чувствуя себя такой одинокой, как никогда. «Как я вынесу все это?» — думала она. Она сделала большой глоток эля и откинулась на спинку стула. Может, ей удастся притвориться больной и ужинать в своих покоях в одиночестве.

Фокусники закончили представление. Какой-то человек стал рассказывать легенду о короле викингов Фаирхире, который боролся с богом Фрейем. Легенда была забавной, и Эрин отвлеклась. Человек закончил рассказ и низко поклонился. Ему выразили благодарность громкими возгласами, и Эрин подумала, что сейчас начнется другой рассказ. Вместо этого из-за стола поднялась женщина и приказала ему удалиться. На его место вышли танцоры, но Эрин не смотрела на них. Женщина насмешливо с откровенным вызовом взглянула на нее. Это была Мэгин.

Она улыбнулась Эрин через всю залу. Потом, дерзко сверкнув страстными глазами, села и громко засмеялась в ответ на какую-то шутку. Эрин почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо от негодования. Она посмотрела на Олафа, он с интересом наблюдал за сменой представления, рассеянно улыбаясь Мэгин, и вернулся к разговору о кораблестроении с рыжим великаном.

Но потом Эрин заметила, что многие женщины в зале, и ирландки, и норвежцы, смотрят в ее сторону. Жалость и любопытство угадывалось в их глазах, но, увидев, что она замечает их взгляды, они отворачивались. Она высоко держала голову, пока не сочла, что с

нее довольно, она встала и заметила строгий взгляд Олафа.

— Я хочу уйти, мой господин. Мое путешествие сюда было утомительным, и я не выпалась.

Он пожал плечами, словно ее присутствие не играло большой роли.

Эрин вышла из залы. Мойра ждала ее в покоях.

— Почему ты не в зале? — спросила Эрин.

— Я предпочитаю избегать трапезной вечером, — сказала она спокойно.

Эрин почувствовала, что сейчас разразится истеричным смехом.

— Ты скрываешься здесь, потому что ты живешь с Сигурдом, в то время как эта... эта ведьма выставляет себя напоказ!

Мойра подняла брови, но ничего не ответила. Эрин устало закрыла глаза.

— Прости, Мойра. Ты вольна делать как хочешь.

— Пошли, Эрин. Я помогу тебе.

Эрин стояла, пока Мойра помогала ей облачиться в ночное одеяние. Они не проронили ни слова.

— Эрин, может, поговорим? — спросила Мойра, расчесывая ей волосы.

Эрин покачала головой. Она не могла говорить, она еще не разобралась в своих чувствах. Ее не заботило, что все знали, что любовница Олафа имеет больше власти, чем законная жена. Ей не было дела до того, что Олаф улыбался через весь стол Мэгин. Ее не беспокоило, что мужчина который делил с ней ложе, чтобы только посмеяться ней и подчинить ее, лежал обнаженный рядом с другой женщиной из ее народа, которая определенно хотела доказать свое превосходство.

— Пожелаю тебе спокойной ночи, — сказала тихо Мойра, подойдя к двери и стараясь улыбнуться. — Скоро придет лорд Олаф.

Когда дверь закрылась, Эрин почувствовала, что слова Мойры снова привели ее в смятение. Она хотела противостоять Олафу. Она готова была разрыдаться от горькой обиды. Она хотела домой.

Она упала на широкую низкую кровать, размышляя с горечью, зачем ему входить в эти покои, когда очевидно, что ему приятнее спать где-то еще. «Наверное, нам следует жить в разных комнатах, — думала она. — Он будет свободен, и я тоже. Мы не будем постоянно воевать. Ведь только насмехается надо мной».

Она услышала его шаги, скрип двери и закрыла глаза. Она чувствовала каждое его движение, пока он раздевался. Она ощущала его приятный запах, когда он подошел к кровати. И понимала, что он смотрит на нее.

— Руки, Эрин, — сказал он спокойно. — Я вовсе не хочу, чтобы ты превратила себя в счастливую вдову этой ночью.

Она замерла, борясь со слезами. «Нет, только не это думала она, — пожалуйста. Но не могу же я просить его».

Она перевернулась и посмотрела пристально ему в лицо. Он не казался таким страшным сегодня. Даже в глазах появились искры сожаления.

У нее пересохло во рту. Ей хотелось наброситься него. Как можно так обходиться с ней, когда он обещал отцу уважительно к ней относиться! Но, с другой стороны она не могла вынести еще одну ночь, будучи связанной. Эрин облизала губы:

— Я ничего не буду предпринимать. Я... я обещаю.

— Хотелось бы верить. — Его голос был и решительным, и извиняющимся

одновременно. — Давай сюда руки. Несмотря на то, что ты желаешь мне смерти страшными способами, я не хочу причинять тебе вред. Но мне придется это сделать, если понадобится.

Он отдавал себе отчет в том, что говорит, и она не хотела перечить ему. Она не хотела драться снова, хотела ощущать сильную энергию его тела. У нее начала дрожать губа. Но она не могла допустить, чтобы он видел это. Сжав зубы, она покорно сделала то, что он велел.

Олаф начал связывать руки шелковым поясом, потом остановился, пытливо посмотрев ей в глаза. Вдруг он отпустил ее. Его голос стал строже.

— Если ты снова попытаешься убить меня, убедись сначала, что у тебя выйдет это. Так как, если ты сделаешь попытку пролить кровь, но я не умру, ты получишь двадцать плетей. Так поступают с мелкими преступниками.

Эрин ничего не сказала. Его предостерегающие глаза оставили ее: он двинулся потушить свечи. Потом лег на кровать рядом с ней, оставив расстояние между ними — бездну, которая никогда не может быть пересечена.

Она спала плохо, даже будучи свободной, она не шевелилась. Он был как сильная парализующая энергия, и Эрин не хотела бы, чтобы эта энергия ее захлестнула. Она долго размышляла, как переживет эту ночь, последующую, еще одну. Она не выдержит, уверяла она себя, Она попросит его, чтобы им устроили отдельные комнаты. И она как-нибудь заставит Мэгин понять, что она здесь королева, а не похотливая предательница-ирландка, домогающаяся врага.

Первую неделю новая ирландская королева Дублина Эрин провела в почти не прекращающейся печали. Олаф перестал издеваться над ней и теперь не обращал на нее внимания. Он только просил ее о чем-нибудь и следил, чтобы она выполняла свои обязанности. Эрин использовала любой случай, чтобы досадить ему-заставляя штопать вместо себя других женщин, » забывала «, когда он посылал ее за едой, водой или элем. Он сдерживался, но она чувствовала нарастающий гнев внутри него. Она не смогла ничего с собой поделаться. Он наотрез отказался жить отдельно. Он хотел, чтобы она была в поле его зрения. Из-за этого по прошествии недели она спала все хуже и хуже, зная, что он рядом, иногда просыпаясь от ужаса, обнаружив, что прижалась к нему, или почувствовав его руку на себе. Его же не тревожило ничто: ни его собственная нагота, ни ее случайные прикосновения. Эрин думала с негодованием, что он притворяется, будто спит с ручным волкодавом. Возможно, он был зверем, варваром, однако он оставлял ее одну, тогда как она, к своему ужасу, обнаруживала, что ненавидеть его постоянно становится слишком тяжело. Однажды заснула с фантастической мечтой, что когда-нибудь будет спасена сильным ирландским воином. В ее снах был Феннен. Но она просыпалась, вздрагивая, когда понимала, что наделяла принца из своего сна не только сильными мышцами и властным телом своего мужа, но и золотистыми вьющимися волосами и хищными чертами лица, и глазами цвета моря.

Прошла неделя пребывания в Дублине. Она избегала Мойру и откладывала свое знакомство с городом. Выстланные деревянными досками тротуары изумляли ее, как и бесконечные ряды хорошеньких, с соломенными крышами, домиков. Некоторые из них были сложены из камня, другие из расщепленных бревен, как и их фундамент. Среди домов были разбросаны лавки купцов и ремесленников. Поражало большое количество товаров. У восточной стены города были фермы и поля, где паслись коровы и лошади. Гуляя, Эрин заметила, что повернула к крепким стенам замка, и долго смотрела на них. Вдруг она услышала стук копыт приближающейся лошади. Испуганная, она оглянулась и увидела насмешливые глаза своего мужа.

— Мечтаешь о побеге? — усмехнулся он. Подняв голову, она увидела, что он пытается удержаться на черном жеребце, который становился на дыбы.

— Это только мечты, мой лорд, — резко ответила она. Он подал ей: руку.

— Пошли, темнеет. Мы поедем обратно вместе.

— Спасибо, я могу пойти пешком.

— Я совершенно уверен, что ты можешь. Но все-таки мы поедем на лошади.

Она не решилась больше возражать. Он, усмехаясь, наклонился в седле, обвил ее рукой и посадил на лошадь впереди себя. Ей не нравилось чувство, которое она испытывала, когда он притрагивался к ней, не нравилось дыхание в затылок. Олаф был подобен, стали своего меча, и его физической силе она не могла сопротивляться, она сидела молча, чувствуя под собой движения могучей лошади.

— Какая удача, что ты говоришь на нашем языке. Не зная, смеется он или нет, она ответила довольно добродушно:

— Какая удача, что и ты говоришь на нашем языке. Она почувствовала, как он вздрогнул.

— Если намереваешься завоевать и покорить землю, то мудро знать как можно больше про эту землю и про ее народ.

— А если землю завоевывают... — Эрин выделила» завоевывают «, она вовсе не хотела говорить» покоряют «, — мудро знать побольше о... захватчиках.

Он мягко рассмеялся.

— Скажи, жена, что еще ты умеешь? Она была рада, что он не видит ее лица.

— Все, что обычно умеют люди, лорд Олаф. Он снова засмеялся, но смех получился хриплым.

— Жена, напомню тебе, что ты не точно выполняешь» обычное «...

Дрожь пробежала у нее по спине, которая то холодела, то становилась влажной. Он опять издевался? Она не ответила, но он снова заговорил:

— У меня странное ощущение, Эрин Мак-Аэд, что ты не совсем обычная. Скажи мне какие еще языки ты знаешь?

— Латынь и один из языков франков.

— Отлично. Латыни ты со временем научишь меня. Я хочу понять лучше все, что связано с Богом, которому я позволяю молиться ирландцам.

Величественные ворота в королевскую резиденцию отворились перед ними. Эрин попыталась избежать его неосторожных рук и плавно соскочила с лошади.

— Если ты хочешь понять христианского Бога, лорд Олаф, поговори с моей сестрой Беде. Она ближе к нему, чем я.

Эрин была уверена, что он наблюдает, как она вбежала внутрь. Она слышала его глубокий хриплый смех и закрыла руками пылающее от ненависти лицо, не понимая, как возможно находить столько приятного и волнующего в мужчине, которого ненавидишь, в викинге, человеку, который издевается над ней, поднимает на смех, ни во что не ставит, отрывает от семьи и своего народа. Не в меру гордая принцесса оказалась под его каблуком. Она была так поглощена своими размышлениями, что чуть не сбила с ног мужчину у лестницы. Пробормотав что-то в извинение, Эрин была поражена и опечалена, когда увидела, что перед ней стоит Феннен Мак-Кормак.

— Эрин, — прошептал он тихо, почти не дыша, — я пытался застать тебя одну.

Она затаила дыхание, когда он положил руки ей на плечи.

— Я знаю, как ты страдаешь, — добавил он быстро, — и я не забыл тебя. Я еще не знаю как, но я освобожу тебя от этого кошмара.

— О, Феннен, — прошептала Эрин печально, — ничего сделать нельзя. Я повенчана с Олафом.

Побег, думала она, всегда останется только мечтой, так как она понимает, что таким образом ввергнет свой народ в войны, кровопролития, принесет великую дань смерти. Она печально улыбнулась, посмотрев в его искренние глаза. Она никогда по-настоящему не любила Феннена и не питала к нему особой симпатии. Он страдал гораздо больше нее.

— Ты должен уехать, Феннен, — умоляла его Эрин. — Ты причиняешь себе боль.

— Я не могу, — признался он честно, — я не могу оставить тебя этому варвару с севера...

— Он вовсе не жестокий, — сказала невольно Эрин и тут же призналась самой себе, что это правда, — мне здесь неплохо, Феннен, и мы оба должны смириться.

— Но, Эрин, — начал он печально, вдруг его глаза скользнули поверх ее плеч и стали суровыми. Казалось, холод ворвался внутрь нее, когда она медленно обернулась. Эрин уже

знала, кого увидел Феннен.

Вошел Олаф. Он остановился неподалеку, его лицо было не выразительнее камня, из которого был выложен дом.» Боже, что он слышал?» — думала мучительно Эрин, боль и ужас охватили ее.

Но он подошел к ним, как ни в чем не бывало, не придавая значения их словам.

— Лорд Коннахта! — вежливо поклонился он Феннену. Холодные синие глаза взглянули на Эрин, он взял ее за руку и отстранил от Феннена. — Прошу прощения. Мы должны кое-что обсудить с моей женой.

Феннен отступил молча и кивнул.» Вот он, мой герой «, — подумала Эрин с нарастающей горечью. Почему даже такой бесстрашный воин, как Феннен, спасовал перед Волком?

Она чувствовала руку мужа, похожую на стальную цепь. Пока они поднимались по ступеням, ее возмущение поведением Феннена постепенно улеглось, и она снова мучительно думала, что же услышал Олаф.» Я должна быть благодарна, — думала Эрин. — Я не хочу, чтобы Феннен страдал, а Олаф по крайней мере ведет себя прилично «.

Но она не была благодарна. Она была ужасно взволнована. Олаф так часто избегал ее, но сейчас он вел ее в их покои.

— О чем ты хочешь поговорить? — спросила она, заходя вперед, с показным раздражением, когда он закрыл тяжелую дверь.

Он не сразу ответил, и дрожь, зародившаяся в позвоночнике Эрин, распространилась по всему телу. Она почувствовала, что не может стоять к нему спиной и обернулась. Ее лицо выражало раздражение.

Он прислонился к деревянной двери и скрестил руки на груди, его взгляд прожигал ее насквозь, губы вытянулись в одну тонкую белую линию, дугообразные брови поднялись.

— Я хочу сохранить мир, принцесса, — сказал он на удивление спокойно, — поэтому не хочу отдавать тебя в руки ирландского короля.

— А я и не была в его руках, — возразила сердито Эрин, но Олаф взмахом руки перебил ее и произнес неожиданно резко:

— Если ты хочешь, чтобы твой храбрый ирландец остался цел, я не должен видеть тебя наедине с ним.

Эрин приподняла голову.» Мне надо быть осторожнее «, — предупредила она себя, но она не могла быть осторожной, когда гнев нарастал внутри с пугающей быстротой. Олаф свободно общался со своей шлюхой, а она даже не могла перекинуться парой слов со старым другом, человеком, который был законным королем.

— Мне казалось, я королева Дублина, — сказала она мягко. — Заявляю тебе, мой господин, что буду поддерживать дружбу с ирландскими лордами так же, как и с норвежскими.

Олаф помолчал, на мгновение слабая улыбка появилась на его губах. Он, вздохнув, встретился с ней глазами, повалился на кровать, положив руки за голову, и продолжал смотреть на Эрин.

— Ирландка, — прошептал он, — до тебя все плохо доходит.

Эрин оставалась мертвенно спокойна, ее взволнованность нарастала при виде его едкой улыбки.

— Подойди, — приказал он спокойно.

— Как скажешь, — прошептала она, подошла к кровати, как бы скупающе пожав

плечами, и остановилась в нескольких шагах от него.

— Подойди ко мне, Эрин, — настаивал он.

Эрин помедлила, заметив нотки жесткости во внешне спокойном голосе, и столкнулась с холодным огнем его глаз.

— Я не желаю подходить ближе, — с трудом выдавила она.

Он повернулся, опираясь на локоть, и она почувствовала, как его взгляд пронзил ее.

— А... вот в чем дело. Ты не хочешь призадуматься... и, кажется, ты не понимаешь, что тебе сделали много уступок. — Он продолжал неестественно улыбаться. — У меня жутко чешется спина, принцесса. Если ты сделаешь мне одолжение...

Она стояла молча, размышляя, успеет ли добежать до двери.

Улыбка Олафа стала еще более пугающей.

— Я прошу невозможного, принцесса? Если бы я хотел поступить так, как ожидают от настоящего варвара, я бы должен был спрыгнуть с кровати и повалить тебя.

Его голос смолк, и Эрин гордо приблизилась на два шага к нему и тяжело опустилась около него на кровать. Он поднял брови, ослабил и задрал рубаху над головой, подставив ей свою спину. Она начала отчаянно скрести ее ногтями, раздирая его тело до крови, с остервенением в глазах, встречаясь с его едкой усмешкой.

— Интересно, жена, — сказал он спокойно, — почему ты называешь меня варваром? Я поразмышлял, мне говорили, что недостаточное внимание делает девушку сердитой, а жену неверной. Я желаю только мира, Эрин Мак-Аэд. Мне кажется, я тебе оказываю медвежьи услуги.

Он прижал ее к кровати, и глаза Эрин расширились в тревоге.

— Нет! — возразила она быстро. — Ты не оказываешь мне медвежьей услуги!

Но ее протест опоздал. Она увидела суровый блеск его глаз и почувствовала, как он грубо поцеловал ее. Она отвернулась от отвращения. Он запустил пальцы в ее волосы и сжал их на затылке, так чтобы она не могла увернуться. Она начала молотить кулаками по его спине; он схватил ее кисти, сжал их одной рукой и снова схватился за ее волосы.

Она почувствовала, будто прикоснулась к огню. Его рот казался жаровней, и даже когда она сопротивлялась, жар постепенно охватывал ее, лишая сил. Он был властным и страстным, подавляя ее слабые попытки бороться. Он раздвинул ее губы своим хищным языком, глубоко проникая в ее рот. Эрин с трудом дышала, она была не способна двигаться, сопротивляться, и ее уносило в бездну бесчувствия, она уже не сдерживала дрожи и не контролировала рвущийся сквозь нее жар. Он действовал решительно, но нежно, ласково и страстно, и она еще глубже погружалась во тьму бессознательности. Он не держал ее за волосы больше, а гладил ими свои щеки, горло, грудь.

Вдруг он отпрянул. Она уставилась на него, пораженная, а он сухо и холодно улыбнулся и дотронулся кончиком пальца до ее влажного рта.

— Я думаю, дорогая жена, ты будешь слушаться меня, и мудро поступишь, если перестанешь кокетничать с мужчинами, норвежцами или ирландцами. Если мне еще раз покажется, что ты страдаешь от мужского невнимания, ты узнаешь, что тобой вовсе не пренебрегают.

Униженная, Эрин понимала что он говорит с ней холодно и бесстрастно. Его горячий поцелуй был не что иное, как урок, преподанный мужчиной, искушенным в делах любви, напоминание, что она в его власти, и, что если она попытается сопротивляться, он будет держать ее в узде.

Он уже не удерживал ее, но его пальцы потянулись к ее груди. Она почувствовала головокружение, и ее лицо зарделось от ярости. Она подняла руку, чтобы ударить. Он перехватил ее, и мягкость исчезла из его голоса.

— Ирландка, — прорычал он, — ты самая отчаянная или самая глупая женщина из всех, с которыми я имел счастье встречаться. Неужели ты ничего не поняла? Посмотрим, увижу ли я тебя когда-нибудь еще за беседой с королем Коннахта?

— Нет, — отрезала она холодно. — Но ты глуп, мой господин. Тебе не стоило напоминать мне о моей покорности. Это мой крест, и я должна одна нести его, и я не хочу, чтобы другие страдали, даже умирали из-за меня.

С этими словами Эрин встала с постели, гордо и с достоинством подняв голову. Она повернулась, чтобы уйти, но Олаф схватил ее за руку, повернул лицом, пристально посмотрел, и она опять еле сдерживала дрожь, пробивающуюся сквозь ее нежное тело.

— Это нетрудно, ирландка, — сказал он спокойно. — Ты сейчас свободна. Но я заставлю тебя слушаться, и слушаться хорошо. Я держу тебя на не очень крепкой цепи, но когда она постоянно натягивается, естественно, что когда-нибудь я дерну ее на себя. Возможно, мы поняли друг друга.

— Взаимная уступка, — горько сказала Эрин.

— Вот именно, ирландка, взаимная уступка. Она повернулась, чтобы уйти, заговорив, только когда ее рука коснулась двери.

— Ты понимаешь, викинг, это лишь соглашение. По ирландским законам я все еще могу потребовать отделения или развода.

Она быстро закрыла за собой тяжелую дверь, подумав, что у нее никогда не хватит сил хлопнуть ею, даже если бы она отчаянно стремилась оставить за собой последнее слово.

Эрин втянулась в работу по дому, находя удовольствие в общении с Фрейдой и Ригом. Она рада была обнаружить, что хорошо выбирает говядину и множество других блюд, а также рассаживает многочисленных ирландских и норвежских лордов так, чтобы никто не остался в обиде. Напряжение в женской солнечной комнате спало, когда ирландские женщины присоединились к норвежским, и Эрин почувствовала, что она не так одинока. Ее печалило, что Мойра остается в тени, прислуживая, но Эрин не могла заставить ее поступать по-другому, так как это еще более осложнило бы ее положение.

Работа кипела, но вдруг Эрин поняла, что распоряжения, которые она отдавала в кухне, уничтожались Мэгин. Все стало ясным, когда она, остановившись у входа в солнечную комнату, где надеялась отыскать Беде, услышала шепот.

— Жаль, королева так старается...

— Если бы она была норвежкой, было бы все понятно...

— Он не любит ее, и поэтому ничего не делает... Послышалось хихиканье.

— Бедняжка! Дочь Аэда, принцесса Тары пала так низко.

— Гренилде бы никогда не позволила...

Эрин привалилась к стене, чувствуя, как замирает ее сердце. Господи, они сплетничали о ней безжалостно, потому что она ничего не значила в своем собственном доме. Олаф не смог бы унижить ее больше.» Возможно, он пытается «, — думала она мрачно, вспомнив, как он посмеялся над ней, когда она смотрела на землю за Дублином.

Со своей стороны Эрин пыталась выполнять все, что он желал. Она руководила работами по дому и со времени разговора в их спальне не доставляла ему хлопот.

— Довольно, — твердо сказала она, возвращаясь в свою комнату с гордо поднятой

головой. Она в этот день ничего больше не делала, просто смотрела в закрытое окно. Олаф упражнялся в искусстве владеть оружием с другими мужчинами. С ним были братья и кузен Грегори. Грегори, которого она почти не видела с тех пор, как жила здесь. Ее кузен, вместе с которым они сражались, перешел на сторону Волка, потому что тот обещал отдать ему Клоннтайрт, когда Грегори возмужает.

Спустились сумерки, вошла Мойра и взволнованно напомнила, что наступило время трапезы.

— Мне нехорошо. Передай, пожалуйста, мои извинения му... Олафу.

Тревога появилась на лице Мойры.

— Эрин, ты...

— Мойра... — В первый раз Эрин заговорила со своей подругой как со служанкой. — Я сказала, что я желаю.

Она была уверена, что Олаф вряд ли заметит ее отсутствие; в крайнем случае, будет слегка раздосадован. Но когда он придет в спальню, она будет готова встретить его. Как! Она не должна разговаривать с Фенненом, в то время как он не только сам удовлетворится Мэгин, но и позволяет ей принижать Эрин!

К ее удивлению, Олаф ворвался в комнату через минуту. Когда Эрин увидела, как зажегся синий огонек в его глазах, она на секунду раскаялась в своем поступке, но потом подавила страх и встала, приготовившись к защите.

— Что, по-твоему, происходит?

Она даже смогла мило и простодушно улыбнуться.

— Взаимная уступка, мой лорд. Я не желаю ужинать с твоей шлюхой.

— Что?

— Я не хочу больше ужинать с тобой в трапезной зале. Я принцесса Тары, лорд Олаф. Ты хотел, чтобы я смотрела за твоим домом. Это, чтобы не разрушить соглашение, которое заключил мой отец, я делаю для тебя. Но больше я ничего не буду делать, лорд Олаф. Пока ты позволяешь своей шлюхе оскорблять меня.

К ее величайшему удивлению, он рассмеялся.

— Ты сейчас пойдешь со мной, — сказал он.

— Только если ты меня принудишь силой. В зале есть ирландцы, которые защитят мои права. И я уверена, что даже среди твоих людей найдутся те, кто считает, что жену следует уважать.

Он положил руки на бедра, наклонив слегка голову. Его синие глаза сверкали предостерегающе.

— Я думаю, жена, — рявкнул он, — ты забываешь, кто здесь победитель.

— Нет, Олаф, — сказала холодно Эрин, — этого я никогда не забываю.

Олаф посмотрел на нее тяжелым взглядом.» Что это случилось с сучкой?» — думал он. После всего, что произошло, он приложил все усилия, чтобы дать ей возможность приспособиться к новой жизни. Он заставлял себя игнорировать ее колкости, и он так мало требовал от нее.» Почему?» — не мог понять он. Она очень красива. Чем больше он смотрел на нее, тем больше убеждался в этом. Эрин была совершенна. Ее глаза были как бесконечные зеленые поляны, когда солнце высвечивает росу на траве; ее лицо было такое правильное; а ее тело, такое гладкое, словно слоновая кость, такое мягкое и тугое было будто создано для любви. И все-таки, он оставался к ней равнодушен, хотя она была более привлекательной, чем все женщины, которых он знал. Ответ пришел быстро. Она презирает его. Она была его

женой, а он всегда мечтал, что ею будет только Гренилде.

Теперь она надменно бросала ему вызов, сверкая глазами, с гордо поднятой головой. Она все еще не понимала, что была всего лишь игрушкой, без права голоса, и что он был не только королем норвежского города, который он снова завоевал, но и человеком, пытающимся установить мир между норвежцами и ирландцами.

Его челюсти сжались, полные чувственные губы изобразили усмешку.

— Если ты хочешь, чтобы тебя притащили, — проговорил он мертвенно-спокойным голосом, — значит, я так и сделаю.

Он шагнул к ней, она перепрыгнула кровать и посмотрела на него; царственный холод исчез из ее глаз.

— Ты можешь пороть меня, бить до потери сознания, но я не буду заботиться о твоём доме, пока ты не усмиришь свою шлюху.

Не обращая внимания на ее слова, он приблизился, обойдя кровать, и прижал ее к стене.

— Нет! — завопила Эрин, вцепившись ему в волосы с невероятной силой. Она укусила его в плечо так сильно, что он вздрогнул от неожиданности и отпустил ее, на его лице было написано, что он разъярен.

— Обращайся со мной, как с принцессой Тары, — кричала Эрин, не осознавая, что просит, — по крайней мере так, как ты обращаешься со своей любовницей.

Олаф был недвижим. Как только Эрин выпалила эти слова, она тут же пожалела о них. Она никогда ни у кого не видела такого разъяренного лица; в совокупности с его громадным ростом и страшной силой оно вызывало паническую дрожь.

Олаф больно ударил ее, едва сдерживая силу. Секунду она еще стояла. В следующее мгновение он схватил ее за лицо и швырнул через кровать. У Эрин закружилась голова, глаза наполнились слезами. Она с трудом сохраняла равновесие. У нее не было сил парировать следующий удар.

Но он не последовал. Олаф вышел из комнаты. Этой ночью он не пришел.

Утром Риг принес ей поднос со свежим хлебом, копченой семгой и сыром. Он увидел ее бледное лицо и красные следы побоев. Он возмутился, он негодовал на господина, которому прислуживал много лет. Как мог Олаф, милосердный ко всем, так дурно обращаться с этой нежной девушкой? Он обязательно скажет Волку, что он думает по этому поводу, даже если это разозлит его.

Риг заметил, что Эрин пытается закрыть щеки волосами и улыбнуться. Он поставил поднос на кровать, взглянув на Эрин. Ничего страшного. Днем все пройдет.

— Я вижу, что ты не совсем хорошо себя чувствуешь, моя леди, — прошептал Риг, покачиваясь, как всегда, — я позабочусь, чтобы тебя не беспокоили.

Ее прозрачные изумрудные глаза излучали благодарность.

— Спасибо, Риг. Я останусь в своей комнате. Риг налил ей бокал свежего коровьего молока из рога. Ему не хотелось покидать ее.

— Я останусь с тобой ненадолго и расскажу немного о том, откуда все пошло. — Он не дал ей возможности возразить. — Вначале не было ничего, кроме огромной бездны, называемой Гиннунгагап. Спустя много веков по обеим сторонам выросли два мира. Нифльхейм — на темной стороне и Муспелль — на жаркой и светлой. В месте, где они сходились, появился гигант Имир. Имир сотворил себе корову изо льда и назвал ее Аудумла, и у него появилась пища. Она лизала соленый лед, чтобы извять первого человека. Бури. Имир породил злых темноволосых гигантов; Бури родил Бора, Бор родил Одина, нашего

Верховного Бога. Сыны Бора убили Имира, и Один начал творить землю. Из крови Имира он создал реки, из плоти — землю, из костей — горы. Свет, чтобы освещать землю, был взят из Муспелля. Потом сыны Бора сотворили первого мужчину и первую женщину — они вдохнули жизнь в два дерева, и те превратились в Аска и Эмблу. Люди начали населять землю, жили они в крепости, сделанной из бровей Имира, и называлась она Мидгард. Эрин засмеялась.

— Люди из деревьев?

— Да, конечно! — Риг улыбнулся в ответ, приводя в порядок и без того чистую комнату. — Но не все гиганты были убиты, и когда-нибудь они должны померяться силами с богами. Сурт охраняет Муспелль с огненными мечами, и он сам вступит в схватку с богами в последний день мира — Рагнарек.

Эрин взглянула на него, подняв эбеновые брови.

— Боги и целый мир погибнут?

— И да, — сказал Риг насмешливо, — и нет. Я расскажу тебе о Рагнареке в другой раз. Теперь запомни три имени: Один, он бог мудрости и бог смерти, со своими валькириями он выбирает тех, кто должен умереть на полях сражений; Тюр — бог воинов и битвы; и... Фрейр-бог земли и растительности. Амулет, вырезанный из даров Фрейра, говорят, приносит много детей супругам.

— О! — Эрин выпрямилась и протянула поднос Ригу. — Большое спасибо, Риг, я наелась и хочу еще вздремнуть.

Риг жалел о том, что она его прогоняет. На несколько минут он рассмешил ее. Что он такого сказал? Он покачал головой, с сожалением покидая ее и проклиная глупого Олафа, который получил красивейшую жемчужину Ирландии и так плохо с ней обращается.

Эрин заснула. Она не спала всю ночь, но когда Риг пообещал объяснить ее отсутствие, она легла в изнеможении на подушку и погрузилась в сон. Она так сильно хотела спать.

Когда она очнулась, то почувствовала, что набралась сил. Она коснулась щек и с облегчением обнаружила, что следы побоев полностью исчезли.

На нее опять накатил приступ отчаяния, и она чуть не разрыдалась. Она могла только угрожать законами Брегона, которые, она знала, ничем ей не помогут. В Ирландии мелкий слуга или раб, мужчина или женщина могли завоевать свободу. Крестьянка могла нанять брегона и привести мужа к судьбе. Чем выше положение человека, тем к более влиятельному судье он мог обращаться в поисках справедливости. Она бы предстала перед королем провинции — своим собственным мужем-и, если она попросит более авторитетного судью-допустим, что Олаф согласится! — она предстанет перед Ард-Ригом. Своим собственным отцом. Человеком, который, скрепя сердце, передал ее Волку на серебряной тарелочке.

Олаф мог заставить ее сделать все что угодно. Но он ни к чему ее не принуждал. Он ударил ее, оставил и не возвратился.

Эрин ничего плохого не хотела сказать и тем обидеть его. Несмотря на это, Гренилде была единственной из викингов, которой Эрин невольно восхищалась и которую уважала все эти годы. С ее уходом Олаф потерял всякий интерес к женщинам. Исключая Мэгин, которая выставляла напоказ свое влиятельное положение.

Эрин снова подумала, как хорошо было бы увидеть мать и рассказать ей обо всем. Она не могла говорить с Беде, потому что, несмотря на веселость сестры, она строго придерживалась своих обязанностей и христианской морали, согласно которой каждый с честью должен нести свой крест.

В отчаянии она громко прошептала:

— Отец, как мог ты так поступить со мной?

Она закрыла глаза. Как ей хотелось снова оказаться в Таре, стать снова ребенком, забраться к отцу на колени, чтобы получить игрушку из цветного стекла или какой-нибудь подарок после его долгого отсутствия.» Я уже не ребенок, — напомнила она себе, — и помощи ждать неоткуда. Я должна учиться жить по-новому, или я сойду с ума «.

Вдруг раздался стук в дверь. Эрин решила крикнуть, что хочет побыть одна, но потом вздохнула. Если она сказалась больной, Беде непременно захочет увидеть ее. Кроме того, не могла же она скрываться в своих покоях вечно. Женщины все равно найдут время похихикать за ее спиной.

Эрин расправила плечи. Она была принцессой Тары. Она должна постараться держать голову высоко, чтобы ни у кого не возникло мысли насмехаться над ней.

Стук стал настойчивее. Эрин поднялась повыше на своей подушке и холодно сказала:

— Войдите.

Как она и ожидала, в комнате появилась Беде в сопровождении норвежской женщины по имени Сирган, которая с первого же дня более приветливо отнеслась к Эрин, нежели другие. Она стала любимицей Беде, так как интересовалась христианством, что было довольно странно с тех пор, как она вышла замуж за Хейдла, одного из самых свирепых берсерков. Все норвежцы были жестокими бойцами, но берсерки держались особняком. Ирландцы считали их сумасшедшими. Они кричали и выли, как животные, в сражении, лихорадочно вращая глазами, про них говорили, что они могли выбить свои собственные зубы, яростно молотя щитами. То, что Сирган, спокойная и безмятежная, вышла за такого человека, было странным. Возможно, она привыкла жить, зная, что каждое сражение ее мужа может быть последним.

— Сестра, я беспокоилась за тебя, — сказала Беде, присаживаясь на кровать и беря Эрин за руку. — Если ты больна, я должна выяснить причину и позаботиться о лечении.

Эрин приветливо улыбнулась Беде.

— Я чувствую себя гораздо лучше, Беде. И скоро встану.

Беде улыбнулась в ответ, потом взглянула на Сирган, стоявшую у двери. Беде почувствовала облегчение: с Эрин было все в порядке, и проблема, мучавшая ее, исчезла.

— Сирган хочет поговорить с тобой, Эрин, — сказала Беде.

Эрин взглянула на Сирган с любопытством и улыбнулась.

— Чем я могу помочь тебе?

Сирган подошла к Эрин, ее брови были нахмурены от волнения. Она была немолода, черты ее лица напоминали о былой красоте, но она еще и сейчас была милой и привлекательной.

— Меня беспокоит Мойра, — к удивлению Эрин проговорила Сирган, в замешательстве слегка приподняв руки. — Она с нами уже давно. Она терпеливо выносила даже тех, кто недолюбливает ирландцев. А сегодня, когда Грюндред грубо сделала ей замечание по поводу ткацкого станка, она разрыдалась и убежала из комнаты. — Сирган остановилась на мгновение. — Грюндред — злая женщина. Я боюсь за Мойру, так как очень люблю ее.

Эрин слушала Сирган, удивленная и расстроенная. Среди норвежцев были очень добрые люди — такие, как Риг, Фрейда, Сирган. Она не могла презирать их, но в то же время не могла допустить, чтобы над Мойрой издевались и впредь. Ей надо что-то предпринять.

— Спасибо, Сирган, — сказала она, — за то, что ты мне все рассказала. Я поговорю с

Мойрой и подумаю, чем могу помочь ей.

Беде, почувствовав облегчение, вместе с Сирган вышла из комнаты. Эрин, нахмурившись, встала с постели. Ей следовало привести себя в порядок. Она не знала, где искать Мойру, и попросила Рига разыскать ее.

Эрин решила забыть на время о своих бедах. Ей предстоял разговор с Мойрой. Хотя она немного успокоилась, ее щеки были отекающими, а глаза воспаленными.

— Прости, что я не пришла к тебе утром, — поспешно извинилась Мойра, — но Риг сказал, что ты больна и не хочешь, чтобы тебя тревожили. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо, — прошептала Эрин, чувствуя вину за то, что Мойра страдает, — я хотела видеть тебя, чтобы спросить, что с тобой происходит.

Верхняя губа Мойры задрожала, и она опустила голову.

— Ничего, Эрин. Думаю, я переутомилась. Эрин улыбнулась.

— Поменяемся сегодня местами, Мойра. Садись, а я буду причесывать твои волосы.

Мойра запротестовала, но Эрин усадила ее и начала расчесывать волосы, поглаживая пальцами ее виски. Она заговорила о том, что видела на улицах и чем отличается Дублин от Тары. Потом она сказала серьезно:

— Пожалуйста, Мойра, скажи мне, что беспокоит тебя. Я слышала, что Грюндред рассердилась на тебя, я должна знать, в чем дело, так как хочу, чтобы все жили мирно. — Эрин помолчала и решила, что должна использовать главный козырь. — Пожалуйста, Мойра, — говорила она нежно, — кто больше всех страдает из женщин, так это я, уж поверь мне.

Мойра разрыдалась. Эрин опустилась рядом с ней и взяла ее руки в свои, стараясь успокоить. Она почувствовала, что у нее разрывается сердце. В тот ужасный для Эрин день Мойра была рядом, утешая ее, заставив понять, что все могло быть и хуже. Мойра, стойко переносившая все невзгоды...

Наконец Мойра начала говорить, захлебываясь:

— Я беременна и пыталась отделаться от ребенка. Это грех, конечно, но я не хочу... не хочу рожать внебрачного ребенка, ни ирландца, ни норвежца... презираемого всеми... ни свободного, ни раба.

Ее плач стал тише, но не прекращался. Эрин продолжала успокаивать ее, затем встала.

— Твоего ребенка не будут презирать, Мойра, обещаю тебе. Послушай. Я потребую от Олафа, чтобы тебя отослали к моему отцу в Тару. Там много мужчин, потерявших свои семьи. Красивых молодых мужчин, которые полюбят тебя и примут твоего ребенка как христианина. Я прослежу, чтобы Сигурд никогда больше не прикасался к тебе...

Смех Мойры заставил Эрин остановиться. Холод пробежал по ее сердцу. Сможет ли она сделать то, что задумала? Мысль попросить что-нибудь у Олафа — безрассудна. Но она должна помочь Мойре и, вероятно, должна выпросить это у Олафа и у своего отца в обмен на обещание не убегать.

Она снова присела рядом с Мойрой.

— Пожалуйста... не кричи и не смейся, ты все преувеличиваешь! Ты должна верить мне, Мойра. Я освобожу тебя от этого страшного викинга.

Мойра продолжала нервно смеяться. Потом она, взяв себя в руки, произнесла:

— О, Эрин, Боже упаси. Я не хочу покидать Сигурда. Меня беспокоит только ребенок. Я люблю этого страшного человека.

Пораженная, Эрин опять встала. Ее голос звучал отстраненно, как будто говорил кто-то

другой, бесстрастно и самонадеянно.

— Если ты любишь Сигурда, — сказала она, — и ждешь от него ребенка, он должен жениться на тебе. Мойра заплакала и засмеялась снова.

— Я нравлюсь Сигурду, но он не возьмет в жены ирландку. Он же не король, нуждающийся в союзниках.

— Оставайся здесь, Мойра, — сказала холодно Эрин. — Я скоро вернусь, и мы начнем готовиться к свадьбе.

Мойра наблюдала, как Эрин покидала комнату, одержимая благородным порывом. Она не могла понять, откуда у ее госпожи взялась такая самоуверенность, и молилась, чтобы произошло чудо.

Олаф сидел на своем черном боевом жеребце и смотрел на мужчин, которые упражнялись в искусстве ведения боя. Он наблюдал за Грегори из Клоннтайрта и его двоюродными братьями, королями из Улстера и Тары, с большим интересом. Он был мудр и никогда не умолял силу Аэда Финнлайта. Они действительно зашли в тупик, и надо было выбирать-либо союз, либо смерть. И хотя союз, скрепленный браком, не мог остановить набеги датчан на Эйре, Аэд и Олаф были в относительной безопасности. Соединив свои силы, они стали почти непобедимы.

Говорили, что Фриггид Кривоногий скрылся на северных территориях, принадлежащих Ниаллу из Улстера. Олаф решил внезапно напасть на датских крыс, и с ним будут люди из Улстера. Этот Фриггид разъедал нутро Олафа, как раковая опухоль. Оба верили, что должны будут встретиться в смертельной схватке, чтобы биться до победы. Гренилде должна быть отомщена, только смерть Фриггида может успокоить боль, которая все еще гложет его сердце.

Размышления о тяжелой утрате и о расстановке сил постепенно перешли в размышления о его ирландской жене. У него заиграли желваки, когда он подумал об их последней встрече, и он в раздражении зарычал. Он пытался быть терпимым с ней. Он пытался войти в ее положение. Но она постоянно доставляла ему беспокойство. Независимо от того, насколько мягок был ее голос, за ее словами угадывалось лезвие. И несмотря на то, что она притворялась послушной, согласной на компромисс, он понимал, что она, как король, сдается более сильному, все время ища возможность утвердиться. Она могла вывести из себя даже более сдержанного человека своими горящими зелеными глазами, в которых не было и следа покорности, своей притворной мягкостью и непреклонностью, своей непоколебимой гордостью.

Она откровенно не подчинялась ему, не считая себя его законной женой, унижая его в его собственном доме. Она позволила себе назвать Гренилде» любовницей «. Она заслужила его гнев.

Но почему его так беспокоило то, что он ударил ее? И почему он провел эту ночь в печали перед камином, а не в своей удобной кровати? Потому что она преследовала его ежедневно своей красотой и жизненной силой, и он поклялся держать ее на расстоянии. Ночи становятся пыткой даже в его собственной постели, но он чувствовал, что не хочет никуда уходить, чтобы унять вызванное ею волнение.

Олаф подумал о женщинах с отвращением. Он не был с Мэгин с тех пор, как согласился на христианскую церемонию, которая сделала Эрин его женой. Гневный вздох вырвался у него. Он подумал, что должен что-нибудь предпринять — по крайней мере, проверить, подтвердится ли то, что она говорила. Он обещал Аэду, что его дочь здесь будут уважать, как и подобает принцессе Тары, и он обещал ирландскому Верховному королю проследить, чтобы другие ее почитали, даже если их отношения не сложатся.

Оскал Олафа стал менее устрашающим, он повернул лошадь и поскакал с тренировочных полей на самый высокий холм в городе, чтобы обозреть свое королевство. Он не любил, когда его беспокоили из-за домашних хлопот. Это была еще одна — помимо необходимости союза — причина того, что идея взять себе жену пришла к нему по вкусу, даже если он был против этого поначалу.

Его острый слух уловил топот приближающейся лошади. Он повернулся в своем прекрасном кожаном седле и от удивления оторопел.

К нему скакала его ирландская жена, которая мучила его и днем и ночью, которая преследовала его в мыслях даже сейчас, заставляя внутренне сожалеть о содеянном. С высоко поднятой головой на идущей легким галопом лошади, она подъехала к нему.

Она назвала Гренилде его любовницей. Если бы только ее слова не были сказаны с такой жестокостью в порыве отчаяния. Она не могла понять, что Гренилде была для него целым миром... Тем не менее Олаф почтительно ей улыбнулся. Несмотря на вчерашнюю ссору, она что-то хотела просить, так что даже сама пришла к нему. Независимо от того, как сильно он затягивал узду, она не признавала себя побежденной. Конечно, сейчас он сломил бы волю женщины менее решительной, чем прекрасная принцесса Тары, судьба которой, казалось, противостояла ему.

Он ждал, и, сощуриль глаза, смотрел на нее. Еще раз, к своему удивлению, он отметил, как хорошо она ездит верхом. Обычно только воины могли управлять его могучими боевыми лошадьми с такой грациозностью и легкостью.

Лошадь остановилась в шаге от него. Эрин посмотрела на Олафа, ее эбеновые волосы и фиолетовый плащ гордо развевались на ветру, глаза горели изумрудным огнем.

— Лорд Олаф, я хочу поговорить с тобой.

Он наклонил слегка голову, сдерживая смех. Он заметил, что она никогда не называла его мужем — еще один способ дать ему понять, что она не считает его таковым.

— Есть одна проблема, заслуживающая твоего немедленного внимания. Мойра, моя соотечественница, женщина Сигурда, беременна. Ее захватили в Клоннтайрте несколько лет назад. Насколько я поняла, с тех пор она все время была с Сигурдом, и мое убеждение, что он осквернил ее. Ты заключил мир с моим кузеном Грегори; ты предложил ему восстановить провинцию Клоннтайрт. Мойру следует вознаградить, мой лорд, за ее страдания. Если ты чтишь соглашение, заключенное с моим отцом... — Она остановилась, ее слова, произнесенные с сухим сарказмом, повисли в воздухе, — я настаиваю на том, чтобы ты заставил Сигурда жениться на Мойре. Она никогда не причиняла тебе беспокойства, и несмотря на то, что ее принимали за рабыню, пленницу, хорошо служила тебе и Сигурду. Ты не можешь допустить, чтобы она продолжала страдать от оскорблений других женщин и родила внебрачного ребенка, не принятого ни одной нацией.

Она закончила свой монолог и посмотрела на Олафа вызывающе, готовая к его возражениям...

Он поднял золотую бровь над сияющими ледяными глазами.

— Ты хочешь, чтобы я принудил Сигурда к женитьбе?

— Да. Меня же принудили.

Олаф вдруг откинул свою тяжелую голову и засмеялся.

— Глаз за глаз, принцесса Тары? Эрин на мгновение опустила голову.

— Нет, мой лорд, у меня нет никаких корыстных целей, я не хочу мстить другим за несправедливость по отношению ко мне.

Она говорила еле слышным шепотом, но ее голос действовал на него удивительно сильно. Ему вдруг захотелось ударить ее, но еще сильнее хотелось прижаться к ней, почувствовать опять то, что он уже оценил и нашел поразительно совершенным, схватить ее и посмотреть, проникнет ли страсть, которая сверкала в ее глазах, глубже, в ее кровь. Ему хотелось дать ей понять, что он является ее господином и хозяином, и сделал ей большую

уступку, оставив ее в покое. Уроки, которые он преподавал ей, были довольно мягкими, но у него тоже были кое-какие потребности, и его судьба не была несправедлива к нему.

Он дернул свою лошадь так сильно, что огромное животное забило копытами и заржало. Он смерил Эрин взглядом, его лицо вдруг стало холодным и тяжелым как сталь.

Его резкий ответ удивил ее — она никак не ожидала такого поворота.

— Пусть будет так! — проскрежетал он.

Обдав ее грязью, Олаф проскакал вниз, к тренировочным полям, чтобы снова принять участие в учениях. Эрин в изумлении смотрела ему вслед, затем резко повернула свою лошадь и поспешила сообщить приятную новость Мойре.

Она не знала, что он наблюдал, как она скакала легким галопом домой, и что его глаза еще более сузились при виде ее мастерского владения верховой ездой. Она скакала великолепно. Она скакала, как воин.

Сигурд был вне себя, когда ему приказали жениться. Олаф позволил ему побушевать и только потом напомнил, что они пришли сюда основать королевство. Сигурд выглядел несчастным, и Олафу пришлось немного покричать, после чего рыжеволосый гигант смирился со своей участью.

Олаф с удивлением отметил, что Сигурд любит эту ирландскую женщину и, если уж на то пошло, гордится, что у него будет ребенок. Это был естественный ход вещей. Олаф предложил ему самому поговорить с леди, и никто не узнает, что эта свадьба — не его собственная затея.

Олаф тяжело и устало вздохнул. Перед ним встала другая задача, которая не радовала его: предстоял нелегкий разговор с Мэгин.

Он с гневом покинул свою резиденцию. Он не любил, когда его жизнь отравляли мелкие женские склоки. Но он дал клятву не раздражительной дочери ирландского короля, а самому ирландскому королю.

Эрин вернулась домой в приподнятом настроении. Возможно, это был приятный момент в ее принудительном замужестве, она могла использовать свою королевскую власть, чтобы помогать своим людям.

Радость на лице Мойры согрела ей душу. Эрин обнаружила, что еще не научилась радоваться, и уверила Мойру, что их свадьба состоится этой ночью.

Когда Мойра ушла, она снова расплакалась, но это были слезы счастья.

От осознания, что ее влияние растет, у нее кружилась голова сильнее, чем от значительной порции эля. Эрин задумчиво посмотрела на внутренний двор. Ее кровь бурлила, она чувствовала себя замечательно и громко рассмеялась, когда вдруг вспомнила о ночи страданий, которая предшествовала триумфу. Олаф удовлетворил ее просьбу — возможно, потому, что он раскаивался в своей вспышке, в том, что потерял контроль над собой. Но она не станет вместе с другой женщиной управлять своим домом. Она была принцессой Тары.

Эрин дотронулась до своих щек и вспомнила удар, который он нанес.» Слишком большая плата за чувство победы «, — подумала она мрачно. Но он бил ее не из-за Мэгин. Он бил ее за Гренилде, светловолосую красавицу, которую он любил и после ее смерти.

Вряд ли Олаф питал к Мэгин большое чувство. Она была уверена, что вся любовь которую Олаф когда-либо испытывал, подарена Гренилде.

Эрин знала, что Олафу нравится насмехаться над ней. Это была еще одна его стратегия, битва, которую он не собирался проигрывать. Он преподавал урок с Фенненом. В уединении, в

их спальне, он сразу дал ей понять, кто правит королевством. Но в большой зале, на людях, он всегда был безразличен к ней. Он обещал ее отцу, что ее будут уважать, и хотя он был викингом, он имел понятие о чести.

Сделает ли он что-нибудь в отношении Мэгин? Интересно будет посмотреть. Она засмеялась вдруг, подумав о том, что Повелитель Волков должен чувствовать себя неловко, выясняя отношения между женой и любовницей. Ее смех смолк, и она подумала: что бы Олаф ни думал о ее чувствах и требованиях, он дал клятву ее отцу.

Он имел близкие отношения с Мэгин, а эта вынужденная свадьба по договору связала его с ней. В самом деле, проблемы было не избежать. И он собирался выбраться из этого положения сам, если уж попал в такую ситуацию.

Эрин вдруг побледнела, когда представила, что он мог бы и дальше не замечать всего этого, насмехаясь над ней, продолжая связь с любовницей, которая пытается помыкать его женой.

«Почему это меня волнует?» — подумала Эрин. Ее гордость требовала удовлетворения.» Я должна досаждать ему снова и снова, — убеждала она себя, — и я не позволю его любовнице превратить мою жизнь в сплошные страдания «.

Позднее, когда она дошла до большой залы и приступила к своим обязанностям, тяготившая ее злоба начала нарастать, несмотря на предстоящую свадьбу, которая знаменовала победу над Олафом. Он пошел на уступки; в свою очередь, она могла бы притвориться внешне смирившейся. Но он узнает. Она была уверена, что никогда, никогда сердцем не примет его, викинга, как своего господина.

— Олаф! — Мэгин закрыла глаза на секунду, увидев его. — Я очень скучала по тебе, мой лорд.

Она обвила руками его шею, не подозревая ни о чем, пока он не оттолкнул ее.

— Ты злоупотребляешь своим положением, Мэгин. Твоя роль сыграна. Я пришел, только чтобы сказать, что я не хочу тебя видеть, и ты должна покинуть Дублин.

Остолбенев, она побледнела и опустилась на колени.

— Нет!

Олаф с раздражением вздохнул и неожиданно почувствовал сожаление. Он поднял Мэгин, посмотрел на нее, сощурившись, и сел на скамью около одного из столов, устало вытянув свои длинные ноги. Он смотрел на стоявшую перед ним женщину, видел ее возбужденные глаза, и это волновало его. Она была напугана. Он не мог и вообразить, что эта боевая женщина могла бояться. Она замерла на мгновение с широко раскрытыми глазами, тяжело дыша. Она напомнила Олафу, что его женитьба связала ему руки.

Мэгин дарила ему свои ласки на протяжении многих ночей. Если бы не проклятая Эрин! Вдруг Мэгин пожалела о том, что насмеялась над королевой, она вполне могла бы остаться на прежнем месте.

— Ты не сможешь сделать этого, — сказала Мэгин хрипло. — Ты не сможешь прогнать меня...

— Боюсь, что смогу, Мэгин. Ты сильно обидела мою жену. — Он говорил спокойно, но она уловила стальные нотки в его голосе, которые означали, что его решение окончательно.

— Нет! — сказала она в отчаянии, топая ногами. — Я не могу поверить этому! Повелитель Волков идет на поводу маленькой надменной ирландской сучки. Что случилось, мой лорд? Что я могу сделать для тебя? Она не может любить тебя, как я.

— Она — моя королева, Мэгин, — проговорил Олаф, поднимаясь.

Мэгин посмотрела на него безнадежно, понимая, что он прогоняет ее. Он был в первую очередь королем и только потом — мужчиной. Сильный, чувственный, но непреклонный, способный уйти и не обернуться.

— Я позабочусь, чтобы тебе нашли приличный дом, — сказал он все так же спокойно. — И после этого, я думаю, тебе не стоит появляться в большой зале.

Мэгин все еще не осознавала до конца смысла его слов, пока он не повернулся, чтобы уйти. В отчаянии она бросилась к нему.

— Ты глупец! Ты не должен покидать меня из-за тощей сучки, которая непременно убьет тебя! Она убежит, Олаф, предупреждаю тебя, она одурачит тебя с первым же мужчиной и будет гордиться изменой, потому что ненавидит тебя!

Мэгин прижалась к нему, вдыхая запах его мужской плоти, чувствуя его мускулистые руки. Она не могла представить, что не будет больше предвкушать его приход, хотя уже долгое время они не были вместе.

— Говорю тебе, Олаф, она ненавидит тебя и не может быть тебе приятна! Посмотри в ее зеленые глаза, Олаф, и ты все поймешь. Говорят, что она собиралась выйти замуж за Феннена Мак-Кормака, который все еще в Дублине. Возможно, именно с ним она изменяет тебе с превеликим удовольствием!

Пальцы Олафа стиснули ее плечи. Он был взволнован ее словами больше, чем можно было ожидать.

— Я прослежу, чтобы о тебе позаботились, Мэгин. Предупреждаю тебя, пока я не нашел для тебя подходящего жилища, держись подальше от моей жены, которая, что бы ты ни говорила, является королевой Дублина. Она повалилась на пол и зарыдала. Олаф подошел к ней, поднял и отнес на кровать. Он нежно поцеловал ее в лоб и вышел.

Он думал о Мэгин с сожалением, когда направлялся к своей резиденции. Он приходил к ней удовлетворить естественную потребность любого мужчины, так как Мэгин была женщиной в полном смысле этого слова. Их отношения были чисто физическими, по крайней мере, он так думал. Он сказал ей, что не желает более сильной привязанности, хотя знал, что чувства не поддаются контролю. Гренилде умерла; он осознал это и все же страдал. Он не мог избавиться от этой боли. Как не мог сдержать восхищения при виде своей ирландской жены, красавицы, которая поставила себе цель как можно больнее досадить ему.

Вдруг он опять вспомнил слова Мэгин. Феннен Мак-Кормака. Ирландский король, с которым Эрин беседовала в зале. Молодой и красивый король; мужчина, который смотрел на нее с таким состраданием и нежностью.

Он запретил ей разговаривать с Мак-Кормаком, а она попыталась пренебречь его запретом, прежде чем заверила о своей покорности, ибо интересы своего народа она ставит выше собственных симпатий.

Внезапно ярость охватила Олафа. Была ли в этом обвинении хоть доля истины? Вероятно, нет. Аэд не предложил бы ему дочь, если бы она не была невинна. Хотя отец может не все знать...

Любила ли Эрин ирландца? Действительно ли она собирается с ним бежать? Может быть, она лежала рядом с ним, с горящими страстью изумрудными глазами, а их тела сплетались под мягкой паутиной ее эбеновых волос? Представляя это, он еще больше выходил из себя. Он вспомнил, как, лежа рядом с ним, она вздрагивала каждый раз, когда нечаянно касалась его тела.

Он заставил себя успокоиться, удивляясь неожиданному порыву гнева. Он, как ни

странно, ревновал женщину, которая всегда приносила ему одни лишь неприятности. Он пожал плечами. Все просто. Он — Волк и король. Викинг. Собственник. Он не чтит законы Брегона. Его жена — его собственность. Если он узнает, что ему изменили, он сначала убьет Мак-Кормака и потом перережет прекрасную, цвета слоновой кости, шею Эрин.

Олаф вдруг улыбнулся. Мак-Кормак собирается уезжать. Может, его отъезд следует ускорить.

Король Дублина рассмеялся от удовольствия.» Ты можешь пытаться что-нибудь предпринять, принцесса, — думал он, — но за этим всегда последует ответный удар «.

Олаф начал размышлять о предстоящей ночи. Оценит ли ирландская королева то, что он сделал для нее сегодня? Он усмехнулся. Неизвестно. Но он очень сомневался, что получит в благодарность хотя бы поцелуй.

Олаф вошел в большую залу посмотреть, все ли готово к ужину.

Он быстро огляделся, ища глазами Эрин. Ему хотелось посмотреть, так ли она выполняет свои обязанности. Но она была там, и благодаря ей все было готово к свадьбе.

Она разговаривала у огня со своим братом Лейтом, но, почувствовав взгляд Олафа, обернулась, пронзив его изумрудными глазами. Она подошла к нему, исполненная достоинства.

— Лорд Олаф, — прошептала она нарочито сдержанно, ее глаза опустились на мгновение. — Сигурд и Мойра обвенчаются перед ужином, чтобы все собравшиеся могли присутствовать на церемонии, если ты не возражаешь.

Она подняла глаза, и огонек, блеснувший в них, показал ему, что эта вежливость притворная. Она будет выполнять каждый его приказ, всегда подчиняться, но никогда не примет его внутренне. Она будет упрямо лелеять эту сдержанную холодность.

— Прекрасно. Начнем.

Мойра и Сигурд были обвенчаны христианским священником. Потом началось пиршество, и гулянье становилось слишком бурным. Олаф заметил, что его рыжий предводитель краснеет, как мальчишка, а ирландка сияет счастьем.

Олаф много выпил, и это раздражало его не меньше, чем жена, сидевшая гордо, по-королевски, не обращая на него никакого внимания. Когда он встретился с ней глазами, то увидел торжество победы в ее глазах, и несмотря на намерение остаться верным клятве о мире, ему захотелось вытрясти это превосходство из ее глаз и увидеть в них покорность.

Он внезапно улыбнулся ей, но его глаза оставались холодными. Он поднял кубок.

— Выпей со мной, жена, за твою победу и счастливый союз между норвежцем и ирландкой.

Как он и полагал, она повиновалась, подняв в ответ свой бокал, ее прекрасные губы изобразили подобие улыбки.

Потом ему опять вспомнились злобные слова Мэгин.» Феннен Мак-Кормак рядом... возможно, их тела переплетаются в любовном пылу... она хочет убить тебя... посмотри в эти зеленые глаза...»

Рассказы пьяного Сигурда отвлекли его от мыслей. Олаф засмеялся и с пожеланиями счастья отстранил его. Потом он снова обернулся к своей жене, но ее уже не было.

Он осмотрел задумчиво стол, потом поднялся. Он чувствовал боль в висках, потому что плохо спал и весь день наблюдал за тренировками.

Усталый и раздраженный мыслями об Эрин, он покинул залу, приказав Ригу принести чан для мытья в спальню.

Когда он вошел, Эрин была еще не в постели, но уже завязывала тесьму ночного платья над грудью. Он улыбнулся, так как она при виде его вздрогнула, пронеслась по комнате и забралась подальше на свою половину кровати; но он успел заметить колыхание ее груди под тонким льняным платьем и румянец на щеках.

Он ничего не сказал и равнодушно принялся скидывать одежду. В дверях появился Риг, приготовивший чан для мытья. Потом внесли воду. Олаф недоумевал, что случилось с Ригом, почему он чувствует себя так неловко в этой комнате.

Олаф залез в чан. Риг стоял над ним с последним сосудом с водой. Полуоткрыв глаза,

Олаф посмотрел на него, усмехаясь.

— Воду, Риг. Ты что остолбенел!

Риг вылил воду прямо ему на грудь. Она была обжигающе горяча, и Олаф зарычал от боли.

— Ты рехнулся, Риг! Уходи, пока мы с тобой не пос...

Риг бросил взгляд на Эрин и выбежал из комнаты, прежде чем Олаф успел продолжить.

Горячая вода немного сняла напряжение. Но он не мог окончательно подавить свою раздраженность, к тому же он был утомлен. Олаф повернулся к жене, она лежала молча и неподвижно, но не спала — в этом он был уверен.

К черту и ее, и ее притворную покорность. А он еще сожалел, что мучил ее, выполнил ее просьбу, покончил с Мэгин, а она хоть бы выказала немного признательности.

Вдруг он улыбнулся.

— Эрин, — попросил он, прикрыв устало глаза, — я хочу, чтобы ты помыла мне спину.

Она не отвечала. Как раньше она притворялась покорной, теперь притворялась спящей.

Он снова заговорил:

— Я знаю, что ты не спишь, жена, у меня был тяжелый день. Я приказываю тебе подойти и помыть мне спину.

— Мой лорд Олаф, — сказала она холодно, не поворачиваясь к нему, — я подчиняюсь тебе во всем, что касается хозяйства, но что касается тебя лично, я ничего не собираюсь делать. Ты обещал моему отцу уважать меня, и ты все время говоришь о компромиссе, но прошлой ночью ты ударил меня, доказывая, что ты дикое животное. Сегодня, однако, ты сделал то, что приятно удивило меня, но все это не более чем твоя обязанность перед моим отцом и перед теми, кого ты завоевал и с кем хочешь жить в мире. Поэтому мы сохраним мир, как ты того желаешь. Я не буду беспокоить тебя, пока твои действия не затрагивают меня, и я так же не хочу, чтобы ты оскорблял меня. Будем жить в мире. Я буду держаться подальше от тебя и не досаждать, тогда у тебя не будет повода ударить меня.

Он поднялся из чана и подошел к кровати, роняя капли на пол, так тихо, что она ничего не услышала до тех пор, пока он не поднял ее одним легким движением. Он был вознагражден изумленным взглядом горящих зеленых глаз. Она перевела руки на его грудь, пытаясь освободиться.

— Жена, — сказал он резко, — ты называешь меня грубым животным, ты продолжаешь издеваться надо мной, и все тебе сходит с рук. По-моему я должен доказать тебе, что я воспитанный человек и желаю только лишь одного — наслаждаться твоим присутствием. Ты не хочешь мыть мне спину, значит, мне надо смириться и вымыть спину тебе.

Эрин не могла освободиться от него, синий огонь его глаз приводил ее в трепет. Вероятно, ей суждено познать и его ярость, и его мерзкие шутки. Едва она издала возглас протеста, как оказалась погруженной в чан, полный воды. Она отчаянно пыталась удержаться на перилах, но сильный супруг поборол ее.

— Как нехорошо! — пробормотал он, хватая ее за запястья одной рукой, согнувшись над чаном. — Я не могу потерять тебе спину, пока ты в одежде, не так ли?

— Будь ты проклят, викинг! Я не хочу, чтобы ты тер мне спину! — кричала Эрин, доведенная до отчаяния, когда он схватил ее одной рукой, другая его рука скользнула вниз, нащупала подол ее ночного платья и стянула мокрое белье через голову. Он освободил ее руки, только чтобы снять платье, и затем схватил их снова.

— Сиди спокойно, жена, — сказал он ласково, его глаза были мягкими и притворно

простодушными.

Она боролась с ним, пытаясь подняться. Но от этого их обнаженные мокрые тела соприкасались, и она вздрагивала, как будто бы дотрагивалась до огня.

Она опустилась в чан.

— Оставь церемонии, принцесса, — прошептал он тихо, со скрытой издевкой в голосе, — я поступил с тобой как порядочный дикарь, и я должен искупить вину.

Эрин почувствовала, что он отодвинулся назад и, придерживая ее волосы, стал мыть ее плечи. Но сильнее его прикосновений она ощущала сам факт его присутствия, энергию, исходящую от его тела. Она ощущала каждое движение внутри него.

Она оперлась руками о края чана, как если бы стояла у края огромной расщелины и любое ее движение могло бы увлечь ее вниз.

«Что случилось?» — думала она мучительно. Он издевался над ней и до этого, но сейчас было что-то новое. Она была неспособна бороться, двигаться. Она не могла думать; как будто ее разум и чувства были подавлены движениями, прикосновениями мужчины, которого она поклялась презирать. Да, это было что-то новое.» Но этого не может быть «, — ужаснулась она. Она гораздо больше боялась его нежных прикосновений, нежели гнева. Между ними всегда царило напряжение, настороженность, предвещавшая вспышку, даже тогда, у ручья; напряжение, которое делало ее пленницей эротических ощущений.

Олаф не знал, под покровительством Бога или дьявола он находится, желал ли он любить ее или наказать. У него кружилась голова. В мыслях он возвращался к тому дню, когда она ударила его в пах, назвав норвежским псом; потом ему вспомнилась их первая брачная ночь, когда он понял, какую редкостную жемчужину получил, и с тех пор он страдал ночами от желания и гнева, которые она разжигала в нем сверкающими изумрудными глазами.

Эбеновые волосы в его руке создавали ощущение шелка. Шелковой была и кожа на длинной шее, похожей на колонну из слоновой кости. Он набрал в руку воды, чтобы ополоснуть ее плечи, затем опять намылил сукно, чтобы помыть ей спину. Ее спина красиво переходила в талию, а поверхность ягодиц под кромкой воды была покрыта гусиной кожей. Он молча смыл мыльную пену, чувствуя, как она дрожит под его нежными пальцами, затем наклонился ниже и коснулся губами ее затылка. Он видел, как подрагивают ее побелевшие длинные тонкие пальцы на перилах чана, и приблизил губы к ее уху, нежно дыша, что вызвало новый всплеск дрожи.

— Я варвар, принцесса, северный пес. Я поступаю так, как мне подобает.

Он взял ее под мышки и приподнял, опять намыливая спину. Выронил мыло, поглаживая кожу на плече, гладкую, как слоновая кость, затем спустился ниже, лаская ее ягодицы. Он почувствовал, что его охватило желание. Каждое его действие было продуманно и точно. Она содрогалась всем телом.

Он снова дотронулся губами до ее шеи, затем пробежался вниз по всей длине позвоночника, его язык ощупывал нежно каждый позвонок. Он обхватил руками ее бедра, встал на колени, наклоняясь над чаном, чтобы дотронуться до ямочек на ее щеках цвета слоновой кости.

— Нет, пошел к черту, — выдохнула она еле слышно. Олаф с удовольствием ощущал колебания ее бедер и тазовые кости, когда она пыталась увернуться от него.

Он позволил ей повернуться в его объятиях и увидел, что ее глаза широко раскрыты. Он улыбнулся, и вспышка лазурного сияния в его глазах заставила ее приподнять ресницы и

затрепетать. Она ясно поняла, что своим сопротивлением доставляет ему удовольствие. Он освободил ее только на мгновение, чтобы достать мыло, и его руки опустились на ее икры.

— Пожалуйста... — шептала она, и победное чувство охватило его тело, так как он почувствовал, что она произнесла это, как зверь, пораженный ядом охотника, и этот яд уже растекался по ее жилам. Она так хотела оставаться спокойной, не выражая ничего, кроме безразличия, но это было выше ее сил. Он почувствовал, что в нем поднимается волна страсти, которая давно не давала себя знать. Она могла ненавидеть его целыми днями, но не могла отрицать, что ее тело трепетало от каждого прикосновения его рук.

Он намылил ее ноги, достигая тех мест, где внутренняя поверхность бедер плавно переходила в живот, и он мог дразнить ее прикосновениями к ложбинкам на ее бедрах и впадине на ее плоском гладком животе. Потом обеими руками он начал гладить ее грудь и ласкать ее круговыми движениями, дотрагиваясь большими пальцами до сосков, скрытых в мыльной пене.

Эрин лежала спокойно, ее ногти вонзились в ладони, пульс на шее бился в бешеном ритме. Он взглянул ей в лицо, почувствовав, как в возбуждении поднялись ее соски, темные, покрасневшие от мытья. Ее глаза были по-прежнему широко распахнуты, зубы стиснуты, но губы приоткрыты, как будто она хотела опять попросить пощады, но не могла. Он наклонился ниже и слабо поцеловал ее. Она позволила ему это, словно находясь под гипнозом, потом попыталась увернуться. Он обхватил сильными пальцами ее шею, наклонился и поцеловал еще раз, проникая все дальше во влажные глубины ее рта своим языком. Она издала слабый крик, но его губы были уверенны и властны, и она не могла ничего поделать. Она позволила увлечь ее в пучину страсти. Пока он держал ее, он прошелся рукой над ее грудью, скользя мылом вниз, массируя шелковую кожу между ее ног. Звук, выдох, стон смешались в ее побежденном теле, но он продолжал свои действия, пытаясь нащупать самую нежную кожу.

Только тогда ее руки отчаянно обхватили его плечи. Он был уверен, что она попытается встать и сопротивляться, но силы покинули ее.

Он прервал поцелуй, набрал пригоршню воды и ополоснул ее тело. Видя, что она старается взять себя в руки, обхватил ее плечи, несмотря на ее попытки исторгнуть мольбу мокрыми набухшими губами. Но все ее попытки оказались тщетны.

Он взял ее, мокрую, на руки, отнес на устланную мехами кровать и положил, глядя в ее блестящие изумрудные глаза. Он смотрел на полные холмики из слоновой кости с покрасневшими вершинами, на гладкий живот, на манящий эбеновый треугольник, который обещал величайшие богатства, строго охраняемые гибкими, красивыми, длинными ногами.

Опять он вспомнил слова Мэгин, и в его сознании мелькнула мысль об убийстве Феннена Мак-Кормака, если выяснится, что тот был близок с ней. Но Олаф чувствовал невинность в ее испуганных глазах. Огонь в его собственном теле рвался наружу и выходил из-под контроля, хотя он продолжал сдерживать желание и смотрел на Эрин, впитывая в себя ее красоту.

Она не могла думать. Что-то случилось, когда он коснулся ее. Она начала дрожать и терять контроль над своим телом. Отчаяние прокралось внутрь нее, она чувствовала, как громадная энергия рвется наружу. Обжигающая жидкость, подобно морской волне, разливалась в ней. У нее в глазах потемнело, потом она увидела звезды, свет и опять стало темно. Что-то, подобно пламени, поднималось из ее глубин и росло, причиняя боль, которая

была сладкой и расслабляющей и нарастала при каждом касании его руки, когда он водил нежными пальцами между ее бедер, оставляя, как ей казалось, раскаленное клеймо.

Потом она почувствовала, будто парит в облаках, словно ей дали какого-то снадобья. Он отстранился от нее, но она была неспособна пошевелиться. Ее глаза следили за ним, он подошел к сундуку около двери и потом вернулся к ней, взяв с собой один из сосудов с маслом. Только когда он широко раздвинул ей ноги, упершись своими ляжками, она подумала о сопротивлении, но было уже слишком поздно. Он пригвоздил ее к кровати своими мускулистыми ногами. Он видел ее дрожь, и синий огонь, который сверкал в его глазах, насмешливо и странно нежно противостоял ей.

— Я не собираюсь, жена, требовать от тебя чего-либо, что я не смогу с удовольствием возместить, — прошептал он хрипло. Он вылил небольшое количество масла на свои ладони и поставил пузырек на пол, продолжая мягко:

— Это не сандаловое дерево, а цветочная эссенция. Может быть, укол моего шипа доставит розе удовольствие...

Эрин почувствовала, что потеряла дар речи. Она попыталась поднять руку, но он с легкостью перехватил ее и начал натирать пальцы, потом перешел к ладоням.

Она должна заговорить, должна остановить его.

— Олаф... оставь меня. Я... я... — Она попыталась подняться, но встретила с его глазами и ощутила решительное прикосновение к своим плечам.

— Лежи спокойно, — приказал он. Его глаза. Она не могла бороться с его взглядом, когда он так смотрел. Она почувствовала, что прижата к кровати.

— Законы, — прошептала она, но тут же он перебил ее:

— К черту ваши законы Брегона! Наверное, они не отрицают того, что муж может доставить удовольствие своей жене?

— Ты не доставляешь мне удовольствие, — возразила она, дрожа всем телом. Но он не обратил на это внимания, и истома опять завладела ею. Она хотела сопротивляться, но у нее не было сил.

Он обхватил ее, и его нежные пальцы переместились на ее ключицу.

Эрин чуть не закричала, когда его руки коснулись ее груди, лаская и смазывая пахучим маслом. Его большие пальцы касались сосков снова и снова, причиняя им боль и делая их податливыми. Потом его руки спустились к ее бедрам, и огонь внутри нее сконцентрировался в одном месте, ниже ее живота, и каждое прикосновение его нежных рук рождало новые вспышки.

Эрин держала глаза крепко закрытыми, надеясь побороть гипнотическую силу огня и желания, которые надвигались на нее, подобно мощным океанским волнам в шторм.

Он передвинулся и перевернул ее. Она чувствовала, как он касался ее плеч, спины, с каждым прикосновением увлекая ее в мир чувственности. Он дотронулся до ямочек внизу спины с восхищением, втирая легкий дурман розового масла в ее ягодицы, бедра, икры и ступни, массируя слегка даже большие пальцы ног.

Его огонь разгорался все сильнее с каждым прикосновением к ней. Его охватывало ликование победителя, когда он видел ее, пораженную и беспомощную, расслабленную и податливую.

Его сердце билось, как барабан, горя желанием, какого он прежде никогда не испытывал. Он снова перевернул ее лицом к себе, встал и посмотрел на нее. Она открыла глаза, но веки отяжелели. Олаф слегка улыбнулся. Ее колени были согнуто, последняя

попытка защититься, но он знал, что перед ним нет преград.

Эрин захотела шевельнуться, закрыть глаза, но что-то в глубинах ее сознания предостерегало ее. Она должна протестовать. Но она могла только смотреть на его могучую фигуру, широкую золотистую грудь, крепкую узкую талию. Его плоть горела желанием. Ее губы пересохли, и она пыталась смочить их языком. Потом сознание опять вернулось к ней, обессиленной его ласками.

Крик вырвался у нее, когда она внезапно осознала, что он не шутит. Он больше не дразнил, он хотел окончательно сломить ее. Он сейчас овладеет ею.

Она отчаянно вскрикнула:

— Нет! Не прикасайся больше ко мне, варвар!

— Я не прикасаюсь к тебе как варвар, и мы оба это знаем, — уверил он нежно.

Он увидел в ее глазах страх. Не обращая внимания на отчаянные удары, он навалился на нее всем своим телом, ее глаза закрылись от ужаса, и он схватил ее запястья, прижал их к кровати на уровне плеч ладонями. Их пальцы переплелись. Он не причинял ей боли, но был настойчив, подчинив ее своим мягким взглядом. Ее пальцы вцепились в него, ее сердце бешено билось. В безумстве она пыталась бороться.

— Пожалуйста... умоляю тебя, Олаф!

— Эрин, ты моя. Моя жена. И это — наша судьба. Успокойся, ты ведь дрожишь, когда я прикасаюсь к тебе.

Он не боролся с ней, он просто держал ее и смотрел, требуя глазами, чтобы она лежала спокойно. Ее трепещущее тело было готово к взлету, и она перестала сопротивляться.

Он снова поцеловал ее, медленно, осторожно, пробежав кончиком языка по ее губам. Его язык все глубже и глубже проникал в ее рот. Его борода касалась ее щек, и это обостряло ощущения и увеличивало дрожь, которую она не могла остановить.

Продолжая удерживать ее руки, он приподнялся и снова поймал ее взгляд. Потом переместился ниже и взял губами ее грудь, все настойчивее лаская языком сосок. Он вдыхал приятный экзотический запах розового масла, и страстное желание внутри него нарастало, благодаря нектару, вкус которого он ощущал. Он снова взглянул в ее полужакрытые глаза, затем повторил то же с другим высоким и сладким холмиком. Ее пальцы начали сгибаться, отпустили его и снова сжали.

Он раздвинул ее бедра коленом и навалился между ними всем своим весом. Он нежно целовал ее, слегка покусывая, щекоча ее ребра горячим влажным языком, наслаждаясь каплей чистой свежей воды с розовым маслом, которая собралась в ее пупке.

Он устроился между ее ног, мягко заставляя их раздвинуться шире, чувствуя их неровную дрожь. Посмотрел на ее лицо, бледное и прекрасное в обрамлении чудесных черных волос, разметавшихся по подушке и мехам. Ее глаза закрылись, губы дрожали. Он услышал ее шепот «Нет!», но это было скорее выдохом, а не словом.

Он обхватил ее руки, чувствуя в них напряжение, и зарылся лицом в локонах. Она тяжело дышала, нервно подрагивая. Потом издала слабый стон протеста. Он сжал ее руки, пытаясь мягко пробраться к нежной уязвимой впадине, где скрывались ее женские прелести, и поласкать их самым мягким орудием. Потом подложил свои руки под ее ягодицы и проник глубоко внутрь, желая теплоты ее плоти. Он был вознагражден: ее лоно сильно увлажнилось. Она изогнулась, дрожь сотрясала ее тело.

Эрин застонала:

— Пожалуйста!

Он бросил взгляд на ее лицо и увидел, как она откинула голову и облизывала высохшие губы сладко-розовым кончиком языка.

Она извивалась под ним, словно в ритме танца, купаясь в волнах страсти, и ритм этих колебаний становился все сильнее. Он чувствовал биение и пульсацию ее возбужденного тела. Руки, которые он не держал больше, упали на кровать, затем обхватили его плечи. Мир, кровать, красавица, лежащая перед ним — все было озарено светом. Он подался назад, нежно ее лаская, и ее тело отвечало ему.

Она вскрикнула, когда он вошел в нее, медленно, но уверенно и страстно. Он старался казаться спокойным, но, чувствуя, как пульсирует его плоть внутри нее, как в теплом футляре, он прошептал:

— Не напрягайся, Эрин... возьми меня... успокойся...

— Олаф...

Она прижала голову к его шее, ее пальцы обхватили его плечи. Он был внутри, и она ощущала боль, похожую на обжигающую сталь, его широкая грудь казалась надежной и приятной. Он сделал ее своей, и в этот момент ей была необходима его теплая сила и уверенность.

— Возьми меня, Эрин, боль постепенно исчезнет. Давай вместе со мной...

Он снова начал двигаться, мягко обнимая ее тело, даря сладкое тепло. Он проникал глубже и глубже, завлекая ее в свой ритм, чувствуя, как она извивается под ним.

Перед его глазами возникли красные и черные вспышки. Прекрасные звезды таяли во всполохах огня. Страсть, которую он мучительно пытался сдержать, охватывала его всего, волной за волной ненасытного желания. Он целовал ее в губы, грудь и опять в губы, жаждущий, содрогающийся, не сознающий ничего, кроме этой женщины, которую он завоевал.

Он чувствовал, как ее стройные ноги обвили его тело, она грудью прижималась к нему, тянулась к его губам, и он знал, что она парила вместе с ним в мире, где все казалось красным и черным. Потом она вскрикнула, и этот крик слился с его стоном, свидетельствующим об освобождении, блаженстве и экстазе.

Он не покидал ее, а оставался внутри, пока мир медленно принимал привычные очертания.

Он хотел обнять ее, нежно заговорить с ней, но слова застряли в горле, когда он взглянул на нее. Ее глаза были закрыты, тело — покрыто блестящим потом. Она не двигалась, только сдвинула бедра. Опять он попытался заговорить, потом, усмехнувшись, изменил свое намерение. Она отпрыгнула от него, и он рассердился, когда понял, что она отвернулась от стыда и досады, и это после того, как она получила удовольствие, заглушившее первоначальную боль и приведшее к пику блаженства. Олаф чувствовал сугубо мужское удовольствие в ту минуту, когда сделал ей больно и увидел пятна крови. Он бы совершил убийство, если бы ему изменили.

Он опять усмехнулся, глядя на красивый изгиб ее спины. Он был уверен, что она рыдает беззвучно. В нем поднимался гнев, сменившийся смятением, перешедшим в неистовство. Он не просто удовлетворил свою нужду, он обходился с ней бережно. Гренилде... С ней он забыл о Гренилде и, таким образом, предал ее память. У него были женщины, но со времени ее смерти он никого не любил. А теперь он любил ирландскую женщину, которая ненавидела его больше, чем кого бы то ни было, и которая молилась о его смерти. Он отдал всего себя этому акту, как он никогда не делал даже с Гренилде, Эрин отвернулась от него и

разрыдалась.

Смятение, ярость, душевная боль переполнили его, лед, сковавший его сердце, снова возник в его глазах. Он провел пальцем по спине жены. — Ладно, принцесса, теперь ты можешь сказать, что с тобой действительно дурно обошлись, как ты и ожидала своего дикого мужа-викинга. Тебя побороли... и безжалостно изнасиловали.

Последнее было сказано с такой наглой издевкой, что ей показалось, будто мечом пронзили ее сердце. Эрин до крови закусила пальцы, чтобы он не услышал ее всхлипываний. Она почувствовала, что он коснулся ее руки, и услышала его голос, необычно нежный.

— Эрин... Она отпрянула.

— Пожалуйста! Хоть сейчас оставь меня в покое!

Олаф соскочил с кровати. Он встал, посмотрел на нее и сжал кулаки. Гнев и смятение охватили его снова, и он выругался про себя от раздиравших его страданий.

Он оделся и вышел из комнаты, хлопнув тяжелой деревянной дверью.

Блуждая в ночи, Олаф молча взглянул на полную луну. Он вышел в ночь, чтобы успокоиться.

Он не совсем ясно понимал, отчего его бросало в жар. Он овладел ею. Этого он давнo хотел, но ему не стало легче. Он хотел ее снова еще сильнее, и знал, что жажду можно утолить на время, но желание разгорится снова, как огонь, который быстро распространяется.

Лихорадка, да, она была для него как лихорадка. Эта страстная впечатлительная женщина ненавидела его.

Однажды он хотел оставить ее в покое, предложить мир. Но теперь он не мог оставить ее в покое.

Гренилде. Это имя ранило душу, и он думал о своей любимой с глубокой и ноющей болью. Но когда он закрывал глаза, он видел перед собой изумрудные глаза, сверкающие с вызывающей гордостью, то сощуренные, то затуманенные.

— Жена-прошептал он громко, — ты, надеюсь, поняла, что я твой хозяин. И ты прекратишь мечтать о другой жизни, и о другом господине, и о смерти всех викингов. Но либо по своей, либо по моей воле ты придешь ко мне, и я возьму то, что принадлежит мне. Я сначала подойду с добротой и посмотрю, оценишь ли ты это. Ты не будешь рыдать, испытав радость женщины, которая была в моих руках.

Он встряхнулся и сжал зубы.

Потом он еще раз посмотрел на луну и нахмурился. Казалось, по ней пляшут черные танцоры. Тени богов... Суматоха в Вальхалле.

Олаф подумал о валькириях, они всегда разыскивают тех, кто должен умереть, и подносят им питье в большой зале Валгаллы. Он даже не знал, верил ли в богов: в мудрого Одина; Тара, могущественного воина; Фрея и Фрейду, брата и сестру, обычно веселых и великодушных богов плодородия...

Он вернулся в свой дом и заснул один около огня в кухне.

По темно-зеленым пышным полям, холмам и обрывам бродил Аэд Финнлайт ночью. Когда он проснулся, то не понял, что разбудило его. Он посмотрел на жену, но она сладко спала, улыбаясь во сне.

« Ничего особенного », — решил он. Аэду не спалось. Он поднялся, натянул шерстяную рубаху и вышел из спальни в тихую залу.

В очаге еле теплился огонь. От него распространялось тепло, но мало света. Свет

исходил от луны. Аэд прошел мимо дремлющей стражи и вышел в ночь. Резкий холодный ветер пронизывал его.

Он взглянул на луну. Казалось, будто тень описала мерцающий круг, скрывая ее в таинственном мраке. Дрожь пробежала по его телу. Он предчувствовал злое. Аэд попытался избавиться от навязчивой мысли, проникшей, казалось, даже в его старые кости. Потом он подумал о своей младшей дочери, о которой постоянно беспокоился, вспомнил те дни, когда она была в Таре. Он мог поклясться, что временами слышал ее нежный звенящий серебристый смех. Он закрывал глаза и видел ее блестящие глаза, копну черных волос, мягко развевающихся по ветру, когда она бежала к нему.

« Может быть, нам стоит вернуться в Дублин, мне и ее матери? », — думал он. Его жена ужаснулась, узнав, что он отдал Эрин в жены викингу. Но Маэве не могла представить Олафа, да и никто бы не смог себе его представить, надо было видеть золотого короля-великана, излучавшего вокруг себя энергию.

Да, он повезет Маэве к Эрин, и он молился, чтобы его любимое дитя простило его. Он подождет две недели, даст ей возможность приспособиться к новой жизни, и потом Верховный король Тары нанесет первый королевский визит в норвежскую резиденцию.

Аэд повернулся, чтобы отправиться в постель, но вдруг почувствовал укол в затылок. Он взглянул на луну. Ему не нравился ее злое вид. Это казалось знаменем чего-то Дурного. Ссутулившись под влажным ночным ветром, он вошел в дом. Ветер был резким, и земля, казалось, дрожала. » Ты старик, Аэд, — сказал он мрачно, — как глупы твои фантазии «.

Он лег, обнял спящую жену и прижал ее крепко к своему бьющемуся сердцу.

В темно-зеленой тьме леса Мергвин тоже смотрел на луну. Но его глаза были суровы и задумчивы. Он поднял голову, почувствовав ветерок. Он распростер руки, взывая к земле, и ждал ответа с небес. Страна теней. Предательская луна.

Вспышка молнии рассекла тьму и исчезла, тени совершали свой причудливый танец вокруг луны.

Мергвин повернулся, его одежда и волосы развевались на ветру. Он вошел в свою маленькую хижину, подкинул хвороста в огонь, поставил на него котел и начал что-то бросать в него. Его глаза горели как пламя, и он произносил древние слова, слова земли. Он не мог предотвратить беду. Он мог только ослабить ее силу.

По всей земле скакали датчане. Он чувствовал сейчас: земля сотрясалась. Фриггид Кривоногий жаждал мести. Но это было не то зло, которого он боялся. Судьба давно предначертала Олафу встретиться с хищником, и эта встреча должна произойти. Когда-нибудь, в свое время, один из них победит. Но пришло ли это время?

Мергвин покачал головой. Что-то еще тревожило его. Какая-то гибельная ошибка, которая повернет судьбу. » Глупый старик! — бранил он себя. — У тебя не хватает ума, чтобы понять это, прикоснуться к этому, не хватает силы, чтобы помешать этому «.

Он вздохнул, отошел от очага и шагнул в ночь, снова взглянув на луну. Он поедет с королем и Волком. Он должен наблюдать за норвежским Волком внимательно и, возможно, ему удастся разгадать ту опасность, которую он не мог сейчас понять.

Бушевал ветер. Эрин стояла на обрыве, с которого были видны просторы Ирландского моря, и была похожа на статую. Ее длинный плащ и черные блестящие волосы развевались на ветру.

Море было серое. Оно бурлило и пенилось. Огромные волны разбивались с оглушительным ревом об устланный галькой берег. Порою ветер подхватывал соленые брызги, и Эрин ощущала их на своих щеках.

Небо также было серым, зловещим и грохочущим, предупреждающим о предстоящем большом шторме, земля укрывалась пурпурно-серыми кустиками вереска, пригнутыми ветром.

Но именно здесь Эрин наконец почувствовала себя спокойно. Эта буря, как и холмистые зеленые поля, была частью ее родной Ирландии.

Она проснулась спокойной и печальной. Потом, вспомнив последние слова Олафа, зарыдала, поняв, что ее обманули.

Эрин испытывала противоречивые чувства, но самым мучительным было чувство утраты. Как будто у нее была возможность получить драгоценный камень, а она была так им очарована, что не рассмотрела его хорошенько.

«Смирись с этим, — говорила она себе с горечью, — возможно, он прав. Ты не желала его, но, несмотря на это, была заморожена. Возможно, еще со времени Клоннтайрта, где он появился подобно могущественному золотому богу, обернулся, улыбаясь Гренилде. С того дня, когда в своем сердце ты затаила любопытство, замороженная его силой.

Возможно, он испытывал те же чувства. Она могла сердиться на него за пренебрежение и безразличие, но, овладев ее телом прошлой ночью, он овладел и ее душой. Она теперь никогда не будет прежней.

Наблюдая за ударами неукротимых волн и грозовым небом, Эрин не могла в точности определить свое отношение к мужу. Он был викингом, да, а викинги — жестокие звери в жестокое время. Но Олаф возвысился над другими людьми и над временем и жил по странному закону. Он имел свое понятие о чести. Он бывал беспощаден, но она признавала, что сама давала ему повод для этого. Он бил ее, но и любой другой мужчина сделал бы то же самое с такой злобной женой. А что касается насилия... Они оба понимали неуместность этого слова в отношении того, что произошло между ними.

«Но что руководило им в его поступках?» — думала она. Он не любил ее, но она понимала, несмотря на свою неопытность, что никакой другой мужчина не был бы более нежен и ласков с нею в минуты, когда ей предстояло переступить этот порог. Но потом он разгневался. Даже слыша ее слезы, он пытался успокоить ее. Только когда она отвергла его, он снова стал таким же холодным и далеким как его северная родина.

Эрин печально улыбнулась. Она слышала рассказы о пленницах, полюбивших своих захватчиков. Такие женщины казались ей безвольными, а истории о их любви — нелепыми фантазиями. Но как могла она не понять Мойру, когда она видела не только большую, настоящую любовь, которую Мойра дарила своему господину, викингу, но и любовь которую рыжеволосый гигант с благодарностью дарил ей взамен.

Эрин не была пленницей. Она была королевой Дублина, женой Норвежского Волка. Она законно обвенчана с мужчиной, которому она едва ли нужна, и она сдалась его чарам,

несмотря на обещания самой себе, несмотря на свои клятвы. Она бы никогда не дала понять ему это, так как он бы использовал это против нее, как и делал раньше, и это позабавило бы его и укрепило его презрение к ней.

Но как она могла бороться с ним? Не было такого сражения, в котором она взяла бы над ним верх. Может, ей стоило поговорить с Беде и поучиться у нее выносливости, но Беде уехала.

Она не слышала, как он подъехал, не знала, что он смотрит на нее жадными глазами, не подозревая о противоречиях, которые раздирали ее сердце. Он видел только неподвижную, высокую, стройную фигуру, развевающиеся на ветру черные волосы и королевский плащ. Ее голова, как всегда, была высоко поднята, глаза устремлены в море.

Олаф подумал о ней с нежностью в первый раз и вспомнил о ее отце. Да, Аэд не обманул его, передав ему свое сокровище, свою любимую дочь, такую утонченную, такую одухотворенную и такую царственно гордую. Единую со своей землей, которая, уступая, все же борется с ветром.

Молния озарила небо, и раздались могучие удары грома.

Он подъехал поближе к ней.

— Говорят, что в такие дни Один едет по небу на своем Слейпнире. У Слейпнира восемь ног, и, когда он быстро скачет, небо раскалывается под его копытами.

Эрин обернулась и посмотрела на Олафа, удивленная нежным тоном его голоса. Ее интересовало, почему никто не остановил ее, когда она покидала укрепления города. У него не было причин доверять ей.

Эрин вдруг почувствовала, что он не сердится. Его глаза, как обычно, горели синим светом, но казалось, что дымка подернула их, придавая таинственность. Его рот под рыжеватой-золотой бородой не был поджат, но он и не улыбался.

«Он чужой, — думала она, — для всех, с кем мы боролись, для всех, с кем мы заодно, он чужой. Он чужой даже для своих людей, потому что нельзя было сказать, кто он на самом деле; его сущность глубоко спрятана, но независимо от того, как долго я буду жить с ним, я никогда не пойму его до конца, потому что он всегда начеку и не позволяет никому проникать в свое сердце».

Олаф спешил, подошел к ней, протянув руку и заглянул в глаза. Еще раз Эрин ощутила его сильную энергию. Она тоже искала ответа в его глазах, не сознавая, что ее собственные глаза теперь стали для него ясны и открыты. Поколебавшись, она взяла его руку.

— Пошли со мной домой, принцесса Тары, — сказал он ласково, — я хочу, чтобы моя жена утешила меня.

Эти слова не были оправданием, они не говорили о его чувствах, но все-таки это было сказано так нежно, что она не могла отвергнуть его.

— Я не собираюсь убежать, — услышала она свой голос как бы со стороны, — я только хотела посмотреть на море. Он кивнул, уводя ее с обрыва.

— Боюсь, что мы не успеем до шторма.

Он помог ей сесть на лошадь и повернулся в поисках своего коня. Эрин подождала, пока он оседлал жеребца и приблизился к ней.

Она задумчиво улыбнулась.

— Возможно, Одину тоже надо было выехать к морю. Он улыбнулся в ответ и сказал мягко:

— Возможно.

Еще одна вспышка молнии пронзила небо, прогремел гром, и пошел дождь.

— Поехали! — крикнул Олаф, заглушая порывистый ветер и шум дождя. — Там есть пещера...

Несмотря на быструю езду и гром, который состязался с ударами его сердца, Олаф чувствовал приятную перемену в настроении.

Их лошади зацокали по камням, въехав в пещеру. Олаф быстро спешил и подошел к жене, протягивая ей руки, чтобы снять ее с лошади. Она позволила это, не глядя ему в глаза.

Он подошел к выходу, посмотрел на ураган и ливень и, поеживаясь от холода, обернулся к Эрин. Она стояла молча, словно лишилась дара речи.

— Это недолго продлится, — произнес он, призывая ее к разговору. Олаф прошел в глубь пещеры. Там лежали ветки, которые он заранее припас.

— Я разведу огонь, — сказал он немного отчужденно.

— Ты часто приходишь сюда? — нежно спросила она. Он удивленно улыбнулся. Это случилось с ним редко, и улыбка сделала мальчишескими суровые черты лица.

— Не часто, но иногда. Я люблю этот утес. Люблю чувствовать море и ветер. Иногда мне кажется, что я не был в море слишком долго, и я должен уйти туда снова.

Эрин замерла при его словах, вспомнив, что он вторгся сюда из черных туманов. Он смотрел сейчас на огонь, который осторожно высек, нежно его оберегая. Он снова взглянул на нее, ее изумрудные глаза выражали сожаление.

Олаф посмотрел вниз, размышляя, потом встал, подошел к ней, остановившись в полушаге, взял ее за руки.

— Эрин, я не могу изменить себя и то, что я сделал. Теперь ты моя жена, наша женитьба дала нам обоим шанс простить друг друга. Однажды я сказал, что оставлю тебя в покое; я понял, что не смогу этого сделать. И я порвал свои связи. Пусть тебя больше не беспокоит мое прошлое.

Эрин взглянула на него, и хотя многое в нем все еще было непонятно ей, она знала: он пожертвует ради нее всем.

Она улыбнулась, протянула руку и дотронулась до его щеки, с наслаждением ощущая его грубую бороду. К ее величайшему удивлению, он взял ее руку и поцеловал ладонь, посмотрел ей в глаза и тихо поклялся:

— Я всегда буду нежен с тобой, моя ирландка.

Она бросилась в его объятия, наслаждаясь теплом, которое проникало в нее через мокрую одежду. Он обнял ее, потом отстранил, чтобы прикоснуться к ее губам.

Она ответила ему жадным поцелуем, наслаждаясь движениями его языка, стремясь к теплым глубинам его рта. Его запах, который принадлежал только ему, такой опьяняющий и чисто мужской, заполнял собой пещеру. Его борода щекотала ее щеки, пока его ненасытный рот наслаждался ею.

— Мы простудимся, если будем и дальше стоять в мокрой одежде, — прошептал он хрипло.

Эрин отступила, стараясь унять пламя, разрастающееся в ней. Сегодня она возьмет все, что он готов ей дать, только желание могло так воспламенить его. Она будет сегодня любить его, чувствуя каждую клеточку его стального тела, каждое движение мускулов, каждый золотой волосок.

— Разреши мне помочь тебе, мой лорд, — сказала она тихо.

Ему вдруг показалось, что он растворился в изумрудном море. Он с трудом верил своим

ушам. Ее голос был нежен и мелодичен, он касался его как нечто живое, заставляя трепетать тело.

— С удовольствием, моя дорогая жена, — сказал он так же тихо. Олаф наблюдал за ней. Эрин расстегнула брошь на его плаще, потом переместила руки ниже, чтобы снять рубашу. И по мере того, как ее руки поднимались, она целовала его грудь, наслаждаясь ощущением его волосков и вкусом влажного тела. Она услышала его глубокий вздох, когда рубаша была снята, и опять коснулась губами его груди, покусывая нежно зубами сосок. Она слышала биение его сердца в унисон со своим и поняла, как он был нежен прошлой ночью. Каждое ее действие отзывалось волной удовольствия в его теле.

Она отошла, взяла его за руку, провела поближе к огню и сделала ему знак, чтобы он сел. Затем сняла его кожаные башмаки и шерстяные чулки и слегка поцеловала кончики его пальцев. Опять она услышала его вздох. Он смотрел на нее, и глаза его, подобно двум прекрасным сапфирам, сверкали на загорелом бронзовом лице.

Она приступила к последней одежде, которую он носил, и он улыбнулся, видя ее затруднения, но заставил себя не помогать, а затаил дыхание и притянул ее, тербя пальцами ее мокрые волосы и прижимая ее к груди.

— Ты жемчужина острова, ирландка, — прошептал он хрипло, но нежно. Его голос был похож на шелест шелка.

Он снял с нее плащ, и она покачала головой, таинственно улыбаясь. Эрин встала, ее глаза светились зеленью, в которой отражалась сама Ирландия. Она развязала тесемку своего платья, и оно упало к ее ногам. Изящным движением Эрин сняла одну туфлю, другую, затем чулки, поддерживаемые красивыми кружевными подвязками.

Потом она поднялась. Она стояла перед ним обнаженная. Этого момента он мог бы ждать целую жизнь. Прекрасные глаза, в которых соединились морской шторм и зеленые поля, заморозили его. Копна черных блестящих волос, спадавших завитками на плечи и грудь, обнимала ее тело. Вершины ее груди цвета весенних роз гордо выглядывали из-под черных завитков, маня и обещая. Завитки поднимались и опускались, обнажая ее нежную грудь и ложбинку внизу живота.

Олафа охватило желание. Он встал, обнял Эрин, прижимая ее обнаженное тело к своему.

Она обвила руками его шею, ее пальцы ласкали его плечи и спину. Он застонал, когда она пробежалась ногтями по позвоночнику, и еще сильнее сжал ее. Она целовала его широкую грудь, останавливаясь, только чтобы прижаться щекой к нему, очарованная жесткими и в то же время нежными волосками на его лице.

Она ласкала его долго, и он понял, что никто его так не любил. Она была целиком его, излучая саму нежность. Она немного походила на хрупкий нежный цветок и теперь тянулась к нему, как к солнцу. Страстность была ее неотъемлемой частью, и она делилась ею только с ним. Она хотела доставить удовольствие им обоим. Она отзывалась на каждую его беззвучную мольбу, касалась тех мест, которые жаждали ее прикосновений, сначала осторожно, неуверенно, как бы исследуя незнакомые области.

Олаф расстелил на земле меха и положил ее рядом с собой. Он страстно целовал ее, зарывшись лицом в душистые волосы, и они нежно ласкали его тело. Он начал целовать ее грудь. И сегодня она не могла оставаться спокойной. Она обняла его и извивалась под ним, пробежав пальцами по его гладкому животу, а он слегка касался ее сосков зубами, и она стонала. Она заколебалась, и он прошептал ободряюще:

— Прикоснись... Эрин... прикоснись...

Она уступила его просьбе, почувствовав горячий бешеный пульс. И когда он застонал, она начала ласкать его кончиками пальцев. Он отыскивал ее губы, его руки гладили ее тело. Он зашептал прямо ей в рот:

— О жена... моя милая, милая жена, продолжай.

Она засмеялась, но потом затихла. Он ласкал ее, пока она не закричала, прогибаясь под ним, прося пощады.

Шторм, бушевавший снаружи, был ничто по сравнению с бурей, разразившейся внутри Эрин. Она ощущала землю, она чувствовала его прикосновения каждой клеточкой своего тела, и она парила в облаках. Темную ночь сменял яркий свет. Она содрогалась от желания, ее живот был напряжен, и это напряжение становилось и мучительным, и сладким одновременно. Она хотела, чтобы оно продолжалось вечно, иначе она сойдет с ума.

Она не могла остановиться и гладила мужа, вкушая соль его тела губами и языком. Что-то оборвалось внутри нее, и она преодолела скованность. Ощущение было потрясающим, и наслаждение переливалось через край. Она забыла обо всем, она любила его, как требовало ее желание, она любила каждое его движение.

Эрин взглянула в его глаза, эти синие огни, и зарыдала. Он лег на нее. Они оба вскрикнули, когда он вошел в нее, наполняя ее новой жизнью, которой она жаждала. И она, в свою очередь, приняла его, испытывая благоговейный трепет. Как она могла когда-то сомневаться, что любит его? Она теперь не сможет жить без него, ей было невыносимо думать, что когда-нибудь она его лишится.

Он увлек ее в сверкающую солнечную долину, где его стремительные толчки, его ритм подняли ее к небесам, горящую, парящую, летящую, напрягшуюся, жаждущую... и она разбилась в момент экстаза, такого мгновенного и впечатляющего, что задрожала в судорогах. Она выкрикивала его имя, потом шептала, даже когда он откликнулся, пока он не потопил оба звука в нежнейшем поцелуе.

Она томно улыбнулась, чувствуя, будто само солнце оставило частичку своего тепла в ее теле. Но это было не солнце, это было его семя, и она не хотела двигаться, чтобы не расплескать его.

Олаф держал ее против себя и ждал, пока ветер не остудит скользкий, блестящий жар их тел. Откинув назад ее мокрые волосы, он думал с волнением, как все это случилось. Он был глупцом, когда недооценивал ее. С того дня у ручья, когда только благодаря случаю он победил ее, до ночи, когда он понял, что ему вручили страстную красавицу, он был глупцом. Ее нельзя было усмирить, но она и не могла лгать самой себе. Она стала его собственностью. Сначала он обольстил ее, но потом она пришла к нему сама.

И то, что раньше ему было безразлично, теперь его преследовало. Он не мог поверить в любовь, но он был потрясен теми страстными чувствами, которые зародил в ней. Он будет защищать ее до последнего вздоха, но все же он оставался собственником и боялся, что убьет ее, если только она подумает о другом мужчине.

Олаф закрыл глаза, чувствуя себя очень удобно на старых вытертых мехах и камнях, потому что ее мягкое тело было рядом и касалось его. Он перемещал руку, пока не натолкнулся на ее грудь, и монотонный стук дождя убаюкал его.

Пока Волк спал, на окраине Улстера горела деревня. Фриггид Кривоногий не смотрел на огонь. Он смотрел на юг и улыбался. Волк взял Дублин; у него дочь Аэда Финнлайта, самая красивая девушка острова. Но Волк заключил договор, поэтому он придет. И он умрет.

Вот его судьба...

Ниалл из Улстера поднял своих людей, чтобы подготовиться к битве.

Новобрачный Сигурд думал раздраженно — что же случилось с Повелителем Волков, пока он готовил воинов Дублина, чтобы отправиться в бой?

А в мшистом лесу около Карлингфордского озера Мергвин стоял под дождем, как лунатик, с мокрой бородой и в одеждах, развевающихся вокруг него. Он поднял руку к серому небу и шептал слова древнего заклинания. Он взывал к небесам, он взывал к земле. На маленьком каменном алтаре он перерезал горло молодой оленихе, глядя в ее карие тускнеющие глаза, принося в жертву жизнь, принося в жертву кровь.

Мергвин не думал ни о прошлом, ни о настоящем. Он напрягал свой разум, пытаясь понять зло, которое грядет. Но он не видел его и не знал, когда оно ударит. Он знал только, что оно зародилось этой ночью и будет возвращено днем.

Он взывал к земле и небу и просил помощи. Он просил деревья и всю растительность быть свидетелями. Он принес кровавую жертву, отдавая травы ветру и олениху земле. Он молился силам, которые парили над миром.

Он молился за Эрин.

Олаф облокотился и смотрел на нее, водя пальцем по ее груди и гладкому животу.

— Богам суждено умереть, понимаешь. С самого начала.

Она рассказала ему, что Риг развлекал ее рассказом о происхождении богов и сказал, что придет конец, но какой, не объяснил.

— Сурт поведет силы из Муспелла, как и было задумано. На поле Вигрид состоится великая битва, о начале которой известят тремя жуткими зимами. Огромное землетрясение потрясет горы, солнце съест один волк, а луну другой. Фенрир, самый свирепый из огнедышащих волков, проглотит Одина, Видарр поразит Фенрира. Тюр, который всегда боролся со змеей Мидгарда, наконец убьет ее, но отойдет на девять шагов и сам умрет от яда. Сурт убьет Фрея. — Он замолчал и улыбнулся. — Фрей — бог плодородия.

— Я знаю, — засмеялась она, — Риг сказал мне.

— Так или иначе, потом Сурт предаст целый мир огню.

— И земля, и все живое погибнет? — спросила Эрин, нахмурившись. В глубине ее сознания мелькнула мысль, что Риг нарочно недорассказал историю, чтобы она услышала ее от кого-нибудь еще.

— И да, и нет, — сказал Олаф, улыбаясь снова, лениво посматривая на ее диафрагму, где блуждали его пальцы. — Огонь разрушит все, но потом мир станет зеленым и свежим снова. Солнце оставит дочь, чтобы светить и согревать мир, а сыны Одина и Тюра останутся в месте, называемом Идаволл, и они снова населят землю. А Балдр, наиболее почитаемый из богов, убитый своим братом Ходом, оставит мир мертвых и придет в Идаволл — вместе с братом, который убил его. И они будут долго жить в вечном мире.

Олаф заметил, что она улыбнулась таинственно и сладко.

— Чего ты улыбаешься? — прошептал он, следя за ее губами.

— О... ничего, мой лорд, — ответила она. Это было то, что, по мнению Рига, должна была узнать она сама, то, что противоборствующие силы будут разрушены, но на развалинах кто-то может найти мир и покой. Она никогда не могла вообразить, что возможен мир между викингами и ирландцами. Мергвин давно предупреждал, что это не произойдет ни в течение ее жизни, ни при жизни ее детей, но она сможет найти свой собственный мир. И такие моменты, как этот, поддержат ее, если случится беда. Яркий луч полуденного солнца

пробрался в пещеру, и Эрин посмотрела наружу.

— Дождь кончился, — сказала она тихо. Олаф улыбнулся.

— Знаю, он давно кончился.

Их взгляды встретились, и они рассмеялись. Потом Олаф почтительно поцеловал ее в живот, встал и нагнулся, чтобы помочь ей.

— Мы должны возвращаться, а не то Сигурд пошлет за нами.

Эрин кивнула. Их одежды высохли у костра, и они молча оделись, помогая друг другу поправить плащи и броши.

У выхода из пещеры он задержался и поцеловал ее слегка в губы, внимательно заглянув в глаза.

Потом шлепнул лошадь Эрин по боку, чтобы та повернулась, посадил Эрин и вскочил на своего жеребца.

Пока они ехали, Эрин исподтишка смотрела на мужа. Она думала, что он прекрасный мужчина, и с горечью сознавала, что он все еще остается чужим. Высокий, в развевающемся на ветру плаще, он был все же Норвежским Волком, и его рассудок и сердце закрыты для нее. Казалось, она никогда не проникнет за эту броню.

Он обернулся к ней, когда они подъехали к городу, и ледяной блеск вернулся в его глаза.

— Пошли! — крикнул он. — Что-то случилось в наше отсутствие.

Пораженная, Эрин натянула поводья, и ее лошадь пустилась галопом позади жеребца Олафа. Волосы застилали ей глаза, и она плохо видела, но с вершины холма она заметила, что за стенами было много людей с мечами, пиками, топорами и щитами. Мужчины готовились к войне.

«Почему, — думала Эрин чуть позже, глядя из окна своей комнаты на внутренний двор, где ее муж, кузен и братья готовились к бою, — судьба так распорядилась, что те, кого я люблю, покидают меня?»

Слезы капали у нее из глаз, но она не обращала на них внимания. Она была королевой Дублина, и когда они на заре уедут, ее долг поднести прощальный кубок Олафу, подбодрить воинов и пожелать им победы.

Она не разговаривала с ним с тех пор, как они вернулись. Возбужденные лошади становились на дыбы и били копытами. Знаменосцы, слуги, кузнецы и воины суетились, и Олаф был полностью поглощен подготовкой. Эрин была уверена, что в этот момент он совершенно забыл о ее существовании. Она не могла ничего узнать от Лейта, Грегори и Брайса, а Ниалла и вовсе не было видно. Он уединился с Олафом.

Приготовления затянулись далеко за полночь. Наконец, изнуренная от произошедшего прошлой ночью, от усталости и тревоги, Эрин поднялась по лестнице в спальню, разделась, зарылась в льняные простыни и тщательно укутала мехами свое дрожащее тело.

Это несправедливо. Она так долго ждала мира, и теперь, когда покой наконец пришел в ее душу, опять все испорчено.

Она не проснулась, когда пришел Олаф и лег рядом, но во сне инстинктивно прижалась крепче к его телу, как маленький котенок. Ему пришлось мало спать, но то, что он был рядом с ней, радовало его и помогало забыться.

Когда она проснулась, он смотрел на нее, и на какое-то краткое мгновение, очень краткое мгновение, которое промелькнуло так быстро, что, возможно, даже и не существовало совсем, она увидела нежность в его глазах, проблеск его внутренней сущности, которая всегда была скрыта. Но это мгновение миновало.

Он дотронулся до ее волос, раскидывая эбеновые волосы по подушке.

— Интересно, — сказал он тихо, — таишь ли ты до сих пор надежду, что я погибну в схватке с датчанами.

Она открыла рот и чуть не проговорила: «Я люблю тебя», но вовремя спохватилась. Она молча смотрела на него, так как не могла заставить себя сказать это прямо сейчас.

— Боюсь, что нет, — сказал он резко, — я бы не хотел умереть, даже если бы это доставило тебе удовольствие.

Она захотела сказать ему, что не желает ему смерти; вероятно, он знал это, он слишком хорошо все чувствовал благодаря своей интуиции энергии, распространявшейся вокруг. Но это ничего уже не значило, когда он резко схватил ее. Они слились в порыве страсти, разгоревшейся бурно, позабыв о его клятве быть всегда нежным.

Она болтала с Брайсом и Лейтом, давая всякие наставления, как мать, наказывая им спать под кровом, не ходить в мокрой одежде, хорошо питаться. Ниаллу она ничего не сказала. Поцеловала его и бросилась в его объятия, глотая слезы.

— Все не так плохо, принцесса, — прошептал Грегори, когда она отошла от Ниалла, — потому что мы знаем, что ты здесь в безопасности, и ни один подлый датчанин не одолеет силу Ниалла из Улстера, Аэда Финнлайта и Норвежского Волка.

Эрин попыталась улыбнуться.

— Я бы хотела отправиться с тобой, Грегори. Слишком тяжело ждать, Грегори улыбнулся.

— Время твоих подвигов прошло, кузина, слава Богу. Если бы что-нибудь случилось с тобой, я не простил бы себе этого. Кстати, Эрин, твои братья все знают. Лейт догадался. Он сказал мне об этом в ночь твоей свадьбы и потом рассказал Ниаллу и Брайсу. Они не проговорились. Я думаю, они очень гордятся тобой, но также и боятся за тебя. Если все это повторится, они остановят тебя. Таким образом, пусть все это станет легендой.

У Эрин опять навернулись слезы.

Они знали-Лейт, Брайс, Ниалл — и они хранили тайну. Поэтому было еще труднее смотреть, как они уезжают.

Грегори поцеловал ее в щеку.

— Пожалуйста, не плачь, Эрин. У нас огромные силы. Мы не можем потерпеть поражение вместе с Олафом, а вскоре к нам присоединятся войска твоего отца. Мы скоро вернемся.

— Я не собираюсь плакать, Грегори, — прошептала она, целуя его в щеку, но ее лицо было влажно. Она вытерла слезы.

Боевые кони пронзительно ржали. Эрин увидела, что Олаф уже оседлал лошадь и ждал. Она поднесла ему серебряную чашу. Поднявшись высоко, он осушил ее, во дворе тем временем слышались восторженные возгласы и ржание возбужденных лошадей.

Олаф наклонился в седле, вернул чашу и дотронулся до ее щеки, его ледяные глаза были задумчивы и сверкали синим огнем.

— Будь осторожнее, ирландка, — сказал он нежно.

Эрин схватила его руку и, наклонив голову, поцеловала его ладонь, не поднимая головы, чтобы он не видел ее мокрых глаз.

Она отошла назад, когда поток воинов и лошадей с лязганьем и грохотом вылился за пределы города.

Аэд Финнлайт увидел своего зятя по ту сторону ручья.

Норвежский Волк был хорошо заметен. Высокий, на своем темном, как ночь, жеребце, он казался не обычным смертным человеком. Его золотые волосы, казалось, были насыщены солнечной энергией и распространяли ее вокруг. Даже с такого расстояния безграничная сила и огромное напряжение чувствовались в воздухе.

Дрожь пронзила Аэда до костей. «Как хорошо, что я вместе с этим человеком, — думал он, — я слишком стар, чтобы сражаться против него снова».

Просигналили трубы, взметнулись знамена. Ард-Риг Тары пересек ручей на лошади, стараясь унять трепет, который холодная вода вызывала в его старом теле. Он приветствовал Олафа, слегка обняв его, не сходя с лошади, потом приветствовал Ниалла. Это его землю они собирались защищать. Объединенные войска двинулись дальше. Они шли по внутренней дороге уже пятьдесят миль, день за днем. Потом повернули к берегу.

Датчане нападали ночами, тайно, хищно, но их мелкие молниеносные атаки быстро и уверенно отражались. Дни превращались в недели, недели — в месяцы. Весенние дожди и слякоть перешли в летние дожди и слякоть, но основное войско Фриггида Кривоногого избегало их.

В тех коротких схватках, в которых они принимали участие, Аэд сражался бок о бок со своим зятем-викингом, и еще более убеждался, что этот человек непобедим. Один только могучий оглушающий рокот, раздававшийся из его груди, заставлял датчан дрожать в нерешительности, и это стоило им жизни, потому что Волк никогда не колебался на поле сражения. Он сражался равнодушно, разя безошибочно и метко, но все же сражался как одержимый.

Однажды ночью, когда убитые были закопаны или сожжены, Аэд подошел к этому странному человеку, которого он до сих пор не мог разгадать, предлагая ему бутылку эля в кожаном чехле, и прислонился к дереву, оглядывая поля, раскинувшиеся перед ними, в то время как викинги и ирландцы хоронили мертвых.

Какое-то время мужчины стояли молча, вдыхая прохладу ночи, прислушиваясь к резким крикам ночной птицы. Разжигались огни для приготовления пищи. «Скоро, — думал Аэд, — я наполню пустой желудок и найду покой в своей палатке, расслаблюсь и дам отдохнуть усталому телу». Это был один из тех боев, где он сражался впереди, все же предоставляя право главного удара Ниаллу и Волку. Он наблюдал с удивлением, как Олаф дважды подъезжал к Ниаллу, давая учтиво королю Улстера мудрые советы и наставления. Они защищали Улстер; поэтому это была битва Ниалла. Ниалл боролся за свою землю; Аэд боролся за своего сына и законы великой Эйре, которые дали Ниаллу эту землю. А Олаф сражался, так как у него были обязательства по отношению к Аэду и, следовательно, к Ниаллу. Но Аэд чувствовал, что у могучего викинга все же было гораздо больше для этого причин.

Аэд наблюдал, как Олаф смочил пересохшее горло элем, потом спросил прямо:

— Ты сражаешься с Фриггидом Кривоногим из-за Ул-стера, или ты мстишь за Карлингфордскую битву?

Кристалльно-синие глаза обратились к нему, потом опять устремились вперед.

— И то, и другое, Верховный король, — он помолчал минуту, затем опять взглянул на

Аэда. — И более того, — добавил он тихо.

Он вернул бутылку Аэду и скрылся за деревьями.

Олаф присел на холодный мох и откинул голову на упавшее дерево. Все это время он скакал, не думая ни о чем, кроме сражения, но наступали моменты, ночи, вроде этой, когда ему страшно хотелось вернуться в Дублин, принять обжигающую ванну, вкусно поесть, насладиться ласками жены.

Он усмехнулся, подумав об этом. Много блудниц встречалось ему в пути; женщин, которые развлекали мужчин, и те смеялись и гордились своей доблестью и легче переносили тяжелые дни. Но он не мог позволить себе наслаждаться ласками женщин. Он с некоторым удивлением заметил, что и Аэд Финнлайт любезно отвергал подобные развлечения, он слышал, что Аэд всегда верен своей королеве. Но Ард-Риг был необычным человеком.

Размышления об Аэде перешли в размышления об Эрин. Олаф не мог себе представить, что его ирландская злючка окажется в руках другого мужчины. Одна лишь эта мысль заставляла его огрызаться и ворчать целый день. Она была его собственностью, поэтому он чувствовал себя ее покровителем. Он подумал, что готов защищать все, что принадлежит ему, до самой смерти.

Но Олаф не очень беспокоился о жене, хотя и не успел узнать ее хорошо. Он оставил Сигурда управлять Дублином, строго наказав охранять ее и следить за ней. Он не верил, что она попытается убежать, но и не знал, что скрывается за ее блестящими зелеными глазами. Он разбудил ее чувства, да. В его руках она превратилась в дикую, даже распутную ведьму, доставляющую ему удовольствие, которое очищало его душу и сердце от мрачных мучительных мыслей. Интересно, ненавидит ли она его до сих пор, не ищет ли любовника, чтобы наставить рога «викингу-варвару», за которого ее принудили выйти замуж.

Он сжал кулаки, когда подумал об этом, потом медленно расслабился, У нее будет мало шансов наставить ему рога под присмотром Сигурда, и она все-таки принцесса Тары, этого она никогда не забудет. Вряд ли она сделает что-нибудь, что может быть замечено другими.

Олаф закрыл глаза и увидел ее перед собой, с гривой шелковых черных волос, спадающих на полные округлые груди, ее длинные ноги, которые двигались по направлению к нему, соблазнительные и гибкие... «Все это, — подумал он, вздохнув, — объясняет тот факт, что я не хочу иметь дело с блудницами». Но было и другое видение, которое сопровождало его в боях. Гренилде. Его золотая красавица, его любимая. Он нахмурился, когда ее образ опять проник в его сознание. Он стремился увидеть голубые сверкающие глаза, но все, что он мог представить — это изумрудно-зеленые.

Он тихо выругался. Ирландская ведьма, которая хотела вздернуть его голову на лезвие меча, была колдуньей. Колдуньей, которая могла быть нежной, смеяться с ним, любить его, являться ему...

— Король Дублина опечален чем-то сегодня вечером.

Глаза Олафа открылись, и он мрачно поднял брови, недовольный тем, что прервали его раздумья. Он посмотрел хмуро на бородатого старика в робе, которого все звали Мергвином, незаметно приблизившегося к нему.

— Король Дублина хочет побыть один, — отрезал Олаф.

Но друид не смутился.

— Вокруг тебя светящийся ореол, викинг, — сказал Мергвин, задумчиво глядя на Олафа, — если тебе и суждено умереть в сражении, это случится не скоро.

— Это будет приятно узнать моей жене, — проговорил Олаф сухо.

Мергвин передернул плечами, тряхнув своей длинной бородой.

— Ты стремишься убить Фриггида Кривоногого, молодой лорд Волк. Я хочу предупредить тебя. Это судьба, и вы встретитесь однажды. И один из вас должен умереть. Возможно, ты убьешь его. Да, это возможно. Но с его смертью ты не получишь того, чего желаешь.

— Да? И что же это, друид?

— Возвращения твоей души. Ты должен найти это в своей собственной жизни, Норвежский Волк, а не в смерти другого человека.

Олаф поднялся и стряхнул листья со своего плаща.

— Итак, друид, ты говоришь, что я не убью его скоро. Ты полагаешь, я позволю Фриггиду продолжать набег на эти прибрежные земли, чтобы при случае он прикончил меня и других?

Мергвин не обратил внимания на сарказм, с которым это было сказано.

— О нет. Фриггид должен умереть. Он не принадлежит этой земле, Волк, а ветер прошептал мне, что ты принадлежишь. Ты должен продолжать искать его, сражаться с ним.

— Да? — удивленный, Олаф опять поднял брови. Друид улыбнулся.

— Посмотри на себя, мой лорд. Твой плащ ирландский, так же как и рубаха. Ты разговариваешь со мной на моем языке. Рискну предположить, что тебе приходится задумываться, чтобы говорить на своем языке. Да, викинг, ты принадлежишь этой земле. Ты хочешь взять ее, но она поглотит тебя, и ты сольешься с ней в единое целое.

Олаф рассмеялся.

— Может, ты и прав, друид. Но скажи мне, приятель, как это ты узнаешь обо все этом?

— Я часто подбрасываю руны и читаю по ним для тебя, Повелитель Волков.

— Руны викингов? — спросил Олаф, усмехнувшись. Мергвин лишь улыбнулся в ответ.

— Я полагаю, Белый Олаф, что ты никогда не послал бы свой драконов корабль в море, если бы не предсказания твоей руны. Твои люди не подняли бы паруса. И победа норвежцев у Карлингфордского озера не была бы предсказана. Даже твоя первая встреча с принцессой, которую ты теперь называешь своей женой.

Олаф изумленно взглянул на Мергвина.

— Да, мой друг, я знал о твоей встрече с Эрин.

— И ты не помешал свадьбе?

— Нет, — сказал Мергвин, слегка улыбаясь. — Ваша свадьба-судьба всей земли.

— Ох, — прошептал Олаф.

Усмехнувшись и почувствовав облегчение от неожиданной встречи, Олаф повернулся, чтобы уйти из леса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Повелитель Волков! — окликнул его друид. Олаф обернулся, нахмурившись.

— Сражение завтра закончится, и вы победите. Руна солнца, Совелу, с вами. Но смотри хорошенько, мой господин, потому что грядет зло и готовится предательство. Завтра нависнет опасность над вами, но она минует вас. Я не знаю, когда и откуда поразит тебя зло снова, знаю только, что оно существует, и что ты должен возвыситься над ним. Тогда и только тогда найдешь ты утешение, которого жаждешь.

Олаф опять высоко поднял брови, удивленный доверием и заботой, которые чувствовались в предостережении Мергвина.

— Я всегда осторожен, друид, — сказал он тихо, не будучи уверенным, кто этот человек

— пророк или полоумный лунатик. — Я всегда осторожен.

Одна часть пророчества Мергвина сбылась с поразительной точностью. Только они разбили лагерь, как войска Фриггида Кривоногого напали на них с полными силами.

Битва разразилась между возвышенностью и лесом. Приходилось быть осторожным, чтобы случайно не зарубить своих, так как войска быстро перепутались.

Олаф заметил, что Фриггид Кривоногий подкрепил свои войска людьми из Бретани и с родины. Краткие атаки до этого времени были не более чем подтруниванием в сравнении с той силой, которая пришла с севера, чтобы сразиться с ирландцами.

Утро ознаменовалось лязганьем стали и потоками крови. Заняв южный гребень с преимуществом в виде маленького ручья, Олаф заметил, что Лейт и Брайс Мак-Аэды сражаются рядом с ним. Они бились храбро, подзадоривая датчан гневными боевыми кличами, решительно отрубая им дорогу вперед.

Олаф улыбнулся самому себе, когда увернулся от копья. Победное волнение поднималось в его крови. Датчане отступали. Это будет тот день, когда он доберется до Фриггида Кривоногого. Триумф победителя вызвал прилив сил, и он, свирепо завыв, бросился вперед в рукопашную схватку. Датчане, эти жирные мухи, из огромного потока превратились в тоненькую струйку. Он поднял свой меч и повалил одного врага с горящим взором, потом начал выискивать следующую жертву.

К своему ужасу, он увидел, как боевые датские топоры обрушились на Лейта Мак-Аэда. Он крикнул, предостерегая его, и бросился на помощь. Его меч перерубил шею одного из берсерков, но было слишком поздно. Лейт Мак-Аэд с красным пятном, расплывающимся между его плеча-ми, повалился вперед.

Олаф упал на колени рядом с ним, не слыша шума битвы. Его войска прорвались вперед, и он был один на поле с умирающим юношей.

Он привык к смерти, к предсмертным стонам, но боль терзала его сердце, когда он подумал о страданиях, которые причинит эта смерть его ирландским союзникам — и его ирландской жене.

Он поколебался, выясняя, нельзя ли остановить кровь и спасти юношу.

— Ты ничего не сможешь сделать, мой господин, Лейту из Тары суждено пасть сегодня. Ты должен идти. Олаф вздернул голову и увидел друида, стоящего перед ним. Мергвин опустил на колени около Лейта. Слабый холодок пробежал по телу Олафа. Мергвин знал, что Лейт умрет...

Друид повернул юношу. Лейт открыл глаза, слабо улыбнулся, сморщился от боли и испустил дух. Мергвин осторожно закрыл его глаза.

— Иди, Норвежский Волк. Твоя задача на сегодня — или, если хочешь, предначертание — еще не осуществлена до конца.

Олаф поднялся, в последний раз бросил взгляд на Лейта и потом на Мергвина. Интересно, а не хочет ли этот ненормальный друид послать его на смерть. Он не знал, можно ли доверять этим горящим глазам.

Но его ждало сражение. Он перешел через гребень и пошел вниз, где среди деревьев слышались боевые кличи и выкрики. Волк двигался устало, с трудом сгибая спину и колени, поднимая готовый к битве меч. Бой шел жестокий. Человеку могли перерубить сзади шею, и он умирал, не успев понять, что произошло.

Страшный крик предупредил об опасности. Он быстро повернулся, взмахнул массивным мечом, и его противник рухнул на землю с выражением ужаса на лице.

Сражение продолжалось весь день. С наступлением сумерек датчане были отброшены на восток, почти к океану. Олаф опять оказался на гребне, и опять жирный, как муха, датчанин повалился замертво. Олаф прокричал своим людям приказ наступать и послал группы прикрыть левый и правый фланги, чтобы крушить врага с двух сторон.

Когда он снова обернулся, то обнаружил, что остался один, не считая датчанина, который искал случая, чтобы встретиться с ним наедине, датчанина, который вел войска, чтобы уничтожить норвежцев у Карлингфордского озера, датчанина, который был причиной смерти Гренилде, смерти всех, кто был ему дорог — это Кривоногий Фриггид.

Олаф отпрыгнул за секунду до того, как отточенное, окровавленное лезвие боевого топора просвистело около его плеча и вонзилось в землю. Он мог бы прикончить Фриггида, опустив меч на его спину, но он хотел убить его лицом к лицу. Он улыбнулся и отступил, глядя на отвратительного рыжего шербогатого датчанина.

— Подними свое оружие, датчанин. Я хочу видеть твои глаза, когда ты умрешь.

Фриггид холодно улыбнулся.

— Да, Волк. Один из нас падет. Это единственный выход. — Он поднял свой топор. — Выпей за мое здоровье вечером в Валгалле вместе с мертвецами.

Он сделал мощный бросок. Олаф отразил удар своим мечом. Лязгнула сталь, две могучие руки дрогнули, и противники с ревом бросились друг на друга. Олаф с силой ударил датчанина и ранил его, но тот упал и увернулся, выигрывая время. Олаф последовал за ним. Фриггид бросил пригоршню грязи Олафу в глаза, ослепив его, и подпрыгнул, чтобы нанести смертельный удар, но Олаф почувствовал звук его оружия и предотвратил удар своим мечом. Меч дрогнул и вылетел из его рук.

Протерев глаза, Олаф увидел, что датчанин подвигается к нему снова. Он высоко подпрыгнул, чтобы избежать удара в ноги. Тяжелый топор заставил Фриггида накреститься, но он быстро поднялся. Олаф понял, что играет в кошки-мышки без оружия. Он отодвинулся назад, избегнув серии быстрых ударов только благодаря проворству и ловкости. Потом кто-то бросил меч к его ногам. Он не знал, кто это мог сделать, но сейчас это его не волновало. Он рванулся, чтобы поднять оружие.

Фриггид пронзительно крикнул в гневе и бросился вперед, обрушив свой меч на череп Олафа, но тот в последнюю секунду уклонился, почувствовав, что часть его волос отсечена. Фриггида Кривоногого отнесло в сторону, и он влетел в заросли. Олаф рванулся за ним, но слишком поздно. На пути появились два датчанина, и их предводитель сбежал. Олаф вступил с ними в схватку, заметив про себя, что Фриггид оказался трусом и не пожелал сразиться один на один. Он зарубил датчан.

Он победил в этот день, но не сразил Фриггида Кривоногого. И почувствовал себя опустошенным и истощенным.

Что-то зашуршало в деревьях, Олаф наклонился и опять схватил меч, его глаза настороженно уставились на заросли. Он увидел только что-то белое, мелькнувшее в глубине леса — кусок белой длинной робы.

Он медленно улыбнулся и посмотрел на меч, который так своевременно вернулся к нему, поднял его высоко, позволяя угасающему солнцу отражаться на нем.

— Спасибо, Мергвин, — прошептал он. — Ты спас мне жизнь.

Он уже не чувствовал себя опустошенным и ощутил силу, возвращающуюся к его усталым конечностям. И громко рассмеялся.

— Да, — сказал он тихо, — спасибо, мой странный друг, так как я очень счастлив, что

остался жив.

Брайс Мак-Аэд не пускал никого к Лейту. Прислонившись к дубу, он прижимал тело брата к груди, и слезы текли у него по щекам. Он убирал волосы с бровей Лейта, разговаривал с ним, иногда смеялся.

Даже Ниалл из Улстера с искаженным горем лицом не мог оторвать брата от мертвого Лейта, которого пора уже было хоронить. Викинги сразу решили оставить молодого ирландца наедине с его горем; они ушли позаботиться о похоронах своих убитых. Но ирландские монахи были обеспокоены. Они требовали, чтобы тело вернули им, чтобы душа Лейта могла присоединиться к душам христиан на небесах.

Такая сцена ждала ирландского Верховного короля, когда он узнал о смерти сына. Он не пытался мешать Брайсу, он просто встал на лужайке, его сердце стало таким же хрупким и разбитым, как и его кости. Лейт. Славный парень. С кристально-чистым смехом. Сын, который мог встать между серьезным Ниаллом и угрюмым Брайсом и, сказав несколько простых слов, охладить их пыл. Лейт. Аэд закрыл глаза, так как боль сотрясала его тело. Он пытался убедить себя, что он удачливый человек. Он был Ард-Ригом Ирландии; он провел большую часть жизни в сражениях. Воспитал десять детей, и каждый его отпрыск достиг совершеннолетия. Его сыновья постоянно сражались — все, кроме Майкла, который тренировался со стражей в Таре и Шине, и Галббрайта, который давно присоединился к Святому ордену.

У Аэда было десять детей, но этот факт не облегчал боли от потери сына, особенного и неповторимого.

Но он был Ард-Ригом, вождем тех, кто долго и жестоко сражались за него; тех, кто отдал своих сыновей этой земле. Он не мог показывать своего горя и не мог осуждать другого сына, который обнимал мертвого брата. Он медленно подошел к Брайсу и положил руку ему на плечо.

— Он был твоим братом, Брайс, — сказал тихо Аэд, — и он был моим сыном. Я заберу его у тебя.

На мгновение Брайс сильнее сжал окровавленное тело, потом встретился глазами с отцом и увидел в них жалость.

Аэд принял мертвого сына из его рук и вынес его из леса. Он нес на руках сына, который при жизни был выше и шире его и никогда не дрогнул в бою.

Он принес его в свою палатку, где заботливо смыл грязь с его лица, следы засохшей крови на губах. Он завернул своего сына в шелка, затем передал его монахам.

На отдаленной скале, с которой было видно долину, где норвежцы и ирландцы хоронили убитых, Фриггид Кривоногий смотрел на это зрелище со злобной усмешкой, искажившей черты его лица. Его люди были мертвы, остальные рассеялись. Только четыре десятка собрались и залечивали свои раны.

Фриггид громко выругался, поднимая кулаки.

— Он все еще жив... Волк еще жив!

Белый Олаф взял Дублин, взял дочь Ард-Рига Ирландии и привлек королей провинции на свою сторону. Ничего из этого не волновало бы Фриггид, если бы Волк был мертв.

Он смотрел на траурный обряд, пока солнце садилось над обрывом и долиной. Потом он повернулся к своим людям с гневом в глазах.

— Мы отправимся на юг этой ночью! Ниалл из Улстера возглавит войско, идущее на север, ирландский Ард-Риг поедет на юг и вглубь. Волк двинется на южный берег. Мы

сольемся с бандами, которые жаждут овладеть бухтами, и будем на шаг впереди норвежца. Мы подождем его, заманим в ловушку и отправим в Валгаллу от самых ворот города, который он отобрал у нас...

Датчане ответили радостными возгласами. Фриггид улыбнулся. Его не беспокоило, что все они могут умереть или быть ранены. Его волновал Волк. Более молодой, более сильный, божественно золотой и властолюбивый. Олаф должен умереть, должен страдать от боли и потерь. Он познал и муки от страшных ран, и горечь потери Гренилде, но сейчас у него другая женщина. Принцесса, дочь Ард-Рига. Может быть, тут его слабое место? Фриггид колебался. Это, по крайней мере, надо иметь в виду.

Прах к праху. Пока земля не покрыла шелковый саван Лейта, слышались молитвы.

Аэд Финнлайт никогда не выглядел таким старым, как сейчас, после битвы, в которой пал его собственный сын.

Олаф тихо подошел к Хитрой Ирландской Лисе, бывшему противнику, который стал ныне союзником и другом. У него не было слез на глазах, только усталость и печаль.

— Мои люди будут чтить твоего сына и короля Коннахта, — сказал тихо Олаф со всей нежностью, на которую был способен. — Они хотят отдать дань великим воинам, которые, как они уверены, станут украшением пиршеств в Валгалле. Я говорю с тобой об этом, потому что не хочу оскорбить тебя и твоих монахов.

Старый король мягко улыбнулся.

— Я не буду оскорблен, Волк. Мне приятно узнать, что те, кто сражались рядом с Лейтом и Фенненом, будут почитать их. Валгалла... Небеса. Что разного в этих словах, приятель? Пожалуйста, скажи своим людям, что я дал свое благословение, пусть они читают свои молитвы.

Олаф кивнул, ощущая лучше, чем когда-либо, узы, которые связывали их души и тянули его к этому вождю.

Он ничего больше не сказал, а отдал честь ирландскому королю.

Монахи ворчали, но норвежцы по-своему уверяли Лейта Мак-Аэда и Феннена Мак-Кормака, что их путешествие будет недолгим и приятным.

Возле Лейта и Феннена закопали их мечи, пищу для путешествия в другой мир, кубки, броши, ножи и тарелки. Выкопали большую яму и закопали лошадей с полной упряжью, чтобы они могли скакать по небу.

Викинги предпочитали сожжение, чтобы дух путешествовал по воздуху, но многие придерживались обычая закапывать умерших в землю и снабжать их всем необходимым. Христианские монахи никогда не разрешили бы, чтобы ирландских принцев и королев предавали сожжению.

Аэд с сыновьями скрылись в палатке на ночь. Сейчас они должны предаться скорби одни, и это было хорошо известно Олафу.

Но он не мог отдохнуть этой ночью, не мог заснуть. Он смотрел на отсвет под звездами, и что-то заставило его осознать, что он не может думать ни о чем, кроме дома.

Когда-то это был просто дворец. Великолепный, завораживающий, воплощение его мечты. Королевская резиденция, но все же только строение. А теперь это — дом, потому что там теплился домашний очаг. Его жена... Так часто он боролся с снами, где она манила его, нежные руки протягивались к нему навстречу, чарующие изумрудные глаза сверкали от радости, ее черные волосы окутывали его; под ними он чувствовал биение ее сердца. Проснувшись в поту, Олаф ощущал боль. Но от этих мучений не было никакого спасения; ни

одна женщина больше не сможет успокоить его. «Я околдован», — часто думал он. И это была не его давно ушедшая храбрая светловолосая красавица, а ирландская злючка, которую так же трудно усмирить, как и ее землю.

Сегодня он снова разбил датчан. Фриггид выжил, но его люди изгнаны из Дублина и Улстера, и Гренилде отомщена.

Хотя этот подвиг не принес ему внутреннего успокоения, которого он жаждал, дверь в прошлое закрылась. Он мог смотреть в будущее, но не знал, сбудутся ли его мечты в отношении Эрин; его гордая прекрасная жена могла все еще таить против него ненависть. Возможно, она радовалась, пока его не было, и молилась каждую ночь, чтобы он умер от датских копий.

Он хорошо сознавал, что границы между страстью, любовью, ненавистью и гордыней очень тонки. Он разбудил в ней чувственность, он сделал ее женщиной. Она не могла отрицать, что он сумел воспламенить ее, но обладать ее телом, созданным для любви, и завоевать ее разум, душу, сердце — не одно и то же.

Он был так долго в разлуке с нею. Три полных луны. У них не было возможности хорошо узнать друг друга. Он поклялся; что когда вернется, то приложит все усилия, чтобы сблизиться. Их битва окончилась. Он сделает все, что в его силах, чтобы порадовать ее, и впустит ее в свою жизнь. И он тоже постарается войти в ее жизнь. Он сделает ее счастливой. Он хотел ее, как жаждущий человек, который не в состоянии напиться вином. Потому что она была нужна ему... Потому что он... Олаф закрыл глаза. Возможно, он любил ее. Возможно, не вся любовь умерла в нем вместе с Гренилде.

Шум отвлек его, и он тревожно огляделся, чувствуя опасность. Он глубоко дышал и раздраженно вертел головой.

Мергвин, как страшная хищная птица и как лунатик одновременно, брел к нему сквозь чащу деревьев.

— Клянусь всеми богами, друид, — пробормотал Олаф, — ты можешь заставить кровь бурлить от страха.

Мергвин с достоинством остановился, откинул свои длинные рукава и надменно посмотрел на Олафа.

— Я думаю, мой лорд, что твоя кровь бурлит независимо от меня.

Олаф рассмеялся, но быстро успокоился, вспомнив о том, что произошло днем.

— Я у тебя в долгу, друид. Ты спас мне жизнь.

Мергвин фыркнул.

— Не благодари меня, викинг. Я не спас твою жизнь, а подал руку судьбе. Тебе все равно было суждено побороть Фриггида, — его голос задрожал от боли, — так же как Лейту и Феннену было суждено умереть.

Олаф встряхнул головой нетерпеливо.

— Люди сами куют свою судьбу, друид. Мергвин внимательно посмотрел на него, потом пожал плечами.

— Думай, как хочешь, норвежец.

Олаф опять засмеялся.

— Ты мне нравишься, Мергвин. И я думаю, каждый должен следовать своей звезде. Ты поступаешь, как тебе предначертано, а я сам создаю свою судьбу.

Мергвин опять пожал плечами, а Олаф прищурил свои проницательные синие глаза.

— Что случилось на этот раз, друид? Сражение окончено. Завтра мы поедем домой.

Враг разгромлен. Или ты поспоришь с этим?

— Нет, — покачал головой Мергвин. — Только...

— Только что, друид? — спросил Олаф.

— Ничего. Ничего. Спокойной ночи, король Дублина. — Бормоча что-то, Мергвин покинул Олафа и поспешил в постель.

Олаф остался еще на несколько минут на воздухе, вдыхая свежий запах земли и лета, который казался еще слаще от победы и от того, что обещал завтрашний день. Ниалл уедет в Улстер; они с Аэдом повернут на юг и разъедутся по домам.

Он нырнул в палатку, лег на кровать и крепко заснул.

Мергвин же спал плохо. В волнении он беспокойно метался, понимая, что тени все еще мечутся по луне.

Пока Олафа не было, наступали такие моменты, когда Эрин отказывалась верить, что стала его женой, считала, что ей приснилось все, что было между ними. Тогда Эрин уезжала на обрыв, смотрела на море и пыталась вспомнить черты его лица, нежную улыбку, возбуждение и восхищение, сверкающие в его глазах. Она пыталась воскресить в памяти тот день, когда он рассказывал норвежские легенды, и ей нравилось мечтать, что он что-то к ней питает в своем сердце.

Но большую часть времени Эрин размышляла здраво. Она была его женой, и хотя законы Брегона защищают женщин от посягательств мужчин на их свободу, Олаф не придерживался ирландских законов, если они были неудобны для него. В его глазах она была его собственностью, и как личную собственность он будет охранять ее, заботиться о ней и защищать. Он будет ревниво следить за ней, и она понимала, что ее жизнь может легко повернуть на другую дорогу. Если она примет его правила, он проследит, чтобы ее уважали, как и обещал ее отцу. Но если она переступит черту... Она не знала, как далеко может зайти его гнев, знала только, что он способен действовать бесстрастно и безжалостно. Если хотел, он скрывался за холодной синей сталью своих глаз и судил обо всем беспощадно.

Беде вернулась в монастырь через день после отъезда мужчин, и Эрин сильно скучала по своей сестре. Сначала она подумала, не чувствует ли она себя все еще чужой в норвежском городе, но Мойра всегда была рядом, когда Эрин нуждалась в ней, и хотя большая зала казалась очень тихой с тех пор, как все воины, норвежские и ирландские, уехали, ужин всегда был торжественным с немногочисленной стражей, которая осталась. Сигурд хорошо управлял дворцом, и Эрин нечего было бояться в своем собственном доме.

Более месяца прошло с отъезда войска, когда Эрин кое-что обнаружила. Сначала она была поражена, а потом смирилась, чувствуя одновременно и возбуждение, и беспокойство.

Она была беременна, и с каждым днем уверенность в этом крепла. Ее тошнило по утрам, а к вечеру она чувствовала себя обессиленной.

Лежа ночью в постели, она пыталась понять, что это для нее значит, и долго размышляла. Викинг... Она носит ребенка от викинга. Не важно, как у нее в сознании возникли эти слова, это ничего не значило. Ребенок, которого она носила, был его, Волка. Ребенок, который будет выше всех мужчин, как и его отец, сильным и красивым.

«Обрадуется ли он? — думала она. — Все ли мужчины хотят детей? Или он потерял это желание вместе с потерей Гренилде?»

Эти размышления и волнения могли довести ее до сумасшествия, но временами Эрин заставляла себя думать, что никогда не встречалась с викингами. Каждое утро она объезжала границы города и скакала по утесу над морем, как будто была снова девочкой, и ее не заботило ничто, кроме вольного времяпрепровождения; только Сигурд, как она заметила, всегда скакал за ней.

Однажды утром Эрин была поражена, увидев женщину на скалах. Странная дрожь потрясла ее, так как женщина стояла как раз на том месте, где и она, когда Олаф подъехал к ней за день перед отъездом.

Сердце Эрин глухо забилося, потом замерло. Она напрягла зрение, борясь с ветром и солеными брызгами. Это была Мэгин, и она стояла слишком близко к обрыву...

Недолго думая, Эрин пришпорила кобылу и поскакала. Мэгин не обернулась на цокот

копыт, даже когда Эрин спешила и подошла к ней. Эрин вдруг поняла, что ее бывшая противница не видит и не слышит ее, она была в трансе и смотрела вниз с зубчатой скалы на море.

— Мэгин, — окликнула ее Эрин, поколебавшись.

Бледная женщина не ответила, она сделала еще один шаг к обрыву. Инстинктивно Эрин бросилась к ней, и они обе покатались в сторону от опасного края.

Мэгин, наконец, пришла в себя и встретилась с тревожным взглядом Эрин. Эрин уселась около, продолжая держать ее за запястье. Глаза Мэгин не выражали благодарности.

— Почему ты остановила меня? — спросила она тихо.

— Ты могла убить себя, — воскликнула Эрин. Она заметила, что прекрасные волосы Мэгин потеряли свой блеск, а некогда пышное тело истощилось. Ее лицо тоже сильно изменилось. Глаза, бывшие когда-то наглыми, вызывающими и смеющимися, стали пустыми и страдающими, как у раненого животного.

— Так лучше, — сказала Мэгин вяло. Она на мгновение закрыла глаза. — Ты всегда выигрываешь, не так ли, Эрин из Тары? Это твоя победа. Тебе и золото, и драгоценные камни, и корона, и стоило тебе сказать только одно слово, и я стала ничем. Даже шлюхи, нищие и воры отвернулись от меня.

— Что? — прошептала Эрин слабо.

Мэгин не успела ответить, так как послышался стук копыт приближающейся лошади. Сигурд, как сторожевая собака, следовал за Эрин.

— Эрин! Ты должна сойти с утеса!

Сигурд был взволнован, он спешил и подошел к ней.

— Я позабочусь об этом. Знаешь ли ты, как ты близко подошла к обрыву, моя леди? Олаф рассердится на нас обоих...

Эрин отклонила руку Сигурда, протянутую, чтобы помочь ей подняться. Она не обращала внимания, что гигант викинг кричал, почти кричал на нее в присутствии Мэгин.

— Оставь меня, Сигурд. Я не буду подходить близко к краю. Я и сама позабочусь об этом. Сигурд поколебался, нахмурившись.

— Только несколько минут, Эрин. Я буду ждать тебя около рощи.

Он вскочил на лошадь и поскакал, оглядываясь на нее. Эрин посмотрела вслед ему с раздражением, затем повернулась к Мэгин.

— Я никогда не желала твоей смерти, — сказала она, — я не хотела навредить тебе... только... — Эрин заколебалась, глядя на лицо, выражавшее отчаяние. — Мэгин, ты должна понять, что я пришла сюда не по своей воле. Я потеряла всякое уважение к себе и свободу.

Мэгин закрыла снова глаза и беззвучно засмеялась.

— Моя леди, если бы я была на твоём месте, я бы вырвала себе волосы и глаза, но не из-за неуважения. Ты понимаешь, я люблю Олафа.

Ее глаза открылись и устремились на Эрин. Она снова тихо заговорила.

— Желая тебе, моя леди, не полюбить тоже помимо своей воли.

Эрин моргнула и не обратила внимания на ее слова.

— Мой лорд Олаф — не тот мужчина, которого томят подобные чувства. Он никого не любит.

Рука Мэгин поднялась с земли и опять упала.

— Ты не понимаешь, моя леди. Я была изгнана из большой залы. Купцы не продают мне ничего. Воины избегают мой дом. Нет человека в городе, который бы кивал мне при встрече.

Эрин встала и протянула руку Мэгин. Женщина посмотрела на руку, потом перевела глаза на Эрин, колеблясь.

— Возьми мою руку, пожалуйста, Мэгин, — промолвила тихо Эрин. — Ты подсказала мне, что можно использовать мое положение. Я должна занять свое место, — сказала Эрин, печально улыбаясь. — Я была силой отдана замуж, но я все же не могу предоставить тебе ни частицы своего мужа. Но я знаю, что я не жестока, и мне очень тяжело сознавать, что по моей вине ты могла лишиться того, что действительно имеет цену и принадлежит тебе — жизни. Если ты хочешь иметь друга в городе, ты приобрела его. Это я. И ты придешь в большую залу этим вечером, и все узнают, что тебя здесь уважают.

Мэгин медленно приняла руку Эрин, все еще глядя на принцессу недоверчиво. Она встала и, наконец, улыбнулась.

— Спасибо, моя леди.

— Скажи, Мэгин... — Эрин в замешательстве остановилась. — Умеешь ли ты что-нибудь еще, кроме... я имею в виду, есть ли у тебя какие-нибудь способности?

Мэгин тихо рассмеялась, и Эрин была рада, что живость и смех снова вернулись к ней.

— Ты спрашиваешь, могу ли я быть кем-нибудь, кроме блудницы, моя леди? Да. Я готовлю, шью и веду хозяйство так же, как и другие. Давно уже я узнала, что мужчины непостоянны, быстро отворачивают голову в сторону и ищут другую. Кажется, более мудро и благоприятно — быть женщиной, которой побаиваются мужчины, а не тем бедным созданием, которое они забывают и заставляют штопать, чистить, прислуживать себе.

Эрин пожала плечами. Чувства Мэгин не слишком отличались от ее собственных, разве что они приняли другое направление.

— Не все мужчины такие, Мэгин, — сказала она тихо. — Мой отец никогда не изменял матери. Но это не то, о чем я хотела сказать тебе. Мойра из Клоннтайрта ждет ребенка. Ты не могла бы позаботиться о ней? Она добрая и нежная и не будет тебя осуждать.

Мэгин опустила глаза, дрожа.

— Да, моя леди. Я буду рада позаботиться о Мойре и о ее ребенке.

— Тогда решено, — прошептала Эрин, — надо возвращаться, так как ветер усиливается и становится холодно.

— Поезжай. Я приду следом.

— Нет, ты можешь сесть впереди Сигурда. Он отвезет тебя к Мойре.

Эрин решительно повернулась, натянула поводья лошади и махнула Сигурду. Мэгин остановила ее, положив руку на плечо.

— Эрин из Тары, я сердечно благодарю тебя. Ты предложила мне дружбу, и вот что я тебе скажу: я была простой блудницей, но в ответ тебе я предлагаю преданность и, если понадобится, жизнь, которую ты спасла.

Эрин покраснела.

— Я только стремлюсь искупить вину за те страдания, которые тебе пришлось вынести из-за меня.

— Нет, ты сделала гораздо больше. — — Мэгин поколебалась минуту, потом продолжила:

— Ты должна позаботиться и о себе. Первого ребенка зачастую тяжело вынашивать.

Эрин нервно посмотрела на свою кобылу и похлопала по ее гладкой шее.

— Уже так заметно? — спросила она хрипло.

— Нет, — ответила Мэгин, ее глаза светились мудростью, — но я вижу это, как и то,

что ты тоже подпала под чары Волка. Следи хорошо за ребенком, Эрин, это свяжет вас сильнее.

Эрин ничего не сказала, так как Сигурд подъехал к ним. Она ожидала, что он опять будет сердиться, но он был спокоен и безропотно взял Мэгин на свою лошадь.

Сигурд подумал, что королева — истая дочь своего отца, такая же упрямая и мудрая, как Аэд Финнлайт.

В город пришло известие, что объединенные силы движутся на север. Эрин заверили, что с ее мужем все в порядке и отец здоров. Она также узнала, что король из Улстера в полном здравии, но о братьях и Грегори ничего не было слышно. Ей оставалось только молиться и надеяться, что датчане вскоре будут разбиты и что войска возвратятся домой.

И хотя с большим трудом верилось, что все происшедшее между нею и Олафом правда, Эрин обнаружила, что с каждым днем она все больше скучает по этому человеку, который и близок ей, и чужд. Бессонными ночами она думала о нем, водя пальцами по тому месту на кровати, где он лежал. Она думала, как он проводит эти ночи, и ее мучила мысль, что он нашел по дороге женщин, которые готовы были отдаться ему, и он брал их, и женщины касались его золотой головы, прижимались к его широким плечам, наслаждались его чарующими объятиями.

Она вставала утром изнуренной, говорила себе, что она просто глупа и горько рыдала от того, что родилась женщиной. Она отдала ему все, а он ожидал от нее верности, как должного, тогда как сам... Она не знала, что он делал «тогда как». Она только помнила, что он прикончит ее, если заподозрит измену, и ее собственный отец поддержит его. Это несправедливо. Она также знала, что он не доверяет ей, а Сигурду приказано постоянно смотреть за ней.

Эрин проводила дни с Мойрой, шила крошечные вещички для ее ребенка, но держала в тайне свое собственное положение.

Она продолжала размышлять, как Олаф воспримет это известие, и как она это ему расскажет. Когда он вернется, будет ли она для него такой же желанной, или он решит, что приручил свою дикую ирландскую жену, и больше ничего не пожелает?

Как она его встретит? Вообще-то, он должен быть ею доволен. В его отсутствие дом содержался в порядке. Сигурд подтвердит это и то, что она не делала попыток нарушить его наказания.

Была середина лета, когда ее разбудил шум и возня на внутреннем дворе. Наскоро одевшись, Эрин сбежала по лестнице и тревожно спросила, что случилось.

Сигурд, забыв все церемонии, поднял ее высоко в воздух и поцеловал в лоб.

— Все кончено, — объяснил он. — Датчане разгромлены благодаря лорду Олафу, и войска возвращаются.

Эрин почувствовала головокружение от радости, но спросила испуганно:

— Мой отец?

— Твой отец жив, — сказал Сигурд. Он встретился взглядом с юными посланцами, которые доставили ему это известие. За эти дни Сигурд полюбил взбалмошную красавицу, на которой женился их король и которую любила его жена. Он не решился рассказать ей о смерти брата до возвращения Олафа.

— О, слава Богу! — прошептала Эрин. Она взглянула на Сигурда, сверкнув изумрудными глазами. — Я должна приготовиться, мы должны устроить грандиозный пир...

— Стоп, ирландка! — рассмеялся Сигурд. — Им еще предстоит долгая дорога домой.

Еще пройдет много дней, прежде чем они вернутся.

— Все же, — прошептала она, — есть вещи, которым я должна немедленно уделить внимание.

Ее сердце больно забилося, и она ощутила покалывание в позвоночнике. Он возвращается... Он возвращается домой...

Она была взволнована и испугана. Закрыла глаза, вспоминая дикую страсть, которая вспыхнула в них в последний раз. Она вспомнила его грубые слова о том, что он сомневается, не желает ли она ему все еще смерти от датского боевого топора. Эрин опять задрожала. Независимо от того, что он чувствовал — злобу, которая таилась в его сердце, брал ли он ее нежно или бурно — он всегда тонко ощущал ее, зажигая в ней огонь, как зажигал в себе.

Был ли ребенок зачат в этот последний раз? Или в самый первый? Или когда они встретились на утесе, когда проливной дождь? Казалось, это было так давно.

Как он встретит ее, думала Эрин, и эти размышления вызывали у нее страх, но она научилась подавлять его. Он такой холодный и чужой. Его глаза сверкают льдом так же, как и огнем. Он был все же викинг-завоеватель. Всегда чужой. Но несмотря на его слова о недоверии и ее страх, она уже страстно стремилась к нему, дрожа от предчувствий, возрожденных воспоминаниями.

Однажды ночью, не в силах заснуть, Эрин соскользнула с кровати, сняла ночное платье, надела свою рубаху и побежала стремглав вниз по лестнице. Возможно, после того как она посидит перед огнем в большой зале, выпьет кружку эля, она сможет заснуть.

Но когда она шла по направлению к зале, то вдруг задержалась, услышав голос Сигурда. И хотя Эрин попыталась отключиться, его слова все же были хорошо слышны. Он разговаривал с начальником стражи Дублина, и голос был тревожным. Прижавшись к стене, которая отделяла лестницу от большой залы, Эрин осторожно, на цыпочках подошла ближе.

— Если бы мы могли убедить ирландцев из Мита присоединиться к нам, я бы не беспокоился. А наши войска малочисленны. Мы не можем отослать всех наших мужчин из города. Он останется тогда совсем незащищенным. Я не знаю, что делать. Олаф всегда настороже в бою, но он не будет ожидать нападения банды подлых изменников после отражения войска Фриггида.

Эрин не расслышала, что ответил молодой начальник.

— Клянусь кровью Одина! — вдруг прокричал Сигурд. — Я не знаю. Может, эти ирландцы не осознали, что наш король вступил в бой, чтобы помочь ирландскому королю! Или, может, их не заботит судьба их собственных королей? Но если они отказываются поехать с нами против этих бандитов, я боюсь, те легко победят Олафа и его войско.

Эрин почувствовала, что мороз пробежал по ее коже. Все это время они воевали, а теперь войска, утомленные сражениями и возвращающиеся с победой, могут попасть в западню.

Она закрыла глаза и прислонилась к стене. Ирландцы, о которых говорил Сигурд, должны ехать вместе с норвежцами! Жизнь ее отца в опасности, так же как и жизнь Грегори, и Брайса, и Лейта, такого спокойного и рассудительного, и Ниалла, заботящегося о мире и согласии, и Олафа, мужа, которого она ждала, викинга, чьего ребенка она носила, человека, с которым она снова хотела разделить постель.

Нет, она беспокоилась только об отце, Грегори, братьях...

Она с болью сглотнула, напрягаясь, чтобы услышать еще что-нибудь. Сигурд говорил,

что ирландские войска, в чьей помощи они нуждаются, были в полудне пути от берега. Бандитам требовалось на час больше. Они не получили ответа от ирландцев, кроме сообщения, что те ждут знака от Святого Патрика. Сигурд не будет знать, получит ли он это необходимое ему подкрепление, пока не вступит в бой. Если только шайку удастся вытащить из логова!

Эрин едва дышала. Она поняла, какой знак должны получить ирландцы. Женщина в золотом... Золотая Амазонка.

«Я не могу, — думала она, — я не могу начать это снова... Мне страшно».

Ее так трясло, что она схватилась за стену, чтобы не упасть. Положение почти безнадежное, если Сигурд так встревожен. Самоуверенный бесстрашный вождь напуган. «Я не могу», — подумала Эрин снова. Она осела у стены, вспоминая отца, каким она его видела в последний раз. Тогда она думала, что никогда не простит его. Теперь, если он умрет, она себе никогда этого не простит.

Эрин услышала стук стульев в большой зале. Она повернулась, взлетела вверх по лестнице и скользнула обратно в свою комнату, прислонилась к тяжелой двери, тяжело дыша. «О, Грегори! — думала она. — Ты был не прав. Золотая Амазонка снова должна появиться».

Эрин начала составлять план, бегая по комнате со сжатыми кулаками. Она прокрадется с приходом ночи. Сигурд, ее сторожевой пес, не заметит ее отсутствия. Она проследит, чтобы он как следует напился, потом он уединится со своей женой, а утром должен будет готовить свои войска. К тому времени как норвежцы придут, Золотая Амазонка организует с ирландцами засаду для бандитов. Потом придет Сигурд, и она сможет вернуться. Не улыбнется ли удача ей и Сигурду?

«Мергвин!» — подумала Эрин. Если бы она могла увидеться со своим старым другом. Он мог посоветовать, предостеречь ее... Она прекратила хождение по комнате. Руны. Она могла подбросить руны и попытаться узнать, подстерегает ли Олафа опасность. Ее муж, как ей было известно, недоверчиво относился к оракулам. Но как предводитель викингов, он хранил руны, так как многие его люди не сдвинутся с места без предсказаний камешков с выгравированными на них знаками.

Она подошла к сумке. Один камень, говорил ей Мергвин, Даст ответ. Но прочитает ли она значение камня правильно?

Эрин залезла в сумку из кошачьей шкуры и вытащила один камень с пересекающимися неровными зарубками. Она зажмурилась. Это была руна страданий, которую норвежцы называли Науд. Она отбросила камень, пытаясь Убедить себя, что она, как и Олаф, не верит в оракулов.

«Моя судьба в моих руках!» — прошептала она громко, но опять ее охватил страх. Олаф может попасть в засаду; она должна ехать.

«Меня бьет дрожь при мысли о том, что я могу повлиять на ход событий», — прошептала она. Решение было принято.

Эрин успокоилась, и ей все вдруг показалось справедливо. Так невыносимо трудно быть женщиной, используемой в качестве предмета обмена, которую взял в жены мужчина, но не любил ее. Быть униженной его превосходящей силой.

И хотя она поняла, что любит бронзового гиганта, она могла только бранить судьбу за то, что она не дала ей сил, и молиться, чтобы он не разгадал ее чувств, так как это даст ему возможность узнать ее слабую сторону.

Следовало радоваться, что она опять превратится в Золотую Амазонку, почувствует себя хотя бы на мгновение сильной. Но также ей придется еще раз столкнуться со смертью и разрухой, вспомнила она.

Ждать помощи было неоткуда, и Эрин заставляла себя не думать о страхе.

Она слегка улыбнулась. Если все обернется хорошо, то, может быть, скажет Олафу, что это она-знаменитая ирландская Амазонка.

Потом ее улыбка исчезла. Нет, она никогда не скажет ему. Как и ее отец, он не будет обрадован. Напротив, он разозлится, что она рисковала его ребенком — если, конечно, он хочет этого ребенка.

Она чуть не зарыдала. Он должен хотеть своего ребенка, потому что она так сильно хочет его! Ее рука, как бы защищая, опустилась на низ живота. Мальчик с золотыми волосами и сверкающими синими глазами, норвежский гигант, однако внутри он-ирландец. Ирландский детеныш Волка. И она сможет любить его с полной силой, чего боялась допустить по отношению к его отцу. Ее ребенок-о Боже, она рискует ребенком! А она так хочет его...

Нет! Риск минимальный-и необходимый. Она будет осторожна.

«Я боюсь», — прошептала она громко.

Но она напомнила себе, что ее сородичи, которые находятся здесь, скорее умрут, чем позволят разрушить союз, созданный ее отцом и ее мужем. Союз, который сначала сделал ее пленницей Волка, а потом пленницей собственного сердца.

— Мы нападём на рассвете! — говорил Фриггид своему сброду. Они были оборванные и грязные, настоящие хищники, а не люди. Жалкие остатки его собственного войска и шайки, с которой они соединились — датчане, ирландцы и норвежцы, не поддерживающие королей и верящие только самим себе. Стервятники на земле. Но отлично подходящие для его плана. Они жестоко бьются за все, что можно присвоить.

— Волк стоит лагерем на береговой линии около скал. Мы сразим его неожиданностью.

Фриггид повернулся, посмотрел на дорогу, поглаживая грязные остатки бороды и засовывая ее концы под пояс. К нему подошел один из ирландцев с подобострастной улыбкой, обнажившей ряды разбитых грязных зубов.

— Хочешь совет, датский вождь? — спросил мужчина.

— Я всегда рад советам. Говори.

— В лесу я выследил женщину верхом на коне в золотом облачении. Я жажду отомстить ей, так как она повела войска против датского войска, с которым я был два года назад. Ирландцы называют ее Золотой Амазонкой. Она может привести войско короля Мита. Мы должны остановить ее и, возможно, использовать. Если она поверит, что мы ирландцы...

Фриггид ухмыльнулся.

— ...мы позволим этой прославленной ирландке повести нас на Волка, и союз будет нарушен.

Фриггид засмеялся. Что ж! Это будет неплохо и для норвежцев, и для ненадежных ирландцев.

Он повернулся и прокричал:

— Снимите все, что выдает в вас викингов! Если вы не говорите по-ирландски, не открывайте рта. Мы ждем леди в золотом!

Эрин хорошо сознавала, что затеяла опасную игру. Она продержала Сигурда и Мойру подольше за столом, притворяясь, что пьет вместе с ними, провозглашая тосты за Доблестных королей Дублина и Тары. Она поднялась вверх по лестнице, спотыкаясь и зевая, и так хорошо сыграла, то Мойра, улыбаясь, настояла, чтобы Сигурд отнес ее в спальню на руках.

Затем она выждала время.

Среди вещей, наскоро упакованных в сундуки, которые она взяла с собой давным-давно, когда и предположить не могла, что ее отец будет запросто трапезничать с норвежцами, она отыскала искусно сделанное золотое снаряжение, шлем и забрало, завернула все это тщательно в меха и бесшумно выскользнула из комнаты.

У нее не было времени оседлать лошадь, так как она боялась, что ее услышат. Она просунула узду в рот большого гнедого мерина и накрыла себя огромным шерстяным плащом, чтобы проследовать мимо стражи в воротах под видом разносчика.

Опасаясь, чтобы ее не раскрыли, Эрин поскакала сначала в маленькую деревушку на холме. Там она предложила сонному фермеру золотой браслет в обмен на лошадь, которую она обязалась вскоре вернуть, и обещание забыть, что она здесь была.

И когда она поскакала по полям и тропам к дороге, ведущей к берегу, страх опять сковал ее. Сможет ли она на этот раз справиться с ним?

Эрин выпрямилась. Никто не подозревает, что она Золотая Амазонка. Она никогда не

сражалась около Дублина во времена своих подвигов. Но что, если ее принудят открыться, когда она присоединит свои силы к Олафу?

У нее застучали зубы. Одно — мечтать о встрече с супругом на равных и совсем другое — принять на себя гнев, который последует, когда он увидит ее при свете дня. Нет, что бы ни случилось, она встретит его с высоко поднятой головой. Но потом она начала беспокоиться, что ее затея привлечь захватчиков может не удастся. Возможно, они уже слышали о ее приближении. Нет! Это было невероятно! Эти бандиты были вне закона, а Золотая Амазонка уже давно не появлялась и не поднимала своего меча, который лежал нетронутым среди ее вещей.

С наступлением рассвета она стала нервничать, однако продолжала свое опасное путешествие на север, прислушиваясь к шороху каждого листика, каждого дуновения ветра. Когда на небе появились розовые полосы и темный цвет побледнел до серого, утреннего, она увидела впереди явные признаки лагеря: дым от затухающего костра, поломанные ветки в лесу, резкие отпечатки копыт в грязи.

Она не намеревалась подходить слишком близко к людям из Мита. Она только позволит им увидеть себя, потом поскачет вперед, найдет лагерь бандитов. Но, прежде чем она сделает это, она убедится, что эти люди — ирландцы.

Спешившись, она поползла по земле так осторожно, что ни одна веточка не шелохнулась. Когда небо окрасилось в золотой и розовый цвет, ей стало легче дышать. Эти люди в самом деле были ирландцы. Только ирландцы сражались в кожаных нагрудниках и оставляли оружие перед дымящимся огнем. Вероятно, бандиты, о которых говорил Сигурд, были скандинавы, датчане, возможно, небольшое число предателей-ирландцев и норвежцев.

Эрин заспешила обратно к своей лошади, нашла маленький альков в листве и отдохнула, так как дожидалась наступления дня. Теперь пора. Она надела золотой шлем, опустила забрало, вскочила на лошадь и поскакала через лагерь.

Грузный воин поскакал к ней и быстро объяснил, где располагаются бандиты. Эрин кивнула, подождала, пока ирландский отряд оседлает лошадей, и опять поскакала на север, ведя за собой войска.

Они скакали, пока солнце не появилось на небе, распространяя в воздухе золотое тепло. Прежде чем они подъехали ко второму лагерю, Эрин начала понимать своего отца, как никогда прежде.

Это была страна, которую он любил. Роскошная и зеленая в летнем облачении, с распустившимися деревьями и растениями, со свежим трепещущим воздухом. Это была их земля, земля-красавица. Этот изумруд холмов и полей, изменчивое небо и море, и раскрывшиеся цветы. Это была страна их грез...

Она была так погружена в свои раздумья, внимая утренним крикам птиц, блеску высыхающих росинок на траве, что чуть не наткнулась на бандитский лагерь. Он был на востоке от дороги, на берегу среди скал, что было удобно для ее плана. Глубокие пещеры и галька образовывали бухту-лучшего места, чтобы укрыть ирландские войска трудно было найти.

Она двинулась к следовавшим за ней войскам, указывая им на лагерь и подавая им знаки передвигаться маленькими группами. Лошади были оставлены, и люди поползли на животах, пока не добрались до убежища в скалах. Она осталась лежать на неровном камне, чувствуя, что дышит с трудом; ей было жарко от песка и гальки.

С вершины скалы она заметила, что лагерь был значительно больше, чем она ожидала.

Она со страхом ждала битвы и желала страстно, чтобы солнце не слепило ей глаза. Было трудно смотреть, оценить врага.

Она глубоко вздохнула, пытаясь побороть волну ужаса, которая вызывала тошноту, отчаянно сожалея о том, что она отправилась в это утреннее путешествие. Но было слишком поздно для проявления малодушия. Ирландцы окружили ее; ирландцы готовы сражаться, готовы умереть.

Она встала, взмахнув мечом, и увидела, что вокруг лагеря забежали люди, заметив ее фигуру в золотом на скале. Реакция была обычная. Они были озадачены: они показывали на нее друг другу. Потом они закричали, схватили оружие и побежали к скалам.

Она прижалась к земле, упав на тяжелые грязные камни, ее сердце бешено билось. Теперь наступило время уходить. Но прежде чем она смогла сползти по камням вниз, она поняла, что что-то не так.

Враг не бросался слепо в атаку, кто-то кричал, что это ловушка; скалу осторожно окружили, но не нападали. Потом до нее донеслось лязганье стали. Сражение началось.

Она должна уйти со скалы. Это самоубийство, позволить окружить себя здесь. Ее охватила дрожь, она старалась как можно лучше рассмотреть то, что происходило ниже. Вой, лязганье стали и грохот раздавались с востока. Она могла только предполагать, что ирландцы отступают, ищут лошадей и пытаются скрыться в летнем свежем лесу.

Она видела песок под ногами и сделала отчаянный прыжок, крепко сжимая меч. Но прежде чем она побежала, она увидела, что ей все же суждено столкнуться с противником.

Она слишком давно не держала в руках меч. Слишком давно, подумала она с запоздавшим сожалением. Одетый в сталь человек, появившийся сзади нее, был огромный. «Вес, — заметила она себе. — Подумай о его весе. Ты можешь только убежать».

В безрассудстве она отражала удары высокого и тяжелого воина. Только безумная отвага заставляла ее двигаться, уворачиваться, нырять, прыгать, отражать удары и самой ударять. Одно лишь безрассудство заставляло ее вовлекать воина в борьбу, отойти к расщелине в скале, прежде чем он спрятал свой меч. Все, в чем она нуждалась, был один момент, достаточный для того, чтобы убежать. Подняв глаза, она обнаружила, что стоит напротив другого воина, и ее как будто ударила молния, потому что человек, на которого она смотрела, был ее мужем.

Стальные холодные глаза Норвежского Волка сверлили ее, и, обдавая морозом, и опаливая ее душу. Только тогда, в ту секунду, когда она в страхе обернулась, она поняла, что совершила ужасную ошибку.

Люди, которых она вела, были бандиты, ирландцы. Не датчане, не скандинавы. Не захватчики, а предатели своей земли, предатели союза, который заключил ее отец. Союза Ард-Рига Ирландии и Норвежского Волка. Она примкнула к предателям и повела их на собственного мужа.

Она думала до этого, что видела его в страшном гневе, но ничто из того, что она знала о нем, как о мужчине, не шло ни в какое сравнение с Олафом-воином.

Синяя сталь его глаз гармонировала с высоким мускулистым телом. Синяя сталь была и в его руках — они бесстрастно сжимали меч с эмблемой Волка, выгравированной на рукоятке. Сталь была в самом воздухе вокруг него, в золотом свечении трепета и напряжения, исходившем от него.

Он склонил свою голову.

— Ты сражалась похвально, леди, но до этого были одни игрушки. Теперь ты

познакомишься с моим мечом.

У Эрин не было времени горевать по поводу своей дурацкой выходки, обернувшейся трагедией; она была вынуждена поднять меч для защиты. Он был прав: до этого она просто играла в игры. Независимо от того, как она уклонялась и изворачивалась, он был рядом, и каждый удар его стали был более чем сокрушительный. Он был ловок, гибок, хитер, и она мечтала только остаться в живых.

Смутно она заметила, что на них смотрят викинги, но это ничего не предвещало. Если кто-нибудь делал движение по направлению к ним, Олаф останавливал его, говоря, что это его битва, и он должен сражаться один. Потом она поняла, что он хочет убить ее.

Но даже это не имело значения, так как ничего нельзя было сделать. Она действовала так, как велел ей инстинкт, и даже когда силы были на исходе, она билась, как попавшая в ловушку крыса, желая только выжить или продлить свою жизнь насколько возможно. Даже когда она упала на колени от его страшного удара, она хотела отбиться. И когда ее меч взлетел высоко и упал в сторону после его следующего взмаха, она отказывалась понимать, что все потеряно. Растянувшись в грязи, ощущая острие меча, приставленное к ее горлу, она закрыла глаза и поняла, что уже слишком поздно просить пощады, слишком поздно, осталось только последний раз взглянуть на солнце и последний раз вдохнуть соленый летний воздух.

— О Боже, нет!

Это кричал Грегори. Он вопил, он прилагал все усилия, чтобы остановить Олафа.

— Нет — ты не можешь...

Олаф заговорил холодным и бесстрастным тоном, не допускающим возражений:

— Успокойся и возвращайся в лагерь. Я не собираюсь убивать ее. Все уходите.

— Но... — Это был Грегори, дорогой Грегори. Грегори, который знал, что Олаф мог прикончить собственную жену; Грегори, который испытывал непреодолимую мучительную потребность защитить, заслонить ее.

— Иди! — прорычал Волк гневно. — Я сказал тебе, она не умрет. А теперь оставьте меня.

Эрин приоткрыла глаза. Все подчинилось приказу. Только Грегори-с лицом, искаженным болью, все еще колебался. Меч Олафа по-прежнему был приставлен к шее Эрин. Она вдруг ясно ощутила твердую землю под спиной, песчинки, которые впились в ее тело, жгучее солнце, суровую, холодную суровость золотого гиганта, нависшего над ее распростертым телом.

— Олаф... — взмолился опять Грегори.

— Я никогда не собирался убить мою жену, — отрезал Олаф с таким ужасающим презрением, что Эрин почувствовала себя парализованной.

— Ты... ты знаешь?.. — выдохнул Грегори. Кончик меча отодвинулся от ее шеи.

— Скажи мне, Грегори, если уж ты так хочешь остаться, — продолжил Олаф с мертвенно-холодным спокойствием, — что вы, ирландцы, делаете с предателями? Я думаю, что даже сам Аэд, если его спросить об этом, согласится, что смерть — достойное наказание. — Он посмотрел вниз. — Поднимайся, Эрин.

Прошло бесчисленное количество секунд, а она не могла двинуться. Он наклонился, и она глупо подумала, что он собирается помочь ей, но он просто небрежно смахнул шлем с ее головы, вырвав прядь волос.

Слезы навернулись у нее на глазах, и со слезами вернулось желание жить. Она встала,

собрав крупинки достоинства, все, что осталось в ней, и попыталась отчаянно объясниться.

— Я не собиралась нападать на вас. Я думала привести ирландцев для борьбы с бандитами, которые хотели устроить вам засаду...

Его рука дернулась, чтобы схватить ее за волосы, его жестокие пальцы запутались в шелковых эбеновых завитках.

— Замолчи! — приказал он грубо. Он повернулся к Грегори, опять приняв спокойный вид. Единственным проявлением его страшного гнева была сильная хватка, которой он держал волосы Эрин на затылке и этим причинял ей боль. — Это, мой друг, самый хитрый враг мужчин. Женщина. Она прекрасна, не так ли, Грегори, твоя кузина? Ее глаза могут растопить арктический лед, ее волосы подобны прекрасному шелку, ее лицо как чистейший мрамор, ее формы совершенны, как у богини. Она может улыбаться, и ее губы тогда похожи на лепестки летней розы, но в то время как она улыбается, она строит планы твоего убийства. И теперь, бедняга, она попала. И что же? Конечно, она изобразит невинность, и ты поверишь ей, очарованный сладкой прелестью ее женской красоты...

— Олаф! — пронзительно закричала Эрин. — Я не... я не собиралась идти против...

Она осеклась, так как вскрикнула от боли, которую он причинил ей, грубо дернув за волосы, вызывая прилив теплых слез.

— Я однажды обещал тебе, моя жена, — проскрежетал он, — что если ты еще раз доставишь мне беспокойство, то за этим последует ответ. Я всегда выполняю свои обещания.

Глядя на нее ледяными глазами, Олаф отклонил назад голову и громко свистнул. Через секунду два норвежца обогнули скалы и остановились, ожидая, в пятидесяти шагах от них, ведя могучего черного жеребца Олафа. Рукой он приказал людям не подходить ближе, чтобы они не увидели Эрин. Жеребец подошел к Олафу один. И тут Эрин все поняла. Огромное животное подошло к хозяину, тот отвязал от седла железные кандалы, висевшие на пеньковых веревках. Он намеревался вести ее за собой, как это сделала она в тот первый день, когда они встретились. У нее не было сил и стойкости, и ее тело вовсе не было грубым и мозолистым, подходящим для такого испытания.

— Ты не можешь, — начал Грегори, но Эрин прервала его, подхватывая испуганно и униженно.

— Олаф, пожалуйста! Я умоляю тебя, я твоя жена! Он улыбнулся, и она еще не видела более холодной улыбки в своей жизни, эта улыбка резала по живому. За его негодованием она не могла разглядеть глубочайшие мучения, терзавшие его.

— Поэтому-то ты и жива.

— Если ты только выслушаешь... — взмолилась Эрин.

— Выслушать! — заорал Олаф. — Мне не надо слушать, когда я все вижу. Ты узнаешь цену жизни сегодня, принцесса. Люди, которые боролись за Улстер для твоего брата, умерли из-за твоего предательства.

Он схватил ее руки, увидев ужас в ее глазах и зная, что она может инстинктивно попытаться вырваться, и быстро застегнул наручники.

— Нет, — выдохнула Эрин, пытаясь укунить его.

Его рука опять схватила ее за волосы, крепко сжала, потом вдруг освободила ее, толкнув к Грегори. Он словно был напуган своим собственным гневом.

— Отдай ей забрало.

Грегори сделал последнюю храбрую отчаянную попытку спасти Эрин, он вертел в руках шлем и забрало, собираясь отдать их Эрин.

— Олаф! Накажи меня за нее!

. Олаф бесстрастно оседлал своего жеребца, его золотые брови высоко поднялись, его глаза были бесчувственно холодны.

— Сожалею. Эрин и я до этого шли по одной дороге. Она по-прежнему думает, что будет жить по своим собственным законам. Ей надо внушить, что я не бросаю слов на ветер, и я не хочу, чтобы моя жена угрожала мне каждый раз, когда я повернусь к ней спиной. Возвращайся в лагерь, Грегори. Если ты не сделаешь это по своей воле, я пришлю стражу помочь тебе.

Сквозь слезы Эрин видела отчаяние Грегори. Она сделала ему знак, чтобы он уходил, давая понять, что будет лучше, если за все ответит она одна., — Иди, Грегори, — прошептала она.

— Я не могу.

— Ты должен.

Эрин видела, как се кузен повернулся и, пошатываясь, побрел по скалам. Ее глаза следили за его неровной походкой, потом она обернулась к золотому Олафу, охваченному ледяной яростью, возвышающемуся над ней. Его своенравный жеребец бил копытами, когда он потянул за веревку, привязанную к наручникам на ее запястьях.

— Это справедливо, принцесса — отрезал Олаф. — Даже у ручья я не сделал тебе ничего плохого, жена, и с тех пор, как ты вошла в мой дом, я не отвечал тебе таким же злобным взглядом. Довольно, принцесса. Теперь этому положен конец. Тебе воздадут по заслугам, и с этого дня это будет твоя судьба.

— Ты не выслу...

Она не смогла закончить. Его губы крепко сжались, и он вонзил пятки в бока жеребца. Лошадь двинулась, и Эрин начала задыхаться, так как была вынуждена бежать, чтобы не упасть. Несколько минут она пыталась приноровиться к бегу лошади по неровной поверхности под ногами. Она посмотрела, куда он ведет ее, и споткнулась, в ужасе закрыв глаза. Они двигались к лагерю.

Люди были заняты различными делами — седлали лошадей, собирали вещи, заботились о мертвых. Они замер-Ли при виде ее. Ирландцы смотрели на нее с недоверием и с печалью, потому что она предала их, норвежские лица были злые.

Ни один человек не сдвинулся с места — ни ирландцы иные из которых жалели женщину, некогда скакавшую вместе с ними и почитаемую, как богиня, ни норвежцы, чьи сомкнутые губы и свирепые взгляды говорили, что с нее надо содрать кожу заживо, а не наказывать и не унижать перед ними. Она желала провалиться под землю, чтобы не слышать, как зло посмеиваются над ней воины, которых она так хорошо знала, кроме того, это унижение не шло ни в какое сравнение с болью от осознания того, к чему привела ее безрассудная выходка. Олаф со злостью тянул ее вокруг лагеря, мимо людей, которые были убиты. Даже если ей суждено прожить больше века, она никогда не забудет остекленевших лиц этих мертвых людей.

Наконец пытка закончилась, Олаф развернул жеребца, дернув ее резко.

— Мы возвращаемся в Дублин! — крикнул он. — Я поведу мою пленницу впереди.

Решение Олафа, воина и короля, никогда не оспаривалось, его авторитет был непререкаем. Его люди вернулись к своим делам, готовые следовать позади на такой дистанции, на какой будет приказано.

Был только один человек, который нарушил его приказ. Брайс Мак-Аэд, который все

еще скакал рядом со своим зятем, был ранен в грудь во время схватки. Его рану перевязывали, когда Золотая Амазонка в первый раз прошла по лагерю, и когда он наконец увидел ее, он онемел от изумления.

Когда Волк двинулся вперед, его тело вновь наполнилось жизненной силой. Не думая больше о своей ране, он напряг свои мускулы и стремительно помчался по лагерю. Эрин! Он потерял Лейта и теперь снова был охвачен отчаянием, когда увидел, что взбешенный викинг уводит его сестру.

Он почти достиг главного костра, но был сражен быстрым ударом в ноги и повалился на землю. Готовый к борьбе, он немедленно обернулся и увидел Грегори.

— Уйди, Грегори! Ты что, с ума сошел? Это Эрин...

— Тихо! — взмолился Грегори, сплевывая песок с губ, когда он и Брайс поднялись на ноги. Он вцепился в плечи своего кузена, который был старше и сильнее его, и встряхнул его отчаянно. — Слушай меня, Брайс. Слушай меня хорошенько. Он знает, что это Эрин. И он не собирается убивать ее. Но она выступила против него, Брайс. Ни один закон ни в одной стране не будет отрицать, что ей полагается возмездие. Почему она сделала это — я не знаю. Но он действительно защищает ее. Если бы он действовал по-другому, все окрестили бы его трусом, и все обернулось бы еще хуже. Они бы содрали с нее кожу и избили до полусмерти, уж они бы проявили свое великодушие. Эрин должна сама разрешить эту проблему, Брайс. Если мы вмешаемся, это повлечет несчастье. Мы должны ждать. Мы должны посмотреть, как она поведет себя в Дублине.

Огонь безрассудного страха и испуга понемногу исчез из глаз Брайса, и его широкие плечи устало опустились.

— Она моя сестра, Грегори, — сказал он мрачно. — Как я могу...

— Ты должен позволить им уйти и поверить в мужчину, рядом с которым мы сражались так долго. Он странный человек, этот викинг, которого мы зовем братом. Сильный, но не беспощадный, непреклонный, но не жестокий. Эрин гораздо лучше поможет себе сама.

«Почему она пошла против него?» — мучительно думал Брайс. Он не мог осуждать Олафа, но не мог не думать о том, что обрушится на его сестру. Он подождет возвращения в Дублин. Но если Эрин плохо себя покажет, он наперекор всему прикажет убрать ее.

Олаф не переставал натягивать поводья. В противном случае Эрин сразу бы упала, и ее протащило бы по земле. Но он и не сбавил темпа. Она задыхалась, пока они не остановились около скал и добрались до дороги. Он не смотрел в ее сторону, пока они не вышли на дорогу. Тут он остановился и повернулся, чтобы взглянуть на нее.

— Олаф! — выдавила Эрин, отчаянно хватая ртом воздух. — Неужели тебе недостаточно? Неужели ты не видишь, что мое сердце разрывается от страданий? Подумай, что ты делаешь! Я никогда не прощу тебя...

— Простить меня! — прогремел его голос. — Жена, никогда прежде я не слышал таких глупых речей!

Снова жеребец перешел на легкий галоп. Когда он скакал через лагерь, это было только началом, детской игрой в сравнении с тем, что ей пришлось испытать сейчас. Эрин ощущала, как жестоко он дергает ее запястья и инстинктивно напрягала свои натруженные мышцы, чтобы поспеть за животным. Каждый раз, когда ее ноги касались земли, ей казалось, что они натыкаются на мечи. Перед глазами у нее все поплыло. Удары ее сердца были как всепоглощающий гром, она дышала так шумно, что перекрывала ветер. До сих пор она удерживалась на ногах, хотя, чтобы поспеть за Олафом, должна была мчаться, наставляя

себе синяки.

Он остановился ненадолго под тенью могучего дуба. Эрин столкнулась с жеребцом и повалилась на землю. Несколько минут она приходила в себя, потом подняла глаза, одновременно и гневные и умоляющие.

— Олаф! Я не нападала на собственного отца!

— Благородный поступок, принцесса, — сказал он холодно. — Твой отец уже не со мной. Мы разделились давно, на севере. Вероятно, ты знала об этом. Если ты знала, где располагаюсь я и где находится эта шайка, ты определенно знала и то, что я один.

— Нет...

— Вставай.

— Я не могу... — Она издала вопль, когда он дернул за веревку. С большим трудом она встала на ноги, и как раз в тот момент могучие копыта жеребца застучали опять.

Черный жеребец пошел галопом. Опять все вокруг Эрин закружилось и задрожало.

— Я презираю тебя! — выкрикнула она. — Лучше бы ты убил меня...

Внезапно жеребец остановился, и резкие синие глаза опять обернулись к ней, и взгляд этот был подобен взлету холодной стали.

— Нет, принцесса, — сказал он мрачно. — Боюсь, я не убью тебя. Ты, как ты мне напомнила, моя жена. Я не намереваюсь убивать тебя и даже избивать до синяков. Я не люблю смотреть на шрамы.

Резкий холод его взгляда ворвался в ее горячее задыхающееся тело.

— Нет, — возразила она слабо, боясь его холодных глаз. Он не собирался подойти к ней, взять ее, нет. Сейчас, когда между ними встала преграда страшной ненависти. Лучше бы она упала и переломала кости под копытами лошади.

— Так или иначе, моя леди, теперь у тебя нет права голоса.

Она вскрикнула опять от боли, когда железные наручники вонзились в ее запястья и чуть не выдернули руки из суставов, когда жеребец снова двинулся. Снова галоп. Она хотела упасть, разозлить его, но продолжала бороться с ужасной болью от бешеного бега по кочкам. «Все, я больше не могу, — думала она, спотыкаясь. — Я больше не могу бежать».

Сумерки наступали с поразительной быстротой. Она не могла больше дышать. Каждая мышца в ней содрогалась в пылу агонии. Она упала.

Жеребец остановился, прежде чем веревка натянулась. Олаф спешил, но когда он тенью проплыл перед ее глазами, она не дождалась от него пощады и помощи. Она ощутила кончик лезвия у своего горла.

— Вставай, моя леди, — прошептал он. Ее губы пересохли. Она даже не могла открыть их, чтобы произнести что-нибудь.

— Ирландка, — сказал он тихо, — ты поднимешься. И с этого времени ты осознаешь боль, которую причинила другим. Я не могу убить тебя, хотя мои люди полегли сегодня, но у меня в руках стальной меч. Возможно, я был несправедлив к тебе. Если бы я отколотил тебя в нашу брачную ночь, возможно, ты бы поняла, что я не буду терпеть ненависть и предательство. Но я больше не допущу ошибки.

Она слышала его, но очень смутно, и все, о чем была в силах подумать—это то, что она никогда по-настоящему не знала его. Он ни разу не усомнился, не дал ей шанса объяснить. Она не могла стоять, она не могла даже открыть глаза и побороть тьму перед глазами. Она могла только молиться, что не унизилась еще больше, повалившись в грязь и опорожнив желудок.

— Вставай, моя леди. Я хорошо тебя знаю. Ты проворна, как кошка.

Эрин смутно заметила, что кончик меча больше не приставлен к ее горлу. Она чувствовала, как дрожала под ней земля, но еще не могла открыть глаз. «Приближается лошадь», — подумала она вяло.

— Что ты здесь делаешь, друид? — услышала Эрин гневный голос Олафа.

— Я пришел, чтобы остановить тебя, Повелитель Волков! — крикнул Мергвин, спешившись. Несчастье, которое он предчувствовал! Он увидел воочию несчастье, которое брало начало от теней на луне. Он видел, но видел недостаточно четко.

— Друид, я имею дело с предательницей, которая погубила сегодня много народу. Ирландцев и норвежцев.

— Ты должен сейчас же прекратить это! — потребовал Мергвин, подойдя к норвежскому королю.

Олаф посмотрел на него, с трудом сдерживая гнев.

— Она пошла против нас, друид. Я не могу прекратить.

Она пошла против него, желая его смерти. Долгими ночами он мечтал о ней, вспоминая ее нежную кожу, паутину эбеновых волос, отдававших голубизной на ее плечах, вспоминал, как она заманивала его в ловушку, сотканную из ее страстности, невинности и запаха. Все другие женщины померкли в сравнении с нею. Она лишила его сна, и он жаждал взглянуть в глубины ее изумрудных глаз, окутывающих его соблазном, когда он погружался в шелковую западню между ее бедер. И все это была ложь, даже когда она сделала шаг навстречу, особенно когда она сделала шаг навстречу... Обман. Ложь. Она хотела только его смерти.

— Ты не прав, ты ошибаешься...

— Двенадцать человек умерли, и они не смогут подтвердить, что я прав.

— Ну так давай, продолжай, и ты убьешь ее.

— Нет, друид, я не хочу ее смерти.

Они оба замолчали, когда Эрин тихо застонала. Мергвин смутно заметил, что норвежец резко вонзил ногти в свои ладони с такой силой, что они содрали кожу, и показалась кровь.

Мергвин заколотил кулаками в грудь Олафа и посмотрел свирепо в холодные нордические глаза властелина Дублина.

— Ты должен разрешить мне позаботиться о ней. Она беременна.

Олаф удивленно поднял дугообразные брови, потом посмотрел на друида, не скрывая подозрения, и — что было очень необычно — почувствовал себя неуверенно.

— Откуда ты знаешь, друид? Если ты так много знаешь, какого черта ты не предсказал то, что случилось этим утром? Почему ты не пощадил нас...

— Я не пророк. Я вижу только то, что мне разрешено увидеть. Но я говорю тебе, король дураков, ты убьешь своего наследника...

Эрин мало что понимала. Мир как будто кружился в водовороте. Она попыталась двинуться, ее мучила тошнота, и ей было так плохо, что она даже не чувствовала нежных касаний Мергвина, который разорвал рукав своей робы, и стал промывать ей лицо.

Вдруг Эрин почувствовала, что ее обхватили. Она захотела сопротивляться, но была бессильна. Она попыталась открыть глаза, и ее ресницы затрепетали. Она видела синее. Синее без следа нежности, синее, которое все еще осуждало. Ее глаза закрылись снова, и она ослабла в сильных руках, несших ее, как будто она весила не больше птицы.

Она то приходила в сознание, то ныряла в мир темноты. Она желала темноты. Темнота уносила боль из ее членов, избавляла от страха перед жизнью. Но темнота не приняла ее.

Ее положили под тенистым дубом, и ее глаза, наконец, открылись. Он возвышался над ней снова, на этот раз, прикасаясь к ней, его пальцы впились в ее плечи. Черты его лица были напряженными и суровыми, его бронзовую плоть плотно облегла крепкая броня, а губы жестоко сжались.

— Это правда?

Что, правда? Она не знала, о чем он говорит. Все шло кругом, даже его гневное лицо то расплывалось, то становилось четким.

Он встряхнул ее.

— Ты беременна?

Ее глаза расширились. Откуда он узнал?

— Да?

Она не могла произнести ни слова своими пересохшими губами, закрыла глаза и кивнула. Мир продолжал плыть перед ней, но боль отступила. Даже его скрипучие слова успокаивали. Мир ускользал куда-то.

Он отпустил ее. Кто-то еще был с ним. Кто-то со старыми, огрубелыми, но нежными пальцами. Кто-то прикасался к ней, заставляя ее выпить сладкий обезболивающий напиток...

Она открыла глаза. Кривая улыбка заиграла на ее губах.

— Мергвин, — выдохнула она шепотом. Он кивнул, но его взгляд, струившийся из глубоких впадин на морщинистом обветрившемся лице, был тяжелым.

Но это не имело значения. Эрин была в его руках. Она опять впала в бессознательное состояние. Откуда-то издали она услышала голос Олафа.

— Благодарю своих богов, моя леди, что ты носишь моего сына. Ты получишь передышку на пять месяцев. После этого ты будешь страшно избита за то, что рисковала жизнью, которая зародилась в тебе, моей жизнью, из-за твоего злого намерения отомстить.

Ей хотелось ударить его, обругать, выцарапать ему ногтями глаза. Но у нее не было решимости, ни сил, чтобы сказать что-нибудь в свою защиту. Зелье Мергвина связало ей язык, и она погрузилась в темноту.

Только десять выживших человек он мог назвать своими. Большинство наемников, называвших его своим вождем, стали трупами. И, тем не менее, Фриггиду Кривоногому столкновение принесло мрачную победу.

Объединенные войска ирландцев и Белого Олафа покинули скалы на берегу за несколько минут до того, как Фриггид вышел из своего убежища в пещере, чтобы посмотреть, как отбиваются войска.

Он невольно достиг большего, чем разрыва норвежско-ирландского союза, и его смех слился с топотом лошадей, отступавших в отдалении. Он натравил норвежца на его ирландскую жену. Знаменитая Золотая Амазонка была не кто иная, как супруга Волка, дочь Верховного ирландского короля.

Фриггид замолчал и задумался. Он глубоко вонзил меч в сердце Волка. Викинг убил бы любого — мужчину, женщину, незнакомца, жену, сестру — за такое предательство. Олаф обошелся со своей согрешившей женой мягко. Возможно, Волк обожает свою ненаглядную супругу больше, чем позволено истинному воину. Олаф был известен как вспыльчивый человек, способный на страшный гнев и страшную кару, которые могут иссушить любовь и преданность. Боги давно установили, что у каждого человека есть свои слабости. Фриггид теперь был уверен, что знает слабое место Волка.

Он мог подождать удобного случая, возвратиться на родину, чтобы восстановить силы, посмотреть... и подождать. И тщательно все обдумать. Он никогда не надеялся, что сможет быть равным Волку по силе. Но этот человек все равно должен быть низвергнут. Ирландскую принцессу можно использовать снова, и это даст ему преимущество.

Фриггид позаботится о том, чтобы предсмертный вой Волка прокатился эхом по земле.

Эрин очень плохо помнила, как они добрались до дома. Сцены бессвязно скользили в ее сознании. Цвет неба, лучи солнца слепили ей глаза, когда она случайно приоткрывала их и снова закрывала, находя утешение в забвении тьмы. «Меня чем-то напоили, конечно», — подумала она сквозь пелену бессознательности. Мергвин дал ей снадобье, которое могло ослабить физическую и душевную боль, благодаря известным ему секретам приготовления отваров из сушеных трав.

Она почувствовала себя совсем по-другому, когда выплыла из последнего путешествия в тьму. Ее не несли больше неловко на тяжелых грубых носилках. Она отдыхала на чем-то мягком, пахнущем чистым воздухом и ароматами летних роз. Пальцы нащупали холодные простыни, ее голова покоилась на пуховой подушке. Она подняла ресницы и увидела резную арку над кроватью. Прекрасные шелковые занавеси облегли резные столбы.

Она была дома, в своей собственной постели. Но, по правде, это была не ее постель, не ее дом. То, что она сперва так подумала, было смешно. Это был дом Волка, захватчика, короля Дублина. Просто его не было так долго, что она начала думать обо всем этом, как о своем собственном. Она спала на широкой кровати одна так много ночей, и этими ночами она вспоминала его касания, необыкновенную непреодолимую власть его тела, сладкую бурю и безмятежность, ощущаемую, когда отдаешься его страстности.

Она снова закрыла глаза. Лежа в постели, трудно было вообразить, что она когда-то убежала из Дублина, одержимая идеей. О Боже милостивый, почему она это сделала? Как могла она быть такой глупой? Было невозможно поверить, что она попросту перепутала людей. Они, казалось, ждали ее. Но почему?

Что-то произошло, потому что она не такая уж и дура. Она — дочь Аэда Финнлайта, мудрого короля, знакомого с военным искусством и хорошо разбирающегося в людях. Что-то затевалось, но Олаф никогда не поверит этому, потому что в действительности она вела группу воинов против него.

«Я не хотела ничего плохого! — слышался крик ее сердца. — Я виновата только в том, что любила и беспокоилась... Так же, как я никогда бы не пошла против собственного отца, — думала она с горечью, — я никогда не пошла бы и против Олафа».

Она поняла сейчас, как крепко и нежно она любила его, и это сознание причиняло ей огромные душевные муки. Любовь оказалась горька, как желчь. Можно быть гораздо сильнее без нее, быть способным справиться с болью, если оскорблена плоть, так как эта боль не касалась бы души. Но теперь она легко уязвима. Его простые слова причиняли ей более сильные муки, чем самый жестокий удар мечом. Он даже не слушал ее объяснения. Он уже вынес ей приговор как предательнице.

Потом вдруг Эрин поняла, что он тут, с ней, в комнате. Она не повернула головы, не открыла глаз и не слышала ни малейшего шороха. Но он был здесь и смотрел на нее. Она чувствовала северный холод устремившихся на нее глаз.

«Я попрошу, чтобы он больше не следил за мной. Он не должен знать, что имеет власть надо мной, которая крепко связывает меня, иначе все будет потеряно. Я принцесса Тары, дочь величайшего короля, который когда-либо правил Ирландией».

Она открыла глаза, повернула голову и встретилась с Олафом взглядом. Он стоял около закрытого окна, выходящего во внутренний двор. Он был полностью одет, выглядел

великолепно в малиновом и черном и казался поистине высокомерным в такой позе. Его плащ с золотой брошью колыхался слегка на его спокойных широких плечах.

Она вдруг почувствовала себя неловко, так как ее волосы были растрепаны и спутаны, а пальцы ее ног виднелись из-под прозрачного белого льняного платья, которое кто-то надел на нее.

Она села, устало глядя на него, пряча свои ноги под платьем. Эрин не любила его холодный бесстрастный взгляд. В те моменты, когда Волк был абсолютно спокоен и хладнокровен, он казался наиболее беспощадным. Когда он говорил тихо, в его словах слышалась опасность.

Прошло так много времени с тех пор, как она тайком уехала из Дублина. Она опять смотрела в лицо незнакомца, все еще незнакомца, которого знала так хорошо.

— Итак, — сказал он мягко, — ты проснулась. И ты выглядишь отдохнувшей.

Он отвернулся от окна, скрестив руки на груди и упершись ногой о скамейку.

— Мы можем поговорить.

— Поговорить? Теперь, мой лорд? — она печально усмехнулась. — Ты не желаешь слушать меня. Мне нечего тебе сказать.

— Мне казалось, что теперь ты что-нибудь осознала.

Она решила отражать его выпады, оставаясь сдержанной и спокойной, соперничая с ним в холодности и не замечая содроганий своего сердца.

— Я пыталась все тебе объяснить. Ты не считал нужным выслушать меня и определил наказание, не подумав о справедливости и законности. Ты приговорил меня, и я никогда не забуду... как ты заковал меня и безжалостно тащил по дороге, так же как и я тебя в тот день около Карлингфордского озера.

— Как жестоко я с тобой обошелся, леди? Я уверен, что ты ничего не почувствовала. Я следил, чтобы ты не пострадала серьезно. Просто тебе преподали урок справедливости и покорности.

— Урок! Ты не имеешь права...

— У меня есть все права! Я получил эти права, когда женился на тебе!

Разочарование внутри нее перерастало в бешенство. Как страстно она желала ударить его, выколотить наглость и презрение из его гранитного тела... И, кроме того, ей хотелось прикоснуться к нему, почувствовать, как напрягаются его мускулы под ее пальцами, прислониться к его шее, вдыхая чистый мужской запах.

Ее пальцы сжались, и она зашептала язвительно:

— Ты идиот, король дураков! Тебя называют мудрым и милосердным — а ты даже не хочешь узнать правду. Если ты не слушаешь меня, викинг, пораскинь своими мозгами! Что, если бы я хотела твоей смерти, дорогой муж! Я бы нашла другой способ и не стала бы рисковать жизнью моих братьев, отца и кузена!

Его брови слегка приподнялись. Кроме этого, он не выказал своим видом, верит он ей или нет.

— Эрин, ты знала, что мы разделились с твоим отцом.

— Да, я знаю это теперь, потому что ты сказал мне.

— Ты просишь поверить, что просто ошиблась и приняла бандитов за ирландцев из Мита?

— Да.

Он продолжал смотреть на нее, и Эрин почувствовала, что должна сказать еще.

— Они и были ирландцы, ты видел. Я думала, что бандиты — это датчане или скандинавы.

— Наконец-то ты сказала то, во что я могу поверить: ты была уверена, что все разбойники в большинстве своем викинги. Однако, Эрин, я тебе скажу следующее: ты говоришь, что встретила с ирландцами. Это не так! Мертвецы, лежавшие на скалах и на берегу, были по большей части викингами, а не ирландцами.

У Эрин перехватило дыхание.

— Нет, этого не может быть.

— Но это так.

Она почувствовала, будто ее сжимает и душит стальной пояс.

— Но они приветствовали меня по-ирландски, они носили ирландские кожаные передники, они говорили о Мите, а король Мита — союзник моего отца...

Олаф перебил ее, в его голосе слышалось отвращение.

— Эрин, ты обижаешь меня. Ты хочешь, чтобы я поверил в твою глупость, хотя я знаю, дорогая жена, что ты хитра как лиса.

Он гордо и медленно прошествовал через комнату, наклонился к ней, пригвоздив ее взглядом.

— Ты угрожала мне пытками, смертью, адом, вечными муками, когда мы встретились, принцесса. В брачную ночь ты пыталась убить меня. И теперь я снова подвергся нападению с твоей стороны. И я должен верить, что у тебя были другие намерения? С подлыми низкими бандитами, атаковавшими нас, было несколько ирландцев. Но я не верю, что тебя интересовала национальность людей, которых ты вела против нас. И как легко было привести их! Как легко твои враги попали в ловушку! Знаменитая Золотая Амазонка-и-принцесса Тары, прекрасная дочь Аэда, повенчанная с отвратительным викингом! Ты, должно быть, была в приподнятом настроении, размышляя, как станешь вдовой.

— Ты не прав! — крикнула Эрин, чувствуя, как внутри у нее все дрожит. Он часто был мягок, даже в гневе Волк редко бывал жесток. Но теперь он презирал и ненавидел ее.

— Чего ты хочешь?

Дрожь, охватившая ее, не поддавалась контролю. Она начала моргать, чтобы удержать слезы.

— Ты не можешь верить мне! — выкрикнула она.

— Поверить тебе? Даже если бы ты была связана и с кляпом во рту, ирландка, я бы не поверил тебе. Слишком много раз моя спина подвергалась опасности.

— Ты не имеешь ни малейшего желания прислушаться к моим словам, — выдохнула она тяжело, схватив свою пуховую подушку в красивом вышитом чехле и, прижимая ее к груди, как бы отгородилась от него барьером. — Думай, что хочешь, и оставь меня в покое.

Он подошел к ней и выдернул подушку.

— О нет, ирландка! Мы еще не закончили наш разговор. Я хочу услышать еще кое-что об этом. Мне нравится эта история. Как, если ты не была в сговоре с этими бандитами, ты узнала, что они нам угрожают?

— От Сигурда! Я спустилась вниз за элем. Меня мучила жажда. Я услышала его разговор с начальником стражи.

— Я разговаривал с Сигурдом. Он уверил меня, что никогда не говорил тебе об этом. Он боялся, что ты будешь волноваться. Забавно, не так ли?

— Сигурд не видел меня, — нетерпеливо ответила Эрин, считая, что муж совсем ее не

слушает. — Я стояла на лестнице, потому что не знала, что мне делать.

Она испугалась, когда он поднялся, повернулся к ней спиной, поглаживая бороду, и отступил на несколько шагов.

— Когда ты ждешь ребенка?

Дрожь поднялась в ней снова, когда она поняла, почему он спрашивает.

— Вероятно, ты сам можешь подсчитать, мой лорд. Он обернулся и взглянул ей в лицо.

— Да, — сказал он сухо, — я могу.

— Ты ведь знаешь, что ты отец моего ребенка.

— Что я знаю, Эрин, так это то, что ты делаешь все, чтобы досадить мне. Но я все же верю, что ты носишь моего ребенка. За тобой хорошо смотрели, пока меня не

было. Тебе повезло, принцесса, что твои мечты о мести теперь отдалены. Если бы ты не была беременна, тебя посадили бы в темницу, и ты променяла бы на нее эту постель, обманув мое доверие.

— Смотрели хорошо... променяла бы... Ублюдок! Я тебе не принадлежу! — Эрин забыла о всяком здравом смысле и самообладании. Она набросилась на мужа с рычанием, как будто ее катапультировали с постели, и вцепилась в него ногтями, как безрассудное дикое существо, забарабанив по нему кулаками.

Олаф поразился, откуда у его слабой жены было столько сил и энергии, чтобы наброситься на него. Но потом подумал, что это не так уж и удивительно, если даже такие крепкие мужчины, как ее братья, говорили, что весьма трудно победить ее в сражении на мечах. Его гнев и преимущество от того, что он полжизни провел в боях, дали ему возможность легко победить ее на скалах, когда он сражался с амазонкой, но теперь, застигнутый врасплох, он с удивлением обнаружил, что одними лишь кулаками она нанесла ему много сильных ударов.

— Довольно! — крикнул он и, толкнув крепким бедром ее по ногам, лишил равновесия и поймал, падающую, на руки.

Олаф хотел кинуть ее на кровать и оставить, как что-то ненужное, но от ощущения ее тела, такого теплого под прозрачным бельем, от обжигающих зеленых глаз и диких беспорядочных ударов ее сердца, от всего этого его рассудок помутился.

Эрин предала его, но эта мысль ничего не значила, когда огонь, внезапно ворвавшийся в его тело, породил пульсирующую боль в паху, которая нарастала и била, как барабанный бой.

Он дурак. Она хочет его смерти. Больше, чем когда-либо, она презирала его. Он жестоко наказал ее тогда, сидя на своей лошади. Он только разве что не назвал ее шлюхой, и все же она никогда не узнает, что его действия и слова причиняли ему мучения, отдаваясь в его сердце, Он так хотел верить ей, но не мог себе этого позволить. Он был королем Дублина, человеком, боровшимся за свое небольшое владение на этой земле.

Олаф хотел пробраться в ее нутро, оставив там частичку себя, облегчить свою боль в теплом теле, дающем приют. Зарыться лицом в паутину растрепанного черного шелка, в беспорядке спадавшего на ее плечи, почувствовать под своими дрожащими пальцами роскошное нежное тело, полные, соблазнительные дразнящие груди.

Его желание спиралью извивалось в сознании и пульсировало в голове. Он не мог говорить, потому что голос выдал бы его, обнажил бы перед нею его кровоточащую душу. Но он знал, что она не примет его ласки.

Нет, он поклялся громом Тора, что она примет его! Олаф мрачно стиснул зубы, внутри

него все бушевало. Он был ее муж, ее король, ее господин — и что бы ни произошло между ними, он не разрешит ей прогнать его..

Он бросил Эрин на кровать, потом зашагал к тяжелой деревянной двери и задвинул засов, обернулся к жене, устремив на нее мрачный вызывающий взгляд, давая понять свои намерения и, стараясь скрыть трепет нерешительности, начал аккуратно снимать одежду и повесил плащ и широкий кожаный пояс на стул.

Эрин сделала глубокий вздох, впиваясь пальцами ног в простыню и, поджимая под себя ноги, медленно пододвинулась к изголовью кровати и замерла, выказывая полное пренебрежение, как припертая к стене злобная шипящая кошка.

— Ты не смеешь! — крикнула она. — Ты не смеешь называть меня предательницей, намекать мне, что я буду с удовольствием играть роль шлюхи, ты не смеешь считать меня своей собственностью, которую ты можешь использовать, когда тебе понадобится! Ты не смеешь...

Он продолжал смотреть на нее. Его башмаки шлепнулись на пол, рубаха была брошена на плащ.

Слезы навернулись у нее на глазах. Он казался ей таким прекрасным. Как часто она мечтала увидеть его обнаженное тело, тело воина, крепкое, гладкое, гибкое и подвижное. Широкие бронзовые плечи. Сильные руки с четко очерченными мускулами и тонкими линиями голубых вен под упругой кожей.

«Я не могу позволить ему прикоснуться ко мне, — думала она, — потому что тогда я буду не в состоянии отказать ему... отказать себе, иначе он будет думать, что я хуже шлюхи».

— Если ты подойдешь близко, король Дублина, — сказала Эрин нарочито высокомерно, — это будет насилием.

— Я сомневаюсь, чтобы это было насилием, — ответил он, пожав плечами. — Но если уж ты так хочешь, жена, пусть это будет насилием, — продолжил он тихо.

Олаф подошел к кровати медленно, но уверенно, неслышно ступая по тяжелому полу, схватил ее и прижался к ее губам. Она забарабанила кулаками по его спине, но он не обращал на это внимания. Он держал ее за пышную эбеновую гриву, его пальцы как будто погружившись в шелк. Он пронзил своим языком ее рот и проникал все дальше и дальше, пробираясь все более решительно и дерзко, пока она не задышала тяжело и не сдалась его превосходящей силе.

У Эрин встал комок в горле, даже когда она чувствовала, как его язык проникает ей в рот, близкое, мучительное желаемое касание его рук. Она должна отвергнуть его! Но несмотря на ее гнев, он увлек ее в море чувственности, где каждый крохотный нюанс его дыхания и трепета проникал в ее душу, лишая ее всего, кроме желания обладать им. Против своей воли она отзывалась... отвечала.

Она была ошеломлена, когда муж вдруг отодвинулся от нее, посмотрев на нее глазами, в которых нельзя было уловить и следа бушевавшего в нем шторма страсти. Она была так сражена его взглядом, который, казалось, странным образом сочетал огненную страсть и мертвенную синюю муку, что она смущенно и невольно прошептала:

— Мой господин?

В его сознании появлялись разноцветные вспышки. Прекрасные цвета, цвета радуги. Нежный, соблазнительный розово-лиловый, пульсирующий, жаркий красный, которые встречались и сливались, вспыхивая в его теле, извиваясь в его паху, и бились внутри него,

как набежавшая морская волна. Он невольно задрожал снова от желания. Это чувство было сильнее, чем все, которые он когда-либо испытывал к женщинам, даже сильнее его стремления завоевать землю и управлять ею. Но он не мог взять ее. Она назвала его насильником.

Олаф заморгал, и буря ушла из его глаз. Он смотрел на Эрин, прикрываясь щитом стального нордического взгляда, и насмешливая улыбка коснулась его страстных губ.

— Я решил не насиловать тебя, дорогая жена, — сказал он с легкой издевкой, повернулся и посмотрел на окно.

Эрин содрогнулась от страха и унижения. Она отвечала на все его касания, а он только хотел доказать свою власть над ней. Он так легко отвернулся от нее. Ну и слава Богу! Она хотела его, но не такого. Она хотела, чтобы он любил ее, верил ей.

Эрин пыталась рассеять боль, и это было нетрудно сейчас, так как ее ярость накалилась до предела.

— Ты ублюдок, — выдавила она с мертвенным спокойствием, заворачиваясь в простыни, как будто это были рваные остатки ее достоинства. — Ты ублюдок, викинг! Ты никогда больше не прикоснешься ко мне! В Ирландии есть законы, лорд викинг, и я использую эти законы против тебя. Я требую, чтобы ты выделил мне отдельную комнату, пока я решу вопрос с разводом! Тогда тебе не придется беспокоиться о том, что я могу убить тебя, так как мне будет абсолютно наплевать, жив ты или нет!

Она была поражена, когда увидела, что он отвернулся от окна и улыбается.

— Моя жена, ты никогда не ослабеваешь, не так ли? Но ты часто ошибаешься относительно своей власти. У тебя не будет отдельной комнаты, и даже если я пойду на такую уступку, это не означает ничего, потому что, если я пожелаю, я все равно приду к тебе. Буду ли я в своей собственной комнате, в своей кровати-даже если я преодолею в себе стремление изнасиловать тебя, как викинг — я не оставлю тебя. Ты не дождешься развода. Ты говоришь о ваших законах Брегона, но ты забываешь, что они ничего не значат для меня-да и для других в этом случае. Наша свадьба была пунктом договора. И как я уже говорил тебе, ирландка, я викинг. У меня свои собственные законы. То, что принадлежит мне, я охраняю. Ты не выйдешь из этой комнаты, пока я не разрешу тебе.

Эрин так крепко сжала зубы, что, казалось, они затрещат. Каждая мышца на ее теле напряглась от ярости.

— Я убегу от тебя, — произнесла она в отчаянье.

:

— Пожалуйста, ирландка, — сказал он спокойно, — оставь свои угрозы. Твое золотое снаряжение теперь преобразилось: кандалы и цепи. Если понадобится, ты проведешь всю жизнь в этих золотых доспехах, напоминающих о прошлых ошибках.

Он подождал, какая последует реакция, увидел только гнев и сжатые губы и опять устался в окно.

Эрин делала все, что было в ее силах, чтобы не наброситься на него снова в разгоревшейся вспышке ярости. Но это было бы безумием, и она это понимала. Когда он говорил, то не имел в виду угрожать ей, просто это было мучительное для нее утверждение.

— Олаф, — сказала Эрин, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и холодно, борясь со слезами от переполнявшего ее душевного волнения. — Я не могу изменить то, что сформировалось в твоём рассудке, но я хочу предупредить тебя. Я не стремлюсь убить тебя и никогда прежде я не стремилась сбежать. Но ты не оставляешь меня в покое, не даешь мне

комнаты, где бы я не мучилась. Я еще раз говорю тебе, я не хотела идти против тебя. Ты должен выяснить, откуда исходит опасность, так как я была обманута.

Он обернулся к ней опять, но она не могла ничего прочесть на его лице. Он прошелся по комнате, подошел к кровати и сел рядом, посмотрев в ее глаза. Потянулся, чтобы дотронуться рукой до ее подбородка, но она отдернула голову.

— Я не хочу, чтобы ты прикасался ко мне, — сказала она, задыхаясь.

Он слабо вздохнул.

— Мне казалось, я доказал тебе, что у тебя нет выбора в данном случае, Эрин.

— Тогда знай: то, что ты берешь сам — единственное, что ты получишь от меня, так как ты заклеил меня как предательницу. Я ничего не сделаю для тебя.

— Ты не можешь дать мне то, что я могу взять, если пожелаю.

— Я уже достаточно много дала тебе, мой лорд. Любовь не присваивают, любовь получают.

— Я не слишком уж верю в любовь, ирландка. Это только слабость, которая делает из мужчин дураков. Он слегка засмеялся, напряжение исчезло с его лица.

— И, ирландка, ты не убежишь от меня. Ты можешь ненавидеть меня утром, днем и вечером, но ты останешься моей женой-моей беременной женой. И я пойду на уступку. Я приму к сведению предупреждение о том, что другие могут желать мне зла. И я попытаюсь узнать, не выяснится ли что-нибудь, благодаря чему тебе можно будет поверить.

— Как ты великодушен! — с холодным сарказмом сказала Эрин.

Он снова засмеялся, и она едва не вцепилась в его глаза. Но он схватил ее руки заранее, поняв все по угрожающим огонькам ее глаз, стянул с нее покрывало, несмотря на ее злобу и протесты.

— Ребенок мой, ирландка, так же как и твой. Он дотронулся до ее живота очень нежно, слегка касаясь пальцами.

— Да, ты изменилась, — сказал он тихо, потом опять его голос стал суровым. — Это еще одна причина, по которой тебя бы следовало отхлестать.

Эрин опустила глаза, тяжело дыша при его прикосновениях.

— Или, может быть, ты хотела убить ребенка, потому что он тоже викинг?

Эрин посмотрела на него, изумрудные огоньки в ее глазах мрачно сверкнули.

— Нет, Олаф, ребенок мой. Он будет ирландцем. Отец Мергвина тоже был викингом, но, мой лорд, он сам все же ирландец.

— Это не доказывает ничего. Ребенок будет моим.

— Ты держишь меня здесь только из-за ребенка, лорд Волк? Я в заключении, так как ты хочешь наследника? Что произойдет, когда ребенок родится? Меня уберут отсюда?

— Я держу тебя здесь, — сказал Олаф, — потому что ты моя, И потому, что ты доставляла мне удовольствие и, возможно, сделаешь это снова. И, да, конечно, потому что я хочу ребенка, Посмотрим, что мы будем делать потом.

— Мы будем жить в страданиях. Что осталось от того, что было?

Он поднял брови и улыбнулся, насмешка опять прозвучала в его голосе.

— Я что-то не заметил, чтобы ты страдала и мучилась от моих касаний и от близости ко мне сегодня.

Гнев опять заклокотал в Эрин от такой несправедливости — . Ее рука промелькнула около его лица так быстро, что он не успел отклонить ее и только смотрел на Эрин, пораженный и ошеломленный.

Она села и закричала на него:

— Никогда больше, викинг, этого не случится. Свяжи меня, опутай цепями, бей, угрожай, возьми меня, но я больше ничего тебе не дам!

Излив свою ярость, она вся содрогалась. Должно быть, она совсем глупа, если продолжает бороться с ним и отвергать его, в то время как не имеет ни одного доказательства своей невиновности и полной уверенности, что он не выполнит все угрозы, даже если считать их справедливыми. Но она не могла ничего больше дать ему. Она и так уже сделалась уязвимой. Поэтому Эрин сидела молча, ожидая его реакции.

Олаф потер щеку, сощурившись.

— Эрин, я восхищаюсь твоей смелостью. — Его тон понизился опять, предупреждая ее, что его восхищение не простиралось дальше. — Но не бей меня больше. Я варвар, помни, а варвары бывают жестоки.

Эрин не смотрела на него, поморщившись от его сарказма.

— А ты и есть жестокий, Олаф, более чем кто-нибудь другой, использующий кнуты и цепи.

— Клянусь кострами всех адских очагов! — взорвался Олаф. — Я видел свою собственную жену с мечом. И это жестоко, что я не сдался на твои милые извинения!

Он спрыгнул с кровати и начал одеваться, чуть не разрывая пальцами одежду.

Эрин не ответила. Она закрыла глаза, обернулась покрывалом, как бы защищаясь от своей безнадежности.

Когда он заговорил снова, голос был спокойным, бесстрастным, и он полностью контролировал свое состояние.

— Ты спросила, что осталось между нами, жена. Стена. Ты презираешь меня; я доверяю тебе не больше, чем моим глазам. Но мы муж и жена, и я хочу ребенка, которого ты носишь. Я хочу наблюдать за его развитием. Только несколько человек, которым я доверяю, знают, что королева Дублина стала причиной гибели двенадцати мужчин — я не говорю об их семьях, которые жаждут мести. Так что ты можешь снова управлять домом. Но не покидай его. Два раза я не предупреждаю. И вот еще что: не вздумай избегать меня, никогда. Ты — моя жена, и я буду говорить с тобой, когда и сколько захочу, и прикасаться к тебе, когда и сколько захочу. — Он помолчал мгновение, повернувшись к ней спиной, его голос звучал мрачно, когда он снова заговорил:

— Я дурак, Эрин, но мне нравится верить, что остается надежда.

Он помолчал, как бы давая ей возможность усвоить его слова, потом добавил:

— Ты бы поднялась, Эрин. Большая зала ожидает своих короля и королеву.

Ничего больше не оставалось. Она должна быть благодарна. Он мог заковать ее в цепи, заключить в темницу или отречься от нее и от их ребенка. Но ничего этого в действительности не произошло, ничего не изменилось, кроме его чувств к ней. Теперь он стал зол и заставлял ее страдать.

Она быстро одевалась, ее пальцы дрожали, она поправила плащ и нервно взглянула на него, ожидающего ее около двери.

Олаф стоял нетерпеливый, занятый своими мыслями. Высокий, величественный, ее великолепный воин. Норвежский Волк — высокомерный, властный, самонадеянный.

Она боролась со слезами, вспоминая, что он мог быть и нежным, когда хотел ее. Его собственность...

Он протянул ей руку, и она приняла ее, чувствуя, что ее губы начинают дрожать. Все

могло бы обернуться совсем по-другому.

— Олаф, — позвала она сдержанно.

— Да?

— Я повинуюсь тебе сейчас, потому что ты сильнее.

— Меня не волнует, почему ты повинешься мне или следуешь моим предостережениям, лишь бы ты делала это.

Эрин с трудом сдерживала слезы. Когда он открыл дверь, она незаметно проскользнула за ним. Они спустились в большую залу, оба блистая красотой, но в душе борясь с муками.

Олаф опять стоял под полной луной, его душу терзали мучения. Ни он, ни Эрин не остались в зале на обед. В гневе он забыл ей рассказать о смерти ее брата Лейта и Феннена Мак-Кормака.

В зале она быстро обнаружила, что ее брат не присутствует, и разрыдалась.

Олаф не смог прикоснуться к ней. Она бы оттолкнула его, поэтому ее брат Брайс утешал ее, а Олаф мучился от боли и неизвестности.

Она предала его! Или нет? Обстоятельства против нее, и это было так мучительно сознавать. А он снова почувствовал радость жизни, узнав, что у него будет ребенок, наследник.

Плачет ли она по своему брату? Или по Мак-Кормаку? Желает ли она, чтобы лучше он умер вместо ирландского короля? Олаф глубоко вздохнул. Он почувствовал боль. Он будет уважать ее чувства и поищет ночного приюта возле своего очага.

Величественные корабли заполнили береговую линию и гавань. Их драконовая чешуя и красно-белые паруса колыхались на ветру. Устрашающее и прекрасное зрелище.

Олаф стоял в гавани, ожидая прибывших норвежцев. Его золотые волосы и плащ вздымал резкий ветер. Однако ни один викинг не решился бы осмелеть ирландское одеяние Волка, так как выражение его лица — а это можно было различить даже с моря — было гордым. Он казался золотым богом. Многие, сражаясь с ним, считали, что Олаф окружен солнечной аурой. Сигурд стоял по правую сторону от него, а по левую — Грегори и Брайс Мак-Аэд.

Когда первый гость сошел на берег, его приветствовала доброжелательная улыбка Олафа. Гость и король Дублина встретили друг друга возгласами дружелюбия и восхищения.

Первым заговорил гость. Он был почти такого же роста, как и Волк, на год или два старше. Его манера держаться была более раскованна.

— Итак, братец Волк, вот он! Прекрасный город Дублин — твой. Он извлек тебя из моря и прекратил твое существование как викинга!

— Да, Эрик, это так, — ответил Волк. — Добро пожаловать в Ирландию.

— Приглашение от ирландца? — Эрик засмеялся. Его серо-синие глаза внимательно рассматривали брата.

— Нет, ты никогда не убедишь в этом ирландцев, — ответил Олаф, пожав плечами. «Особенно мою жену», — добавил он про себя. Но Эрик уже разговаривал с Сигурдом громко похлопывая рыжеволосого гиганта по спине.

— Сигурд! Старый боевой топор. Неужели мой брат и тебя вытащил из моря?

— Мы ведем честную торговлю, Эрик. Честную торговлю. Ты увидишь сам, — уверил Сигурд Эрика, широко улыбаясь.

— Скажи своим людям, чтобы они выходили на берег, брат, — продолжил Олаф, — а мы поспешим в большую залу. Я представляю вам Грегори из Клоннтайрта и Брайса Мак-Аэда.

Ирландские принцы смотрели на норвежца с большой настороженностью, но против его доброжелательности трудно было устоять. Убедившись, что это один из тех викингов, от которых не исходит угроза, Брайс и Грегори остались в гавани с Сигурдом, чтобы сопровождать норвежские войска, в то время как Олаф с Эриком отправились ко входу в обнесенный стенами город.

Когда радость первой встречи улеглась, Эрик посмотрел на своего брата мрачно.

— Я прибыл, брат, с подарками от нашего отца, ярла. Но кроме этого, Олаф, я пришел, чтобы предупредить тебя.

— Предупредить? — переспросил Олаф, удивленный. Только три недели прошло с тех пор, как он вернулся с севера страны, сражаясь с датчанами. Неужели он должен всю жизнь провести в боевых походах?

— Да, предупредить, — повторил Эрик, тревожно тряхнув головой. — Новости быстро передаются по морю. Я знаю, что датчане во главе с Фриггидом Кривоногим потерпели сокрушительное поражение. Тем не менее, до нас дошли и другие вести. Фриггид вернулся на родину. Говорят, что он собирает людей, обещает большие богатства — да, он обещает им город Дублин, если они опять пойдут с ним. Ему потребуется на это время, Олаф, так как

даже смельчаки боятся тебя. Но ты должен предпринять меры и защитить себя надежно, так как этот датчанин полоумный, и его не интересуется, что он сильно рискует, пытаясь убить тебя.

— Все знают, Эрик, — — сказал Олаф тихо, — что я никогда не недооценивал этого датчанина. Я знаю, что он пойдет против меня снова и снова, пока один из нас не отправится танцевать с валькириями. Я жду того дня, когда снова встречу с ним, так как это непременно должно случиться. Даже если он угрожает мне через море, ты должен говорить от моего имени. Пусть разнесется молва, что Дублин не может быть взят. Его стены из камня, а его народ, норвежцы и ирландцы, будут защищать его до последнего вздоха. Ты смеешься, что я стал ирландцем, брат, но я от этого выиграл. Половина этого прекрасного острова будет сражаться на моей стороне.

Эрик остановился, уперев руки в бока, его большая золотая голова была откинута назад. Он посмотрел на решительно сверкающие глаза его брата, потом на стены Дублина. Потом тепло рассмеялся, вся мрачность исчезла с его лица.

— Брат, я не смеялся над тобой. Я восхищаюсь тобой, так как ты действительно прочно стоишь на этой земле, которую никто до тебя не покорял. Я говорил о делах, брат, и теперь я свободен от этой обязанности и готов посвятить время отдыху. Ты обрадуешься, увидев подарки, которые мы привезли. Шелка, драгоценные камни и серебряную посуду, гобелены, чтобы украсить стены. И... — Эрик на мгновение замолчал, хитро подмигнув брату, — и совсем особенный подарок для тебя.

Олаф настороженно поднял брови.

— Пощади меня, Эрик, что это за подарок?

— Женщина, брат. Редкостная и восхитительная красавица. Захваченная у франков, которые, как говорят, украли ее из далекой Персии. У нее цветная кожа, она сладка как мед, ее глаза — как миндаль в ночи...

— Эрик, — перебил Олаф раздраженно, — если чего-то я не желаю совершенно, так это еще одной женщины. Клянусь богами, у меня и без этого достаточно хлопот.

— Я слышал, конечно, брат, что ты женился. Но я знаю, что это всего лишь союз между Ирландией и Норвегией. Именно поэтому я и привез тебе эту жемчужину из Персии. Известно, что ты все еще печалишься о Гренилде, но ты должен перестать жить прошлым.

Олаф от души рассмеялся.

— Эрик, я благодарю тебя за заботу, но поверь, мне не нужна даже самая красивая женщина. — И он печально взглянул на брата.

— Пошли, ты должен познакомиться с моей женой.

Развевающиеся паруса драконовых кораблей были видны на большом расстоянии. Эрин смотрела на них со страхом из окна своей комнаты. Но Риг успокоил ее, сказав, что корабли прибыли с миром. Они привезли подарки от отца Олафа, великого ярла Норвегии.

Ее тревога сначала улеглась, но вскоре вновь возобновилась. По-видимому, все в Дублине знали о предстоящем событии. Все, кроме нее. Олаф не считал нужным рассказать ей. Он едва разговаривал с ней, так что ничего удивительного в том, что она ни о чем не знала.

Эрин погрузилась в горячую воду, которую Риг приготовил ей, нервно покусывая ногти. Ее положение из плохого превращалось в безвыходное. Горе, которое ее охватило при известии о смерти Лейта и Феннена, померкло в сравнении с равнодушием к ней Олафа. После той первой ночи, когда он оставил ее одну, он вернулся в их комнату, и хотя не касался ее, страдания становились все более невыносимыми. Каждую ночь они лежали

молча без сна. От напряжения Эрин не могла заснуть, у нее расшатались нервы, и две недели назад, когда он поклялся, что она вызывает у него отвращение, он покинул их спальню посреди ночи и с тех пор больше не возвращался. Когда Эрин чувствовала себя сильной, она говорила себе, что это хорошо. Но в минуты слабости страшно страдала.

Громкие мужские голоса, доносившиеся из большой залы, прервали ее мысли.

Она быстро поднялась из своего чана, вспомнив, что ей надо бы взять другую женщину после замужества Мойры.

Ей было интересно увидеть новых викингов с родины Олафа, и сейчас, несмотря на ее убеждение, что она надоела мужу, ее гордость и тщеславие были поставлены на карту. Когда молва дойдет до Норвегии благодаря этим мореплавателям, она не хотела бы, чтобы говорили, что Повелитель Волков добыл себе нечто меньшее, чем само совершенство.

Она выбрала легкую, свободную светло-голубую рубашу из мягкого шелка, не требующую пояса, что хорошо скрывало ее беременность. С голубым шерстяным плащом на плечах она не замерзнет.

Эрин тщательно причесала волосы и украсила их камнями, потом положила руку на резную деревянную дверь. Два глубоких вдоха, расправленные плечи и стройная осанка, и она была готова встретить любого мужчину. Она ведь все-таки дочь Аэда Финнлайта.

— Все как всегда, — говорил Эрик со смехом, водрузив обутые ноги на стол. — Свейн из Озгуда отрезал ухо Харлику в бою, брат Харлика заколол Свейна, вдова Свейна требовала возмездия, и Харлик был убит ее дядей. Война из-за кровной мести продолжится, брат, без сомнения, пока в обеих семьях не останутся одни младенцы...

Олаф, смотревший на огонь, был удивлен тем, что брат прервал резко рассказ на полуслове. Он еще больше изумился, когда увидел, что тот, раскрыв рот, не отрывает широко раскрытых глаз от лестницы.

Олаф проследил за взглядом брата с любопытством и раздражением. По ступеням вниз спускалась Эрин.

Хоть однажды, думал он печально, мог он посмотреть на ее красоту бесстрастно. Он был, как и Эрик, очарован ею. Она была свежа после ванны, ее волосы были более роскошны, чем всегда, спадающие завитки обрамляли изящное, совершенное лицо, изумрудные огоньки ее глаз сверкали. Шелк, которым она укуталась, ласкал гибкий стан, скрывая ее положение, в то время как ее груди выделялись, а живот заманчиво округлялся. Щеки имели оттенок нежной розы на фоне чистейшего фарфора, а светло-алые губы были слегка изогнуты.

Как и зачастую бывало раньше, пока он не покинул их спальню, не в силах больше выносить напряжения и муки от близости к ней и невозможности прикоснуться — так как он сам в этом поклялся-он почувствовал, как желание нарастает в нем от простого взгляда. Скрежеща зубами Олаф наблюдал, как жена спускается по лестнице, приветливо улыбаясь.

— А, Эрин, наконец-то. У нас гости, моя любовь. Я хотел бы тебе представить своего брата Эрика. Боюсь, что, будучи моим родственником, он, увы, тоже викинг, но я уверен, что ты найдешь его приятным в общении. Эрик, позволь представить тебе мою... ирландскую жену, Эрин Мак-Аэд, принцессу Тары, королеву Дублина.

Эрик моментально отвел взгляд от Эрин и укоризненно посмотрел на Олафа. Потом его глаза снова устремились на Эрин с неприкрытым восхищением.

— Эрин Мак-Аэд из Тары, — выдохнул Эрик, его глаза сверкнули, когда он быстро подошел к лестнице, чтобы завладеть рукой Эрин. — Я видел много женщин в разных

странах, но, тем не менее, прибыв сюда сегодня, я должен признать, что та, которую я должен называть сестрой, наипрекраснейшая из всех.

Эрин улыбнулась, не в силах устоять перед откровенным обаянием этого незнакомца, который приходился ей деверем. Он был и похож, и непохож на Олафа. Он обращался к ней по-норвежски, а одет и вел себя как викинг. Но кроме этого, был очень любезен, чего нельзя сказать об Олафе. Эрик был, возможно, таким, каким был когда-то Олаф: беззаботным и легкомысленным. Он был захватчик, и его заботило очень немногое. Но у него не было ни всепоглощающей силы, как у брата, ни окружающей его ауры власти.

— Если ты пришел с миром на наши берега, Эрик, я рада приветствовать тебя. Я не знала, что у Олафа есть брат, и я рада познакомиться с его родственниками.

Эрик добродушно засмеялся.

— Брат? У него когда-то было семь братьев. Трое погибли на дальних берегах, но держу пари, милая сестренка, ты встретишься с оставшимися через несколько лет. Размер наших владений, моя леди — одна из причин, почему многие из нас вынуждены искать приключений. Наши дома и земли переполнены, и чтобы добиться чего-нибудь, мы должны отправляться в путь и пытаться счастья на дальних землях.

Вдруг Эрин услышала смех Олафа.

— Думаешь, что говоришь, брат. Моя жена не одобряет тех, кто пытается счастья на чужих землях. Она при случае всегда старается тонко напомнить мне, что я только лишь варвар-захватчик.

— Если мой брат потерпел неудачу, Эрин Мак-Аэд я попытаюсь приложить все усилия, чтобы, когда я буду покидать вас, ты поняла, что мы, норвежцы, не так уж отличаемся от ирландцев. Мы просто обрабатываем наши земли и ждем возвращения наших мужчин, желая мира, здоровья и согласия в наших семьях.

— А... но мир, который вы ищете, возможен только на вашей собственной земле, — возразила Эрин, улыбаясь.

— Не пытайся спорить с моей женой, — предупредил Олаф своего брата. Потом быстро зашагал к лестнице, взял Эрин под руку и увел к огню, где повернул ее так, чтобы можно было обнять ее обеими руками за талию.

— Эрин хотела, чтобы ты извинился перед всеми, против кого ты выступал, и вернул им все, что ты захватил.

Эрин подумала: невозможно, чтобы Эрик не слышал злой насмешки в голосе Олафа. Она чувствовала эту издевку всем своим телом. Издевка была в его жестоком касании, в его голосе. Она бы хотела, чтобы у нее хватило воли отстранить его руки и смело рассказать Эрику, что его брат считает, что связал себя честным союзом с предательницей.

Но Эрик не заметил ничего плохого. Он широко улыбался.

— Кажется, эта ирландка носит частичку норвежского. Или я ошибаюсь, брат? Могу ли я передать нашему отцу, что Эрин начинает новую династию?

Эрин вспыхнула, когда Олаф погладил ее пальцами по животу.

— Да, Эрик. Ярл будет рад узнать, что его семья разрастается на далеких островах. Скажи ему, что Волк сотворит для него внуков и вырастит из них таких же викингов, как и его собственный наследник.

Эрин оцепенела от ярости, почувствовав сталь руки Олафа. Она вытянула губы в улыбке, но зубы у нее были сжаты.

— Нет, дорогой Эрик. Скажи своему отцу, ярлу, что семя его попало на прекрасную

благородную почву, где живет культурный и просвещенный народ. Он должен гордиться тем, что будет дедом ирландского ребенка.

— Эрин, — возразил Олаф, притворяясь смущенным, — я провел много времени с ирландскими королями и воинами, и я пришел к выводу, что, если жену отвергнуть, ее ребенок остается со своим отцом, так как этот ребенок наследник своего отца, а ирландцы свято чтят приоритеты наследования.

Холод от страха пробежал по позвоночнику Эрин. Неужели он решил, что она останется здесь только до тех пор, пока не родится наследник, и пока он не будет отнят от груди, а потом она вернется к своему отцу, их брачное соглашение будет расторгнуто, так как ни один мужчина не согласится жить с женщиной, которая подняла на него меч. Она силилась успокоиться, пока он держал ее. Тем не менее, она сознавала, что он ощущает трепет, исходящий из ее глубин, и что она не может его сдерживать. О Боже, она никогда не позволит ему отнять ее ребенка. Он больше не желает ее, больше не спит вместе с ней. Но что еще она могла сделать? Признаться в проступке, которого не совершала? Нет!

— Я думаю, — Эрик перебил ее размышления со сдержанным любопытством, — что с этим ребенком — ирландским или норвежским, какой бы он ни был — надо считаться, и его или ее судьбу решат мать и отец! Но что с этой большой залой, Олаф! Ты притащил меня в это роскошное место из камня и извести, но не предложил усталому путешественнику меда или эля, чтобы он мог смочить горло?

— Королева пренебрегает своими обязанностями, — сказал холодно Олаф, освобождая Эрин. — Жена, ты будешь заботиться о моей семье и моих друзьях.

Эрин опустила ресницы, чтобы скрыть бурлившее в ней негодование и выражение муки в глазах. Правда, Олаф всегда принимал ее семью гостеприимно, без каких-либо оговорок. Он поддержал ее старшего брата в сражении и отомстил за него. Эрик стоял в зале и так тепло и весело разговаривал с Олафом, а она страдала из-за брата, которого так недавно потеряла. Это была ее земля; земля ее отца и братьев. Муж он или нет, Олаф все равно викинг, как и одетый в меха воин, который был его братом. Захватчики. Оккупанты. Она была женой Волка; но с таким же успехом она могла быть отдана датчанину. Возможно, в этом не было большой разницы.

Эрин подняла ресницы и увидела задумчивый и печальный взгляд серо-голубых глаз Эрика.

— Я буду тебе очень признателен, моя новая сестренка, если ты будешь так добра и позаботишься обо мне. — Эрин услышала нежный, добрый голос викинга. Неужели Эрик до сих пор не замечает напряжения, которое установилось в зале между ирландской королевой и норвежским королем?

— Я буду рада позаботиться о тебе, — сказала тихо Эрин, подняв подбородок и гордо направляясь к выходу.

Она повернулась по пути на кухню, когда покидала залу. Ее блестящие глаза остановились на Эрике еще раз, и она добавила с достоинством:

— И я рада назвать тебя братом, Эрик.

Эрин не вернулась в большую залу. Ее заполнили норвежские герои, приглашенные на пиршество. Ей не хотелось слушать рассказы о победах викингов. Утро она провела с Мойрой, ожидая, что найдет в компании подруги хоть немного покоя. Мойре нравилось мечтать о том, как их дети будут дружить, а Эрин с каждым днем становилась все более печальной. Она все больше и больше сомневалась, что Олаф разрешит ей видеть, как растет

ее ребенок.

С наступлением полудня беспокойство Эрин более возросло. Она повиновалась приказу Олафа и оставалась в их резиденции. Но внезапно все переменялось: она стала легкомысленно относиться к его предостережениям. Ей захотелось убежать из этих норвежских каменных стен. В суматохе, которая началась, когда город заполнили пришельцы с моря, было бы легче выскользнуть наружу незаметно. Она могла доскакать до скал, чтобы бушующий океан успокоил ее душу, и скоро вернуться.

«Ты глупа, — подумала она, когда выходила из кухни, — что вздумала дальше дразнить Олафа». Она все же была врагом, жертвой, у которой не было выбора. Она должна пойти к морю. Оно манило ее непреодолимо.

Эрин мчалась на лошади. Она ощущала, как под нею проносится земля, ощущала энергию и силу своего коня. Это была свобода. Но со стороны скал она могла видеть гавань и берег в устье Лиффея, огромные драконовы корабли, стоящие на якоре. И хотя сейчас корабли не угрожали ей, все-таки от них исходила опасность. Они символизировали бездну, которая лежала между ею и Олафом; бездну между их обычаями, между их народами, бездну недоверия...

«Я никогда не прощу его», — напомнила она себе с резкой болью, и все же она была бессильна в борьбе с ним. Если он устал от нее, то она чувствовала себя опустошенной. И независимо от того, что ее достоинство и разум кричали, что она должна отвергать его всегда, ее сердце и тело звали к нему. Она сильно скучала по нему ночами, ревнуя к воображаемой женщине. Это должна

Быть прекрасная женщина. Золотая и красивая. Она думала о слиянии, которое было выше завоеваний, борьбы, гнева или страха. Выше расы, выше народов. Вспоминала тот день на этих самых скалах, когда они встретились как мужчина и женщина, касались, любили...

Наблюдая, как прибой ударяется и разбивается о скалы, Эрин слышала едва различимый шум конских копыт, и вскоре лошадь остановилась около нее. Волна страха охватила ее. Она в ужасе обернулась и сразу почувствовала облегчение, увидев рядом с собой Брайса и Грегори.

— Эрин! — позвал ее Грегори, его голос звучал сердито и в то же время успокаивающе. — Дорогая кузина, я никогда не думал, что ты настолько глупа!

Эрин напряглась от изумления. Она перевела взгляд с кузена на брата, потом заговорила:

— Глупа! Грегори, если даже ты так меня называешь...

— Эрин, ты поступаешь неумно, — перебил ее строго Брайс, его голос смягчился. — Неужели ты думаешь, сестра, что Грегори, и я не спрашивали твоего мужа, что он предпринял в отношении тебя. Олаф сказал нам, что он только приказал тебе оставаться в доме. Это довольно мягкий приказ, сестра, для викинга-нет, для любого мужчины, который увидел перед собой жену с мечом.

Эрин внезапно закрыла глаза.

— Мягкий жест! Брайс, я не собиралась идти против Олафа! Меня ввели в заблуждение. Если даже у моего собственного брата не появилось ни тени сомнения...

— Не в этом дело сейчас, — воскликнул Грегори, останавливая перебранку, которая могла легко разгореться. — Эрин, мы должны вернуться. Прибыл посланник из Тары, и твой муж хочет тебя видеть.

Эрин закусила нижнюю губу, чтобы она не дрожала.

— Он знает, что меня нет?

— Мы не знаем, — ответил мягко Грегори. — Я полагаю, мы вернемся быстро. В зале полно народу; возможно, он еще не обнаружит твоего отсутствия, так что давайте не будем тратить время на разговоры.

Он пришпорил своего коня. Брайс и Эрин мчались следом и не замедляли темпа, пока не подъехали к стенам города. Брайс помог ей слезть с лошади.

— Возвращайся в дом через кухню, Эрин, и притворись, что была занята. Мы с Грегори позаботимся о твоей лошади.

Эрин кивнула, у нее встал комок в горле.

— Брайс, — сказала она тихо. — Говорю тебе, я ни в чем не виновата. Но все же, спасибо, брат.

— Мы — Мак-Аэды, Эрин. И если ты говоришь мне, что не виновата, я верю тебе.

Эрин благодарно кивнула. Она обогнула дом и вошла в кухню, с радостью обнаружив, что там царил полный беспорядок. Она поболтала с Фрейдой и несколькими стряпухами и затем перешла быстро в залу, пытаясь подавить нервную дрожь. Здесь она наткнулась на Эрика, который рассматривал стены в доме брата, его интересовало их устройство.

— Эрин! — приветствовал он ее, улыбаясь. — Я готов любоваться тобою всегда.

Ее напряжение немного спало, и она улыбнулась в ответ. Она никогда не думала, что ей будет приятно просто так разговаривать с викингом. Он предлагал ей дружбу, и это говорило об уважении к ней как к жене брата и льстило ее уязвленному самолюбию.

— Я сомневаюсь, брат викинг, — прошептала она, — что тебе необходимо искать особого способа завоевать кого-нибудь силой, так как, вероятно, ты покоришь любого своим разговором, манерами, своей обезоруживающей улыбкой.

Эрик засмеялся и ласково посмотрел на нее.

— Ах, моя ирландочка, я думаю, что мужчине нужно совсем другое, чтобы выпить за твою красоту.

— Но, конечно, остроумие и обаяние очень кстати, — начала Эрин, но в их разговор бесцеремонно вмешался Олаф. Она снова задрожала, когда повернулась и встретилась с его синими глазами.

— Я искал тебя, жена.

Она не могла понять, подозревает ли он, что она нарушила его приказ. Как бывало и раньше, он заманивал ее словами в ловушку.

— Я была занята по дому, мой лорд, — прошептала она, проскальзывая позади него.

Он поймал ее за руку и остановил. На мгновение сковывающий холод его нордических глаз, казалось, пронзил ее; потом он улыбнулся Эрику..

— Ты уж извини нас, брат. Мою леди ожидает посланник ее отца.

— Я на вас не в обиде, — сказал добродушно Эрик. Эрин показалось, будто что-то дьявольское мелькнуло в глазах Эрика, когда он низко наклонился, чтобы поцеловать ей руку. — Я с нетерпением предвкушаю вечер, сестра. Я буду наслаждаться обществом восхитительнейшей женщины.

Олаф проворчал что-то и увлек Эрин за собой. Они шли молча в покои Олафа, и она снова задрожала, к ее страху теперь примешалось ощущение восторга. Неужели возможно, чтобы Олаф ревновал ее? Но этот вопрос вскоре перестал ее мучить, и она начала беспокоиться, узнал ли он, что она не повиновалась ему.

Грегори и Брайс уже ожидали их вместе с невысокого роста мужчиной, посланником из

Тары. Олаф пригласил всех в залу, подошел к окну и выглянул во внутренний двор. Посланник с тревогой проследил за его взглядом, прочистил горло и начал.

— Аэд Финнлайт, Ард-Риг Ирландии, просит, чтобы его сын, Брайс и его племянник Грегори из Клоннтайрта вернулись в Тару на рассвете. Приглашены монахи, чтобы служить обедню по душе Лейта Мак-Аэда, и необходимо присутствие всей семьи. — Посланник опять прочистил горло, взглянув на спину Олафа. — Аэд Финнлайт, Ард-Риг Ирландии также просит, чтобы его дочь, Эрин, жена и королева Дублина, тоже присоединилась к ним. Он просит также, чтобы его союзник и его зять из Дублина посетил Тару на досуге, чтобы присоединиться к ежегодному Фаису, законодательному собранию.

Посланник продолжал, но Эрин больше не слышала его. Домой! Ее мать-как она хотела увидеть ее. И Аэд! Казалось, с их последней встречи прошла вечность. Их расставание было таким горьким. Она так страшно хотела повидаться с отцом, броситься к нему в объятия, ощутить его любовь, позволить ему себя успокоить. Дом. Это место сможет придать ей сил, там она найдет приют и покой... Она снова вернулась к действительности, когда услышала голос Олафа.

— Боюсь, что я и моя жена не сможем сейчас покинуть Дублин. Я слишком много сражался последнее время, обстановка в городе требует моего присутствия. Я, однако, приложу все усилия, чтобы прибыть к Фаису, и я бы просил передать мою признательность Ард-Ригу за его приглашение присоединиться к ирландским лордам.

Эрин почувствовала себя так, будто ей нанесли удар ножом в живот. Он не разрешил ей поехать.

— Олаф, — начал Грегори в ее защиту, спокойно и с достоинством, — Аэд просит, чтобы вся его семья собралась помолиться за ушедшего брата. Мы с Брайсом обязуемся хорошо следить за твоей женой...

— Олаф... — сказала Эрин. — Я так хочу повидаться с моим отцом.

Он холодно посмотрел на нее.

— Мы не будем сейчас больше обсуждать это.

Он просверлил глазами Грегори и Брайса, и новая волна дрожи пробежала по позвоночнику Эрин, когда она увидела этот взгляд. Олаф знал. Он знал, что ее брат и кузен привели ее спешно в город, но он ничего не сказал, только отпустил гонца. Он прошел за ним к двери, потом обернулся:

— Нас ждет трапеза. — Он поклонился вежливо, но холодно.

Эрин заставила себя проглотить обиду, которая нарастала внутри нее и причиняла боль, и кивнула. Она не взглянула на Брайса и Грегори и заспешила из комнаты в большую залу, где заняла свое место за столом. Она не могла смотреть на Олафа. Слезы жгли ей глаза. Викинги и ирландцы заняли свои места, на удивление весело и добродушно перешучиваясь, но Эрин мало что замечала. О Боже милостивый, как она хотела поехать домой, к матери, в Тару, в старинный, величественный и красивый уголок. Как она скучала по Ирландии!

Ее оторвал от размышлений Эрик, который выбрал место справа от нее; он склонил низко к ней голову и произнес:

— Интересно, не так ли, моя леди, смотреть на эту залу. Люди стали друзьями здесь. Мы были рождены, чтобы разорвать друг другу глотки, не зная, что мы можем быть такими, как сейчас. Сегодня я провел много времени с твоим братом, обсуждая успехи, которых мы достигли в выведении лошадей; он — ирландец, я — норвежец. Кажется, у нас много общего, у Брайса Мак-Аэда и у меня. А если бы он не был твоим братом, а я братом Олафа,

вероятно, мы бы встретились не рядом с лошадью, а с боевыми топорами в руках.

— Да, это любопытно, Эрик, и хорошо, когда мужчины не стремятся сразить друг друга, — сказала Эрин, ловя на себе приветливый взгляд Эрика. Он наклонился еще ниже.

— Все же подумай об этом, Эрин из Тары: мудрейшие люди зачастую бывают глупыми слепцами, потому что действуют напрямик, не от сердца.

Эрин посмотрела на него с любопытством, удивляясь, почему он так открыто говорит с ней об этом.

Он слегка улыбнулся, его серо-голубые глаза озорно сверкнули.

— Но все же, может, брат Волка-единственный, кто схватит его за хвост и заставит подчиниться. — Он подмигнул ей, бросив взгляд на стул своего брата, и принялся есть. Эрин склонила голову и осторожно, вслед за Эриком посмотрела на Олафа.

Его гранитное лицо было непроницаемым, брови вздернуты, и он мрачно смотрел перед собой. Она еле заметно улыбнулась. Неужели Эрик и в самом деле собирался схватить Волка за хвост? Испытывал ли муж ревность, когда видел ее улыбающейся и непринужденно болтающей с его родным братом?

Улыбка слетела с губ Эрин, когда Олаф наклонился к ней и тихо сказал:

— Осторожнее, ирландка, ты считаешь меня за дурака, это уж слишком. Мне хорошо известно, что ты посмела не подчиниться мне, и что твои родственники сделали неверный шаг, пытаясь спасти тебя от моего гнева.

У Эрин перехватило дыхание, она больше не смогла притронуться к еде. Она откинулась на спинку стула, потом обернулась к нему и тихо попросила:

— Умоляю тебя, не считай брата и Грегори ответственными за мой поступок.

Олаф испытующе посмотрел на нее, взгляд его синих глаз по-прежнему был мрачным и даже предостерегающим, как будто он заманивал ее в ловушку и внимательно наблюдал за происходящим.

— Я ничего не предприму в отношении них, они смелые и решительные юноши, доблестные преданные воины. Они твои родственники, и естественно, что они слепо хотят защитить тебя.

Эрин пыталась отпить из серебряной чаши, которую она разделяла с Олафом.

— Возможно, это не слепая любовь, мой лорд, а простое доверие.

— Доверие, ирландка? — переспросил он вежливо. — Стоило мне отвернуться, и ты тотчас же нарушила мой приказ. Но не в этом дело. Ты невольно помогла мне решить одну проблему. Я, возможно, разрешил бы тебе поехать к отцу в сопровождении братьев. Сегодня благодаря тебе я для себя все окончательно решил.

Его слова поразили ее, как нож, который воткнули и резко повернули в ране. Она с трудом держала чашу, пальцы дрожали, и мед чуть не выплеснулся через край. Эрин отставила чашу и сцепила руки на коленях, решив заговорить, пока слезы, подступавшие к ее глазам, не вылились в бесполезное рыдание.

— Это твое последнее слово? — спросила она мрачно. У него на шее бешено бился пульс, но она не видела этого.

— Вероятно, — ответил он резко, даже раздраженно. — Но это, ирландка, будет зависеть только от того, насколько сильно ты желаешь увидеть свою семью.

Пораженная его ответом, Эрин быстро взглянула на него, в ее глазах светилась надежда, зарожденная им.

— Что ты имеешь в виду? — Ее голос прозвучал хрипло.

Он не ответил. Его взор был прикован к центру залы, где начиналось представление. Эрин посмотрела туда же и сжала зубы от ярости и возмущения.

Олаф не сводил глаз с поразительной красоты женщины; она танцевала. Ее кожа была цвета меда, миндалевидные глаза — черны как ночь. На ней были шелковые штаны, которые мало что скрывали, и она танцевала под музыку, которую Эрин никогда прежде не слышала. Она двигалась в ритме, который обещал только одно: соблазн.

«Он отказался от меня. Он отказался от Эрин из Тары».

Эрин быстро обернулась и заметила нежный взгляд Эрика.

— Мужчины отвергают такое удовольствие, только когда чувствуют, что владеют более восхитительным сокровищем.

Эрик улыбнулся и опять начал болтать с норвежцем справа от него, прежде чем она ответила. Эрин взглянула на свою нетронутую пищу, потом на танцовщицу; казалось, у нее нет причины оставаться долее в зале. Олаф вряд ли заметит ее уход.

Но прежде чем она пошевелилась, Эрин обнаружила его руку на своей и еще раз почувствовала на себе ледяной огонь.

— Куда это ты собралась бежать, ирландка? — спросил он мягко.

— Я не убегаю, — с достоинством ответила Эрин. — Я просто устала и хочу найти отдых в моей комнате.

Он взглянул на нее и медленно убрал свою руку.

— Ну иди в свою комнату, жена, но подожди меня. Мы должны кое-что обсудить.

К своему ужасу, Эрин почувствовала, как жар разливается по ее телу при его словах. Как можно ненавидеть и, вместе с тем, жаждать этого мужчину? Желание заставляло ее слабеть.

— Сдается мне, — сказала она с показным презрением, — что ты наслаждаешься издеваясь. Нам нечего обсуждать.

Он улыбнулся.

— Ирландка, что стоит всегда между нами? Обмен и соглашение. Может так случиться, что ты захочешь поменять все снова.

— Ты ошибаешься, — прошептала она, едва дыша. — Я не меняла, я была обменена.

— Может быть, ирландка, увидим. Иди в свою комнату, но подожди меня, я скоро буду.

Эрин пропустила мимо ушей пожелание Эрика спокойной ночи, поспешно встала из-за стола, прерывисто дыша, прислушиваясь к биению собственного сердца. Она взбежала вверх по лестнице, вошла в свою комнату, быстро закрыла дверь. Эрин почувствовала усталость и спиной прислонилась к двери. О Боже праведный, что это за новое издевательство? Эрин не могла унять дрожь. Она должна сопротивляться, и тем не менее она мучилась вопросом, домогался ли он экзотической танцовщицы или какой-нибудь другой женщины? «Дура», — ругала она себя. Эрин не имела понятия о том, где Олаф проводил ночи с тех пор, как покинул ее постель.

— Что я делаю? — прошептала она громко. Единственное, на что она была способна — это держаться подальше от него, последняя надежда на сохранение достоинства, тогда как он продолжал обращаться с ней как с пленницей и предательницей.

Она всхлипнула. Если бы только она могла отправиться домой, ей бы не пришлось узнать, искал ли он другую женщину. Она бы нашла в себе силы и успокоила бы боль, которая глодала ее изнутри. Когда она видела его, то желала его с трепещущей иссушающей страстью. Сколько пройдет времени, пока любовь, которую она яростно пыталась истребить в себе, и страсть, которая постоянно бушевала в ней, опять войдут в свои берега?

Эрин смотрела на тонкий яркий месяц. В черном небе блестели звезды. Воздух был холодным, но все же она не могла заставить себя закрыть окно и продолжала дрожать в своей тонкой льняной рубашке. Напряжение в ней все более и более возрастало. Она задрожала, когда услышала, как открылась и закрылась дверь, и новая волна нервной дрожи поднялась в ней.

Она не обернулась, а ждала, зная, что он прислонился к двери, которую так решительно закрыл, зная, что он смотрит на нее. Она судорожно сглотнула, снова задумавшись, не зная в какую игру он играет. Если он желал ее снова, то ему ничего не стоит осуществить свое желание. Она должна удержаться, но тем не менее она молилась, чтобы он попросил ее об этом. Тогда она снова будет с ним, не уронив своего достоинства.

— Bravo, жена, — заявил он наконец, медленно растягивая слова. — Мне кажется, ты завладела сердцем моего брата. Эрик просто зачарован.

Эрин пожала плечами, оставаясь стоять спиной к нему.

— Я нахожу Эрика учтивым и милым.

— Странно, ведь он мой родственник. Эрин проигнорировала это замечание.

— Я могла быть более гостеприимной, если бы меня предупредили заранее о его приезде, да и вообще, если бы я знала, что он существует.

— Ты думала, что викинги действительно порождение дьявола, изрыгнутое на землю, а не рожденные отцом и матерью? Вероятно, ты должна была предположить, что у меня есть семья.

— Ты никогда не говорил о семье.

— Ты никогда и не спрашивала.

Эрин еще раз пожала плечами, дрожа, как вода под порывом ветра, посланным с моря. Они молчали, и Эрин чувствовала, что холод только удлиняет расстояние между ними, и она знала: стоит ей столкнуться со сталью его глаз, как она почувствует, будто прикоснулась к огню.

Эрин не хотела встречаться со взглядом, который проникал в ее душу, угрожая отнять гордость, обнажить все, что она так отчаянно пыталась скрыть в своем сердце.

— Закрой ставни, — вдруг приказал он грубо. — Ты хочешь подвергнуть опасности свое здоровье и здоровье моего ребенка?

Эрин закрыла решетчатые ставни, но продолжала слепо смотреть теперь уже на закрытое окно. Опять воцарилось молчание, такое продолжительное, что ей захотелось сильно ударить в каменную стену и пронзительно закричать.

— Повернись, Эрин, — тихо приказал он. Она медленно подчинилась, сцепив пальцы, и слегка наклонила голову.

— Мне будет любопытно узнать, ирландка, почему ты не смотришь мне в лицо. Эрин подняла глаза.

— А мне будет любопытно узнать, мой лорд, какую игру ты ведешь.

Олаф поднял вопросительно бровь, выказывая недоумение, скрестил на груди руки и сухо улыбнулся.

— Боюсь, что тебе придется самой сначала объясниться, если ты хочешь, чтобы я ответил.

— Хорошо, — сказала она холодно. — Чего ты хочешь, мой лорд? Что мы должны обсудить?

— Это не я хочу, а ты хочешь.

Она опять отвернулась от него, глядя на закрытые ставни.

— Не издевайся надо мной, Олаф. Я не жду, что ты отпустишь меня с Грегори и Брайсом в Тару.

— Повернись, Эрин, и, пожалуйста, не испытывай мое терпение, постоянно заставляя меня просить об этом. Она повернулась, раздраженно вздохнув.

— Скажи мне, ирландка, — спросил он мягко. — По кому ты так горюешь? По Лейту или по молодому королю из Коннахта? По брату или по любовнику?

— Феннен никогда не был моим любовником, — ответила тихо Эрин, — и это тебе хорошо известно. Он слегка склонил голову.

— Отвечай на мой вопрос. Умоляю тебя.

— Я скорблю по ним обоим, Олаф, — ответила она спокойно и с достоинством. — По брату, которого я горячо любила много лет, и по другу, который был отважным и заботливым, благородным молодым правителем своего королевства.

Олаф помолчал мгновение.

— Об этом я не буду больше говорить с тобой и не буду безжалостно попирать твои чувства, так как боль, которую ты испытываешь, мне хорошо знакома, и не буду поворачивать кинжал, который вонзился в твое сердце.

Он прокашлялся, как будто это задело его собственные чувства. Его голос резко изменился и стал более привычным — низкий, любезный и циничный.

— Вопрос в том, ирландка, насколько сильно тебе хочется увидеть родных.

Ее сердце начало отчаянно биться, когда она обнаружила, что с таким странным взглядом она еще никогда не встречалась. Этот взгляд был отчужденным, но сверлящим.

— Вероятно, тебе известно, — ответила она, внутренне сожалея, что может говорить лишь шепотом, — как сильно я хочу увидеть отца, увидеть свой дом. Но мы оба знаем, мой лорд, что ты откажешь мне.

Он не ответил сразу. Он раздевал ее взглядом. Жар окрасил ее тело и щеки румянцем. Она знала, что белье, которое было на ней, прозрачно. При свете свечей под ним хорошо видны ее формы.

Он снова посмотрел на нее.

— Может, и нет, ирландка, все зависит от тебя.

— Ты шутишь.

— Нет, не шучу. Это зависит от того, что ты мне можешь предложить в обмен.

— Я не понимаю, зачем ты насмехаешься надо мной, говоря опять об обмене, — едко выкрикнула Эрин, задыхаясь. — Ты хочешь получить взамен мое тело и обещание, что я буду предоставлять тебе его и дальше, и тогда я смогу поехать к отцу домой? Тогда я скажу «да» мой лорд, так как я уже по опыту знаю, что ты всегда поступаешь как тебе нравится независимо от того, что я решу. Ты, однако, мой муж. Я никогда не боролась против тебя.

Она была удивлена, заметив еле уловимую усмешку.

— С этим, ирландка, можно поспорить. Но нет, Эрин, я не прошу взамен твоего тела. Я не так глуп, леди, ты не можешь предложить мне то, что и так принадлежит мне.

Яркий румянец гнева и унижения появился на ее лице.

— Я умоляю тебя, — отрезала она, — прекрати эти игры, я устала от них. Скажи, могу я

поехать, да или нет...

— Мужчина, — перебил он, — любой мужчина, даже викинг, говорит «да» или «нет», сообразуясь со своим настроением. Если он в хорошем расположении духа, расслаблен и настроен льстить, он, наиболее вероятно, скажет «да». Чем больше он получает удовольствия, тем больше сам стремится угождать.

— Олаф! — В ее голосе слышалось рыдание и пронзительный крик. — Что ты все же хочешь от меня? Ты говоришь, что мне нечего предложить в обмен...

— Нет, этого я не говорил...

Он прервал ее тихим голосом, почти шепотом, и, тем не менее, она отчетливо слышала его. Этот звук разлился жаром по всему ее телу, как его прикосновения.

— Я сказал только, — продолжал он, шагнув к ней, — что ты не можешь предложить мне то, что и так принадлежит мне. Но я не хочу женщину, которая вынуждена отдаться мне. Не хочу я и ответного чувства, которое доставит удовольствие. Ты однажды сказала мне, что есть то, что можно брать, а есть то, что можно получить. И это очень мудро, ирландка. Ублажи меня, ирландка. Подойди ко мне сама, отдайся мне...

— Опять ты издеваешься? — резко и холодно сказала она. — Я не могу этого сделать, ведь ты заклеил меня...

— А, но это как раз и есть обмен. Один должен отдать что-то, а другой, естественно, это получить. Если ты хочешь поехать в Тару, ты должна поднять мое настроение, так как оно очень мрачно сейчас.

— Я не могу... — начала она снова, едва дыша, но ее голос смолк, когда он пожал плечами и отвернулся от нее.

— Тогда, увы, ты останешься в этих стенах.

— Олаф! — Эрин расцепила пальцы и забарабанила кулаками в каменную стену.

Он опять повернулся и взглянул на нее.

— Ты ублюдок! — выкрикнула она.

— Это твое обычное утверждение. Измученная, она продолжала смотреть на него.

— Какая разница...

— О, я полагаю, огромная разница, Эрин. Это сделка. Она продолжала колебаться, как будто ожидала, что время даст ей спасительный ответ.

— Ты ошибаешься, Олаф, так как, если я сделаю даже шаг тебе навстречу, это будет все равно принуждение.

— Нет, Эрин. Ты сама выбираешь. Тебе стоит только вечером сказать мне «нет», и я покину комнату.

— И запретишь мне поехать к отцу! Он пожал плечами.

— Я опять говорю тебе, мужчина в хорошем и добром настроении гораздо уступчивее. И подумай об этом, Эрин. Ты многого просишь после того, как за моей спиной нарушила мой наказ. Все в твоих силах. Вообще-то, предупреждаю тебя, ты должна удовлетворить меня как следует, так как события дня неблагоприятно сказываются на моем терпении.

Эрин вонзила ногти в ладони. Казалось, он всегда выигрывает сражения, используя элемент неожиданности, резкий поворот в ходе атаки. Эта атака оставила ее пораженной и беззащитной. Если бы только она могла взглянуть на него бесстрастно и сказать ему, что ни за что не даст ему то, что он просит.

Олаф действительно делал ее уязвимой и беззащитной. Она была охвачена огнем желания, ей так хотелось сделать шаг... лучше бы он сделал шаг... Это бы не лишило ее

гордости. Желание близости затмевало ее разум. Она не могла позволить ему уйти. Ее гордость не шла ни в какое сравнение с тем, что она представляла себе, как Олаф уйдет к экзотической красавице, которая так изумительно танцует.

Он опустил брови, пожал плечами и повернулся еще раз к двери. Эрин не могла больше колебаться.

— Олаф! — Ее голос был отчаянным и резким. Он остановился.

— Я уже все сказал, ирландка, — проговорил он грубо. — Никаких уступок, никаких бесстрастных поцелуев и холодных губ. Ты подойдешь ко мне сама и отдашь себя всю.

Она задрожала, у нее пересохло горло. «Олаф, — умоляла она про себя, — если бы ты сделал шаг навстречу, ты бы нашел все, что просишь. Я боюсь, боюсь, что не смогу. Я боюсь, что мое отяжелевшее тело не сможет так соблазнить тебя, как то, которое так изящно извивалось в танце...»

— Эрин!

Его тихий голос звучал требовательно, и все же она не могла сдвинуться с места. Он заговорил снова, и она поняла, что он действительно мог проникать в ее сердце и ее душу своим синим взглядом.

— Ты, моя жена; более совершенна и прекрасна для меня сейчас, чем когда-либо. Мой ребенок увеличил твой живот, окрасил твои щеки здоровым румянцем и сделал тяжелой твою грудь. В самом деле, Эрин, когда придет срок, твое тело по-прежнему будет для меня наиболее привлекательным. Я не могу измерить глубину моей страсти, ирландка.

Слезы навернулись у нее на глазах. «Не говори со мной нежно, — молила она про себя, — не льсти мне, не говори ласковых слов, они идут не от сердца...»

— Ирландка, я не буду больше ждать. Она подняла глаза, и к ним вернулся огонь. Она не покажет ему больше своих страхов, не обнажит перед ним своего сердца. Он хотел обмен. Она будет достойна своей позиции в этом обмене. Он растревожил ей душу, и она заплатит ту цену, которую он требует, со всем мастерством, на которое способна.

Эрин отошла от окна и остановилась, глядя на Олафа. Потом медленно сняла рубаху. Продолжая смотреть на мужа, она небрежно уронила одежду на пол. Затем направилась к нему, покачивая бедрами, не сознавая, что дрожь и смущение придавали ей очарование, делали ее еще более соблазнительной.

Почему, спрашивал Олаф себя, каждый раз, когда он видел ее, то испытывал наслаждение снова и снова? Он не лгал, когда говорил, что беременность красила ее. Ее шея и плечи были все такие же нежные, груди увеличились и набухли, и вены казались бледными голубыми тропинками, к которым так и тянуло прикоснуться мягко пальцами, ее соски потемнели до темно-розового цвета, поднявшиеся и цветущие подобно распустившимся лепесткам. Он видел и слабую припухлость около ее талии, и округлившийся живот.

Ее ноги не изменились. Длинные, гибкие и соблазнительно стройные. В движениях чувствовалась тайна и врожденная грация, каждый ее шаг отзывался волной соблазна. «Все, что тебе надо сделать, моя жена, — думал он, — это подойти, и ты доставишь удовольствие любому мужчине».

Ему показалось, что предложенный обмен был не равноценен, ведь он позволил ей поехать в Тару. Но сейчас это не имело значения. Он продал бы душу дьяволу в эту минуту. Днем, когда она разговаривала с его братом, ее изумрудные глаза смеялись. Олаф понял, что жертвует всем ради этой минуты. Он готов был использовать любые средства, чтобы она вот так подошла к нему, протянула руку и смотрела на него с обворожительной страстью.

У Олафа перехватило дыхание, когда она приблизилась. Нежный, едва уловимый запах роз окутывал его. Он мог протянуть руку и ощутить ее шелковые волосы, страстными пальцами ласкать ее полную грудь. Но он не делал этого. Он был внешне спокоен. Эрин остановилась, когда подошла к нему, опустив ресницы. Он не тянулся к ней; он все еще проверял. Она дрожала всем телом, боясь, что не сможет дать ему удовольствия, которое он желал получить. Но он не щадил ее, и она уже зашла слишком далеко.

Уже не могла отступить.

Эрин подняла ресницы, их взгляды встретились. У нее пересохли губы, и она слегка прикоснулась к ним кончиком языка, затем поставила свою обнаженную ступню на пол, чтобы сделать последний шаг. Она стояла перед ним так близко, что чувствовала непреодолимую силу его желания.

— Дальше, — шептал он, его слова ласкали ей щеку. Она встала на цыпочки и обхватила руками его шею, нежно поцеловала в губы, дрожа при каждом прикосновении. Эрин откинулась немного назад, но муж продолжал смотреть на нее глазами, исполненными желания. Она поднесла руки к его лицу, отодвигая золотые завитки с его лба, потом обхватила пальцами его щеки и шею, провела большим пальцем по его губам, придвинулась ближе, прижавшись к нему.

Стон вырвался из его груди, когда он обнял ее. Ее поцелуй стал более страстным, и он уже не мог сдерживать себя и осторожно ласкал ее губы кончиком языка. Его руки поглаживали ее затылок, зарываясь в волосы, ощупывая плечи и спину, спускаясь все ниже, чтобы добраться до ягодиц. Эрин уже была готова закричать, упасть бессильно в его объятия. Но когда их губы соединились, ее пышные волосы упали ей на лицо, и она отпустила его, чтобы вынуть из волос гребень. И тогда серебряный герб упал небрежно на пол вместе с красным плащом. Это походило на падающее горящее облако.

На мгновение их взгляды встретились, и в эту минуту, затаив дыхание, она осознала, что сдалась. В эти короткие секунды их желания были как кроваво-красное облако его упавшего плаща, такие чистые и такие искренние, такие сильные, такие смелые и неостановимые. Эрин опустила глаза, встала на колени перед ним, покорная и гордая, и стала снимать его обувь.

Олаф запустил пальцы в ее волосы, но она не взглянула ему в глаза, а расстегивала пояс. Он позволил ей снять его, лаская темный, как ночь, шелк ее волос своими дрожащими пальцами. Он снял рубаху через голову и бросил ее на пол и снова завладел ею; нежное обнаженное тело безжалостно дразнило его плоть и ублажало его, доставляя сладкое чувственное наслаждение. Ему были приятны ее инстинктивные движения, ритмичные касания его груди ласковыми холмиками. Ее губы целовали его плечи, а пальцы чувствовали силу и крепость его плеч и рук, когда она касалась их, она ласкала завитки золотистых волос на его груди.

Эрин низко наклонилась над ним снова, прикосновения ее ласковых пальцев становились более смелыми, ее губы дразнили, причиняя страдания, касаясь с легкой нерешительностью и огромной страстью. Она отдала себя всю, играя в чувственную любовную игру, которой он так хорошо обучил ее. В нем разгорался огонь, который нельзя было сдержать.

Олаф потянулся к жене, стеная от глубочайшей страсти. Он отнес ее на руках в кровать. Его взгляд встретился со взглядом изумрудных, ослепительно сверкающих глаз, это было все, чего он желал. Она улыбнулась, и снова ее глаза отразили красоту и тайну происходящего.

Он лежал рядом с ней, ее волосы разметались по подушке. Эрин скользила телом по его телу, ослепительно красивая, и приняла его в свое лоно. Его руки ласкали ее гладкие ягодицы, и вдруг все внутри него занялось огнем, и он притянул ее к себе. Она чуть слышно застонала, отвечая его желанию. Он прижал ее к себе и, наконец, почувствовал облегчение. Когда они оба утихли, он не отпускал ее, он ждал. Через какое-то время он начал опять медленный пульсирующий ритм, который снова воспламенял огонь, хотя ей казалось, что она уже насытилась и не сможет испытать все в полной мере.

— Нет... — прошептала она устало, содрогаясь от плотского наслаждения. — Я не могу, я думаю, что...

— Нет, ирландка, ты можешь. Ты не думай, ты чувствуй, — прошептал он в ответ. Вскоре она опять горячо сжимала его, ее пальцы ласкали его волосы, ногти царапали спину, привнося все новое и новое возбуждение. Он любил ее, он смотрел на нее, наслаждался ею, не мог оторвать от нее глаз. Он чувствовал ее дыхание, находил удовольствие в содроганиях и криках, которые опять потрясали ее нежное тело, захваченное порывом страсти. Время. Он так желал, чтобы оно остановилось. Вскоре напряжение, которое установилось между ними, плавно перешло в умиротворение, и, сладко насытившаяся и утомленная, она уснула. Он смотрел на изгиб ее губ, раскрывающихся при выдохе, прекрасные черты лица, на ее пополневшее изящное тело. Он обаял ее, глубоко вздохнул и, Удовлетворенный, погрузился в сон.

Эрин медленно просыпалась, позволяя себе насладиться приятным чувством удовлетворения. Когда она открыла глаза, то вынуждена была столкнуться с реальностью, и это отразилось болью в ее сознании.

Ночь была для нее и бурей, и убежищем, умиротворением и волшебством. Теперь Эрин могла покинуть золотого викинга, который так крепко спал рядом с ней.

Она заслужила награду. Она могла поехать в Тару, утешить опечаленную мать, обнять отца и забыть о своих печалях. Она сможет оплакать Лейта и Феннена, взывая в молитвах к Богу. Их души должны найти покой на небесах. Ей было необходимо это, необходимо почувствовать себя ближе к тем, кто любил ее сейчас, и к тем, кто уже не сможет любить ее, потому что их пребывание на земле окончилось.

Сейчас, как никогда, Эрин хотелось уехать. Ей не выиграть сражения, если она все время уступает. Она поклялась никогда не прощать его. Но она любила Олафа, и как любящий человек она бы с удовольствием простила его, если бы только он попросил ее об этом.

Она часто мечтала о таком дне. Олаф, который поверил бы и понял, что причинил ей страдания. Он умолял бы, чтобы она простила его, зная, что не заслужил этого. Олаф, который говорил, что любит ее больше всех.

Но такой день никогда не настанет. Она должна понять это и смириться. Слезы наполнили ей глаза. Когда он прикасался к ней, когда он шептал ей о том, какое удовольствие она ему доставляет, было очень легко поверить, что он когда-нибудь полюбит ее, поверит ей, будет нуждаться в ней.

Она должна заставить себя понять, что слова, высказанные в порыве страсти, легко берутся назад. Он не нуждался в ней и не любил ее. Он испытывал лишь физическое влечение. Если бы ночью она ушла, он шептал бы похожие слова другой женщине. Он хотел ребенка, недвусмысленно предупреждая, что даже не позволит ей прикоснуться к новорожденному, и на его стороне ирландские законы.

Ее снова душили слезы, и она зарыдала. Его рука случайно упала на ее грудь, мускулистое бедро и колено легли на ее тело. Эрин открыла глаза и слегка повернулась, чтобы взглянуть на его лицо.

Муж казался моложе, когда спал. Напряжение спало, и гранитное лицо, которое всегда скрывало его чувства, было спокойно и красиво. Густые ресницы цвета меда скрывали синеву его глаз, он походил на беззаботного ношу. Полные, резко очерченные губы, были приоткрыты и слегка улыбались. Ему снились, должно быть, сладкие сны. Прядь солнечно-золотистых волос упала ему на лоб, переплетаясь с толстыми дугами бровей. Ей хотелось прикоснуться к ним, почувствовать и нежность, и грубость его волос, смахнуть их с бровей, но она не сделала ого. Волк безмятежно спал. Малейший шорох мог легко разбудить его. Эрин с любовью смотрела на него.

Ее взгляд скользнул по его плечам, и она улыбнулась, когда подумала, как забавно видеть его спящим. Мускулы трепетали под бронзой его кожи даже во сне. Все в нем было гармонично-и крепость, и гладкость, и сила. Золотой король волков... «И я уйду от него. Я должна», — подумала она с тоской, но потом вдруг представила, что он изменит свое решение этим утром. Возможно, он просто шутил с ней, посмеялся над ней.

Взволнованная своими мыслями, она быстро начала выбираться из постели. Но в это утро он спал крепко. Ни дин мускул не дрогнул на его лице. Эрин встала, слегка пошатываясь от боли в мышцах. Она бросила взгляд на льняную рубашу, которую сбросила ночью. Похвалила себя за то, что ей так легко удалось выскользнуть из постели, но вдруг похолодела от ужаса, услышав настойчивый стук в дверь. Она подбежала к двери, надеясь открыть ее до того, как Олаф проснется.

Перед ней стоял Риг. Он немного подался назад, когда дверь распахнулась и на пороге появилась Эрин, непричесанная, с широко раскрытыми глазами. Риг нес таз с водой для умывания, и вода случайно выплеснулась ему на руки, когда он отпрянул назад.

— Прошу прощения, моя леди, — прошептал он быстро. — Я не знал, пожелаешь ли ты принять ванну, но я все равно принес воду. Твой брат собирается отбыть через два часа. Он просит, чтобы ты была готова...

— Что? — недоумевая переспросила Эрин. Как мог Брайс узнать, что она, наконец, получила разрешение поехать с ним? Олаф не выходил из комнаты с того момента, как согласился на сделку.

— Лорд Олаф объявил прошлым вечером, что ты вместе с Брайсом и Грегори отправишься домой в Тару, — сказал весело Риг, уверенный, что он принес хорошие известия. Улыбка исчезла с его лица при виде огорченной Эрин.

— Что-то не так? Тебе нехорошо? Мне сказать твоему брату, что ты не сможешь отправиться в путешествие?

— О нет, Риг... Нет, нет, нет. Я твердо намереваюсь уехать. — Эрин улыбнулась, не разжимая зубов. — Пожалуйста, скажи моему брату, что я соберу свои вещи быстро и буду готова отбыть, когда он того пожелает.

Эрин потянулась к тазу с водой, продолжая улыбаться. Она повернулась и посмотрела на мужчину, лежащего на кровати. Он мирно спал, его губы по-прежнему улыбались. Она никогда не видела его так сладко спящим. Он и во сне оставался самоуверенным и высокомерным.

Эрин пришла в бешенство. Единственное, что она могла сделать — это не завопить от ярости. Кое-как она справилась с собой и стала медленно приближаться к кровати, четко

зная, как ей поступить. На минуту она остановилась, ее глаза сузились. Эрин посмотрела на красивое лицо мужа. Затем подняла таз с водой над его головой и быстро опрокинула его. На Олафа обрушился поток холодной воды.

Его глаза моментально открылись, и он вскочил так быстро, что ей пришлось отступить. Он прорычал, брызгая слюной, с бешеным гневом в голосе:

— Во имя богов, что...

И осекся, когда увидел перед собой Эрин. Глаза ее были сощурены и опасно сверкали, нежные черты лица исказились от ярости. Олаф сжал зубы. Когда он смог снова заговорить, его голос звучал жестко и холодно, в нем слышалось леденящее душу предостережение.

— Мне кажется, Эрин, что ты явно рехнулась.

Когда он двинулся к ней, она метнула в него пустой таз. Это застало его врасплох, и он согнулся от неожиданной боли. Таз угодил ему прямо в живот.

— Обмен! — кричала Эрин с нескрываемой злостью. — Ты подлец, обманщик, гнусный ублюдок! Грязный язычник! Крыса, червь, змея...

Он схватил ее за запястье и швырнул на кровать. Эрин поднялась на колени и начала снова изрыгать проклятия.

— Ты уже сказал, оказывается, что я могу ехать, норвежский ублюдок!

При этих словах он подошел к кровати, оперся на одно колено, схватил Эрин за подбородок и крепко сжал, так что она не могла ни увернуться, ни сопротивляться, чтобы не причинить себе боли.

— Прикуси свой дерзкий язык, Эрин, — сказал он тихо, но с угрозой и предостережением в голосе, стряхивая с волос воду. — Да, я решил вчера вечером, что разрешу тебе поехать. Я никогда не позволял женщине повелевать мною.

Эрин дернулась, пытаясь вырваться.

— Будь ты проклят! — прошипела она, набросившись на него с кулаками. — Пошел ты ко всем чертям...

Олафу понадобилось несколько мгновений, чтобы снова схватить ее запястья и усмирить.

— Смотри, ирландка! — рявкнул он. — Ты пока еще здесь, а я могу легко изменить решение.

Эрин откинула назад голову, и ее волосы разметались по спине, а глаза сверкнули изумрудным огнем.

— Нет, Норвежский пес, больше не предлагай мне ни обмена, ни сделок и оставь свои предостережения! Твои слова больше ничего для меня не значат...

— А ты никогда и не прислушивалась к моим словам, — возразил он, схватив ее снова за запястье. — Если бы ты когда-нибудь сделала так...

— Ты обманул меня! Ты налгал мне! Ты использовал меня...

Олаф вдруг разразился смехом.

— Нет, ирландская ведьма, я только лишь помог твоим чувствам и желаниям выплеснуться наружу. Я думаю, что буду сильно скучать по тебе.

Эрин отчаянно боролась, чтобы вырваться, и, задыхаясь, прошипела:

— В это трудно поверить, лорд Волк, так как ты предпочитал спать где-то еще, когда я была здесь.

— И это беспокоит тебя, ирландка?

Эрин извернулась, чтобы укусить руки, которые держали ее. На этот раз он оказался

более проворным, отпустил ее мгновенно, и она повалилась назад. Он склонился к ней, прижав ее руки над ее головой, и посмотрел насмешливо...

— Я не знал, ирландка, что ты решила, что тобой пренебрегают. Я бы быстрее вернулся в свою спальню.

— Отпусти меня! — скрежетала Эрин зубами, пытаясь не замечать, что соприкасается с его обнаженным телом. Но он по-прежнему улыбался.

— Нет, колдунья, я пленник всех твоих настроений. Соблазн делает меня слабым, а бешеная злючка так воспламеняет огонь в моей крови! И я не могу вести себя порядочно, ведь я викинг. И потому что моя надменная принцесса упрямая фурия...

— Будь ты проклят, ты не можешь этого сделать! — завопила Эрин, и что-то в ее голосе затронуло струны в сердце Олафа. — Ты не веришь ни одному моему слову...

— Эрин, — прервал он ее, его голос звучал странно. — Возможно, ты ошибаешься. Я не могу слепо поверить в то, что ты говоришь, — то, что произошло, слишком серьезно. И все же ты ведьма. С тобой я теряю голову. Но ты продолжаешь отвергать меня...

Вдруг Эрин затихла, посмотрев в его глаза. Она пыталась проверить, искренне ли он говорит, пыталась отыскать в его словах хотя бы намек на какие-то чувства.

— Я отвергаю тебя только потому, что я слишком ценю свою свободу, — с трудом прошептала она, ее глаза опять сверкнули гневом. — Но со мной обошлись дурно, меня оскорбили, мой лорд. Говорю тебе, это ты должен просить у меня прощения.

Внезапно он снова рассмеялся, звук его голоса был хриплым.

— Я прошу у тебя прощения, жена, за то, что так долго пренебрегал тобой...

— Оххххх! — проскрежетала Эрин раздраженно. — Нет, Олаф... — начала она, ее глаза расширились, когда она все поняла.

— Меня не проведешь, моя пылкая ведьма! — расхохотался он, его глаза горели страстно. — Я спал около огня в своей спальне, но не мог согреться. Это делает тебя счастливой, жена?

— Я в восторге, — пробормотала она с сарказмом.

— Да, ведьма, я буду страшно скучать по тебе, — прошептал он, и снова она была поражена нежной теплотой в его голосе и даже не заметила, как он быстро освободил ее запястья, и только глубоко вздохнула, когда он двинулся плавно, легко, умело, чтобы войти в нее. Он поцеловал ее, прошептав:

— Да, ведьма, мне будет недоставать тебя как воздуха, как воды для утоления жажды. Не отвергай меня в этот последний раз, не лишай меня этого последнего наслаждения, мне совсем не радостно, что я разрешил тебе уехать.

Жар охватил ее вместе с сильным желанием.

— Могу ли я отвергнуть тебя, если сама хочу того же? — прошептала она.

— Нет, жена, — ответил он хрипло, проникая глубже и глубже, касаясь ее сердца, ее души.

Она тяжело дышала. У нее не было намерения отвергать его. Более того, она жалела сейчас, что покидает его. Ей казалось, что им суждено соединяться каждый раз, когда они бывали рядом.

Она отдавалась ему со страстной напряженностью, сливающейся с его страстью.

Шел снег, легкие снежинки красиво кружились в воздухе, падая на шерстяной плащ и черные волосы Эрин, образуя неповторимый узор.

Она устала от утомительной езды и холода. Они достигли последнего холма, за которым начинались долины Тары. Предчувствие встречи с родными и близость дома поднимали ее настроение.

Она смотрела вперед. На укреплении, окаймлявшем Тару, она увидела силуэт мужчины. Эрин сощурилась, копыта ее лошади тем временем продолжали отбивать монотонный ритм. Подъехав ближе, она рассмотрела человека, и радостный трепет охватил ее. Она узнала его. Он был высокий, стройный, борода и волосы еще больше поседел. Гордое лицо бороздили морщины — свидетельство дум и забот. «Какое худое у него лицо!» — с грустью подумала Эрин.

Она сжала пятками бока кобылы и помчалась вперед. Снег и земля летели из-под копыт лошади, когда она неслась, преодолевая расстояние, разделявшее их.

Аэд увидел, что она едет к нему, его старое сердце на мгновение остановилось, а потом забилось в бешеном ритме. Он, как и всегда, радостно поразился, что это была его любимая дочь с ее врожденной грацией и сказочной красотой. Это казалось картинкой из прекрасного сна, в котором юная всадница неслась на лошади, осыпанная бриллиантами снежинок.

Приближается... она к нему приближается. Он тревожно посмотрел ей в лицо, когда она подъехала, хотел обнять ее, как обнимают ребенка, но она была уже давно не ребенок, Аэд боялся, что будет отвергнут, и это удерживало его. Перед ним мгновенно прошли картины прошлого. Эрин, делающая первые шаги на неустойчивых ножках, Эрин, летящая к нему, чтобы первой обнять его, когда он возвращался с полей сражений... и всегда ослепительный изумрудный блеск в ее глазах.

Поравнявшись с отцом, Эрин спрыгнула с лошади. Нерешительно он посмотрел ей в глаза. Аэд едва успел увидеть их сверкание, как она бросилась в его объятия.

— Отец, — прошептала она, и слезы радости полились у нее из глаз. Он понял, что прощен.

Эрик окинул взглядом стол. Сегодня Мойра подарила Сигурду здоровую девочку, и викинги, готовые праздновать по любому поводу, устроили пир. Мужчины распивали эль и, шатаясь, расходились по комнатам. Некоторые из них уже валялись на полу. Чья-то рука лежала на столе рядом с Эриком. Он приподнял ее и отпустил. Она упала, как мертвая, и мужчина едва двинулся со стоном, чтобы занять более удобное положение. Эрик засмеялся, допивая свой эль. Он думал о брате. Волк пил вместе со всеми, но казалось, что эль на него совершенно не действует. Ничто не могло снять его напряженности. Эрик снова усмехнулся. Волк встретил достойного противника в лице ирландки. Чем больше проходило времени со дня ее отъезда, тем мрачнее он становился. «Мы все дураки, — размышлял Эрик. — Мы не замечаем, что проиграли». У Олафа дела шли хорошо. Дублин жил в мире и согласии со своими жителями. Подвалы забиты мясом, зерном, медом и элем. За полями ухаживали заботливые руки ирландцев и викингов. Олаф был хитер. Он знал, когда вести войну, а когда подумать о мире. Он завоевал уважение и преданность.

Тяжелые двери в залу распахнулись, и Эрик резко обернулся. Вошел брат, трезвый и

грозный.

Олаф взглянул на Эрика и подошел к огню, чтобы согреть руки.

— Что, брат? Ты все еще сидишь прямо? И в одиночестве? Я думал, что в Дублине останется немного девушек к твоему отъезду.

Эрик усмехнулся.

— Брат, иногда по ночам я предпочитаю наблюдать. Только одной девушке в этой зале я позволил бы пленить мое сердце, и, увы, я должен называть ее сестрой.

Олаф застонал, потянувшись за кружкой с элем.

— Кажется, она уже завоевала твое сердце, брат. Эрик пожал плечами.

— А твое собственное?

— Я не отдавал своего сердца. Я уже сделал так однажды, и боль, когда оно разбилось, была посильнее, чем от датского топора.

— Гренилде умерла, Олаф. А ты живешь, и твоя ирландская красавица тоже.

— Да, — проговорил Олаф горько. — Ирландская красавица. Скалы прекрасны, мой брат, так же как и море, но все это таит в себе опасность.

Эрик встал и выпрямился.

— Олаф, ты сделался великим принцем, могущественным воином и самым мудрым из королей. Ты силен, ты знаешь свою силу и, тем не менее, ты всегда милосерден. У тебя способность прощать тех, кто обидел тебя, и отдавать то, что ты взял. Ты осторожен и рассудителен. И, тем не менее, так случилось, что ты осудил самого благородного и душевного человека из всех, кого ты завоевал. Ты бесстрашен в сражении, где рискуешь своей жизнью, а в самой жизни, брат, я думаю, ты не смел. Сделай по-другому. Рассуди как король Волков, а не как муж. Ты скучаешь по своей жене. Пойди к ней. Забери ее.

Олаф посмотрел на своего брата, едва сдерживая гнев. Но Эрик не боялся его гнева. Как он сказал, Олаф — человек справедливый: он не будет искать мести, если не прав.

— Брат, — наконец произнес Олаф холодно. — Неужели море не манит тебя? Не настало ли время возвращаться домой, викинг?

Эрик состроил унылую гримасу.

— Пусть будет так, Волк. Но подумай, может быть, ты захочешь, чтобы я остался здесь, пока ты будешь в путешествии. Я помогу Сигурду, если на Дублин нападут в твое отсутствие.

Олаф открыл рот, чтобы заговорить, но осекся. Он смотрел на огонь в очаге.

— Да, брат, я намереваюсь поехать и привезти ее домой. Мой сын родится во дворце викингов, в Дублине.

Эрик лишь улыбнулся в ответ, выходя из залы и оставляя Олафа наедине с его мыслями.

Было холодно, но Эрин, тепло одетая, не боялась свежего воздуха. В часовне душно. Монахи шептали молитвы, а она стояла на коленях и крепилась только ради матери. Если действительно существует жизнь на небесах, Лейт и Феннен попадут туда; у них только юношеские грехи. Если Бог существует, он примет таких людей независимо от того, что о них говорили и что было сделано другими от их имени.

Она глубоко вдохнула утренний воздух и печально улыбнулась, глядя на дома в долине Тары. Она горячо любила Тару. Под блестящим покрывалом из чистого белого снега резиденция ирландских королей казалась ей еще более величественной и прекрасной. Никогда в своей жизни Эрин не забудет Тару, не перестанет думать о ней как о своем любимом доме, доме детства. Ручей, где она играла со своими братьями, изумрудно-зеленые склоны Грианан, где она сидела много раз с Маэве, пытаясь научиться делать аккуратные

маленькие стежки в своем рукоделии.

Эрин была рада, что приехала. Она жаждала увидеть мать. Горе состарило Маэве. Эрин знала, что ее присутствие было для матери как целебное зелье. Мать волновало положение Эрин. Время, проведенное вдвоем, прекрасно для них обеих. Маэве чувствовала необходимость излить свою любовь к дочери, и Эрин буквально купалась в лучах материнской ласки.

Аэд испытывал огромную радость по случаю приезда Эрин. Для нее видеть его лицо, освещенное улыбкой, было счастьем, ради которого стоило совершить долгое путешествие по горам и долинам, Эрин сбросила тяжелый камень с его сердца, что явилось утешением и для нее самой. Она проводила с ним много часов, и это было время величайшей и трогательной любви, которую она сохранит в своей памяти на всю жизнь.

Да, она была рада, рада, что вернулась домой.

И, тем не менее, она испытывала болезненное чувство потери, чувство тоски по другому ее дому. Если этот дом был домом ее детства, Дублин стал домом Эрин-женщины. Величественные постройки из камня, аккуратные деревянные тротуары, огромная зала, где застолье начиналось в присутствии короля и королевы, ее комната наверху с теплым очагом... и ее муж. Сколько ночей она лежала там одна? И сколько — с ним? Но, даже будучи одна, она знала, что лежит в его кровати, и это само по себе было приятно. Дотрагивался ли он когда-нибудь, думала Эрин, до того места на простыне, где лежала она, представлял ли, что овладевает ею, мечтал ли, просыпаясь, чтобы она была там, около него, желал ли обнять ее?

Мыслями Эрин возвращалась в Дублин. Она улыбнулась, вспомнив о гонце, который доставил ей весть, что Мойра родила дочь. Как ей хотелось посмотреть на новорожденного младенца! Видя радость Эрин, гонец пустился в детальные описания радостного события — и она весело хохотала, когда услышала, что гигант Сигурд расплакался от счастья и той же ночью напился до бесчувствия.

Но Эрин опечалилась, и норвежец, доставивший известие, покраснел и смутился, когда она спросила, не передал ли ей что-нибудь Олаф. Нет, он не передавал ни слова...

Эрин быстро обернулась, когда услышала шаги сзади, и улыбка снова озарила ее лицо: к ней направлялся отец. Она лгала ему с момента своего приезда, радостно смеясь, но с болью в сердце. Она заверяла его, что все хорошо.

— Я дочь своего отца, Ард-Риг, — напомнила ему Эрин. — Я всегда буду идти своим путем и найду в себе силы.

Аэд улыбнулся в ответ и потом пожурил ее.

— Становится холоднее, дочь. Давай вернемся в дом, и ты погреешься у огня. Мы ведь не хотим, чтобы ты или твой ребенок простудились.

Эрин приняла руку отца почтительно, но с внутренним раздражением. Олаф не мог бы найти более строгих сторожей, чем ее родители. Они следили за ней с неусыпным усердием.

— Твои руки замерзли, — распекал ее Аэд. Эрин засмеялась.

— Отец, все в порядке. Совсем не холодно.

Не обращая внимания на ее слова, он крепко обнял ее.

— Да, Эрин, ты выглядишь прекрасно. Совсем как твоя мать в таком положении. С каждым последующим ребенком, которого она носила, она выглядела еще более мило, и ни одного дня она не чувствовала себя больной.

— Ну, я очень рада, что похожа на мать, — ответила Эрин. — Я часто хочу спать, но

мне совсем не плохо.

Какое-то время они шли молча, но когда приблизились к дому Ард-Рига в долине, Аэд остановился. Он внимательно посмотрел на Эрин, и она опять подумала-как же он о ней беспокоится.

— Ты смотришь в сторону Дублина, дочь, — сказал он задумчиво. — О чем ты думаешь? Эрин пожала плечами.

— Ничего особенного, отец. Я думаю о Мойре, наверное. Я страшно хочу поглядеть на ее младенца.

— Ты не хочешь увидеть своего мужа? Эрин опять пожала плечами.

— Он редко бывал дома, когда я уехала, отец. У него много дел, у него гостит родственник. Если он сможет посетить Фаис, то приедет через несколько недель. Но, возможно, у него не получится это. Война оторвала его от строительства, а строительство — его цель, он так мечтал об этом.

Эрин не могла признаться отцу, что Олаф не приедет. И она была в этом почти уверена. Она отяжелела, ей были вредны страсти, для которых требовалось гибкое и подвижное тело. Хотя слова мужа заронили надежду в ее сердце, она была убеждена, что он по-прежнему считает ее предательницей.

Аэд опустил глаза. Он помолчал, потом опять заговорил:

— Он приедет за тобой, Эрин. Он непременно захочет, чтобы его ребенок родился в Дублине.

Снова Аэд замолчал, и вдруг его руки, такие сильные в бою и такие нежные сейчас, обняли ее, и он прижал к груди свое родное дитя.

— Я боюсь за тебя, Эрин. Мергвин что-то шептал об опасности, которую он не может разгадать. Он не может разглядеть...

Холодок пробежал по телу Эрин, но она заставила себя улыбнуться.

— Отец, какая опасность? У меня больше не будет тревог, мне же нельзя бегать, я должна медленно передвигаться! Здесь или там — я скоро стану матерью и займусь своим ребенком!

Ее слова, казалось, успокоили немного Аэда.

— Знаешь ли, старый друид был здесь, он хотел повидаться с тобой.

Эрин нахмурилась.

— Был здесь? Почему он ушел, не повидав меня? Аэд опустил глаза и, забыв про его возраст, Эрин подумала, что он выглядит как нашкодивший школяр.

— Мы как две старые белки постоянно пререкались. И он ушел, так мы раздражали друг друга, мы были поистине капризными стариками.

Эрин откинула голову и рассмеялась, думая об отце и о Мергвине, старых друзьях, состояющих в остроумии и мудрости.

— Я думаю, — сказала она отцу весело, — что увижу Мергвина достаточно скоро. Я хорошо его знаю и чувствую, что он придет посмотреть на ребенка...

Она внезапно смолкла, у нее перехватило дыхание, и она замерла: ребенок причинял ей беспокойство.

— Эрин, что с тобой? — тревожно спросил Аэд. Снова она рассмеялась, хватая отца за руку.

— Потрогай, отец! Это твой внук стучит! Сильный, крепкий и решительный. Это был настоящий ирландский удар, как тебе кажется, отец?

Аэд засмеялся вместе с ней.

— Не забывай о силе его предка, — предупредил он мягко.

Аэд пропустил Эрин впереди себя в залу. «Пусть это будет сын, Боже!» — молил он про себя.

Эрин покорно съела суп, приготовленный матерью, и поспешила в свою комнату, ей хотелось побыть одной. Здесь Эрин чувствовала себя в безопасности. Она придвинулась поближе к огню. Обвив руками колени, пыталась подавить страх. Как ей лучше поступить? Вырастить своего ребенка как ирландца в стенах главной королевской резиденции острова в окружении тех, кто любит ее и уже полюбил ее ребенка? Или...

«Этого никогда не случится», — думала она, слегка побледнев. Олаф хотел этого ребенка... если ребенок будет таким, каким он хотел. Нет, он придет. Он придет, в конце концов.

Она положила подбородок на колени. Как он развлекал себя? — интересовало ее. Без сомнения, иногда он бывал рад, что освободился от нее. Он мог искать более веселой игры, она оставила его одного, и он был волен делать это, не боясь упрёка.

Эрин справилась со слезами, это теперь ей часто приходилось делать. Она любила мужа так сильно! Любовь стала частью ее существа, ее разума, ее души, ее сердца. Но она не могла отдать ему эту любовь. Все, что она могла предложить ему — это непреклонную гордость. Свою гордость и достоинство она не могла ни на что променять, даже на решительность и выносливость, которые поддержали бы ее, если бы она чего-нибудь лишилась. Пока ее мечты не станут реальностью.

Она могла закрыть глаза и наивно представить себе Олафа с его единственной слабостью — его любовью к ней. Она представляла туманный зеленый берег и Олафа, такого благородного и все же покорного, просящего ее сердца.

Эрин вздохнула. Детские фантазии. Она не должна позволять себе желать невозможного. Все, что она могла сделать — это молиться, чтобы у нее хватило сил прожить жизнь с достоинством, подобающим дочери Ард-Рига.

Скоро у нее будет ребенок. Новые непривычные для Эрин ощущения удивляли ее. С каждым толчком внутри себя она все больше любила живое существо, которое носила. Ее ребенок... его ребенок...

Она внезапно задрожала, вспомнив, как они расстались. Минуты их страсти возвращались к ней часто, принося с собой усталость и головокружение.

Когда они расставались, думала она печально, она чувствовала себя униженной, будто оказалась на поле сражения, у палаток, которые разбила воины. Не важно, убеждала она себя. Она встретит его с достоинством, в своем лучшем одеянии, шерстяном плаще, отороченном мехом лисицы. В волосах будут сверкать алмазы.

Эрин закрыла глаза и попыталась представить, что она скажет: «Добро пожаловать в Тару, повелитель Дублина. Заверяю тебя, что ты получишь все, что тебе потребуется, так как в королевстве Ард-Рига приложат все усилия, чтобы хорошо обслужить тебя».

Ее мечты прервал шум за дверью. Она открыла глаза и уже собралась подняться, как, к ее изумлению, дверь вдруг распахнулась..

То, что она увидела, было поистине невероятно. Перед ней стоял Олаф!

Он заслонил собой небольшой дверной проем. На нем был голубой королевский плащ, красиво гармонирующий с синевой глаз. Борода и волосы были аккуратно подстрижены, лицо — как будто высечено из гранита. Едва заметная улыбка коснулась его полных губ,

когда он увидел ее.

Эрин задрожала при виде Олафа от приятного ощущения его близости. Это был он, в великолепном королевском облачении, он, который не нуждался в защите своего достоинства. И она, должно быть, казалась брошенной ненужной вещью.

«Она: Похожая на лесную фею», — подумал Олаф. Эрин поджала под себя голые ноги, а ее большие изумленные глаза — как красивое летнее поле. Тонкая белая рубашка открывала больше, чем скрывала, и волна чувственности захлестнула его. Он хотел броситься к ней, нежно обнять ее, дотронуться слегка до ее живота. Но он не мог. Он застыл в дверном проеме, думая, что она, вероятно, гневно и холодно отвергнет его.

Казалось, он лишился дара речи. Из-за досадной слабости Волк не мог двинуться дальше.

Эрин поднялась и поспешила ему навстречу. Ее заранее подготовленное приветствие улетело, подобно ветру, и слова, сорвавшиеся с губ, были робкими:

— Мой лорд, ты приехал в ирландскую королевскую резиденцию. У нас принято стучаться в дверь, а не врываться.

Тон ее голоса придал ему сил, и он смог сдвинуться с места, переступить порог и закрыть за собой дверь. Олаф поднял насмешливо золотую бровь.

— Вероятно, даже в ирландской королевской резиденции дверь в комнату жены является и дверью в комнату мужа. Но если это не так, ты должна простить меня, так как норвежцы привыкли входить решительно. Вполне возможно, что из-за нашей привычки к вторжениям нам недостает благородных манер. Но Ард-Риг Ирландии сам направил меня сюда и сказал, что для меня открыты все двери в его доме.

Эрин с трудом отыскивала слова, обнаружив, что не в состоянии говорить, когда он медленно, но решительно направился к ней, пожирая ее глазами.

— Я очень удивлена, что вижу тебя, — усмехнулась она. — Фаис еще не начался, а в Дублине, должно быть, много неотложных дел.

Олаф остановился напротив нее, и Эрин молилась, чтобы он не заметил, что она не может налюбоваться им, не заметил, как ее душа волнуется от его близости, от ощущения его запаха. Он коснулся ее лица, и прикосновение его мозолистой руки было приятно нежным, потом он провел рукой по ее набухшей груди и животу. Он слегка нахмурился, и Эрин затаила дыхание, слишком завороженная и встревоженная, чтобы оттолкнуть его руку, касания которой она так жаждала снова ощутить.

— Боюсь, что нам придется отправиться домой до Фаиса, — сказал он с почтением, в которое она не могла поверить.

— Почему? — с трудом прошептала Эрин.

— Ребенок...

— Еще два месяца, — быстро возразила она.

— Было ошибкой с моей стороны разрешить тебе поехать, — сказал он спокойно. — Тебе не следовало отправляться в путешествие в таком положении, поэтому мы должны поспешить.

Олаф взглянул на нее, и его голос вдруг стал строгим.

— Я не принимаю таких возражений, Эрин. Я поговорю с твоим отцом сегодня же вечером, и на рассвете мы отправимся домой.

Она опустила глаза. У нее не было желания спорить. Радость переполняла ее. Он приехал, и что бы он ни решил, она была счастлива, что ей приказано следовать за ним.

Ребенок, казалось, почувствовал, что у нее на сердце, так как именно в этот момент он ударил руку своего отца. Взгляд Олафа! мгновенно переместился на руку, и Эрин задрожала от удовольствия при виде его изумленных глаз. Ребенок снова зашевелился, и Повелитель Волков не мог скрыть своего восхищения.

— А он сильный, наш сын, — с удовлетворением прошептал Олаф, и голос его дрогнул.

— Может, это и дочь, — поправила его Эрин.

— Нет, жена, это будет сын, — сказал Олаф уверенно, и Эрин поджала губы. Он засмеялся, когда вновь взглянул в ее лицо, и она удивилась, когда он запустил пальцы ей в волосы и слегка взъерошил их.

— Ирландка, — произнес он нежно, — я думаю, ты бы возразила мне, если бы я сказал, что в этот день солнце будет светить по-особому ярко над нами.

«Ты ошибаешься!» — жаждала крикнуть Эрин. Но не могла. От счастья ей хотелось броситься ему в объятия.

Они смотрели друг на друга в ожидании. «Я так хорошо его знаю», — думала Эрин. Она могла бы вспомнить каждую складку его кожи и пульсацию каждого его мускула, его плоти, и все же каждый раз они встречались как противники.

Он отступил от нее.

— Я должен многое обсудить с твоим отцом, — сказал он жестко. — Собери свои вещи и отдохни, так как мы отъезжаем с наступлением рассвета.

Он зашагал к двери, покидая ее так же резко, как и вошел к ней, потом остановился и холодно произнес:

— Нравится тебе или нет, как я вхожу, ирландка, не пытайся закрыться от меня, даже если ты в Таре, в доме своего отца. Где бы мы ни были, ты моя жена. И я не хочу быть вынужденным доказывать тебе это, выбивая ирландскую дверь.

Эрин встретилась с его резким взглядом, оставаясь безмолвной, и продолжала смотреть в его сторону даже после того, как он закрыл дверь. Она обнаружила внезапно, что сердце в ее груди бьется в бешеном ритме, и что огонь волнами прорывается внутрь ее.

Как обычно, он оставил ее разозленной, готовой задушить его или, по крайней мере, окунуть в кипящее масло, потому что он будет лежать рядом с ней, касаться ее.

Эрин немного успокоилась и стала укладывать вещи, которые она собиралась взять с собой, вынимая одежду для путешествия домой — самую теплую рубаху и тяжелый, отороченный мехом плащ, толстые чулки и высокие кожаные башмаки.

Когда все было готово, она взглянула на свою кровать.

Сегодня она будет спать в постели, и мечты ее станут реальностью.

На этот раз, прежде чем муж вошел, она услышала его и забралась быстро под покрывало. Она опять была с ним, но, слыша, как он, тихо снимает одежду, она и не думала притворяться спящей. Она хотела повернуться и посмотреть на него, на могучее тело воина, по которому она так скучала.

Эрин ощутила его вес, когда он лег рядом с ней. Она ждала, ее плоть была полна возбуждения, она ждала, что он протянет к ней руки. Секунды казались часами, минуты — днями, и она продолжала ждать. Она почувствовала лишь движения его тела, когда он отвернулся от нее, обняв свою подушку.

Эрин подумала, что он заснул, и не могла подавить рыдания. Только когда он почувствовал ее касание, встревоженный, он положил руку на ее плечо.

— Что с тобой, ирландка? — прошептал он тревожно. Она не могла сказать правду.

— Ребенок, мой лорд, он иногда сильно бьется внутри меня.

Его рука обвила ее, притянув к себе. Другая его сильная рука очень мягко и нежно кругами поглаживала ее живот, успокаивая.

— Тебе лучше, ирландка? — спросил он, его голос ласкал ее слух.

Она позволила себе улыбнуться в темноте.

— Гораздо лучше, мой лорд.

Вскоре она крепко заснула, наслаждаясь покоем, силой и защитой, которую он всегда ей давал.

Олаф поглаживал пальцами свою стриженую бороду, оценивающе глядя на то, что стояло перед ним, только огоньки в глазах выказывали его чувства. Риг смотрел на своего господина тревожно. Он был горд своим мастерством, которое приобрел за долгие зимы на своей родине, вырезая по вечерам различные фигурки из дерева. Олаф внимательно рассматривал его работу. Затем перевел глаза с колыбельки на Рига.

— Знаешь, Риг, ни один принц не имел более роскошной колыбельки. Это самая искусная работа, которую я когда-либо видел.

Широкая улыбка озарила лицо Рига. Его глаза увлажнились, и он еще раз бросил взгляд на колыбельку, которую смастерил собственными руками. В изголовье ее была вырезана эмблема Волка, а в ногах, по просьбе Олафа, эмблема Ард-Рига — пересеченные мечи и Дева Справедливости. При прикосновении колыбелька плавно качалась на крепких опорах. Дерево было отполировано и блестело.

«Эрин будет так обрадована», — подумал Олаф, его сердце учащенно забилося. Да, конечно, она обрадуется и, возможно, оценит его внимание. Он держал свой подарок в секрете, предвкушая восхищение Эрин. Но когда к нему пришел Риг и объявил, что работа закончена, Олаф отправился разыскивать Эрин, но ее нигде не оказалось.

«Это очень странно», — подумал он мрачно. Он сторонился ее весь день. Ночью он спал рядом, нежно держа ее, что было поразительно, и он был доволен, хотя его плоть кричала, что ей необходимо большее, чем умиротворение. Он хотел подождать благоприятного времени. Она была как мед, который он однажды отхлебнул и нашел его превосходным; он не мог успокоиться. Она носила его ребенка, и он должен охладить свой пыл ради этого ребенка.

И хотя дни ознаменовались установлением странного мира и согласия между ними, нельзя было сказать, что напряжение исчезло. Олаф по-прежнему не мог заставить себя поверить в ее невиновность. Но они не пытались объясниться, они любезно приветствовали друг друга в залах, перекидывались парой ничего не значащих слов, когда садились за вечернюю трапезу, и всячески избегали друг друга. Исключая ночи, когда в темноте он прижимал ее к себе, находя удовольствие в слабых нежных вздохах, которые говорили ему, что она была рада этому миру и этому сладкому покою, который устанавливался так ненадолго.

— Ты видел королеву? — спросил Олаф у Рига. Риг покачал головой, его сердце ликовало от похвалы Олафа.

— Может быть, она в кухне, мой лорд, — отозвался Риг рассеянно, представляя младенца, спящего в его колыбельке. — Или, может, в солнечных покоях беседует с женщинами.

— Хм-м-м. — пробормотал Олаф раздраженно. Он пошел к двери и повернулся к Ригу, прежде чем выйти.

— Отнеси колыбельку в нашу комнату, Риг, и поставь перед очагом, чтобы Эрин сразу увидела ее. Я пойду поищу королеву.

— Да, мой лорд! — сказал Риг, неуклюже приседая.

Олаф пронесся через большую залу и кухню, где узнал от Фрейды, что Эрин куда-то ушла. Он проверил солнечные покои, но счастливая Мойра, сидевшая там с младенцем на

руках, ответила то же самое. Взволнованный, он пошел обратно, вниз, в большую залу, где Эрик затачивал свой меч. Он удивленно взглянул на Олафа.

— Ты что-то потерял, брат?

— Да, мою жену, — ответил угрюмо Олаф. Он заметил самодовольную улыбку на лице Эрика. — Не знаешь ли ты, брат, совершенно случайно, где она может быть?

— О, да, — ответил Эрик, его глаза опустились на лезвие меча. — Те, кто заботится о ее благе, должны знать ее привычки. На твоём месте, Волк, я бы поискал ее около моря.

— Около моря! — прогремел Олаф. — Скалы так далеко. Я строго приказал не ездить...

Эрик, наконец, оторвался от своего занятия.

— А она и не поехала. Она отправилась пешком.

Разразившись проклятиями, Олаф ринулся к двери, не обращая внимания на раздавшийся ему вслед оглушительный смех Эрика. В мгновение ока он оседлал могучего черного жеребца и быстро поскакал вниз по тропе, ведущей к скалам. Он не замедлил темпа, пока не увидел ее, и тогда Олаф остановился, наблюдая.

Сейчас она произвела на него еще большее впечатление, чем тогда, когда он приехал полгода назад, чтобы увезти ее домой, гордую и прекрасную, соединившую в своей Душе морскую бурю и бесконечную красоту небес. В тот далекий день шел дождь, и они переждали его в пещере. Может, там все и началось.

Он спешил и медленно подошел к жене, понимая, что она слышит его. Нежно опустил руки на ее плечи, низко наклонил голову и прошептал:

— Ты зашла слишком далеко, моя леди. Ты рискуешь нашим ребенком.

— Я не рискую нашим ребенком, мой лорд. Я молода и здорова. Замужние женщины в зале сказали мне, что все идет хорошо.

Олаф нахмурился, услышав тоску в ее голосе. Он повернул ее лицом к себе, и его взгляд стал еще более мрачным, когда он увидел ее расстроенное лицо.

— Почему ты смотришь так печально? — спросил он резко. — У тебя нет причин так выглядеть.

Она улыбнулась, но взгляд оставался грустным.

— Неужели, мой лорд? Я думала о днях, месяцах, годах, которые придут, которые когда-нибудь лягут на меня тяжелым бременем. Мы еще молоды, Норвежский Волк, что ждет нас впереди? Я устала. По правде, я устала от того, что все время осторожна с тобой, от того, что ты нарек меня предательницей.

Олаф выпрямился.

— Я никогда не хотел называть тебя предательницей, Эрин. Я был вынужден сделать это, когда увидел твои изумрудные глаза под золотым забралом. Я бы с удовольствием выслушал доказательства того, что ты не намеревалась поднимать меч на меня и моих людей.

Эрин опустила голову и подавила рыдания, которые были готовы вырваться наружу.

— Увы, мой лорд, нет никакого доказательства, кроме того, что находится в моем сердце, и все же мой кузен Грегори поверил мне, так же как и брат Брайс.

— Возможно, — сказал поспешно Олаф, — потому что никто не слышал, как ты свирепо угрожала.

— Нет, мой лорд, это, скорее всего, потому, что они любят меня и доверяют мне.

Олаф заколебался, его указательный палец дотронулся до подбородка Эрин.

— Ты просишь меня отдать тебе мою любовь и доверять тебе, Эрин?

Он не дождался ответа. Эрин вдруг тяжело задышала и стала медленно опускаться на землю. Олаф, обеспокоено, силился удержать ее, обняв за плечи.

— Эрин? Что с тобой?

— Я... я думаю, это ребенок, — выдохнула Эрин, сраженная резкой болью. Она ощущала легкие схватки все утро, но не придавала этому значения, ребенку было еще слишком рано рождаться.

— Нет, ирландка, не может быть...

— Ох! — закричала она, испуганная потоком теплой жидкости, намочившей ее юбку. Эрин бросило в дрожь, у нее застучали зубы. Пронизывающий ветер сбивал с ног.

— Эрин?

— Олаф... это... это ребенок!

Паника охватила ее, когда он наклонился, чтобы взять ее на руки.

— Нет, Олаф, — возразила она, не понимая, что говорит. — Я... мокрая.

Его не беспокоили ее слова, и он твердо зашагал к лошади. Не переставая дрожать, она снова запротестовала.

— Ты сказал, что я не должна близко подходить к лошади...

— Эрин! — выкрикнул он раздраженно. — Ради Бога, помолчи!

Он аккуратно посадил ее на лошадь, затем быстро вскочил сам. — Я не хочу, чтобы наш ребенок родился на покрытой инеем траве.

Она больше не делала попыток заговорить, он крепко держал ее, чтобы она не упала, и подгонял лошадь. Эрин, съежившись, прижималась к нему, все еще не в состоянии остановить дрожь.

Прошло всего несколько минут, но они казались вечностью, прежде чем Олаф и Эрин достигли стен города. Олаф спрыгнул с лошади и взял Эрин на руки.

— Я могу идти, — возразила она шепотом.

В ответ он только раздраженно застонал. Он звал людей, пока нес ее через большую залу.

Олаф открыл ногой дверь в их комнату, позади него бежала Мойра.

— Положи ее на кровать, Олаф, и помоги мне снять с Эрин одежду, — скомандовала Мойра. Влажное платье сняли через голову, и Мойра дала следующий приказ:

— Пошли Рига за новым постельным бельем и скажи Мэгин, что пришло время для Эрин. Она знает, что делать.

— А потом? — спросил Олаф.

— А потом, мой лорд, иди и выпей эля, тебе предстоит долгое ожидание.

Он ждал, и когда утро перешло в день, а день перешел в вечер, он все еще терпеливо ждал. Потом настал и миновал час трапезы, высоко поднялась луна, настала полночь, Олаф молотил кулаками по камню, которым был выложен очаг и изрыгал потоки ругательств, ясно давая понять Сигурду и Эрику, что он все больше и больше волнуется.

— Это первый ребенок, Олаф, — говорил Эрик брату, скрывая собственное беспокойство, — такое длится долго.

Олаф ничего не ответил, он только молча смотрел на огонь. Да, процесс рождения новой жизни очень долог, но этот ребенок входит в мир слишком рано, и у Эрин так давно отошли воды. Боли, вероятно, усиливаются, и становятся невыносимыми. Она была сильной, но как долго могла она выносить это?

Он подумал вдруг, что может потерять ребенка. Дети могут быть и другие, но если он

должен потерять ее сейчас... Он громко застонал, страстно желая хотя бы чем-нибудь помочь.

Он внезапно обернулся, когда услышал приближающиеся шаги на лестнице, увидел Мойру, торопившуюся в кухню. Она надеялась избежать встречи с ним, но он позвал ее строго. Мойра с беспокойством посмотрела на Сигурда, затем на Олафа.

— Мойра, — спросил Олаф тихо, — что происходит? Мойра нервно сжала руки.

— Она хорошо держалась, Олаф, ни одного крика за все это время, но сейчас должен появиться ребенок, а она так утомлена, потеряла все силы и не может помочь нам, а мы нуждаемся в ее помощи.

Лицо Олафа выражало отчаяние и муку. Мойра поспешила уверить его.

— Мой лорд Олаф, мы делаем все, что можем.

Он кивнул и опять обратил взгляд на огонь. Мойра пошла из залы в кухню за горячей водой. Олаф посмотрел ей вслед с тревогой, лицо его было осунувшимся и изможденным.

— Ты ничего не можешь сделать, брат, — сказал Эрик.

— Да, но все-таки, — вдруг произнес Олаф.

Он твердой походкой направился к лестнице и взбежал быстро наверх, Сигурд и Эрик изумленно смотрели ему вслед.

Он не постучал, а прямо вошел в комнату, остановившись лишь на мгновение, не обращая внимания на недоуменные взгляды женщин. Он смотрел только на Эрин. Она казалась такой бледной и слабой, ее лицо было белым как снег, ее прекрасные черные волосы мокрыми прядями разметались по подушке. Глаза были закрыты и веки дрожали, и хотя Мойра умоляла ее задержать дыхание и тужиться, струи воздуха, которые вырывались из приоткрытых губ Эрин, были слабые и тихие.

Мэгин, которая следила, чтобы у Эрин всегда было сухое белье, молча посмотрела на Олафа и опять вернулась к своим обязанностям. Мойра открыла было рот, чтобы выслать его из комнаты, но Олаф поднял руку, прошел через комнату и знаком показал, чтобы Мойра уступила ему свое место возле Эрин.

Мойра сделала шаг назад, и Олаф занял ее место. Он зажал руку Эрин и наклонил голову к ее лицу.

— Ты сдаешься, ирландка. А я помню, что ты никогда не сдавалась в борьбе.

Ее темные ресницы поднялись, в изумрудных глазах стояла мука.

— Ты... не должен быть здесь, — выдавила она. — Пожалуйста, Олаф, не это...

Он следил, чтобы его руки не тряслись, и сжимал ее крепко. Живой огонь покинул ее глаза. Он должен был вернуть его, чего бы это ни стоило.

— Ты права, ирландка. Но я останусь на этом месте пока не родится мой норвежский сын.

— Дочь, — проскрипела она раздраженно. — И ирландская.

Он улыбнулся ей; изумрудные глаза опять засверкали. Ее лицо вдруг исказилось, и рука, которую он держал, дернулась от боли.

— Опять... — тихо промолвила она. Слезы заполнили ее глаза, и она слабо закричала. — Олаф, я больше не могу... Тут он услышал голос Мойры, отчаянный голос:

— Она должна стараться, мой лорд.

— Женщины слабы! — воскликнул Олаф насмешливо, обнимая Эрин за плечи. Он слегка приподнял ее. — Ты будешь бороться, ирландка! Сейчас ты будешь бороться. Я помогу тебе. Сожми зубы, моя любовь, и тужься, как говорит Мойра. Не может же она все

делать за тебя!

Поддерживаемая Олафом, собрав остатки сил, Эрин напрягла все свое тело, потом выдохнула и повисла на нем, на мгновение потеряв сознание.

— Показалась головка! — крикнула Мойра радостно. — Теперь еще... еще, Олаф. Ты должен заставить ее попытаться еще раз.

— Еще, Эрин! — быстро скомандовал он. — Еще... и потом ты сможешь поспать.

Он дернул ее за плечи, приказывая повиноваться. Едва сознавая что-либо, Эрин опять задержала дыхание и напряглась. И в награду она почувствовала вдруг облегчение, когда ее тело опустело, и она услышала крики радости и шепот мужа, который нежно обнял ее:

— Я знал, что ты сможешь, ирландка. Ты победила.

У Эрин все поплыло перед глазами, и она повалилась в изнеможении на подушки. Здоровый крик раздался в комнате, и потом Олаф опять зашептал ей:

— Мальчик, Эрин, здоровый и красивый. — Он мягко улыбнулся. — Его прекрасные локоны наверняка приобретут золотой оттенок.

Она улыбнулась и открыла глаза еще раз, чтобы увидеть сына. Мэгин хлопотала вокруг новорожденного, омывая его теплой водой. Младенца тщательно запеленали, прежде чем Олаф взял его и встал на колени перед Эрин.

— Очень красивый сын, моя леди, и я благодарю тебя от всего сердца.

Ей было плохо видно малыша, но все же она понимала, что он здоровый и прекрасный. Слова Олафа ласкали ее душу, и она позволила себе закрыть глаза опять. Она чувствовала, как он прикоснулся губами к ее лбу и потом отошел с ребенком на руках.

Мойре потребовалось приложить немало усилий, чтобы забрать наследника из рук отца, но она была непреклонна.

— Мой лорд, — шептала она с признательностью и облегчением в голосе, — ты поступил благородно, но сейчас ты должен уйти. Нам нужно вымыть Эрин и освежить ее белье, а это мы лучше всего сделаем, будучи одни. Ей необходим отдых.

Олаф понимающе кивнул, возвращая сына Мойре. Он еще раз взглянул на Эрин, но ее глаза были закрыты. Здоровый румянец окрасил ее бледное лицо, губы были раскрыты в легкой умиротворенной улыбке. Олаф устало спустился вниз по лестнице, он все еще был в смятении, пока не увидел встревоженные лица Сигурда и Эрика.

— Сын, — радостно сказал Олаф. — Мать и ребенок чувствуют себя хорошо.

Эрик испустил победный возглас викингов. Сигурд протянул Олафу рог с элем. Олаф пил долго и жадно. Эрик и Сигурд уже заснули, он сидел молча и несколько часов смотрел на огонь.

Он никогда не испытывал любви подобной той, что почувствовал этой ночью — любовь к маленькому существу с крошечными ручками, которые крепко обхватывали его, любовь к женщине с нежным телом, сильной волей, которая подарила ему ребенка.

Более того, она опять возвращала его к жизни. Она была душой, которую он искал.

Был опять день, когда Эрин проснулась. Она тут же потянулась к ребенку, и Мойра передала его ей, ослепительно улыбаясь, ведь недавно она сама испытала подобные чувства.

Положив сына около себя, Эрин распеленала его и внимательно осмотрела с головы до ног. Он был весь настоящий. Такой крошечный — и все же настоящий. Крошечные пальчики на руках и ногах, крошечное сморщенное личико. Его глаза открылись, и Эрин с удивлением увидела, что они были почти такими же зелеными, как и у нее.

— Мойра! Его глаза!

— Да, Эрин, — засмеялась Мойра. — У него твои глаза. Но этот хохолок на голове определенно папин! Как Олаф узнал прошлой ночью, что он станет золотым, я никак не пойму.

Эрин улыбнулась и откинула свое платье, позволяя плачущему младенцу прильнуть к груди. Она ощутила трепет при его прикосновении. Это было такое удовольствие! Она рассмеялась.

— О, Мойра! Он родился золотоволосым, потому что Олаф приказал так!

Мойра засмеялась в ответ.

— Отлично, моя маленькая мама, Повелитель Волков уже настаивает, чтобы его допустили, так что когда этот малыш наполнит желудок...

— Гребень, Мойра! И таз! Я должна умыться и привести в порядок свои волосы. Он не должен видеть меня в таком ужасном виде еще раз.

— Ш-ш... — успокаивала ее Мойра, заговорщически улыбаясь. — Я не позволю ему войти, пока ты не разрешишь. — Ее голос стал твердым, и она пожурела Эрин:

— Эрин, ты должна как следует заботиться о себе, так же как и о своем ребенке. Ты страшно утомилась прошлой ночью. Тебе потребуется время, чтобы восстановить силы. Я причешу твои волосы, но ты обязуешься поесть!

Эрин ощущала страшную слабость, но кошмар предшествующей ночи был вознагражден. Она взглянула на крошечную головку, так жадно прильнувшую к ее груди, и ее переполнило чувство нежности. Он был таким теплым, таким замечательным, милым, живым. Он был ее, и он был золотым сыном Волка.

Эрин настояла на том, чтобы ребенок остался с ней, пока она не поест и не приведет себя в порядок. Войдя в комнату, Олаф увидел Эрин, склоненную над спящим младенцем с таким милым и мечтательным выражением на лице, что волна всепоглощающей любви и нежности охватила его. Она обернулась к нему с ослепительной улыбкой, ее изумрудные глаза сверкали, подобно молодой зелени под лучами яркого солнца. Он улыбнулся в ответ, подошел к кровати и лег рядом.

— Он замечательный, правда, мой лорд? — спросила Эрин робко, но в голосе ее прозвучала гордость.

— Да, Эрин, — ответил мягко Олаф.

Несколько секунд они лежали молча, не сводя восхищенных глаз с ребенка. Потом Олаф привстал, чтобы вынуть изящную маленькую коробочку, искусно вырезанную в норвежском стиле.

— Я думал, что подарить принцессе Тары, и мало что приходило мне в голову, — сказал он, протягивая ей очаровательную вещицу, — Но я заметил, что ирландки любят украшать свои волосы, и я надеялся, что это может доставить тебе удовольствие.

Слезы навернулись на глаза Эрин, когда она открыла шкатулку. Для нее не имело значения содержимое шкатулки, ей важно было внимание мужа.

Она вскрикнула от восхищения: блестящие драгоценные камни — изумруды и сапфиры, нанизанные на тонкие золотые нити-две прелестные броши, которыми можно закалывать волосы по бокам. Она смотрела на них, стараясь не расплакаться, и ее губы дрожали, когда она заговорила:

— Спасибо, мой лорд, это поистине чудесный подарок.

— Они прекрасно гармонируют с твоими дивными глазами, моя ирландка, — сказал он нежно.

Эрин не могла заставить себя взглянуть на Олафа. Она родила сына, которого он страстно желал, и поэтому он был так нежен с ней. Но будет ли так всегда? Эрин была слишком растрогана, чтобы найти подходящие слова.

— Спасибо, мой лорд, — снова прошептала она. Камни сверкали и переливались перед ее глазами. — Я хочу попросить у тебя еще кое-что, Олаф.

— Да?

— Я очень хочу назвать ребенка Лейтом.

— Это ирландское имя, — ответил Олаф сухо.

— Возможно, — прошептала Эрин, умоляюще посмотрев ему в глаза. — Но оно похоже на Лейф, мой лорд, Лейф норвежское имя. — Она опять замолчала. — Для ирландцев он будет Лейт Мак-Амхлаобх, так тебя называют мои сородичи. А для норвежцев... Лейф, сын Олафа. Пожалуйста, Олаф. Я бы так хотела дать ему имя брата.

Несколько секунд Олаф молчал.

— Пусть будет Лейт.

По ее щекам заструились слезы, слезы радости. Олаф протянул руку, чтобы смахнуть их с нежной кожи лица Эрин. Она поймала руку, которая коснулась ее, и поцеловала ладонь. Но прежде чем она заговорила, дверь в их комнату распахнулась. На пороге появилась Мойра, более решительная, чем воин во время битвы.

— Мой лорд, Эрин надо позаботиться о себе. Ей необходим сон. А там, в большой зале находится странного вида старик, какой-то сумасшедший, который требует, чтобы ему разрешили посмотреть на ребенка. Он настаивает, чтобы Эрин выпила какое-то дьявольское зелье.

Эрин и Олаф переглянулись и разразились смехом.

Олаф поднял брови.

— Мергвин? — спросил он понимающе.

— Мергвин, — согласилась Эрин.

— Пришли сюда этого сумасшедшего, Мойра, — сказал Олаф. — Эрин непременно выпьет его зелье. Если есть такое снадобье, которое излечивает одновременно и тело, и душу, то это снадобье готовит он.

Олаф встал с кровати, когда Мойра вышла.

— Я покину тебя, моя ирландка, так как уверен, что друид не останется надолго — только посмотрит на ребенка и позаботится о тебе. — На мгновение его лицо исказилось болью. — Я заберу свои вещи из комнаты вечером и буду спать где-нибудь еще, чтобы не тревожить тебя.

Эрин опустила ресницы, ее сердце быстро забилося. Потом она решительно подняла голову и посмотрела в его синие глаза.

— Я буду спать спокойнее, мой лорд, если ты будешь рядом, — прошептала она тихо.

Теплая дрожь пробежала по телу Олафа, ее взгляд каждый раз заставлял его трепетать.

— Ирландка, у меня абсолютно нет желания покидать свою кровать, особенно если моя плоть принесет тебе успокоение. Я с удовольствием буду спать на своем месте.

Он улыбнулся и вышел.

Эрин почувствовала, будто весь мир принадлежит ей. Она вся светилась, когда Мергвин появился на пороге комнаты. Он посмотрел на ребенка, потом обратился к ней с настойчивым предостережением:

— Дочь Аэда, ты будешь слушаться меня и хорошо отдохнешь, восстановишь силы, как я

сказал. По меньшей мере, три дня ты не будешь пытаться встать...

Эрин смиренно слушала, улыбаясь от удовольствия и гордости, пока друид долго держал младенца на руках, а потом бережно положил его в прекрасную колыбельку. Она готова была следовать всем советам старого доброго наставника. Эрин покорно выпила его травяную настойку. Счастье переполняло ее. Она не могла сдержать радостного смеха и обхватила старика руками за шею, притягивая к себе.

— О, Мергвин! Я так счастлива!

Мергвин обнял ее, и сердце Эрин дрогнуло. «Все обернулось так хорошо. Почему он не радуется вместе со мной, не восхищается моим ребенком?»

Темнота сгущалась. Если бы он только мог разглядеть путь к свету...

Оказалось, совсем нетрудно проехать в город. Фриггид едва сдерживался, чтобы не разразиться торжествующим смехом.

Но он остался сидеть спокойно на разбитой старой кобыле, свежая дичь болталась, ударяясь о круп лошади. Он остановился во внутреннем дворе королевской резиденции. Невольно восхищаясь своим врагом, рассматривал каменную кладку. Когда же он бросил взгляд вверх и увидел ставни с вырезанными эмблемами волка, то почувствовал прилив ярости.

Фриггид не боялся, что его узнают в городе. Он срезал свою длинную бороду, чтобы иметь возможность пройти неузнанным. Потом надел рубаху ирландских монахов и натянул на голову мрачный шерстяной капюшон. Он нес большую корзину-как целитель, который собирает травы, и к тому же он знал ирландский язык.

Фриггид задержался надолго только на рыночной площади, чтобы освободиться от своего груза, потом направил свою дряхлую клячу опять к большому каменному дому. И снова он не встретил никаких препятствий, войдя в большую залу, так как было известно, что любой мог прийти к королю с жалобой или просьбой. И не имел отказа. В Дублине не было нищих и голодных. Каждому стоило только прийти и попросить, и его накормили бы. Следуя обычаю, Фриггид попросил приюта, и его усадили перед очагом с полной миской тушеной баранины. Пока он ел, он внимательно осматривал всех входящих и выходящих. Слуги были заняты уборкой, какая-нибудь женщина изредка проскальзывала вверх по лестнице.

Фриггид бросил взгляд на эту лестницу. Наиболее вероятно, что Волк спал наверху, так как он бы первым распознал опасность, угрожающую его логову, и схватился бы за оружие.

Никто не обращал внимания на скромного монаха, и он терпеливо выжидал. Когда в зале стало тихо, он молча прокрался вверх по ступеням с жаром мести, пылающим в крови. Из-под своего капюшона он осмотрелся еще раз, и хотя слышал смех женщин из близлежащей комнаты, никто не появился и не окликнул его. Он открыл первую дверь, осмотрел комнату и мгновенно заметил колыбельку с искусной резьбой, подошел к ней, и мрачная улыбка искривила его губы. Сын Волка спал, маленькая золотая головка давала знать, кто, бесспорно, является его отцом. Фриггид осторожно переложил ребенка из кровати в корзину, так как очень боялся, что тот может проснуться и закричать. Он не хотел навредить ребенку, младенец был всего лишь приманкой.

Фриггид быстро двинулся назад по направлению к двери. Он не думал, что леди Эрин оставит своего ребенка надолго. Но прежде, чем покинуть комнату, он осмотрел ее снова, испытывая при этом черную зависть. От мехов и занавесей на кровати до тщательно отполированных сундуков — вся комната говорила о мире и согласии. Фриггид хорошо мог представить Волка на этой кровати, наслаждающимся самой прекрасной забавой со своей гордой зеленоглазой красавицей.

Пальцы Фриггида сильнее сжали корзину. Дублин однажды ненадолго принадлежал ему. И не Олаф, а он был бы королем, потребовавшим изумительную девушку в награду, и построил бы эту залу как памятник своей победе.

— Наконец я победил тебя, Олаф, — прошептал он громко.

Молча он отворил тяжелую дверь в залу, до него донеслись шаги приближающейся

женщины. Фриггид быстро и бесшумно сбежал по лестнице. Он вышел из дома, никто не обратил на него внимания. Кому придет в голову мысль окликнуть оборванного монаха?

Фриггид покинул город, сидя на хромо́й кобыле, но как только он достиг северного леса, то сорвал свой капюшон, и его смех прогремел на ветру. Его люди, те, кого ему удалось заставить поклясться в верности, ожидали его в лесу с женщиной, готовой принять младенца. Здесь же Фриггида ждала новая лошадь. Вернувшись, он первым делом пристрелил свою клячу.

Фриггид откинул голову, и в лесу зазвенел его холодящий кровь смех.

Эрин напевала, медленно выходя из залы. День начался так прекрасно, так кристально ясно. Она чувствовала себя чудесно с тех пор, как встала. Лейту исполнилось уже три недели, и она была вынуждена приступить к своим обязанностям. Надо было много всего сделать, так как Олаф провозгласил, что католики в Дублине могут отметить Рождество по всем правилам. Наиболее верные викинги ожидали этого дня с интересом, так как Эрин сказала им, что будет грандиозный пир, что всегда приводило их в хорошее расположение духа.

Для Эрин это особенное Рождество. В этот день исполнится шесть недель, как она родила, и она намеревалась обольстить своего мужа и потребовать, чтобы он поверил в ее преданность. И хотя они все еще не говорили о том, что было у них на сердце, они многое испытали, и перед тем как Лейт появился на свет, она твердо знала, что Олаф любит ее.

Она не была Гренилде, но теперь, потеряв брата и дорогого друга, понимала, что и женщина, и мужчина могут погоревать, но все же найти уголок в своем сердце для новой любви. Вероятно, могучий Волк должен понять это сейчас.

По-прежнему улыбаясь и напевая при мысли, что она сейчас увидит спящего сына, Эрин вошла в комнату и подошла к прекрасной колыбельке. Когда она не увидела там младенца, ее мгновенно охватила паника. Волна холода, от которой задрожало тело, и застыла кровь, захлестнула ее. Она заставила себя успокоиться, так как наотрез отказывалась верить, что что-то произошло. Наверное, Олаф или Мойра пришли и взяли его. Но это было не так, Олаф охотился с группой мужчин в западном лесу, а она только что покинула Мойру в солнечной комнате, где они обсуждали блюда для рождественского пиршества.

Может быть, Мергвин, который все еще наслаждался гостеприимством города... нет, Мергвин, хотя он и полюбил горячо дитя, не прикоснулся бы к юному наследнику, не спросив разрешения у нее или у Олафа. Риг? Мэгин? Вряд ли, подумала она быстро.

Мучительный вопль, который сдавил горло Эрин, вырвался у нее с такой силой, что, казалось, задрожали стены. Она вылетела из комнаты и побежала к зале, где на ее крик собрались в тревоге все, кто находился в замке.

— Ребенок... Лейт... его нет, — задыхаясь, быстро произнесла Эрин, ее взволнованные глаза обежали воинов и женщин из солнечной комнаты, которые прибежали на крик, и умоляюще обратилась к Ригу:

— Риг, где мой ребенок? Олаф приказывал, чтобы его куда-нибудь унесли? Мэгин... Он проснулся и закричал? О, пожалуйста! Кто-нибудь скажет мне, куда его отнесли?

Ей отвечали только изумленные печальные взгляды. Эрин повалилась на пол, страшный вопль снова вырвался из ее горла. Мойра шагнула вперед, стараясь успокоить Эрин.

— Мы найдем его, Эрин. Вероятно, есть какое-то объяснение.

Один из дюжих викингов из команды Эрика заговорил:

— Успокойся, моя леди. Я поеду и найду Волка.

Он бросился бежать вниз по лестнице. Остальные стали высказывать предположения, где можно поискать, и разбежались, пытаясь найти младенца и облегчить страдания матери. Эрин уткнулась в плечо Мойры и отчаянно рыдала:

— Ему только три недели, Мойра. Он не мог уйти или даже уползти куда-нибудь. Он слишком мал и не выживет без меня. О Боже, где мой сын?

Дом был обыскан сверху донизу; ни одна щель, ни один угол не был обойден. Люди в тревоге обегали весь город, но нигде не было обнаружено следов обожаемого принца. Эрин уже мало, что сознавала к тому моменту, когда в большую залу вошел Олаф. Он прижал дрожащее тело Эрин к себе.

Все были в смятении, и каждый пытался рассказать о своих поисках и высказать догадки.

Мергвин, отправившийся на охоту с Волком, которым он восхищался все больше и больше, наблюдал происходившую сцену со страхом. Он знал, что тьма опустилась. Он думал, что с опасностью столкнется Эрин, и не подозревал, что это коснется младенца.

Он пробрался сквозь толпу воинов, ремесленников и женщин, норвежских и ирландских, и обратился к светловолосому гиганту, лицо которого было искажено от горя, и который все еще прижимал к груди свою рыдающую жену.

— Спроси, лорд Волк, — сказал Мергвин с болью в голосе, — какие незнакомые лица входили в залу сегодня. Зная это, мы сможем выяснить приблизительно, где находится юный принц.

Синие глаза, искаженные болью, устремились на Мергвина, и Олаф осознал мудрость его слов. Голос Волка резко прозвучал в зале:

— Кто заходил сюда сегодня? Какие странники искали здесь приюта?

— Монах! — последовал ответ после секундного молчания.

Мергвин почувствовал, что его плечи опустились. Викинг, который нашел Олафа и привел его домой, выступил вперед и заговорил:

— Он был единственный, неизвестный нам. Страх охватил Олафа и молотом прошелся по его сердцу.

— Опиши мне этого монаха.

— Он был в рваной коричневой рясе с капюшоном, но я плохо рассмотрел его лицо, так как оно было в тени. Олаф нахмурился, мучительно размышляя.

— Кажется, он ходит странно, как будто он сидит на лошади.

— Это Фриггид Кривоногий... — тихо и изумленно прошептал Эрик, который стоял с краю. Эрин подняла голову с плеча Олафа и встретила испуганным взглядом деверя.

— Датчанин? — спросила она, тяжело дыша, хорошо зная ответ. Это был тот самый человек, который устроил кровавую резню, в результате которой поля у Карлингфордского озера были полны трупов.

Она начала пронзительно кричать, и никто не мог успокоить ее. В истерике, колотя своего мужа в грудь, она забрасывала его страшными проклятиями и обвинениями, говорила, что ирландцы никогда не вовлекали в войну младенцев; только викинги все как один захватчики, независимо от того, откуда они пришли, могут сделать такое. Как мог Олаф допустить, чтобы эта собака, с которой он сражался, пришла в их дом, как он мог подвергнуть опасности ее ребенка. Она требовала, чтобы Олаф нашел его, чтобы викинг нашел викинга. Она визжала, едва не потеряв сознание.

Олаф терпел ее отчаянные удары, пока Эрин не ослабела, сжав губы от ее диких

обвинений. Его взгляд устремился на Мергвина, который подошел к Эрин и повел ее, убитую горем и рыдающую, вверх по лестнице, где принудил выпить зелье, которое притупляло сознание, принося облегчение.

Олаф послал воинов осмотреть местность за стенами и позвал Эрика и Сигурда в свой покой на совет.

Эрик коснулся плеча брата.

— Она не сознает, что говорит, Олаф, — сказал он мягко.

Арктический холод затуманил глаза брата.

— Нет, Эрик, она точно понимает, что говорит. Но не в этом дело. Сначала я найду своего сына, а потом разберусь со своей женой.

Они решили обследовать большой сектор вокруг города и подавать сигналы военными трубами, если какая-нибудь команда наткнется на след. Эрик не верил, что Фриггид мог собрать большое войско. Он потерял слишком много людей в сражениях с Волком.

Сигурд колебался, боясь разгневать Олафа, но все же сознавал: его вождь предпочитает, чтобы все мысли были высказаны, даже если они печальны. Он тихо предупредил:

— Ребенок может умереть, Олаф. Кривоногий вряд ли будет заботиться о сохранении его жизни, и его ненависть к тебе сильна.

Резкие черты лица Олафа напряглись, но он ответил спокойно и решительно:

— Я не думаю, что он причинит вред моему ребенку. Эта смерть будет ему дорого стоить, потому что я все еще жив. Это меня он хочет выманить.

Он только что закончил говорить, как раздался стук в дверь, и страж объявил, что посланец от Фриггида Кривоногого ожидает приема. Олаф зашагал из комнаты в залу; он был подобен грому и датчанин, ожидавший его, струсил при виде его едва сдерживаемого гнева. Олаф нетерпеливо подошел к съезжившемуся мужчине и приподнял его с пола за ворот рубахи.

— Скажи мне, что ребенок жив, датчанин, или ты умрешь прямо здесь и сию минуту.

Испуганное лицо посланца побагровело, когда он поспешно заверил Олафа в этом.

— Но если я не вернусь, Повелитель Волков, Фриггид прикончит ребенка.

Эрик положил руку на плечо Олафа, и тот поставил датского посланника на ноги.

— Так говори же! — потребовал Олаф, и датчанин, как и, многие до него, почувствовал, как нордический лед, исходивший от викинга, пронизывал его до костей.

— Если ты хочешь вернуть своего ребенка, ты должен прийти в рощу около южного леса на рассвете. С собой возьми только одного человека-чтобы унести обратно ребенка.

Олаф помолчал мгновение, и арктические ветры, казалось, прожгли посланца ледяным огнем.

— Нет, я сделаю не так. Если Фриггид желает сразиться со мной, я с удовольствием предоставлю ему такую возможность. Передай ему: я встречу с ним наедине перед воротами Дублина. Ребенка отнесут в безопасное место, и потом мои люди тоже отступят. Это наша битва. Эта битва ни ирландская, ни викингов, ни битва датчанина и норвежца. Это поединок. Слишком много жизней потеряно. Принеси это известие своему вождю и доставь ответ.

— Нет! — раздался истошный крик сверху. Эрин стояла на лестнице, пальцы охватывали перила, ее волосы дико разметались по плечам, контрастируя с изумрудным огнем в глазах. Она готова была слететь вниз по лестнице, и прежде чем муж смог ее остановить, заговорила с датским гонцом.

— Не передавай ему этого! — закричала Эрин. — Скажи ему, что я приду, куда он укажет, если он освободит ребенка. Я буду более удобным заложником, так как я хорошо езжу верхом и не доставлю хлопот. Скажи ему...

— Эрин! — прогремел Олаф, наконец, поймав ее за руку и тряхнув сильно. Он повернулся к посланнику.

— Иди! Вон из моей залы, пока я не оторвал тебе уши и нос. Передай мои слова своему вождю, а не те, что кричала эта женщина!

Эрин боролась с Олафом, неистово крича:

— Слушай то, что я говорю, так как твой вождь будет рад услышать это...

Она не знала, слышал ли ее посланец или нет, но он наверняка отлично расслышал искреннюю угрозу в словах Олафа и не хотел иметь кровавое месиво вместо носа, с которым он жил бы до конца своих дней. У Эрин не было времени размышлять. Олаф тряхнул ее что есть силы.

— Неужели ты постоянно будешь предавать меня? — прогремел он сурово, едва сдерживая ярость. — Дура! Ты не знаешь этого датчанина. Он хочет увидеть меня одного, чтобы перерезать горло моему сыну на моих глазах, прежде чем он займет мое место. Идиотка! Ты думала, что он обменяет тебя на ребенка? Нет, он возьмет вас обоих.

Эрин смотрела на негр долго и напряженно, чувствуя, что ее голова все еще раскалывается и кружится после встряски.

— Викинг есть викинг, — фыркнула она, задрожав всем телом. Она знала, что эти слова должны звучать жестоко, это был крик ее собственного сердца. — Для ирландцев нет особой разницы, кто их завоевывает — норвежцы или датчане.

Гневный взгляд мужа проник в ее душу, и она осознала боль так, как должна была осознать. Олаф был прав: датчанин хочет убить и его, и ребенка. Но она знала, что могла бы обмануть Фриггида и освободить сына. Даже если ей придется пожертвовать собой, это бы ничего для нее не значило, так как Лейт — и Олаф — будут жить. Она провела много времени, размышляя над этим, в то время, пока Мергвин был уверен, что она безмятежно спит.

Но Эрин не подозревала о том, как разгневан Олаф. Он жестоко оттолкнул ее с проклятиями, и она упала бы на Сигурда, если бы тот не подхватил ее.

— Проследи, чтобы мою жену заковали в цепи, — приказал он, — и хорошо заковали, чтобы она не совершила сегодня нового предательства.

Сигурд чуть не рыдал. Он не мог видеть, как страдали люди, которых он любил.

— Я уведу королеву в ее комнату...

— Нет! — прогремел Олаф. — В темницу — она ведьма, хорошо знающая, как можно обмануть людей, переманить их на свою сторону.

Сигурд обхватил Эрин за плечи, переминаясь с ноги на ногу.

— Олаф, я...

— Я хорошо понимаю, что говорю, Сигурд. Выполняй.

— Нет! — завизжала Эрин, но ее увели, несмотря на протесты.

— Волчий убудок! — вопила она, но Олаф едва ли слышал более, чем эхо ее проклятий, так как Сигурд увел ее вниз по сырým ступеням — в темницу.

О Боже! Она лихорадочно думала, как ей убежать из этой каменной и стальной тюрьмы. Но она должна! Жизнь ее ребенка в опасности... и жизнь Волка тоже.

Сигурд не заковал ее в цепи. Он позаботился об Эрин, насколько было в его силах. Он

снабдил ее теплым медом, обильной едой и питьем и лучшими шкурами, чтобы ей было тепло. Но она поняла, взглянув в глаза викинга, что, хотя он любит ее, он будет верен ярлу, за которым он последовал в Ирландию, Повелителю Волков.

Она слишком замерзла, слишком разволновалась, шагала по холодному каменному полу в неистовом возбуждении, надеясь, что это успокоит ее душу и позволит ей размышлять. Но планы, которые она строила, зашли в тупик, и сейчас, если бы она была способна думать, она бы томилась от безнадежности, так как была уверена, что только она одна сможет спасти своего сына.

Час за часом раздавались ее медленные шаги по камню. «Я должна остановиться», — предупреждала она себя. Она едва восстановила силы после родов и понимала, что может навредить себе. Но, думая об этом, она снова возвращалась в мыслях к крошечному любимому существу, ее грудь набухла и болела, так как была переполнена молоком. Боль была хорошо ощутимой, ведь ребенок пропустил уже два кормления.

Наконец слезы снова хлынули у нее из глаз, так как она подумала: не плачет ли он сейчас, не больно ли ему, не голоден ли он?

— Я не должна, я не должна думать об этом, — громко говорила она, слыша лишь унылое эхо своего голоса, раздававшегося в каменной темнице.

— Эрин!

Это было сказано едва слышным шепотом. Она подумала, что ей почудилось, будто кто-то зовет ее. Но шепот повторился, и Эрин заспешила к толстой деревянной двери и посмотрела в маленький зарешеченный квадрат. К ее величайшему облегчению, она услышала шум ключей.

— Кто там? — прошептала она, волнуясь. Дверь скрипнула, и она затрепетала от радости, когда увидела Мэгин, в глазах которой застыло выражение ужаса.

— Поспеши, Эрин, если Олаф поймает меня, он сдерет с меня кожу заживо.

— О Боже, Мэгин, ты с ума сошла!

— О, быстрее, пожалуйста, пожалуйста, быстрее! Эрин пошла за Мэгин по извилистому туннелю под королевской резиденцией.

— Мы подойдем к кухне отсюда, и, вероятно, выйдем на задний двор незамеченными, — прошептала Мэгин. — Скоро будет рассвет; наиболее вероятно, что мужчины спят, но скоро им предстоит подняться.

Они вышли из темного сырого подвала в кухню, и, как и предполагала Мэгин, слуги, которые старались бодрствовать всю ночь, задремали на стульях и на чистых тростниковых подстилках на полу. Обе женщины смогли молча пробраться во тьму, еще не рассвело.

— Слава Богу, Мэгин! — зашептала Эрин возбужденно. — Но мне нужны кинжал и лошадь.

Мэгин поколебалась, ее голос задрожал, но она храбро промолвила:

— Если ты поедешь к датчанам, я поеду с тобой.

— Нет, я должна идти. А ты будешь подвергать себя риску.

— А кто вывел тебя на свободу?

После большого перерыва Эрин вздохнула.

— Да благословит тебя Господь, Мэгин, и знай, что ты поистине благородна. Теперь нам надо миновать стражу.

Мэгин заговорила, и в ее голосе слышались и определенная гордость, и хитрость.

— Я сдружилась с ирландским кузнецом, который путешествует от города к городу,

предлагая свои услуги. Он проведет наших лошадей мимо стражи, и мы встретимся с ним у западной стены, там есть дыра, которая образовалась от того, что водяной лаг сгнил и его должны заменить новым.

Рассвет наступил быстро, и они уже скакали к западному лесу. Страх колотил в сердце Эрин, и она про себя благодарила снова Мэгин, так как знала, что та еще более боялась, чем она сама. Но Эрин не могла позволить страху завладеть ею, потому что она не могла допустить даже незначительной ошибки.

Когда они подъехали к лесу, Эрин взволнованно повернулась к Мэгин, увидела в ее глазах предупреждение, и они остановились. Если Фриггид был в лесу, он уже знал о ее приближении, и она должна держать дистанцию, чтобы быть уверенной в успехе своего предприятия.

Шорох среди деревьев подсказал ей, что она должна все хорошо рассчитать; Фриггид, в самом деле, был там, он наблюдал за ней, выбирая момент для нападения.

Она заставила себя смело крикнуть:

— Я не пойду дальше, Кривоногий Фриггид. Покажись, но будь осторожен, так как я могу повернуться и поскакать назад, так же как и вперед.

Она услышала низкий смех, и потом появился датчанин, вместе с могучими воинами по обеим сторонам.

— Я ожидал тебя, Эрин из Тары. Добро пожаловать.

Он говорил по-ирландски хорошо, и в эту минуту Эрин узнала в нем того мужчину, который завел ее в тот день на скалы, когда она встретила с Волком. Ее пронзила боль, но она не показала этого.

— Я хочу, чтобы мой ребенок вернулся в Дублин, и потом я охотно поеду с тобой.

— Охотно? — Фриггид похотливо поднял брови и грубо захохотал, так, что у Эрин от страха засосало под ложечкой. — Почему я должен отдавать ребенка? — спросил он более резко. — Волк придет за своим сыном-и я уверен, что он часто не ладит со своей женой.

— Тебе не нужна жизнь ребенка, датчанин, тебе нужна жизнь только его отца, — сказала Эрин холодно. — А Олаф-человек, который любит свою собственность. Он придет за мной. А тебе со мной будет гораздо легче, чем с ребенком. Обо мне не нужно заботиться.

Фриггид снова засмеялся, и этот звук опять вызвал у Эрин резь в животе.

— Эрин из Тары, ты желанная добыча. Да, возможно, ты лучший заложник, так как от тебя можно добиться того, что не может дать ребенок. Сойди с лошади, моя леди, и подойди ближе, чтобы я мог разглядеть хорошенько, что мне предлагают.

Мэгин что-то возразила, но Эрин быстро двинулась, чтобы исполнить приказание, так как она учла и этот момент. Она подошла бесстрашно, все рассчитав, к датчанину и услышала его голос.

— А... моя леди, теперь у меня и ребенок, и жена.

Он запнулся, хватая ртом воздух, как будто задыхался, так как она рванулась к нему с таким проворством, какого он не ожидал, приставив лезвие своего хорошо отточенного кинжала к его паху. И теперь уже она отдавала команды.

— Моя жизнь ничего не будет значить, если мой сын умрет, датчанин, а я хочу умереть. Ты не будешь настолько удачлив. Ты проживешь остаток своих дней скорее как женщина, нежели как мужчина.

— Стоять! — скомандовал Фриггид своим воинам, пытавшимся подойти ближе. Он чувствовал, что лезвие твердо приставлено к его мужскому органу, и быстро выкрикнул:

— Принесите ребенка женщине, которая пришла вместе с королевой.

Эрин не ослабила хватки, пока не увидела, что спеленутый кулечек с ее сыном передали Мэгин. Она затаила дыхание и услышала крик, свидетельствующий о том, что ребенок жив, но даже тогда она не ослабила мертвой хватки.

— Она подъедет к воротам, датчанин, прежде чем ты двинешься. Я очень волнуюсь и не хотела бы, чтобы моя рука дрогнула.

Фриггид промолчал и посмотрел на нее сурово. Потом он оскалился и сказал с сарказмом:

— Ребенок голоден. Может, ты накормишь его, прежде чем мы уедем. Я бы наслаждался такой... домашней... сценой.

— Нет, — ответила Эрин. Она обратилась к Мэгин:

— Уезжай сейчас же. Я не повернусь, пока не узнаю, что ты достигла стены.

Эрин чувствовала, что Мэгин колеблется, а потом услышала ее голос, прозвеневший четко и поразительно смело.

— Подумай над этим, датчанин. Леди Эрин только три недели назад родила. Если ты дотронешься до нее, ты убьешь ее, и у тебя не будет ничего, чем бы ты мог заманить Волка.

Фриггид медленно перевел свои хищные глаза с Эрин на Мэгин и потом снова на Эрин.

— Она желанная добыча, ради которой я могу и подождать.

Опять установилось молчание, и потом Эрин услышала топот конских копыт по дерну, это Мэгин наконец, ускაკала прочь. Эрин пришлось собрать всю свою волю, чтобы выдерживать насмешливый взгляд Кривоногого. Но она смотрела и ждала... ждала. Ее подмывало вонзить в него кинжал, но потом она умрет. И все-таки как нелепо и безнадежно ни казалось ее положение, у нее оставалась надежда. Ее сын жив.

Наконец Фриггид заговорил:

— Твоя женщина доехала до стены, моя леди. Убери свой кинжал, я ведь не собираюсь убивать тебя, но я хорошо изучил искусство причинять боль.

Кинжал выскользнул из пальцев Эрин. Она не могла больше держать его. Она стиснула зубы, когда руки Фриггида впились в ее волосы и коснулись набухшей груди. Он засмеялся, когда она побледнела.

— Я думаю, что я сделал выгодный обмен, Эрин из Тары, так как я никогда не встречал такой прекрасной и смелой женщины. Еще три недели, да? Я дам тебе это время, чтобы восстановить силы, но не беспокойся, потом я возьму то, что принадлежит Олафу, и хорошо этим попользуюсь.

Эрин заставила себя улыбнуться в ответ.

— Ты не сделал никакого выгодного обмена, датчанин. Ты не заманишь Волка, так как я его не волную, он считает, что я его предала — своими руками, которые ты так тщательно выкручиваешь. Ты имеешь всего-навсего женщину, датчанин.

Фриггид ослабился.

— Мы ждем здесь слишком долго. Садись на свою лошадь и не пытайся что-нибудь выкинуть, иначе мы, возможно, поразим Олафа, послав ему нежный пальчик, а не локон. Возможно, он не придет, Эрин. Но я очень доволен тем, чем я завладел.

Он подтолкнул ее к лошади. Хорошо сознавая, что он отрежет ей пальцы без малейших угрызений совести, если она не повинуется, Эрин встряхнула головой и оседлала лошадь, мучительно думая, куда он ее повезет.

— В лес! — скомандовал он.

— Может быть, он последует за нами, — прошептала Эрин.

— Нет, моя леди. В пеленках твоего ребенка предупреждение, что ты умрешь, если мне не дадут день, чтобы отступить. Когда бы Волк ни пришел, он встретится с моим войском. А теперь вперед!

Он ударил ее лошадь по крупу, и Эрин вынуждена была схватиться за него, чтобы удержать равновесие, когда животное подпрыгнуло и пустилось вскачь. «Сколько у него людей?» — интересовало ее, и она пыталась сосчитать тех, за кем следовала. Сотня? Больше, гораздо больше.

Она проглотила слезы отчаяния. Она совсем не спала, и ее тело, казалось, слабело на глазах; скачка была бешеной и причиняла боль. Тем не менее, очевидно, что Фриггид сейчас хочет установить дистанцию между собой и Олафом. Казалось, он давно это задумал, сознавая, что Волк не испугается и придет со своими людьми, чтобы убить его.

Олаф был ошеломлен, когда в залу вошла Мэгин с его сыном, так ошеломлен, что похолодел, но потом бросился к ребенку и раскрыл пеленки. Убедившись, что с ребенком все в порядке, он повернулся к своей бывшей любовнице с нарастающим гневом.

— Как это произошло?

Мэгин едва могла говорить.

— Эрин... Эрин...

Олаф резко позвал Мойру и передал ей младенца.

— Заботься о нем так же, как о своей дочери, — попросил он мягко, и затем тяжелая суровость вернулась в его голос.

— Эрин предала меня еще раз, — заявил он холодно.

— Нет, мой лорд, — сказала Мэгин, со страхом сознавая, что может сама встретиться с его гневом. — Она поступила, как любая мать, которая только стремится спасти своего ребенка... и мужа.

Олаф разразился гневными проклятиями. Боль, раздиравшая его, выразилась только в ярости.

Мэгин дрожала, стоя перед ним.

— Эрин сейчас у датчанина, Олаф, — прошептала она с болью.

Она увидела, что трепет пробежал по его мускулистому телу. Но, тем не менее, его голос был по-прежнему твердым. Он говорил не о любимой, а о собственности.

— Он не будет владеть тем, что принадлежит мне. Я верну ее.

Мэгин увидела и резкую синеву его глаз. Он расправил плечи и вдруг выкрикнул:

— Сигурд, пошли людей на север и на юг, в Тару и в Улстер. Датчанин наконец-то умрет. Он больше не будет вредить этой земле!

Мергвин, который чувствовал его страх и боль всем своим сердцем, глядел на Олафа мудрыми глазами, потускневшими от сокрушительной печали, и думал, осознает ли все-таки викинг, что он действительно стал ирландцем. Он молился своим древним богам, чтобы Волк понял ценность сокровища, которым владел, и попросил прощения у своей жены, но в данный момент все, что он мог сделать, — это только вздохнуть с облегчением. Повод не был существенным; Волк поехал на выручку.

И он поехал не слишком поздно. Мергвин развел огонь. Но вид огня был устрашающим; запах дыма, который раздражал чувства старого друида, принес холодящий страх.

День перешел в ночь, ночь-в день. Дни складывались в недели. И они по-прежнему скакали без остановки.

Сначала Эрин была уверена, что умрет. Датчане находили огромное удовольствие, задавая бешеный темп, и она опасалась за свое здоровье.

Но в те первые дни, когда она верила, что Олаф придет, ее сердце разрывалось от тоски и тревоги. Она знала, что Фриггид более всего желает смерти Олафа, и его не заботило, кто еще погибнет в этой войне. Если Олаф соберет силы, чтобы спасти ее, огромное множество народа ляжет на поле сражения.

Таким образом, для нее было лучше надеяться, что Олаф решил, что его предали снова. Но все же ночами ей снилось, что он скачет позади, но наступал рассвет, и она опять была одна на морозном ветру с датчанами, скачущими на восток, и боялась все больше с течением времени. Фриггид бросал на нее сальные взгляды каждое утро, считая недели и дни на пальцах, и в воздухе раздавался его издевательский смех.

Она страшно скучала по ребенку, но, в конце концов, отец будет заботиться о нем, а Мойра и Мергвин будут любить его, успокаивала себя Эрин.

С каждым днем страх ее усиливался. Время шло...

Датчане не были жестоки с ней, она была добычей Фриггида, и поэтому они оставили ее в покое. Некоторые были даже добры, считали ее храброй, выказывая свое уважение. Все-таки было очень мучительно ехать, и еще более мучительно сознавать, что будет, когда они доберутся до места. Но этот день пришел. Они уже скакали свыше двух недель, когда, наконец, на закате достигли лагеря, где всю кипела работа. Эрин почувствовала глубокое разочарование, когда оглядела поселение.

Лагерь был поставлен на месте разрушенной ирландской деревни, она поняла это, так как среди новых построек, возведенных датскими захватчиками, стояли несколько чисто ирландских мазанок.

Лагерь окружали земляные укрепления, прочные стены были сделаны из дерева. Еще предстояло много работы, но защитные укрепления были хороши. В центре располагалось большое здание, а далеко позади была воздвигнута возвышающаяся площадка, окруженная низким забором из скрещенных бревен.

Эрин содрогнулась при виде этой площадки, представляя, какие страшные наказания Фриггид приводил в исполнение на этом возвышении.

Фриггид подошел к ней.

— Твой Волк придет слишком поздно, если он вообще придет, принцесса. На днях моя крепость станет неприступной.

Эрин ничего не ответила, ее переполняло чувство безысходности.

— Пошли, принцесса, — приказал Фриггид. Ее сняли с лошади и привели в главное здание. Оно было сделано по образцу резиденции Олафа, заметила Эрин. Ее привели в комнату и грубо втолкнули внутрь.

— Наслаждайся этим временем, моя леди, так как мое ожидание подходит к концу. Эта ночь — последняя, которой ты будешь наслаждаться в одиночестве.

Выходя из комнаты, Фриггид послал ей воздушный поцелуй. Дверь со стуком закрылась за ним. И Эрин услышала тяжелый глухой звук задвинутого засова.

Она бросилась на кровать, и слезы, которые она сдерживала на протяжении долгого пути, градом полились по ее щекам. Это были слезы отчаяния, слезы безнадежности. Но они помогли ей забыться тяжелым, но успокаивающим сном.

Утром слуги принесли ей еду, воду для мытья и чистую одежду. Позавтракав и приведя себя в порядок, Эрин начала думать о побеге. Она обнаружила, что днем ее не запирали в ее комнате, и осторожно прошла в залу. Датчане наблюдали за ней, она шагнула за стены укрепления, и никто не предпринял попыток остановить ее. Фриггида нигде не было видно, и она поспешила осмотреть окружающую местность при свете дня.

Обнесенные досками стены были не такими уж и прочными, решила она, но все же ей никогда не перелезть через них. Ее единственная надежда была на западе, где возвышающиеся могучие скалы создавали датчанам естественную защиту от неожиданного нападения. Но такие препятствия были ничтожны для одного человека, и если ей предстояло найти выход, то он был именно там.

Она притворилась, будто интересуется достижениями датчан в области строительства, и обнаружила, что ей разрешено свободно передвигаться. «Фриггид слишком самоуверен, он убежден, что я не убегу», — решила Эрин.

В любую минуту она готова была разрыдаться. Эрин не могла позволить себе думать о сыне или о муже, представлять их в большой зале в Дублине. «Про меня уже забыли? — размышляла она, слыша биение своего сердца. — Нет, не думать так! — предупреждала она себя. — Я должна убежать! Или умру, почувствовав прежде объятия Фриггида».

Решительно она сжала кулаки. Дрожь пробежала по всему телу. Отчаяние снова поднималось в ней. Эрин огляделась, за ней определенно никто не следил, она повернула к скалам и отыскала тропинку, которая вела вверх.

Она совершенно выбилась из сил, когда достигла гребня, и все же Эрин была довольна: казалось, ей надо только спуститься в западном направлении и скрыться осторожно в лесу, пока она не найдет помощь. Ее страшил холод, но лучше уж она замерзнет или будет голодать, чем жить, постоянно воскрешая в памяти прикосновения датчанина, которого ненавидела.

Эрин немного отдохнула на скале, потом встала, собираясь возобновить путь. Но прежде чем она сделала первый шаг, услышала голос, от которого мороз побежал по коже.

— Не вздумай покинуть меня, принцесса, так как я долго ждал в предчувствии мести. И эта месть оказалась одновременно и наградой, Эрин из Тары. Рассказы и саги недооценивали красоту и величие твоей храбрости. Ты будешь лакомым кусочком, который доставит мне удовольствие сегодня вечером, и не думай, что ты испугаешь меня, так как я человек, который любит сражения.

Она увидела Фриггида, поняв, что он просто подждал ее на гребне скалы.

— Ты никогда не победишь, датчанин. Ты встретишься если не с лордом Олафом, то с моим отцом...

— Тогда Ард-Риг умрет, и Ирландия может опять вернуться к мелким распрям между королями. Это даст мне хороший шанс на успех, и я подчиню еще больше земель своей воле.

У Эрин внутри все задрожало, и она молилась, чтобы ее отец никогда не пришел, так как и в самом деле смерть Аэда будет величайшим несчастьем для ирландцев.

Фриггид подошел к ней и слегка дотронулся до шелковистого локона.

— Знай, принцесса: я хочу тебя, но я приготовился к непредвиденным обстоятельствам. Забудь своего Волка и молись, чтобы он никогда не пришел. Спустя время ты научишься

прислуживать мне...

Он продолжал говорить, но она не могла слушать его, прикосновение датчанина рождало в ней дрожь. «Я не могу вынести этого», — думала Эрин в безысходности. Всегда она будет видеть глаза северного неба перед собой, но познать прикосновения другого казалось ей хуже смерти.

Эрин вдруг заметила, что Фриггид на минуту прервался и потом прошептал снова, глядя через ее плечо, на восток.

— Нет, не может быть. Он не мог достичь нас так скоро...

В возбуждении, чувствуя, как бешено бьется ее сердце, Эрин обернулась и проследила за его взглядом. Слабость и радость одновременно обрушились на нее с высоты скал. Волк пришел за ней!

С высоты она могла видеть войска, и ее тело затрепетало. Знамена развевались на ветру; конский топот походил на барабанный бой, сотрясавший землю. Норвежские боевые трубы звучали, и боевые возгласы мужчин поднимались в воздухе, как прекрасная и беспощадная музыка. Кони, тысячи коней на горизонте мчались, пока она могла видеть их. Флаги Аэда Финнлайта наплывали с юга, Ниалла из Улстера — с севера, и с востока — огромный флаг Волка, Белого Олафа из Дублина.

В центре, даже с такого расстояния, она смогла разглядеть Волка. Его волосы, как золотой ореол, делали его заметным; он был един со своим могучим черным конем, выделяясь из всех и ростом, и величию. Его темно-малиновый плащ вспыхивал на фоне синего морозного неба.

Он пришел за ней! Так часто она говорила себе, что кровопролития должны закончиться...

Но сейчас, когда он был здесь, Эрин переполняла радость. Он следовал за ними все то время, что она надеялась и молилась.

Эрин рассмеялась и повернулась к Фриггиду.

— Он пришел, датчанин! Повелитель Волков скачет, чтобы сразить тебя.

Она не могла сдержать слез счастья и гордости. Она думала, что скоро умрет, очень возможно, что Фриггид убьет ее сейчас. Но это не имело значения. Он мог убить ее, но он не мог забрать у нее любовь и уничтожить то, что было. Где-то в Дублине жил ее сын, неопровержимое подтверждение ее триумфа, потому что Олаф пришел за ней. Величественное зрелище золотой силы, он с грохотом мчался вниз, к укреплениям и деревянным воротам датской крепости. Такой высокий и такой гордый в своем темно-малиновом плаще.

Фриггид схватил ее за руку.

— Итак, он едет, не правда ли? Волк в безвыходном положении. Это не предвещает ничего хорошего для тебя, моя принцесса. Он никогда не завладеет тобой снова, Он уже больше ничем не будет владеть в Ирландии. Сегодня он умрет.

Он больно дернул ее за руку от злости, но Эрин все еще смеялась.

— Он не умрет, Фриггид. Если ты настолько глуп, чтобы противостоять ему, он раскроит тебя на куски. Это ты умрешь сегодня.

Лицо Фриггида исказилось в безобразной улыбке.

— Будь что будет, принцесса, но ты никогда не коснешься его снова. Один из вас умрет.

Их ненавидящие взгляды скрестились, и потом он заломил руку ей за спину и потащил со скал.

— Смелые слова для ирландской девушки, которую я держу в своей власти, — напомнил он ей. Она пыталась бороться, но боль была невыносима. Враг будет, она абсолютно уверена, выкручивать ее руку, пока не вывихнет совсем. Все же она постоянно сопротивлялась, пока он толкал и тащил ее по неровной тропе. Она падала и ударялась несколько раз о землю, пока они пробирались по извилистой тропинке вниз.

— Передвигайся, принцесса, — предупредил он ее с рычанием, когда она, лежа на земле, с трудом хватала ртом воздух. Она ушибла плечо о камни. — Я не хочу, чтобы ты потеряла сознание, прежде чем мы дойдем.

Сжав зубы, Эрин поднялась. Казалось, они будут идти вечно. Наконец они достигли подножия скалы.

Неожиданное нападение викингов привело датчан в смятение. Один из взволнованных людей Фриггида подбежал к своему вождю.

— Они атакуют прямо в ворота! — известил он.

— Ну и что? — крикнул Фриггид. — Ты явился ко мне, как старуха! — Он фыркнул от отвращения. — Иди гуда и командуй войсками! Посмотри на ворота — они не могут сломить ворота.

— Волк пришел не один. Там норвежцы, войска из Улстера, Тары. Мы будем сражаться с целой Эйре, половиной королевства... Аэд Финнлайт...

— Меня не волнует, с кем мы будем сражаться! Я всегда сражался с этими людьми! Иди на свое место! Что это такое? Датчанин струсил, потому что Волк вернулся? Волк не бог, он смертный человек, и он истечет кровью сегодня же.

Посмотрев на взбешенное лицо своего предводителя, мужчина поспешил выполнять приказ, выкрикивая, в свою очередь, команды воинам. Все еще не понимая, куда ее тащат, Эрин крепко сжимала зубы.

— Пошли, моя принцесса, — усмехнулся Кривоногий. — Я не хочу, чтобы ты пропустила какой-нибудь момент из предстоящей резни. У меня есть хороший наблюдательный пункт для тебя!

И снова быстро потащил ее по дороге.

Мужчины неловко хватали оружие, становились в шеренги, готовили катапульты для сбрасывания горящего масла через стены. Стрелки собрались на возвышенности.

По-прежнему грохот сотрясал землю. Тысяча барабанов не могли бы звучать более громко. Эрин больше не видела знамен, но она слышала звуки боевых труб, и доносившиеся до ее ушей, устрашающие и мелодичные одновременно, боевые возгласы людей Олафа.

— Пошли! — крикнул Фриггид, перекрывая шум.

Эрин кричала, спотыкаясь, но Фриггид тащил ее беспощадно. Через минуту она увидела деревянное возвышение на дальнем поле.

Эрин смотрела на сооружение с ужасом. Они прошли через низкие бревенчатые ворота и остановились на наклонной плоскости, которая вела к столбу для пыток. Эрин испугалась, когда поняла, что он намеревается привязать ее, и стала отчаянно бороться с ним на деревянном помосте. Она уже почти вырвалась, но он схватил ее за край рубахи, и Эрин повалилась назад. Он рывком поставил ее на ноги и сильно ударил по лицу. У нее закружилась голова, и она ощутила привкус крови.

— Без шуток, принцесса, или ты умрешь сейчас и не увидишь такого великолепного зрелища. А мне доставило много хлопот приготовить его для тебя.

Эрин ничего не ответила. Слезы застилали ей глаза, даже смерть казалась благом. Она

не могла выносить прикосновений ненавистного Фриггида.

Он обвил ее рукой за талию и вытащил на площадку. У Эрин по-прежнему кружилась голова, она едва держалась на ногах. У нее вырвался крик, когда он поднял ее руки за запястья высоко над головой и закрепил их крепкой веревкой. Он затянул веревку так сильно, что женщина почувствовала покалывание в руках, кровь почти не доходила до них.

Его стриженная борода приблизилась очень близко к ее лицу, губы касались ее уха, когда он зашептал:

— Волк-дурак, что пошел против меня сегодня. Дурак, что пришел из-за женщины. Но возможно, вы пропутешествуете в Валгаллу вместе.

Она попыталась улыбнуться, но только выше подняла подбородок.

— Храбрые речи для мужчины, который привязывает женщину к столбу, Фриггид Кривоногий. Храбрые речи для труса, который не встретится с Волком в рукопашной схватке один на один. Это потому что он сильнее, Фриггид, и потому что ты трус...

Фриггид прервал ее еще одним ударом по щеке. Она осела у столба, не упав на землю только лишь потому, что крепко была привязана.

— Молчать, принцесса, если не хочешь, чтобы я перерезал тебе глотку.

Эрин сглотнула, пытаясь подавить боль и подступавшую тошноту. Площадка закружилась у нее под ногами, а потом все снова начало принимать привычные очертания.

Она подняла голову.

— Умру я или нет, Фриггид, это не имеет значения. Ты не сможешь победить Норвежского Волка. Так же как ты никогда не победишь эту землю. Волк будет владеть Дублином, пока твой прах не развеет ветер...

— Это будет для тебя большим утешением, которое ты унесешь в могилу. Если бы ты не ошибалась. Ты умрешь, но сначала тебе доведется увидеть, как умрет Волк. Ты, я надеюсь, оценишь то потрясающее зрелище, которое я приготовил для тебя.

Она подняла глаза. Помост был установлен на небольшом холме; маленький бревенчатый забор окружал его на высоте полутора метров, а подъем, ведущий на платформу, возвышался над человеческими головами. Она могла видеть, что творится за лагерем и укреплениями: поля за защитными заборами датчан, войска, которые продолжали рваться в ворота.

Снова Эрин увидела могучего черного коня, который все приближался и приближался... И она увидела летящего к ней Олафа.

На мгновение она закрыла глаза. Он пришел, потому что любит ее? Потому что понял, что она нужна ему? Или потому что он был викингом, а она — его собственностью, и он не позволит ни одному человеку взять то, что принадлежит ему? Или потому что он ненавидит Фриггида сильнее, чем мог когда-нибудь полюбить ее; потому что он должен отомстить за Гренилде?

Это было не важно в такой решающий момент. Она могла закрыть глаза, но не могла уйти от шума разрастающейся битвы, боевые крики норвежцев и ирландцев перемешались и звучали, как песня, которая взвивалась вместе со звуками труб и раскатами барабанного боя.

«Будь осторожен, моя любовь», — думала она, и снова открыла глаза. Поля заполнены скачущими лошадьми. Ее муж, ее отец, ее кузен, ее брат... Лучшее, что есть у Ирландии. Она отдала себя за свою землю, но сейчас люди этой земли поднялись храбро, чтобы защитить саму Эрин.

— Я иду к войскам, моя Эрин, — усмехнулся Фриггид. Она смотрела, не мигая, в его

темные жестокие глаза.

— Ты будешь гореть в аду, Фриггид. Когда ты умрешь, ты не увидишь Валгаллы.

— Может, я и узнаю, что такое гореть в аду, Эрин, а ты узнаешь, что такое гореть на земле.

Он поклонился низко и ушел.

Она не поняла его намека; ее это не волновало. Она смотрела снова на поле битвы. Воины не замедлили темпа, когда приблизились к деревянной стене. Первые катапульты были взведены, и вопль ужаса вырвался из горла Эрин, когда веревки оказались перерубленными боевыми топорами и кипящее масло полетело через стену.

Она опять закрыла глаза, когда услышала страшные крики людей и лошадей. Стрелки, расположившиеся на валах, выпустили дождь горящих стрел на приближающихся воинов.

— О Боже! — закричала она в ужасе, когда глубокие тыквенные бутылки катапульт были наполнены снова. Она бешено пыталась справиться с ремнями, которые связывали ее запястья, но от ее попыток узлы только затягивались крепче. Она закрыла глаза, надеясь, что таким образом она не увидит полета кипящего масла.

Но ее глаза открылись, когда до нее донесся странный звук-показалось, что раскалывается земля. Она была изумлена: датская стена стала оседать.

Первым она увидела Олафа и почувствовала, будто ее сердце и весь мир замерли вместе со временем. Копыта черного коня ударялись в деревянные ворота, и те раскалывались под его тяжестью. Конь несся по воздуху вместе со своим седоком. Олаф во главе войск, его плащ и золотые волосы разметались с устрашающей величественностью, в чертах его лица видна непобедимость и беспощадность, его могучий меч вспыхивал и мерцал на солнце, когда он поднимал его высоко, и от его боевого клича-волчьего воя, в котором слышались гнев и жажда отмщения-раскалывалось небо. Он был великолепен. Он был все еще очень далеко, но все же Эрин верила, что он видит ее. Она была уверена, что видит синий ледяной огонь в его глазах, который был глубже океана, шире неба, и проникал прямо ей в сердце.

Но потом эта минута миновала. Черный конь разбил всю стену. Сотни других лошадей повалили на внутренний двор. Ужасающий звук лязганья стали поднялся, когда мужчины вступили в рукопашную схватку. Топоры обрушивались с жутким грохотом; летели стрелы с пылающими огнями.

Эрин задрожала и опустила глаза. Фриггид был глупцом. Она не могла выдержать зрелища этой резни. Датчанин не мог, думала она, с гордостью, возраставшей от любви и мук, когда-либо превзойти Волка. Но он угрожал ей с такой самоуверенностью. Неужели он и вправду думал, что его слабые деревянные стены смогут выстоять против мужчины, который привык иметь дело с камнем?

Она рванулась инстинктивно от ужаса, когда что-то просвистело около ее щеки. Приглядевшись, она увидела Фриггида за бревнами. Он держал в руках лук, длинная тетива еще дрожала. Повернув голову, Эрин посмотрела назад и тогда все поняла.

Бревна, которые окружали помост, были все в масле, и в них Фриггид пустил горящую стрелу. Дерево уже дымилось, охваченное пламенем.

— О Боже! — завопила Эрин. В бешенстве она снова пыталась развязаться, раздирая е кровь запястья. Она зарыдала, когда поняла, какую чудовищную смерть приготовил ей Фриггид.

Она слышала его смех, заглушающий грохот битвы. Возможно, он верил, что скоро умрет. Но умрет он или останется жив, он уже отомстил Волку, потому что Олаф ни за что

не успеет вовремя, чтобы спасти свою жену из огня.

— Салют, королева Дублина, принцесса Тары, — крикнул Фриггид. — Может быть, мы все встретимся на большом дворе Валгаллы!

Его лицо по-прежнему было искажено ужасной улыбкой, когда он повернулся к Эрин.

Огонь быстро охватывал сухие бревна забора. Скоро он охватит все вокруг нее.

«Олаф найдет Фриггида», — думала она неистово, пока ее обволакивал дым. И, возможно, он убьет его, зарубит его в ярости, как она и говорила Фриггиду. Но это будет слишком поздно. Слишком поздно для нее...

Она прекратила борьбу на мгновение, глядя на быстро распространявшийся огонь.

— Нет, — прошептала она, не в силах поверить. Но слова Фриггида преследовали ее: «... ты узнаешь, что такое гореть на земле...» — Нет! — завизжала она. Но ее глаза уже начали увлажняться. Дым пропитал воздух, ставший серым вокруг нее.

Она так выкручивала запястья, что содрала кожу, они были все в крови. Потом она опять обмякла на столбе, слезы текли у нее по щекам.

Она не будет мучиться от пламени, пыталась успокоить она себя. Она задохнется от дыма прежде, чем ее коснется огонь.

Это не так уж страшно-умирать. Если Бог на самом деле существует, ее брат Лейт, и Феннен, и Бриджит, и Брайан из Клоннтайрта встретят ее у небесных врат и проводят домой. Нет, это не слишком страшно — умирать, Но она молода, у нее впереди была вся жизнь. Жизнь с королем-воином, Повелителем Волков... Олафом. Она никогда не говорила ему, что любит его. Если бы только она могла сказать ему. Если бы только она могла побыть с ним еще раз...

Олаф высматривал только одного человека. Он расчищал себе дорогу среди людей, которые пытались вовлечь его в схватку. Он сидел на черном коне, обе руки были свободны, он направлял свою преданную лошадь одними коленями. В левой руке он высоко держал щит, правой-сжимал меч. Если Фриггид скрывается, он найдет его. Если он потеряет свой меч или щит, он встретит датчанина голыми руками.

— Волк!

Раздался крик. Олаф увидел, что Фриггид скачет к нему, чтобы сразиться. Мужчины стали расступаться. Они опустили топоры и мечи. Большая часть временных построек была охвачена огнем, но даже это не могло остановить неизбежного, когда двое воинов подъехали друг к другу на своих лошадях. Внезапно установилось что-то похожее на молчание. Все смотрели и ждали предстоящей битвы один на один, в которой должны были сразиться викинги-ярлы.

Они начали сближаться медленно, но уверенно, боевые кони, оба высотой в семнадцать ладоней, становились на дыбы, обезумевшие от запаха дыма и крови.

На расстоянии пяти корпусов они остановились, оценивая друг друга.

Сейчас раздастся лязг мечей, который прекратится не скоро. Это за Гренилде, думал Олаф, за Ирландию, за мир, которого он желал, за сына... Нет. Это все за Эрин. Она стала для него всем.

Фриггид был одет в свободную рубаху и доспехи. Олаф встретил его в ирландской рубахе и плаще, тоже в доспехах. Фриггид держал меч и щит, как и Волк. Его голова была защищена стальным шлемом, а лицо — забралом.

Олаф по-прежнему не носил шлема. Его обнаженная белая голова бросала вызов врагу.

— Это наш бой, датчанин. Твой и мой. Не веди свои войска на самоубийство, —

произнес Олаф спокойно. — Это сражение только между двумя викингами. — Да, — согласился Фриггид. — Это наш бой. Это всегда было так. Предначертано Одним. Но это не бой викингов. Ты превратился в ирландца, — фыркнул он с презрением.

Олаф передернул плечами.

— Может быть, датчанин. Но запомни, Фриггид, я взял Дублин, я пришел с тысячами воинов — ирландских воинов. Где моя жена, датчанин?

Насмешливая ухмылка появилась на лице Фриггида.

— Добыча переходит победителю, Волк. Вероятно, ты знаешь этот закон завоевателей.

— Тогда, — выпалил Олаф, — давай выясним, кто победит.

Грегори подал Олафу шлем и забрало. Олаф укрепил его на голове. Под блеском серебра были видны только его глаза; глаза, горящие гневом. Вдруг его верный конь взметнулся высоко, храпя и перебирая копытами в воздухе. Олаф откинул голову и испустил боевой клич.

Это был настоящий волчий вой, звук от которого холодило кровь, даже Грегори отступил назад в ряды мужчин, чувствуя, как нервная дрожь проникает в его кости. Датчане, казалось, тоже отступили.

Земля содрогнулась, когда черный конь опять ударил всеми четырьмя копытами, и потом ничего не стало видно, кромедвигающегося расплывчатого пятна, слышался только жуткий храп лошадей.

Олаф и Фриггид скрестили мечи. Оба остались на лошадях. Их боевые кони встали на дыбы.

Фриггид дрался как зверь. Этот поединок решал все — победа или поражение.

И хотя все слышали о гневе Волка, никто никогда не видел его сражающимся с таким неистовством. Он сражался с яростью человека, который много выстрадал. Он мстил за самое дорогое — за свою жену.

После первого взмаха мечом Олаф был сброшен с лошади. Он покатился по грязи, схватил свой щит и поднялся на ноги удивительно быстро и проворно. Фриггид, сидя на лошади, устремился к нему, желая одновременно нанести удар и растоптать. Но его удар не попал в цель. Олаф увернулся, схватив Фриггида за руку. Секундой позже оба воина оказались на земле и мгновенно вскочили на ноги, с ненавистью глядя в глаза друг другу. Крик Волка потряс небеса снова.

Мечи скрестились. Сталь разрубила доспехи Олафа и ранила его в руку, но он не почувствовал боли. Он взмахнул своим мечом снова, наступая на Фриггида и отбросил щит датского ярла в сторону. Рука Олафа задрожала от боли, когда его лезвие пронзило тело Фриггида до кости. Фриггид уставился на него, потрясенный. Он уронил свой меч и схватился за плечо и шею, где выступила кровь. Жизнь покидала Фриггида. Он упал на колени, по-прежнему не сводя изумленного взгляда с норвежца, как будто он никак не мог поверить, что проиграл сражение.

Олаф стоял, содрогаясь, над своим павшим врагом. Он видел сверкающие гневом глаза Фриггида. Опустившись на колени рядом с Фриггидом, Олаф схватил его за окровавленные плечи и встряхнул.

— Где моя жена? — прогремел его голос. Фриггид не отвечал. На едва различимых губах появилась улыбка.

— Где она? — прервал Олаф.

Фриггид указал глазами на задний двор.

Олаф отпустил плечи врага. Он не видел ничего, кроме деревянных построек лагеря, большинство из них было охвачено пламенем. Там было что-то вроде окруженного забором места, платформы, возможно, столб для пыток, но он тоже был в огне.

С земли донесся шорох, странный отзвук, похожий на шуршание сухих листьев зимой. Фриггид Кривоногий умер.

Один из датчан вдруг выступил вперед, положив перед ногами Олафа свой меч.

— Мы сдаемся тебе, Повелитель Волков. Нас мало, и мы не желали этой битвы, но были верны своему ярлу. Мы ничего не ждем, но просим пощады.

— Уйдите из Ирландии или принесите клятву Аэду Финнлайту, и вы будете помилованы, — сказал Олаф, оглядывая лагерь. — Я не хочу больше убивать. Я только ищущую свою жену.

Датчанин повернулся, проследив за взглядом Олафа. Печаль наполнила его глаза сверкающей влагой.

— Женщина... твоя королева...

— Говори! — прорычал Олаф дрожащим голосом. Мужчина поднял руку по направлению к столбу, охваченному огнем.

— Огонь, мой ярл. Если она еще жива, то все равно не доберешься до нее. Олаф из Дублина, поверь: мы не знали о планах Фриггидда; мы уважали ее, так как она была смелой женщиной...

Вой — низкий, холодящий души вой волка — раздался снова. Это был отчаянный стон раненого зверя.

— Нет! — завопил он опять, и потом все увидели, как он вскочил на своего коня и поскакал туда, где полыхал огонь.

Датчане, люди из Улстера, Тары и Дублина либо на лошадях, либо бегом последовали за ним. Он остановился перед бревнами, которые ярко горели, дым поднимался большими черными клубами. Ни один человек не мог смотреть на это.

И все же между охваченных огнем бревен просматривалась возвышающаяся площадка. Огонь еще не коснулся принцессы. Маленькие язычки пламени только сейчас начинали касаться наклонной деревянной плоскости, которая вела к столбу. Она привалилась к нему, ее лицо было скрыто сплошным облаком эбеновых волос, отливавшим индиго, как прекрасный шелк.

Волчьи крики прогремели в задымленном воздухе. Олаф взывал ко всем богам.

Он пришпорил черного коня. Конь встал на дыбы у огненной стены.

Эрин подняла голову и увидела множество всадников перед собой, но все они ничего не значили для нее. Она ждала только одного человека. Величественного гиганта на черном коне. И он был рядом. Его лицо закрывало забрало, и она могла видеть его глаза, их нордическую синеву. В них не было льда, они были похожи на летнее море в шторм, выражая боль и смятение. Она бредит? Она все это себе представила? Она снова и снова увидела его глаза, их стальной холод, и снова в них был лед.

Он не любил ее. Он пришел, потому что был завоевателем, потому что должен был отомстить за Гренилде, потому что был человеком, который никогда не отдает то, что принадлежит ему. Но точно так же, как она принадлежала ему, он принадлежал ей. Возможно, он не любит ее, но он жив! И он навсегда будет в ее бессмертной душе таким, каким она увидела его. Более сильный, более величественный, чем смертный человек. Он был Золотым Богом. Если он когда-нибудь потерпит поражение, то будет править над всеми

людьми даже в зале Валгаллы, неповторимый в своем могуществе и великолепии.

Она улыбалась, потому что видела его, потому что он жив, потому что она всегда знала, что он неукротим...

Черный конь встал на дыбы, бешено храпя и молотя копытами. Тишина воцарилась над землей, все собравшиеся воины затаили дыхание. Только ржание раненого животного звучало в мертвенной тишине. Время остановилось в ожидании.

И потом черный конь помчался галопом. Ближе, ближе стена огня. Всадник наклонился к голове лошади, слившись с ней, шепча и подбадривая.

Они приблизились к помосту и разом пронеслись над пылающими бревнами. Олаф не колебался. Он видел платформу, видел, как быстро распространяется пламя. Он направил лошадь на наклонный деревянный настил, который вел к площадке. Эрин увидела его, и ее глаза расширились от изумления. Олаф хотел заставить коня вспрыгнуть на настил и подъехать к площадке. Он не сможет этого сделать, думала она, потому что деревянный настил, безусловно, не выдержит веса лошади.

Но Олаф явился. Дерево настила расщеплялось и рушилось, но копыта жеребца уже были перед ее глазами.

И Олаф добрался до нее. Он стоял рядом. Она подняла голову, глаза цвета арктического неба сверкнули под забралом. Эрин увидела, как он поднял меч, и на мгновение испугалась, представив, что он поборол огонь только для того, чтобы прикончить ее. Но лезвие его меча обрушилось на узлы, и веревки упали на площадку.

Эрин почувствовала, как ее подняли вверх, прежде чем она коснулась дерева. Лошадь от потрясения становилась на дыбы и храпела, когда Олаф притянул Эрин в седло и посадил впереди себя. Ее зубы стучали. Олаф, должно быть, сумасшедший. Лошадь могла каждую секунду провалиться, и они были бы окружены стеной огня.

На какие-то секунды конь заартачился, бешено дернув поводья, а потом присел на мускулистых задних ногах и спрыгнул с платформы. На мгновение Эрин показалось, что они летят, но они тут же с грохотом приземлились. Жеребец подскочил и возмущенно заржал. Олаф крепко прижал Эрин к груди, закованной в кольчугу. Огонь высоко поднимался вокруг них. Как они смогут выбраться? Сколько пройдет времени, прежде чем могучее животное и они сами сдадутся охватившей их огненной стихии?

Муж смотрел на нее своими синими глазами, она была в его руках, и она не хотела умирать. Она хотела жить, понимать его, чувствовать его, лежать с ним рядом, с нежностью прикасаться к нему. Она хотела, наконец, сказать ему, как любит его, своего повелителя-викинга, что она любит его независимо от того, что он никогда не мог полюбить ее, так как его сердце было в Валгалле с другой — золотой красавицей.

— Олаф, — прошептала она и задыхнулась, произнеся его имя, едва слыша свой голос в треске и шуме полыхающего огня.

— Не разговаривай, — приказал он резко. — Задержи дыхание.

Она сделала, как он велел. Сейчас или никогда! Он пришпорил коня и направил его в огонь.

Все смотрели на них не дыша — ирландцы, норвежцы, датчане.

И вдруг это произошло. Могучий черный конь появился, его передние ноги пронеслись по воздуху, высоко над огнем. Он взмыл в небо подобно восьминогому коню Одина. Он летел над огнем. Он вынес на своей спине норвежского короля Дублина и его ирландскую жену из огня. Он вынес их в жизнь.

Радостные, восторженные крики приветствовали Олафа, но он не остановился. Огонь и дым все еще поднимались высоко. Он подтолкнул своего коня и вывел его из окружающего моря людей, заставив перемахнуть через разрушенную защитную стену, и они пустились по долине и дюнам к сосновой роще.

Эрин дрожала, сидя впереди Олафа. Она выбралась из адского огня в холод зимнего дня. Олаф крепко держал ее в седле, и она чувствовала тепло мужчины, который только что рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее.

В сосновой роще он удобно усадил ее. Эрин пошатывалась, и пока она не обрела равновесие, он держал ее, внимательно рассматривая ее испачканное в саже лицо.

— Кажется, ты серьезно не пострадала, — сказал он. Потом, к ужасу Эрин, он отпустил ее, отвернулся и зашагал обратно к жеребцу.

Какое-то время она смотрела мужу вслед, ее сердце, казалось, замерзло от зимнего воздуха. Нет, она не могла позволить ему уйти. Она должна окликнуть его. Эрин осталась жива, и теперь она знала, какой хрупкий и нежный подарок — жизнь. Ее руки протянулись к нему, дрожа, как листья на ветру. Она с такой мольбой произнесла его имя, что Олаф остановился, чувствуя, как кровь забурлила в его жилах. В звуке ее голоса он услышал то, чего так долго ждал. Он постоял несколько секунд, не двигаясь, затем заставил себя обернуться.

Он видел ее простертые руки, видел слезы, которые текли тихими ручейками по ее щекам, смывая грязь и сажу.

— Я... люблю... тебя, — прошептала Эрин. Слова были сказаны одними губами, и все же он слышал их. — Я знаю, что ты всегда будешь любить Гренилде, и я хочу только того, что ты можешь мне дать...

У Олафа вырвался крик и двумя большими шагами он подошел к ней, заключил ее в свои объятия, лаская и глядя нежно, держа ее так, будто она была цветком, хрупким и нежным под его касаниями.

— Эрин...

Казалось, ветер подхватил его шепот, и она закрыла глаза, дрожа от счастья в его объятиях. Время шло, но не могло завладеть ими, пока они стояли, чувствуя, что их любовь дала им новые силы, наполняя своей теплотой.

Олаф отступил, и Эрин увидела, что слезы, словно бриллианты, сверкали в его глазах. Его губы снова на короткое мгновение припали к ее губам так нежно и легко, как крылья бабочки. Потом он внимательно посмотрел на нее, откинув назад ее волосы, уверившись, что она не ушиблась и ничего не повредила.

Казалось, сердце Эрин билось в ее горле, когда она, задыхаясь от волнения, попыталась заговорить.

— Я никогда не предавала тебя, мой лорд... никогда. Это Фриггид сбил меня с пути в тот день, когда мы встретились с оружием в руках на скалах. — Слезы капали на ее щеки, когда она добавила с горечью и болью:

— — Фриггид мертв сейчас, и он не может подтвердить мои слова. Я по-прежнему не имею доказательств... но я никогда не думала предавать. Я хотела только спасти нашего сына, так как он часть тебя, и его потерю я бы не вынесла.

— Тихо, моя любовь, тихо, — шептал Олаф, сильнее прижимая ее к себе. — Я знаю...

— Я никогда не думала делать этого, Олаф, я презираю датчан, и я была напугана. Но Фриггид хотел убить тебя, он бы зарезал Лейта на твоих глазах и потом бы убил тебя.

— Тихо, — прошептал снова Олаф и сжал ее еще крепче, еще нежнее, защищая от холодного ветра. Под дуновениями свежего ветра Эрин наслаждалась его объятиями и, наконец, заговорила снова.

— Ты веришь мне, мой лорд? — прошептала она, у нее опять перехватило горло.

— Да, ирландка.

— Но у меня нет доказательств...

— Я люблю тебя, ирландка, — прервал он ее нежно, — и поэтому я боялся судить... пристрастно.

— Скажи мне это еще, мой лорд.

— Я боялся поверить, поверить словам женщины, которые могли оказаться не правдой.

— Нет, мой лорд! — возразила Эрин, отпрянув от него. — Не то! Скажи мне другое.

Он улыбнулся, в нежном изгибе его губ сияло солнце.

— Я люблю тебя, ирландка. Уже давно. Но было очень трудно любить разъяренную фурию, ненавидящую викинга.

— О, Олаф! — шептала Эрин, опять придвинувшись ближе, чтобы прислониться щекой к его груди. Кольчуга была холодной и жесткой, и она ощущала это своей нежной кожей, но даже через кольчугу Эрин могла чувствовать тепло его тела и биение сердца. — Я так боялась... и это правда, я не хотела любить викинга, но это случилось, мой лорд, я полюбила Волка...

В глазах Эрин стояла боль. Она снова пыталась заговорить, но он перебил ее.

— Эрин, в моем сердце и в моей памяти всегда останется любовь к Гренилде, но эта любовь подобна той, что ты испытываешь к своему погибшему брату. Это не имеет ничего общего с любовью, которую я испытываю к тебе. Ты наполнила собою мою жизнь и мое сердце, моя изумрудная красавица. Ты очаровала меня с первого взгляда, задолго до того, как я понял, что ты взяла мое сердце своими хрупкими руками. Ты околдовала меня своим совершенством, и я уже не мог прикоснуться к другой женщине. Но ты презирала меня так сильно и так ясно давала это понять.

— Так ясно давала понять! — воскликнула Эрин, слабо улыбаясь сквозь слезы, которые по-прежнему застилали ей глаза. — С таким трудом давала понять, мой лорд! К моему стыду, я была как мягкая глина в твоих руках, я жаждала их касаний. — Она остановилась на мгновение, ее губы дрожали, и в ее голосе слышался трепет.

— Моя ирландка, никогда, никогда с той минуты, как ты произнесла мое имя, с той минуты, когда я смог поверить, что ты можешь полюбить викинга, и из всех викингов — Норвежского Волка, я не переставал любить тебя. — Он усмехнулся. — Викинги горды, моя любовь, как и ирландские принцессы.

Нежный смех пронесся в воздухе как мелодия, которая была прекрасной песней изумрудной Ирландии. Теплота этой мелодии наполнила Олафа, и он смотрел на свою принцессу с величайшей нежностью, заметив, что боль постепенно исчезала из ее глаз, и они обрели привычное выражение.

Исцеление, наконец, началось; они избавились от прошлого и похоронили страдания. Была зима, а впереди — весна и еще много счастливых цветущих весен.

Олаф поцеловал ее в лоб.

— Пошли, моя любовь. Твой отец безумно хочет видеть тебя. И Григори, и Брайс...

— И Лейт! — перебила Эрин. — О, Олаф! Я так скучала по нему. Я ужасно хочу увидеть его. Взять его...

— О нашем сыне хорошо заботятся самые добрые руки, — сказал Олаф тихо. — Но нам предстоит долгая дорога домой, и пора отправляться.

Он взял жену на руки и посадил на могучего черного коня, потом легко вспрыгнул сам. Они молчали, пока ехали к лагерю, они были счастливы. Эрин улыбалась, прильнув к его широкой груди и сильным рукам, мечтая о своем.

Олаф не упал на колени, не умолял ее о прощении. Но это было не важно, так как он признался в своей любви гораздо красноречивее, чем она могла ожидать. Он был Норвежским Волком и Волком из Дублина, думала она гордо.

Они остановились перед остатками датских укреплений. Эрин обернулась и увидела, что Олаф задумчиво смотрит вперед.

— Что такое, мой лорд? — спросила она тихо. Она почувствовала, что его руки обхватили ее еще крепче.

— Я только что думал о словах старого друида, моя любовь. Он очень мудрый человек. Моя душа снова вернулась ко мне, и не потому что датчанин мертв, а потому что ты подарила мне жизнь.

Олаф стоял перед очагом, глядя на сцену в большой зале, легкая улыбка окрасила его мужественное лицо.

Рождество Христово в этом году Ард-Риг со всей семьей праздновал в Дублине, считая, что Эрин не должна больше путешествовать с тех пор, как она испытала так много страданий в течение двух полных лун, которые миновали со дня рождения его внука.

Так королевская резиденция из камня и извести познала теплоту и веселье, каких раньше не видывала. Ирландцы старались объяснить значение этого праздника норвежцам, которые время от времени посылали молитвы Одину, чтобы он простил их и избавил от наставлений, так как желали больше всего поскорее сесть за стол.

Сам Ард-Риг отчаянно спорил с Сигурдом, который внутренне протестовал, но, в конце концов, смирившись, надел христианский плащ.

Маэве не обращала внимания на веселье в зале и занималась Лейтом, так как Эрин, как хозяйка, была занята гостями. Брайс и Эрик, как обычно, говорили о лошадях, а Беде следила за ребенком Гвинн, Патриком, начинающим ходить, чтобы Гвинн передохнула немного и посидела со своим мужем.

Это дом, думал Олаф, действительно родной дом.

— Ты печален, лорд Олаф.

Он повернулся, подняв бровь, и увидел человека, который обращался к нему.

— Нет, не печален, Мергвин, — сказал он. — Я только считаю подарки богов.

Мергвин таинственно улыбнулся, и на его обветренном лице появились мелкие морщины.

— Я снова читал твои руны, лорд Олаф.

— Да? — переспросил Олаф, устало улыбаясь. Он научился не сомневаться в мудрости друида.

— Да, читал. Дни твоих завоеваний прошли, Повелитель Волков.

Улыбка Олафа стала шире.

— Это, старец, не слишком великое откровение предсказателя судьбы. У меня есть то,

чего я желал, и я не хочу идти дальше.

Мергвин опустил глаза и, когда снова поднял их, они стали серьезными и мудрыми.

— Ты прекратишь свои вторжения, Повелитель Волков. Но ты не сможешь положить конец потокам тех завоевателей, которые жаждут новых земель и придут на эти берега.

Олаф сглотнул, у него защемило сердце.

— Ты говоришь мне, друид, что сюда придут люди, и я ничего не смогу сделать? Что я не имею никакого влияния на этой земле?

— Нет, Повелитель Волков, — сказал спокойно Мергвин. — Я говорю только, что ты не сможешь изменить то, что предначертано в будущем. Ты останешься сильным и долго будешь жить в здравии, твои дети вырастут тоже сильными. Круг замкнулся для тебя, Повелитель Волков. Пришло время пожинать урожай, произрастать и плодиться. Ты окончил свои войны и обрел мир. У тебя действительно есть то, что ты искал.

Взгляд Олафа устремился мимо друида. Сверкающая нордическая синева коснулась его жены, которая грациозно прошла в залу из кухни. Она была в зеленом сегодня. Прекрасном темно-зеленом. Цвет одежды гармонировал с ее глазами и противостоял роскошным волосам цвета полночи, этому спадающему каскаду эбенового шелка, украшенного изумрудами. Но драгоценные камни были ничто по сравнению с ее глазами, которые она устремила на него, как будто почувствовав его взгляд.

Мергвин увидел, как она нежно, с любовью, улыбнулась Олафу. Бушующая буря страсти всегда рождалась между ними, такими сильными, такими гордыми и такими мудрыми.

— Извини, друид, — прошептал Олаф, и поднялся на встречу жене.

Мергвин сел у очага, он снова улыбнулся, когда увидел, как величественный король Дублина подошел к своей ирландской принцессе. Вокруг них установилась аура, думал Мергвин. Аура золота, солнца, власти и силы.

Он вдруг засмеялся. А мир? У них не будет абсолютного согласия, Они будут постоянно спорить все годы, их характеры так же сильны, как и их страсть! Но в основе их отношений всегда будет любовь, такая же верная и сильная, как земля и холмы.

Вековые морщины на его худом лице углубились, пока он продолжал смотреть на королевскую чету. Золотой викинг в своем темно-малиновом плаще наклонил голову и зашептал что-то зеленоглазой красавице, смотревшей на него изумрудным взором, в котором горела страсть. Она прошептала что-то в ответ, потом оба оглядели залу, где все казались радостными и довольными, беззаботно проводящими этот зимний вечер. Они снова посмотрели друг другу в глаза, смелый сияющий синий и глубокий чувственный изумрудный, и потом, как странствующие влюбленные, они соединили руки и ушли от своих веселящихся гостей, направляясь к лестнице. Волк взял свою принцессу на руки и понес наверх. Мергвин все еще смотрел на них и видел, как нога Олафа захлопнула тяжелую деревянную дверь за ними.

— Ах, Норвежский Волк! — улыбнулся друид. — Ты на самом деле стал ирландцем! И в будущем ты почувствуешь это еще сильнее.

— О чем ты бормочешь, старина?

Мергвин улыбнулся своему давнему другу, Аэду Фин-нлайту.

— Ты опять настроен спорить, Ард-Риг? Уверяю тебя, что прежде, чем наступит следующее Рождество, ты будешь держать на своих руках второго норвежского внука.

Ард-Риг проследил за взглядом Мергвина.

— Я приму это к сведению, друг друид.

Аэд помолчал минуту, продолжая смотреть в сторону лестницы, потом перехватил взгляд друида и моргнул.

— Прежде чем наступит следующее Рождество, я буду держать на своих руках следующего ирландского внука!

Мергвин засмеялся. Он поднял бокал эля.

— Как скажешь, Ард-Риг! Как скажешь!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Эйре — древнее название Ирландии.

Гриан — солнце (ирл.)

Брегон-каста, привилегия которой-знание законов и умение их применять.